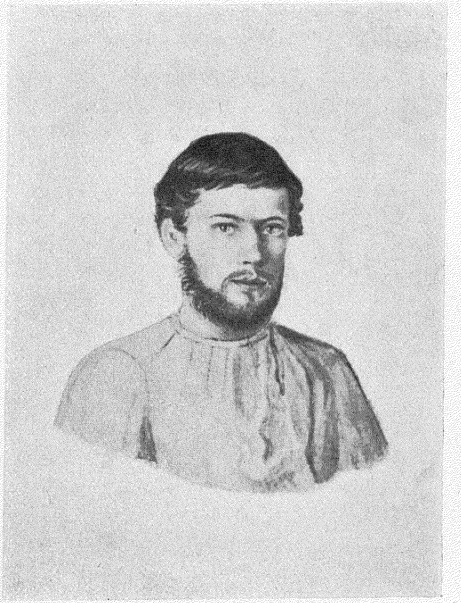
„Прош

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА

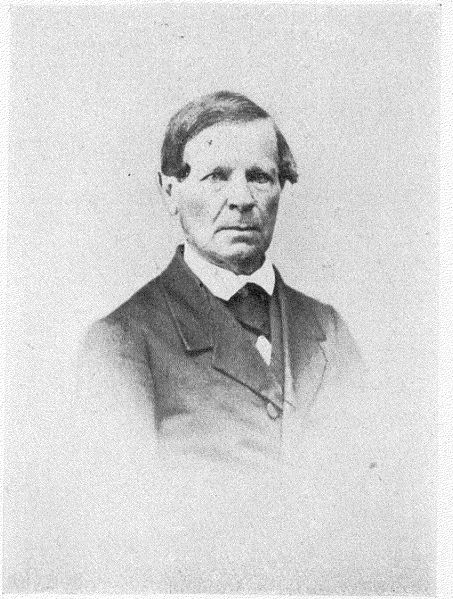
Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

Томъ II.

MÜNCHEN 1904
VERLAG DR. J. MARCHLEWSKI & CO.



Д. И. Завалишинъ
въ каземате.



Д. И. Завалишинъ

послѣ ссылки.

„Пров 49“

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА

Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

МÜNCHEN 1904
VERLAG DR. J. MARCHLEWSKI & CO.

„Пров 40“

Vom Manuskript gedruckt.
Alle Rechte vorbehalten.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
3960
25

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Здѣсь я приступаю къ изложенію тѣхъ событій, которыя служили какъ-бы продолженіемъ политическаго движенія въ Россіи и во многомъ послужили къ его разъясненію. Я разумѣю подъ этимъ все, что произошло и выказалось въ казематѣ въ Сибири, гдѣ мы всѣ были соединены на все время, пока считался намъ срокъ работы. Впрочемъ, для связи съ предшествовавшими событіями я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ и дополнить разсказанное о содержаніи насъ въ Петропавловской крѣпости и обо всемъ, происходившемъ съ нами въ комитетѣ, изложеніемъ какъ всего, что происходило лично со мною, такъ и того, чего я снова былъ уже личнымъ свидѣтелемъ.

Новый Государь былъ сильно предрасположенъ въ мою пользу, вѣроятно, потому, что по блестящей рекомендаціи со всѣхъ сторонъ, считалъ меня необходимымъ для дѣла обновленія флота и нужнымъ для содѣйствія къ воспитанію единственнаго еще въ то время своего сына и наслѣдника, которому считалось поэтому тогда необходимымъ сообщить достаточныя свѣдѣнія и по морской части. Говорили, что впослѣдствіи Государь очень

сердился на меня за то, что будто бы я обманулъ его при первомъ нашемъ свиданіи. Совершенно несправедливо. Я не сказалъ ему ни одного слова неправды: и если онъ чѣмъ былъ обманутъ, такъ развѣ собственнымъ желаніемъ видѣть меня непремѣнно на его сторонѣ, что и заставило его въ разговорѣ со мною совсѣмъ даже не касаться дѣла тайныхъ обществъ и стараться ослѣпить меня блестящею будущностью и возможностью быть полезнымъ отечеству, чтобъ тѣмъ привязать меня къ себѣ. Дѣло было такъ: Государь зналъ меня лично, еще бывши великимъ княземъ, и съ первой минуты, какъ узналъ, всегда слышалъ обо мнѣ самые блестящіе отзывы во всѣхъ отношеяхъ. Онъ зналъ, что я уже занималъ мѣста не по лѣтамъ и не по званію, и самъ видѣлъ меня на подобномъ мѣстѣ, когда пріѣзжалъ съ покойнымъ братомъ своимъ провожать насъ въ походъ вокругъ свѣта. Вслѣдъ затѣмъ къ нему поступилъ въ адъютанты младшій братъ Лазарева, когда Николай Павловичъ былъ еще великимъ княземъ. Отъ него то зналъ Государь обо мнѣ все, что передавалъ Лазареву братъ его Михаилъ Петровичъ, съ которымъ я былъ въ походѣ вокругъ свѣта, и слышалъ также о моемъ предложеніи о присоединеніи Калифорніи и пр. — Все это въ высшей степени интересовало его. Кромѣ того, въ то время въ бумагахъ, привезенныхъ изъ Таганрога, найдено было и письмо мое къ покойному Императору, гдѣ я убѣждалъ его возвратиться на прежній либеральный путь, предсказывая ему въ противномъ случаѣ неминуемую опасность. Наконецъ, важно для объясненія нашего перваго свиданія и то обстоятельство, что показаніе, по которому я былъ арестованъ, было сдѣлано однимъ только Александромъ

Бестужевымъ въ валовомъ, такъ сказать, спискѣ или гуртомъ и ничего болѣе не содержало, какъ только простое упоминаніе, что и я былъ въ числѣ членовъ Сѣвернаго общества.

Меня привезли изъ Симбирска прямо въ Зимній дворецъ къ дворцовому коменданту. Здѣсь произошелъ одинъ случай, имѣвшій забавное окончаніе на другой день. Когда фельдъ-егерь подалъ мою саблю дежурному плацъ-адъютанту, то этотъ, взявъ ее, сталъ тянуться изо всѣхъ силъ, чтобы поставить ее подальше въ кучу другихъ сабель и шпагъ, стоявшихъ за перегородкой. Надо сказать, что этотъ плацъ-адъютантъ былъ что называется «изъ хамовъ», т. е. выслужившихся изъ простого званія не заслугами, а разными низкими дѣлами. Я зналъ его еще унтеръ-офицеромъ морской артиллеріи и зналъ притомъ, какъ порядочнаго негодяя. Когда его произвели въ офицеры, онъ женился на дѣвкѣ коменданта Башуцкаго и сдѣланъ былъ дворцовымъ плацъ-адъютантомъ. Видя его усилія запрятать мою саблю подальше, я сказалъ ему смѣясь, что напрасно онъ это дѣлаетъ, что тѣмъ приготовляетъ себѣ только новый трудъ, такъ какъ ему скоро придется опять тянуться, чтобы доставать ее.

«Нѣтъ, ужъ извините,» сказалъ онъ мнѣ, смотря на меня съ какимъ-то торжествомъ, «чья сабля или шпага разъ попалась сюда, уже не возвращается: не было еще примѣра.»

«Ну такъ будетъ,» возразилъ я, и на вопросъ: «Не нужно ли видѣть коменданта?» сказалъ, что нѣтъ, а отправился въ отдѣльную комнату въ ожиданіи, пока позовутъ къ допросу. Я былъ сильно утомленъ быстрою ѣздою, и, находясь въ совершенномъ спокойствіи духа, какъ готовый на все, очень

былъ расположенъ заснуть, но, видя большое желаніе охранявшаго меня конно-гвардейца вступить со мною въ разговоръ, сталъ охотно съ нимъ разговаривать: «Вѣдь вотъ, Ваше Высокородіе,» сказалъ онъ мнѣ, «кажись вы меня и не помните, а я васъ часто видалъ у Александра Ивановича (князя Одоевскаго). Въ одномъ эскадронѣ съ нимъ былъ, хаживалъ къ нимъ часто и въ домъ. Добрый былъ баринъ, да и всѣ вы были, должно быть, добрые. Пожалѣли и насъ, да и во всѣхъ то полкахъ говорятъ о васъ, сожалѣючи.»

«Такъ отчего же вы къ намъ не пристали? Вѣдь мы не столько за свое, сколько за ваше дѣло шли. Сами знаете: у насъ все было, хоть бы у Александра Ивановича, — себѣ искать нечего. Хотѣли добра вамъ и народу.»

«То-то и есть, баринъ. Не даромъ говорятъ, локоть и близко, да не укусишь. Раскусили, да поздно. Теперь солдаты и говорятъ, кабы стали всѣ на одну сторону, то разомъ со всѣми нѣмцами бы покончили; и воля бы была, и службу бы уменьшили. Да что тутъ толковать,» сказалъ онъ, махнувъ рукою, «прошлаго не воротишь. А вы бы, баринъ, себѣ кушать спросили, а то иной разъ и за полночь къ допросу водятъ — долго будетъ ждать. Тутъ можно спрашивать, коли кто спроситъ, подадутъ закусить.»

Я сказалъ, что мнѣ ѣсть не хочется, а хочется спать.

«Ну, такъ прилягте маленько,» и пока я устраивалъ себѣ на диванѣ, какъ бы лечь поспокойнѣе, онъ продолжалъ: «А вѣдь, баринъ, не въ укоръ будь сказано Александру Ивановичу, и все же вѣдь не мы виноваты, что дѣла вашего не знали. У насъ въ полку не то, что въ морской гвардіи, или

примѣрно въ Московскомъ полку — офицеры наши мало толковали съ нами.»

Затѣмъ я задремалъ, но ровно въ полночь меня разбудили и потребовали къ Государю.

Въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя снималъ первые допросы Левашевъ. Онъ былъ человѣкъ мнѣ знакомый и ко мнѣ расположенный. Для меня, разумѣется, важнѣе всего было знать, отъ кого сдѣланы были на меня показанія. Если это было отъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, то ясно было, что спасеніе для меня невозможно: если же отъ кого либо другого, то дѣло поправить еще было можно. Умышленно или нѣтъ, но только Левашевъ посадилъ меня такъ, что мнѣ очень удобно было прочесть лежавшую на столѣ бумагу, гдѣ довольно крупно было написано: «Показаніе Александра Бестужева о принадлежаніи къ сѣверному обществу лейтенанта Завалишина.»

«Ну вотъ,» сказалъ мнѣ Левашевъ, «давно-ли мы разстались, а сколько событій, и какихъ важныхъ. Я не могъ скрыть отъ графа (Остермана), что и за вами послано; онъ очень огорченъ, даже, кажется, сильнѣе, чѣмъ былъ арестомъ Голицыныхъ. Жаль, жаль. Испортили дѣло. А, кажется, самъ Государь расположенъ былъ дать конституцію въ свое 25-лѣтіе.»

Я улыбнулся.

«Что, не вѣрите?» сказалъ онъ, также улыбаясь.

«И вѣрно Аракчеевъ былъ бы конституціоннымъ министромъ?» замѣтилъ я.

«Тс,» сказалъ онъ, указывая пальцемъ на дверь кабинета. «Однако, займемся дѣломъ. Вы арестованы на основаніи показанія, что и вы были членомъ Сѣвернаго общества.»

«Никогда имъ не былъ,» сказалъ я твердо.

«Вы можете это доказать?»

«Не мое дѣло это доказывать,» отвѣчалъ я, «а пусть тѣ, кто говоритъ, что я былъ членомъ Сѣвернаго общества, докажутъ это.»

Левашевъ пошелъ къ Государю, и минуты черезъ двѣ пріотворивъ дверь кабинета, далъ мнѣ знакъ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Я былъ въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ привезенъ. Войдя, я подошелъ къ столу, у котораго сидѣлъ Государь, и просто поклонился. Онъ всталъ и, отвѣтивъ на поклонъ, сдѣлалъ два шага навстрѣчу мнѣ.

«Я очень много слышалъ о васъ хорошаго. Надѣюсь, что не будетъ недостатка въ случаяхъ употребить съ пользою ваши способности. Вы писали къ покойному императору?»

«Да. Послѣ того, что я писалъ къ нему изъ Лондона, я считалъ своею обязанностью не скрывать отъ него опасности, къ которой вело послѣднее направленіе Арак.....»

«Не будемъ поминать прошедшаго,» прервалъ меня Государь на половинѣ слова, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобъ я не договаривалъ ненавистной ему фамиліи бывшаго временщика. «Поговоримъ лучше о настоящемъ и будущемъ. Я вѣрю вашему патріотизму, слышалъ о вашемъ поступкѣ въ Бразиліи и надѣюсь, что вы будете изъ числа тѣхъ, которые не будутъ раздѣлять въ мысляхъ своихъ Государя отъ отечества.»

Я рѣшился было смѣло сказать ему, что это будетъ отъ него зависѣть, но онъ не далъ мнѣ говорить и продолжалъ:

«Теперь уже поздно. Изложите ваши идеи о флотѣ и по другимъ предметамъ, о чемъ найдете нужнымъ, и завтра представьте мнѣ лично вашу записку въ 6 часовъ вечера. А вы,» сказалъ

онъ, обращаясь къ Левашеву, «дайте знать адмиралу Сенявину, чтобы и онъ въ этотъ же часъ былъ у меня. Вы свободны,» сказалъ онъ опять мнѣ. «Я сейчасъ отдамъ приказаніе. Стало быть до свиданія,» заключилъ онъ, кивнувъ головою. Онъ впрочемъ, кажется, дожидался, что я буду благодарить его, но я поклонился также просто, какъ и при входѣ и направился изъ кабинета. *„Beaucoup de franchise et d'assurance,“* сказалъ Государь Левашову. Что я не ослышался, это подтвердилъ мнѣ Левашовъ, выйдя вслѣдъ за мною изъ кабинета.

Вотъ все, что происходило въ этотъ день между мною и государемъ, и изъ этого совершенно вѣрнаго разсказа видно, что никакого обмана тутъ быть не могло. Не могъ же я выступить самъ собою съ непрошенными разсказами о томъ, о чемъ меня вовсе не спрашивали, а что я не былъ членомъ Сѣвернаго общества — это я сказалъ справедливо.

Левашевъ передалъ мнѣ, что Государь мною очень доволенъ и что намѣренъ извлечь всю возможную пользу изъ моихъ знаній и способностей.

«Но что мы будемъ дѣлать теперь,» сказалъ онъ, «и безъ того ужъ очень поздно, а еще надобно исполнить кое-какія формальности. Вамъ надобно отправиться съ повелѣніемъ объ освобожденіи васъ къ начальнику главнаго штаба и поэтому придется потомъ переночевать гдѣ нибудь здѣсь.»

«Мнѣ все равно,» сказалъ я, «гдѣ бы ни ночевать, только бы поскорѣе лечь.»

Онъ ту же минуту написалъ бумагу и, даже не запечатавъ ее, отдалъ фельдъ-егерю, и мы отправились къ Дибичу. На бѣду Дибичъ еще не пріѣзжалъ изъ слѣдственнаго комитета; въ ожиданіи его, я сѣлъ у него въ гостиной на диванъ и крѣпко заснулъ. Въ просонкахъ слышу, что кто-то держитъ

меня за руку. Открываю глаза, предо мной стоитъ Дибичъ.

«Извините, генералъ,» сказалъ я ему, «я очень усталъ съ дороги, и, ожидая васъ, заснулъ.»

«Ничего, ничего,» сказалъ онъ по обыкновенію своему скороговоркой. «Я очень радъ, очень радъ. Поздравляю васъ. Государь велѣлъ васъ освободить.»

«Очень благодаренъ,» сказалъ я ему, «да куда я теперь пойду? Нельзя ли переночевать здѣсь гдѣ нибудь?»

«Радъ бы помѣстить васъ у себя,» отвѣчалъ онъ, «да знаете, я живу очень тѣсно. Ахъ, да. Я напишу дежурному генералу; только перейти черезъ площадь, у него найдется мѣсто.»

Отправились къ дежурному генералу, — опять бѣда. И того нѣтъ дома. Тутъ ужъ я просто улегся на диванѣ, а фельдъ-егерь присѣлъ на стулѣ. Вдругъ слышно, подкатила какая-то легкая повозка, и вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ фельдъ-егерь съ портфелемъ подъ мышкою.

«Что это?» сказалъ онъ, увидя меня, лежащаго на диванѣ. «Нынче ужъ позволяютъ себѣ ложиться у дежурнаго генерала. Вотъ до чего дожили,» продолжалъ онъ, глядя на меня и полагая, вѣроятно, что меня привезли къ дежурному генералу для отправленія въ крѣпость.

«Что вы, что вы,» закричалъ ему провожавшій меня фельдъегерь. «Вѣдь ихъ велѣно освободить.»

«Ахъ, извините,» сказалъ тогда тотъ, обращаясь ко мнѣ. Въ эту минуту вошелъ и Потаповъ и, выслушавъ отъ меня въ чемъ дѣло, сказалъ своему фельдъ-егерю дурака, и самъ проводилъ меня въ боковую комнату, приказавъ постлать мнѣ постель. Я заснулъ сію же минуту, и, вставъ въ 6 часовъ,

тотчасъ отправился на свою квартиру въ домъ Остермана.

Я зашелъ къ Остерману, который притворился очень на меня сердитымъ, но я видѣлъ, что внутренне онъ былъ очень радъ, и потому не выдержалъ долго своего тона и сталъ разсуждать со мною по прежнему. Вообще вѣсть о моемъ освобожденіи произвела непритворную радость и между начальниками, которые очень мною дорожили, и между родными и знакомыми, которые всѣ меня любили. Такія важныя дамы, какъ Катерина Александровна Архарова и Катерина Ларіоновна Васильчикова, никуда ужъ почти не выѣзжавшія, не выдержали, и пустились разъѣзжать по городу и развозить вѣсть о моемъ освобожденіи и, не будучи въ состояніи всходить на лѣстницу, подъѣзжали только къ знакомымъ домамъ и посылали сказать о томъ. К. А. Архарова была еще въ постели, когда ей принесли мою записку. Она тотчасъ встала и побѣжала къ дочери своей, графинѣ Соллогубъ, жившей съ ней въ одномъ домѣ. Въ Москвѣ происходило то же: и Иванъ Николаевичъ Тютчевъ, подъѣзжая съ радостнымъ извѣщеніемъ къ дому Михаила Львовича Толстого и завидя хозяина въ окошкѣ, до того увлекся, что, закричавъ: «Нашъ Дмитрій свободенъ», бросилъ шапку свою вверхъ, но вмѣстѣ съ шапкой сорвалъ съ головы своей и парикъ.

Воротясь отъ Остермана въ свою комнату, я написалъ только нѣсколько коротенькихъ записокъ, и, отправя своего деньщика развезти ихъ, самъ сѣлъ за составленіе записки для государя, что разумѣется было для меня главнымъ дѣломъ въ этотъ день. Всѣ мѣры, которыя я хотѣлъ предложить, были слишкомъ давно мною обдуманы и тверды въ моемъ убѣжденіи, и потому составленіе записки не представило

мнѣ особеннаго труда. Я написалъ ее прямо набѣло и очень скоро, поставивъ эпиграфомъ: „*Le trident du Neptune est le sceptre du monde*“. Главная идея, которую я проводилъ, состояла въ томъ, что при извѣстныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ матеріальную часть можно завести всегда скоро, — но что необходимо позаботиться своевременно о такихъ вещахъ, которыхъ развитіе зависитъ отъ времени, а именно объ образованіи офицеровъ и моряковъ вообще, и объ основательности въ наукѣ; что кромѣ того надо помнить, что каждый народъ имѣетъ свои собственные элементы, и потому необходимо изучить ихъ и въ настоящемъ ихъ положеніи и въ историческомъ развитіи, а не бросаться въ одно только подражаніе хотя бы и очень хорошему чему либо, но чужому, въ чемъ, какъ извѣстно было всѣмъ, я всегда расходился съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ, подражавшимъ англичанамъ даже и въ томъ, что у нихъ было достойнымъ осужденія. Присоединеніе Калифорніи я считалъ также дѣломъ необходимости для того, чтобы развить морскую силу на Великомъ океанѣ, и тогда же еще предсказалъ, что безъ этого намъ невозможно будетъ удержать и Сѣверо-Американскія наши колоніи и пр.

Въ пять часовъ, одѣвшись въ мундиръ, я отправился во дворецъ, но только тутъ и хватился, что забылъ поутру зайти въ комендантскую и взять мою саблю. И такъ надобно было исполнить это теперь, и вотъ при этомъ-то произошла та забавная сцена, которая послужила окончаніемъ упомянутой выше. Вхожу въ пріемную коменданта и нахожу тамъ тогоже плацъ-адъютанта, который такъ усердно запрятывалъ мою саблю подальше. Увидѣвъ меня въ полномъ мундирѣ и свободнаго, онъ остолбенѣлъ. «Го-

ворилъ вѣдь вотъ я вамъ», сказалъ я ему, «что только себѣ же надѣлаете лишнихъ хлопотъ. Вотъ и придется вамъ тянуться опять доставать мою саблю. Пожалуйте мнѣ ее.»

«Я безъ приказанія его Превосходительства не могу.»

Ну такъ подите доложите коменданту.»

«Нельзя-съ. Его Превосходительство почиваютъ.»

«Такъ разбудите его.»

«Помилуйте, какъ это можно. Извольте дожидаться, пока встанутъ, а лучше еще приходите завтра поутру.»

«А я вамъ говорю, подите и сейчасъ же разбудите коменданта. Государь приказалъ мнѣ быть у него въ 6 часовъ, а теперь ужъ четверть шестого. Если вы сію минуту не пойдете, то я самъ пойду будить его.»

Услышавъ это, онъ бросился опрометью черезъ корридоръ къ камердинеру. Комендантъ Башуцкій вскочилъ съ постели, накинулъ, какъ видно было, наскоро сюртукъ и выбѣжалъ ко мнѣ. «Какъ я радъ, какъ я радъ. Вы знаете, какъ мы всѣ уважали покойнаго Иринарха Ивановича. Ей, саблю. Да пойдемте, выпьемте по чашкѣ чаю и побесѣдуемте. Еще рано. Мои часы ставятъ по часамъ государева кабинета.» — Мы пошли въ гостиную; подали чай. Я выпилъ чашку и, разговаривая, держалъ ее въ рукахъ. Въ это время вошелъ опять тотъ-же плацъ-адъютантъ съ какимъ-то докладомъ. Башуцкій далъ отвѣтъ и онъ было пошелъ, какъ Башуцкій закричалъ на него: «Ей, ты. Слѣпъ что-ли? Прими чашку.» — Плацъ-адъютантъ покраснѣлъ, какъ ракъ, но долженъ былъ исполнить приказаніе; а Башуцкому все это показалось такъ

естественно, что онъ даже не замѣтилъ моего удивленія.

Я пошелъ наверхъ, но и тамъ меня ожидала другая не менѣе забавная сцена. Наканунѣ Левашевъ сказалъ мнѣ, что когда я привезу записку, то сказалъ бы дежурному генералъ-адъютанту, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ Государю. Въ этотъ день дежурнымъ былъ Воропоновъ, командиръ Финляндскаго полка, сдѣланный генералъ-адъютантомъ 14-го декабря въ гуртовомъ назначеніи генералъ-адъютантами всѣхъ полковыхъ командировъ. Это былъ типъ солдатчины, никого не знавшій въ высшемъ кругу, гдѣ также, разумѣется, и его не знали. Онъ всего боялся, всѣмъ смущался.

«Доложите Государю,» сказалъ я ему, «что пришелъ такой-то.»

«Да что это вы? Съ ума что-ли сошли, чтобъ я пошелъ. Пришелъ человѣкъ, да такъ таки просто и говоритъ, идите, скажите обо мнѣ Государю.»

«Да такъ таки просто и говорю, потому что самъ Государь приказалъ мнѣ доложить черезъ васъ, когда приду.»

«Самъ Государь. Ну ужъ извините. Да что это у васъ за бумага?»

«Это до васъ не касается. Послушайте, генералъ. Сейчасъ будетъ бить 6 часовъ, и если вы сейчасъ не доложите, то я такъ и скажу Государю.»

Онъ поколебался, подошелъ къ двери, взялся за ручку, но тотчасъ же отскочилъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Нѣтъ, это невозможно. Статочное-ли это дѣло?»

Я не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ эту самую минуту не вошелъ Левашевъ съ Сенявинымъ. Я имъ разсказалъ, что тутъ происходило; они вдоволь нахохотались. Воропоновъ во-

лею или неволею долженъ былъ доложить Государю, и мы всѣ трое вошли въ кабинетъ.

Всѣ были чрезвычайно довольны моей запиской. Государь сказалъ, что я ему подалъ совершенно новыя и совершенно справедливыя идеи; Сенявинъ просилъ позволенія прикомандировать меня къ комитету образованія флота, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. Затѣмъ послѣдовали разныя мои назначенія. Кромѣ комитета образованія флота я былъ причисленъ къ ученому комитету морского вѣдомства, что впрочемъ давно уже имѣлось въ виду, когда я былъ еще преподавателемъ астрономіи и другихъ высшихъ математическихъ наукъ въ Морскомъ корпусѣ, и чему помѣшало только мое отправленіе въ походъ вокругъ свѣта. Я былъ назначенъ сверхъ того начальникомъ морского музея и модельной мастерской и исторіографомъ флота. Жалованіе мнѣ по всѣмъ этимъ мѣстамъ составляло болѣе генеральскаго оклада. Быстро принялся я за приведеніе въ образцовый порядокъ всѣхъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей. Я положилъ основаніе устройству этнографическаго музея и вскорѣ привелъ все въ такой видъ, что когда открыли публикѣ доступъ въ управляемыя мною заведенія, то ихъ стала посѣщать не только высшая петербургская публика, но посѣщенія ихъ стали включать во всѣ программы осмотра достопримѣчательностей Петербурга всѣми иностранными принцами и послами. Такимъ образомъ я принималъ у себя эрцгерцога австрійскаго Фердинанда, принцевъ Прусскихъ, Мекленбургскихъ, Вюртембергскихъ и пр., герцога Веллингтона и другихъ чрезвычайныхъ пословъ. Всѣхъ сопровождавшихъ ихъ русскихъ особенно поражало мое свободное и непринужденное обращеніе съ этими посѣтителями, которымъ какъ

это, такъ и объясненія мои чрезвычайно нравились, и они никогда не забывали говорить Государю, какое «чудо» они нашли. Особенно былъ пораженъ австрійскій эрцгерцогъ, когда увидѣлъ до какой степени мнѣ хорошо было извѣстно состояніе приморскихъ мѣстъ и мореходства въ Австріи. Кромѣ того, Государь былъ очень доволенъ, что я отказался принять назначенный мнѣ эрцгерцогомъ подарокъ. Результатомъ всего этого было, что Государь два раза посылалъ ко мнѣ наслѣдника, что меня приглашали во дворецъ присутствовать при морскихъ упражненіяхъ наслѣдника на построенномъ въ залѣ кораблѣ, и что наконецъ Государь сообщилъ Лазареву о намѣреніи своемъ назначить меня для преподаванія морскихъ наукъ наслѣднику.

По поводу вышеупомянутаго корабля встрѣтился одинъ случай, который выказалъ меня Государю и въ другихъ отношеніяхъ. Я былъ всегда очень заботливъ о положеніи подчиненныхъ мнѣ людей. Найдя, что мастеровые изъ модельной мастерской живутъ очень далеко и много теряютъ времени на ходьбу или часто не приходятъ по дѣйствительной или мнимой болѣзни и черезъ это останавливаютъ работу, а сами теряютъ заработную плату, я отыскалъ и устроилъ имъ въ самомъ адмиралтействѣ удобное помѣщеніе, но зато требовалъ, чтобъ безъ дозволенія моего они не пропускали рабочихъ часовъ, чтобы всегда можно было знать, на какое число рабочихъ можно разсчитывать и когда кого можно было увольнять. Я всегда и требованіе быть на лицо и увольненіе разсчитывалъ по строгой справедливости; всѣ были очень довольны, и никто безъ спроса не оставался дома и не уходилъ на другую работу. Но одинъ унтеръ-офицеръ,

котораго потребовали для работы на корабль во дворцѣ, два дня отлучался туда безъ спроса. Я потребовалъ его къ себѣ на третій день рано поутру.

«Почему ты не являлся на работу въ мастерскую, вотъ уже два дня?» спросилъ я его.

«Я былъ во дворцѣ.»

«А у кого ты спрашивался?»

«Помилуйте,» отвѣчалъ онъ мнѣ какъ-бы свысока, «Государь самъ мнѣ приказалъ приходить.»

«Государь приказалъ тебѣ приходить, но, конечно, уже не приказывалъ нарушать порядка. Ты уходилъ два дня безъ спроса, за это два дня высидишь подъ арестомъ.»

Когда потомъ онъ явился во дворецъ уже съ моего позволенія, то Государь въ свою очередь, замѣтивъ, что онъ два дня не приходилъ, спросилъ его, отчего онъ не былъ? Разумѣется, онъ разсказалъ дѣло иначе и сказалъ, что я будто бы позадилъ его подъ арестъ за то, что онъ ходитъ работать въ дворецъ, и что де въ мастерской работа нужнѣе, чѣмъ во дворцѣ. Государь спросилъ о томъ Лазарева, который сію же минуту прибѣжалъ ко мнѣ и разспросивъ, какъ было дѣло, передалъ все Государю, разсказавъ ему и все, что я сдѣлалъ для улучшенія положенія мастеровыхъ. Тогда Государь сказалъ унтеръ-офицеру, что вполнѣ одобряетъ мое распоряженіе и что если онъ впередъ уйдетъ безъ спроса, то не худо будетъ, если я накажу его и построже.

Но, несмотря на всѣ похвалы и почести, которыми окружали меня, мое настроеніе духа въ это время было самое грустное. Другой на моемъ мѣстѣ объяснилъ бы, можетъ быть, это впослѣдствіи предчувствіемъ того, что противъ меня собиралась

уже тогда гроза въ слѣдственномъ комитетѣ, но я слишкомъ ясно видѣлъ многія явныя причины грустнаго моего расположенія, чтобы имѣть нужду пріискивать тайныя. Во первыхъ лесть, которою окружили меня, выказала мнѣ людей съ очень дурной стороны и дала чувствовать, чего я долженъ еще ожидать при дальнѣйшемъ моемъ возвышеніи. Надо сказать, что не задолго до отпуска у меня было столкновеніе съ морскимъ министромъ, и хотя я былъ совершенно правъ, и сама адмиралтействъколлегія признала это, но, несмотря на то, рѣшила сдѣлать мнѣ замѣчаніе на томъ основаніи, что подчиненный не можетъ будто бы такъ писать къ начальнику. Я апелировалъ къ покойному императору, но онъ уже не успѣлъ разсмотрѣть моей апеляціи, и она попала въ руки новаго Государя. Онъ призвалъ морского министра и сказалъ, что я совершенно правъ, а министръ и адмиралтействъколлегія неправы. И вотъ, когда послѣдовало мое возвышеніе, ко мнѣ, къ юношѣ, потянулся съ поздравленіемъ цѣлый рядъ генераловъ, а въ томъ числѣ и тѣ, которые такъ недавно утверждали, что подчиненный не можетъ быть правъ передъ начальникомъ, а теперь каждый сваливалъ вину на другого и увѣрялъ меня, что онъ именно былъ на моей сторонѣ. Во вторыхъ, такъ какъ за исключеніемъ Аракчеева остались въ управленіи не только прежніе люди, но даже и самыя худшія изъ орудій Аракчеева, какъ напримѣръ Клейнмихель и Муравьевъ (Николай Назаровичъ), то нечего было и ожидать благотворныхъ преобразованій. Все это были люди, понимавшіе жизнь механически, и которымъ были совершенно чужды идеи живаго органическаго развитія государства. Скоро представился и особенный случай, подтвердившій мое заклю-

ченіе. Подвѣдомственныя мнѣ учрежденія были расположены въ томъ крылѣ адмиралтейства, которое находится противъ зимняго дворца, и рабочій кабинетъ мой выходилъ окнами одной стороной на Неву, а другой противъ кабинета покойнаго Государя. Чтобы дойти до моего кабинета, надо было пройти цѣлую анфиладу комнатъ. Однажды слышу, что кто-то не то что уже быстро идетъ, а какъ бы бѣжитъ. Вбѣгаетъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, сильно взволнованный.

«Ну, Дмитрій Иринарховичъ, рѣшено,» сказалъ онъ мнѣ, «подаю въ отставку. Тутъ нечего дѣлать.»

«Да что же такое случилось?»

«Вообразите, первый вопросъ, какой они задали комитету образованія флота, — это, какіе дать кивера морякамъ.»

Я старался его успокоить и увезъ его къ Сенявину, который убѣждалъ его также не бросать изъ-за этого службы, и намъ насилу удалось отговорить его и заставить изорвать просьбу объ отставкѣ.

Между тѣмъ лица, которыя возлагали на меня много надеждъ относительно флота, какъ напр. Сенявинъ и Лазаревъ, не совсѣмъ были довольны моимъ, хотя и лестнымъ, какъ говорится, назначеніемъ. Особенно Лазаревъ очень опасался, чтобы ученая дѣятельность не поглотила меня совсѣмъ. Онъ считалъ всегда боевую и практическую службу несравненно выше и желалъ, чтобы я готовился занять высшія мѣста именно по дѣятельности этого рода. Извѣстно, что мнѣніе свое на этотъ счетъ онъ имѣлъ уже случай выразить оффиціально. Когда онъ предложилъ адмиралтействъ-коллегіи назначить меня ревизоромъ кругосвѣтной экспедиціи, то произвелъ такое изумленіе и недоумѣніе, что ему

на этотъ счетъ былъ сдѣланъ даже формальный запросъ. Мнѣ былъ только еще 18-й годъ, и не бывало еще примѣра назначенія въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ чинѣ на такую важную должность. Лазаревъ отвѣчалъ, что предвидя во мнѣ будущаго начальника флота, онъ счелъ обязанностью для пользы службы ознакомить меня со всѣми частями управленія, и что именно поэтому независимо отъ общихъ всѣмъ занятій при вооруженіи фрегата, поручилъ уже мнѣ всѣ усовершенствованія по артиллерійской части, постройку гребныхъ судовъ и надзоръ за всѣми работами въ адмиралтействѣ, для экспедиціи. При такихъ мысляхъ и при такомъ расположеніи Лазарева вообще, очень понятно, какъ обрадовался онъ случаю въ 1826 году, когда представилась возможность обратить меня къ практической дѣятельности, и притомъ съ назначеніемъ еще болѣе лестнымъ, нежели даже то, какое мнѣ было дано. Дѣло шло о назначеніи меня въ начальники учено-политически-торговой экспедиціи въ Антильское море и преимущественно въ Гаити. Президентъ негритянской республики въ Гаити, мулатъ Бойе, чрезъ родственника своего, французскаго генерала Бойе, хорошаго моего знакомаго, предложилъ русскому правительству войти въ прямыя политическія и торговыя сношенія съ республикою; и такъ какъ и сама Франція признала уже ея независимость, то не было никакихъ препятствій для прямыхъ сношенія съ нею и Россіи. Для этого должны были: 1-ое, составиться торговая компанія, которая отправитъ грузъ на русскомъ кораблѣ, и 2-ое, быть посланъ политическій агентъ для предварительныхъ переговоровъ. Этимъ же случаемъ хотѣли воспользоваться и для ученыхъ изслѣдованій и нашли, что я соединяю всѣ

условія для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей. Я поведу корабль, генералъ Бойе поѣдетъ со мною, я же изложу главныя основанія для сношеній республики съ Россіей, чтобы посылкою спеціальнаго агента не выказать слишкомъ большой торопливости; а пока предложенныя мною основанія будутъ обсуждаться, а грузъ будетъ распродаваться, я займусь учеными изслѣдованіями въ Антильскомъ морѣ и посѣщу разные порта какъ на островахъ, такъ и на материкѣ, собирая въ то же время свѣдѣнія и по предметамъ прямой торговли между Россіею и посѣщаемыми мѣстами. Экспедиція должна была отправиться въ Сентябрѣ 1826 г.

II.

Но пока такъ много разсуждали и такъ много хлопотали о томъ, какъ бы извлечь наибольшую пользу изъ моей дѣятельности, пользу для государства въ томъ смыслѣ, разумѣется, какъ они ее понимали, я очень мало уже сочувствовалъ всему этому, и слѣдственный комитетъ въ величайшей тайнѣ собиралъ противъ меня обвиненія.

Я твердо рѣшился исполнять всякое дѣло, исправлять всякую должность со всевозможнымъ стараніемъ, но я уже ясно видѣлъ, что всѣ эти механическія частныя усовершенствованія не имѣютъ никакого значенія безъ живаго органическаго развитія государства, немыслимаго безъ свободы. Но если я ничего уже не ожидалъ отъ новаго царствованія, то въ то же время ясно сознавалъ, что и тайныя политическія общества впадали въ тѣ же ошибки, что и правительство, давая слишкомъ большое значеніе механическимъ средствамъ и построен-

нымъ на отвлеченныхъ началахъ учрежденіямъ. Для меня ясно было, что самая удача 14-го декабря могла дать только отрицательный результатъ, т. е. уничтожить одинъ видъ зла. Я начиналъ уже ясно усматривать то, что хотя давно уже представлялось моему уму и чувству, но представлялось не достаточно выясненнымъ, а именно, что три условія необходимы для преобразованія общества: точное знаніе настоящаго его положенія, ясное сознаніе цѣли, къ которой его ведутъ, и принятіе тѣхъ средствъ для приведенія его изъ одного положенія въ другое, которыя одни въ дѣйствительности могутъ къ этому служить. Ни одна изъ этихъ задачъ не была вполнѣ разрѣшена тайными обществами, и ясно было, что люди, которые искренне, безъ всякихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей ищутъ улучшить положеніе государственнаго и общественнаго быта, прежде всего должны были заняться разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, свидѣтельствуя въ то же время свои убѣжденія и дѣйствіями. А такъ какъ правильное изученіе государственнаго и общественнаго быта можетъ совершаться только чрезъ непосредственное, живое наблюденіе, а авторитетъ слова и дѣла немыслимъ безъ личной отвѣтственности, то отсюда и вытекаетъ для общественнаго дѣятеля обязанность жить и дѣйствовать среди того общества, улучшенію котораго онъ себя посвящаетъ. Вотъ почему величайшая тайна, съ которою слѣдственный комитетъ подготовлялъ противъ меня обвиненія, была, могу сказать, вовсе не нужна. Я зналъ существованіе для меня опасности, зналъ, что каждую минуту можетъ открыться, особенно черезъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, мое дѣятельное участіе въ приготовленіи переворота, и несмотря на это сознательно рѣшился остаться въ Россіи, имѣя

всѣ средства и достаточно времени къ побѣгу за границу. Отсрочкою, которую дали мнѣ обстоятельства, я хотѣлъ воспользоваться только для двухъ вещей: во первыхъ, чтобы оградить тѣхъ, кто не былъ еще арестованъ, а во вторыхъ, чтобы прислушаться къ мнѣнію общества о неудавшейся попыткѣ, что могло мнѣ способствовать къ уясненію какъ сдѣланныхъ ошибокъ, такъ и лучшихъ мѣръ, которыя должны быть приняты впередъ для дѣйствительнаго достиженія цѣли — свободнаго, органическаго развитія государства.

И такъ я ожидалъ уже каждую минуту, что буду привлеченъ къ слѣдствію. Обнимая мыслію всѣ возможныя послѣдствія того, я представлялъ себѣ три случайности и хотѣлъ быть готовымъ для каждой изъ нихъ. Я могъ, какъ говорится, отдѣлаться и остаться на свободѣ; могъ быть сосланъ въ ссылку или въ заточеніе, могъ подвергнуться смертной казни. Разумѣется, тогда казалось, что для того, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ въ сферѣ общественной дѣятельности, лучше было бы остаться на свободѣ въ Россіи, и что я долженъ всѣми средствами добиваться этого и стараться отдѣлаться въ слѣдственномъ комитетѣ; но и тогда я уже не унывалъ нисколько, предвидя даже ссылку или заточеніе. При подобномъ исходѣ дѣла, когда внѣшняя дѣятельность становилась невозможною, оставалась всегда возможною умственная работа, — основательное изученіе и искреннее разрѣшеніе всѣхъ недостаточно уясненныхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависѣла возможность достиженія той цѣли, которой я отдалъ всю свою жизнь. Наконецъ, относительно послѣдней случайности, какъ и относительно возможности, чтобы трудъ мой не пропалъ, не взирая

на ссылку и заточеніе, я былъ исполненъ глубокой покорности и довѣрія къ Провидѣнію. Лишь-бы добиться мнѣ, думалъ я, правильнаго разрѣшенія вопросовъ, то Провидѣніе, если то будетъ нужно, и сохранитъ мнѣ жизнь и дастъ мнѣ средства приложить добытые результаты къ дѣлу. Мы увидимъ ниже, какимъ страннымъ ходомъ обстоятельствъ мнѣ были предоставлены для достиженія предположенной цѣли такія средства, о которыхъ никто и мечтать не могъ, и лучше которыхъ никто не могъ бы и придумать, а осуществить ихъ, казалось, не было во власти и самаго могущественнаго человѣка, если бы онъ даже сознательно о томъ старался.

Между тѣмъ ходъ дѣла въ слѣдственномъ комитетѣ былъ слѣдующій:

Сначала ничего не могли добиться отъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа; они твердо стояли на одномъ, что, не вѣря правильности новой присяги, они оставались вѣрными той, которая была произнесена ими уже Константину; въ твердой увѣренности, что пока Цесаревичъ былъ самъ подданнымъ, то его отреченіе не могло считаться добровольнымъ, а могло быть вынужденнымъ, и что только тогда, когда бы онъ пріѣхалъ и принялъ самъ управленіе, его отреченіе отъ престола и передача управленія Николаю Павловичу могли быть признаны правильными. Конечно, подобное утвержденіе, хотя и устраняло отъ нихъ обвиненіе въ умыслѣ переворота, однако не избавило бы ихъ отъ наказанія, но къ счастію ихъ какому то придворному софисту вздумалось разыграть фантазію на тему законности. Нашлись люди, которые старались извлекать изъ всего пользу и вздумали дать такой оборотъ дѣлу, что дѣйствіе офицеровъ Гвардейскаго экипажа доказываетъ, какъ глубоко чувство за-

конности въ русскомъ народѣ, т. е. въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко пассивно покорялся всякому перевороту въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, но только это приготовляло счастливый исходъ для офицеровъ Гвардейскаго экипажа. Рѣшено было ихъ освободить. Ихъ уже свели въ одну комнату и на другой день должны были выпустить ихъ изъ крѣпости, какъ вдругъ въ слѣдственномъ комитетѣ вздумали сдѣлать еще одну попытку особеннаго рода, съ цѣлію, нельзя-ли узнать отъ нихъ что-нибудь, побудивъ ихъ обѣщаніемъ награды открыть то, чего не могли добиться при прямыхъ допросахъ. Подослали къ нимъ священника Павскаго, который, объявивъ имъ объ освобожденіи на другой день, сталъ уговаривать ихъ, что изъ благодарности за дарованное имъ прощеніе, они обязаны сказать все, что знаютъ, и о чемъ комитетъ быть можетъ и забылъ ихъ спросить; и что въ случаѣ, если чье показаніе будетъ признано полезнымъ для разъясненія дѣла, тотъ можетъ быть увѣреннымъ, что не останется безъ награды; что, наконецъ, имъ нечего опасаться никакихъ послѣдствій для кого бы то ни было отъ ихъ показаній, потому что Государь не хочетъ никого преслѣдовать, а только хочетъ все знать, чтобы изо всего извлечь полезныя указанія о причинахъ законнаго неудовольствія и о средствахъ удовлетворить потребностямъ государства

Такъ какъ разсужденія подобнаго рода повторялись и въ комитетѣ и сбили многихъ съ толку до того, что они, желая доказать свою откровенность и содѣйствовать Государю узнать все будто-бы для «пользы государства», наболтали разныя небылицы не только на себя (какъ напр. Фаленбергъ, Раевскіе и др.), но и на другихъ и запутали ихъ, то

и не будетъ здѣсь излишнимъ сказать о нихъ нѣсколько пространнѣе.

«Неужели думаете вы,» говорили какъ въ комитетѣ, такъ и священникъ (вѣроятно по наставленію комитета; самъ онъ едва-ли бы рѣшился на такія отважныя сужденія, какъ сейчасъ увидимъ), «неужели думаете вы, что для Государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова, но и произвелъ его въ офицеры за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, что для Государя важнѣе знать эти общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высоко поставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивитъ и Россію и Европу.»

Подъ вліяніемъ подобныхъ-то убѣжденій и нашелся въ средѣ офицеровъ гвардейскаго экипажа несчастный предатель, который погубилъ и другихъ, а вмѣстѣ съ ними погубилъ болѣе всѣхъ и самого себя.

Между офицерами гвардейскаго экипажа былъ молодой мичманъ Дивовъ, которому я, несмотря на всю его предупредительность ко мнѣ, очень не довѣрялъ и не принималъ его у себя. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ на тогдашнемъ языкѣ звали «нечистыми». Онъ былъ очень скрытенъ, нравственное поведеніе его не было никому извѣстно, и даже товарищи его, которые жили съ нимъ на одной квартирѣ, не знали никогда, куда онъ ходилъ и съ кѣмъ былъ знакомъ и имѣлъ сношенія. Я строго запрещалъ сообщать ему что бы то ни было относительно опредѣленныхъ фактовъ по дѣламъ общества. Но, къ сожалѣнію, жившіе съ нимъ офицеры и не рѣшались удалить его отъ себя и не соблюдали въ присутствіи его достаточной осторожности. Увлекаясь иногда въ разговорахъ, они кое о чемъ проговаривались, другое онъ, вѣроятно, подслушивалъ,*) объ иномъ догадывался, такъ что если и не могъ сообщить всего подробно и опредѣленно, то всетаки могъ сказать довольно, а главное, назвать много людей изъ своихъ товарищей и тѣмъ дать комитету достаточно руководящихъ нитей, чтобы добраться и до остальнаго.

Выслушавъ покойно священника, офицеры отвѣчали ему твердо то же самое, что говорили и въ слѣдственномъ комитетѣ. Но по уходѣ его за-

---

*) Самъ Александръ Бѣляевъ оправдывалъ себя въ предательствѣ тѣмъ, что Дивовъ не только умышленно подслушивалъ, но и записывалъ, но этимъ Бѣляевъ, сваливая вину на Дивова, не только не уменьшилъ своей отвѣтственности, но еще увеличилъ ее, такъ какъ признался самъ, что допустилъ Дивова подслушивать и записывать въ другой комнатѣ, тогда какъ самъ-же Бѣляевъ твердилъ мнѣ, что Дивову нельзя довѣрять. Кромѣ того, какъ могъ знать Дивовъ, что творилось у меня на квартирѣ или у Арбузова, и даже въ прогулкахъ, гдѣ Дивовъ не могъ не только записывать, но и подслушивать.

мѣтили, что Дивовымъ овладѣло какое-то безпокойство, почему и сочли себя обязанными предупредить его и спросить, неужели онъ поддался на льстивыя рѣчи и замышляетъ разсказать что-нибудь? Онъ божился и заклинался, что ни о чемъ подобномъ не думаетъ, но вслѣдъ затѣмъ еще больше задумывался, отвѣчалъ разсѣянно и все ходилъ до утомленія по комнатѣ. Когда въ обычный часъ пришелъ плацъ-адъютантъ, то при уходѣ его Дивовъ вышелъ съ нимъ за двери въ корридоръ и что-то сказалъ ему. На вопросъ товарищей, о чемъ это онъ говорилъ, онъ отвѣчалъ, что спросилъ, въ которомъ часу ихъ выпустятъ, но затѣмъ обнаружилъ еще большее безпокойство. Вечеромъ его вызвали изъ комнаты, и онъ уже болѣе не возвращался къ товарищамъ. Вслѣдъ затѣмъ офицеровъ потребовали въ комитетъ будто-бы для того, чтобы подписать какія-то бумаги, и, вызывая одного за другимъ, отправляли уже не въ общую комнату, а по отдѣльнымъ комнатамъ крѣпости.

Въ чемъ же могло состоять главное показаніе Дивова въ комитетѣ? Онъ сказалъ, что Гвардейскій экипажъ дѣйствовалъ по моему наставленію.

Чрезъ тѣ средства сообщенія, которыя мы имѣли потомъ въ крѣпости и изъ сказаннаго лично мнѣ Дивовымъ, когда, бросившись къ ногамъ моимъ, онъ просилъ у меня прощенія на очной ставкѣ, Дивовъ старался объяснить и извинить свой образъ дѣйствія такъ: онъ говорилъ, что, не видя меня въ числѣ арестованныхъ, и, не слыхавъ, чтобъ мое имя даже было упомянуто въ какихъ-либо вопросахъ, зная притомъ мои сношенія съ иностранными посольствами, онъ съ чего-то вообразилъ, что я непремѣнно, должно быть, бѣжалъ заграницу, и по малодушію подумалъ, что если онъ и

сдѣлаетъ показаніе противъ меня, то мнѣ это уже нисколько не повредитъ, а между тѣмъ ему послужитъ въ пользу, доказавъ его благодарность и откровенность.

Конечно, если бы онъ обдумалъ поосновательнѣе, онъ понялъ бы, что подобное разсужденіе лишено было всякаго правильнаго соображенія, но эгоистическій разсчетъ ослѣпилъ его, и онъ не сообразилъ, что дѣйствіе офицеровъ Гвардейскаго экипажа представится совсѣмъ въ иномъ видѣ, если оно представится слѣдствіемъ не собственнаго внушенія, а посторонняго побужденія. Къ тому же уже по тому самому, что онъ показалъ о сношеніяхъ со мною офицеровъ Гвардейскаго экипажа, ему нельзя было и подумать, чтобъ не стали добираться дальнѣйшихъ подробностей и не захотѣли въ комитетѣ узнать, въ чемъ состояли эти сношенія, какіе были разговоры и пр. Разумѣется, такъ и вышло, а вслѣдъ за человѣкомъ, сдѣлавшимъ показаніе сознательно и добровольно, нашелся изъ многихъ сначала болѣе слабый, который, видя уже кое что открытымъ и вслѣдствіе угрозъ за непризнаніе и упорство, одно подтвердилъ, другое добавилъ, и замѣчательно, что тоже подъ вліяніемъ убѣжденія, что меня нѣтъ уже въ Россіи. Разумѣется, имѣя теперь показанія уже отъ двухъ лицъ, комитету легко было идти далѣе, — и такимъ образомъ, сбивая съ толку то мнимыми признаніями другихъ, то угрозами и обѣщаніями, сводя наконецъ на очную ставку, комитетъ набралъ настолько показаній, что могъ уже составить и противъ меня обвиненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и офицеры Гваредйскаго экипажа сами были обвинены въ умышленномъ соучастіи въ переворотѣ.

Я по обыкновенію вставалъ всегда очень рано

и въ 9 часовъ всегда уже находился въ своемъ кабинетѣ въ адмиралтействѣ. 2-го марта я приказалъ уже подавать лошадей, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Мухановъ, адъютантъ Бенкендорфа, и сказалъ, что генералъ его проситъ меня побывать у него, такъ какъ у него есть до меня дѣло. Подобныя приглашенія были тогда не рѣдкость; меня часто призывали, чтобы спросить о томъ, въ какое время удобнѣе посѣтить музей разнымъ пріѣзжимъ значительнымъ лицамъ, или насчетъ моделей, которыя давались и разсылались въ подарокъ. Я отвѣчалъ Муханову, что вотъ заѣду въ адмиралтейство и, распорядясь дѣлами, проѣду къ Бенкендорфу.

«Да генералъ проситъ васъ, нельзя-ли сейчасъ же; онъ только что пріѣхалъ изъ Царскаго Села и сейчасъ обратно туда ѣдетъ. Поѣдемте со мной.»

Какъ ни старался Мухановъ скрыть свое смущеніе, я сейчасъ это замѣтилъ и понялъ, въ чемъ дѣло.

«Хорошо, поѣдемте,» сказалъ я ему и, надѣвая шинель, далъ издавна условленный знакъ моему деньщику, который зналъ уже, кого въ этомъ случаѣ слѣдовало увѣдомить. Мы пріѣхали къ Бенкендорфу, который сказалъ мнѣ, что на меня сдѣланы новыя показанія, и, пока я буду отвѣчать на нихъ, мнѣ нужно будетъ провести это время въ зданіи главнаго генеральнаго штаба (отправить меня прямо въ крѣпость они не рѣшились), а на квартирѣ у меня будетъ сказано, что я командированъ въ Кронштадтъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ разные вопросные пункты, и мы отправились съ Мухановымъ въ главный штабъ, гдѣ онъ и оставилъ меня.

Меня помѣстили сначала въ комнатѣ, которая назначена была общею пріемною комнатою. Около по-

лудня привезли князя Михаила Петровича Баратаева, симбирскаго губернскаго предводителя дворянства. Грустно сказать, что онъ вздумалъ лицемѣрить. Это было время великаго поста. Когда спросили насъ, что намъ подавать къ обѣду, постное или скоромное, онъ началъ разсуждать со сторожемъ, которому до этого не было ровно никакого дѣла, что онъ не безбожникъ какой, чтобы ѣсть скоромное въ великій постъ. Его увели въ 4 часа. Отъ нечего дѣлать, я началъ осматривать свою комнату; она была въ нижнемъ этажѣ и имѣла выходъ на тротуаръ чрезъ двойную стеклянную дверь. Внутренняя дверь не была заперта, а наружная казалось была задѣлана наглухо, но, посмотрѣвъ внимательно, я увидѣлъ, что она была просто заклеена по щелямъ, и бумага почти вездѣ отстала. Потянувъ немного дверь къ себѣ, я увидѣлъ, что не было даже и замка. Впрочемъ, тутъ не было ничего удивительнаго, потому что эта комната вовсе не назначалась для помѣщенія арестантовъ, и если кого и помѣщали въ ней, то развѣ на самое короткое время; да и меня оставили ночевать только потому, что приготовляемыя комнаты въ квартирѣ Толя (графа) не были еще готовы въ тотъ день. Поужинавъ, я сказалъ, чтобы меня разбудили завтра въ 7 часовъ и приготовили самоваръ. Скоро услышалъ я, что сторожа, бывшіе въ передней комнатѣ, улеглись и захрапѣли. Я одѣлся; на дворѣ была почти мятель, и на улицѣ не было никого видно. Дверь отворилась безъ скрипа, только отклеившаяся бумага, задѣвая за полъ, производила легкій шумъ. Я повернулъ направо подъ арку генеральнаго штаба, такъ какъ тутъ я надѣялся встрѣтить менѣе людей. Я отправился къ нѣкоторымъ надежнымъ знакомымъ.

Тамъ всячески убѣждали меня бѣжать и давали немедленно на то средства. Во всякомъ случаѣ обѣщали меня скрыть до весны, когда бы еще легче было уѣхать за-границу на иностранномъ кораблѣ. Но я отклонилъ все это, доказавъ необходимость и твердую рѣшимость мою оставаться въ отечествѣ и дѣлить съ нимъ худое, чтобы имѣть право раздѣлить и доброе. Я возвратился въ свою комнату, никѣмъ незамѣченный; на душѣ у меня было чрезвычайно легко; я легъ спать и крѣпко заснулъ.

Дальнѣйшій разсказъ о нахожденіи въ главномъ штабѣ изложенъ у меня въ статьѣ о Грибоѣдовѣ. (Древ. и Нов. Россія. 1879.)*)

Здѣсь только поясню, что записку Любимовъ давалъ къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Коновницыной, дочь которой была замужемъ за Нарышкинымъ, бывшимъ въ полку у Любимова; а офицеръ, встрѣтившійся намъ, когда мы шли съ Грибоѣдовымъ въ кондитерскую Лоредо, былъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

Любимовъ сказалъ офицеру: «Вотъ вамъ записка къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Коновницыной. Вы получите отъ нея десять тысячъ рублей. Дѣлайте тамъ въ слѣдственномъ комитетѣ, что хотите; давайте кому и сколько хотите, мнѣ до этого дѣла нѣтъ, только представьте мнѣ изъ портфеля письма Пестеля, — что останется отъ расходовъ, все ваше.»

Офицеръ былъ озадаченъ, однако же взялъ записку и дѣло устроилъ. Чрезъ аудиторовъ и дру-

*) Для сокращенія объема этихъ записокъ я рѣшился вырѣзать изъ нихъ все, что для облегченія печатанія ихъ въ будущемъ могъ печатать отрывками изъ нихъ въ разныхъ журналахъ: въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Древней и Новой Россіи», въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и пр.

гихъ канцелярскихъ чиновниковъ, бывшихъ въ слѣдственной коммиссіи, онъ выкупилъ требуемыя бумаги за три тысячи, слѣдовательно остальныя 7 тысячъ остались въ его пользу. Любимовъ отдѣлался тѣмъ, что посидѣлъ въ крѣпости и лишенъ только былъ полка.

Здѣсь кстати замѣтить, что нѣкоторые родные также сочли лучше дѣйствовать подобными же средствами, чѣмъ просить о милости или разсчитывать на нее. Были примѣры, что подкупленные плацъ-адъютанты ходили по казематамъ и уговаривали отказаться на очной ставкѣ отъ сдѣланныхъ показаній на такого-то, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ и удалось или совершенно оправдаться или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить свою вину.

Когда комнаты на квартирѣ Толя были готовы, насъ собралось тамъ нѣсколько человѣкъ: полковой командиръ Кончіаловъ, Грибоѣдовъ, бригадный генералъ Кальмъ, два брата Раевскіе, Сенявинъ, сынъ адмирала, Машинскій — подольскій предводитель дворянства и кн. Шаховской. Если бы каждый не былъ занятъ серьозными мыслями, то можно даже бы сказать, что намъ было весело. Офицеръ, бывшій при насъ (тотъ самый, который обдѣлалъ дѣло Любимова) сказалъ намъ: «Господа, дайте мнѣ только слово, что вы не уйдете, а то дѣлайте, что хотите.»

Онъ самъ водилъ насъ чрезъ ходъ со двора въ кондитерскую Лореда, бывшую рядомъ съ домомъ главнаго штаба. Особенно часто водилъ онъ меня, бывшаго свидѣтелемъ сдѣлки его съ Любимовымъ, и Грибоѣдова, игру котораго на фортепіано любилъ слушать. Мы помѣщались всегда, разумѣется, въ отдѣльной комнаткѣ; офицеръ былъ близкій знакомый въ кондитерской, и намъ все подавали изъ внутреннихъ комнатъ хозяевъ. У нашей квартиры

стоялъ снаружи часовой, но когда намъ нужно было посылать или за обѣдомъ или за книгами, то караульный гвардейскій солдатъ безъ церемоніи вносилъ къ намъ ружье, снималъ суму и, надѣвъ шинель, отправлялся съ порученіемъ, а мы запирали дверь на ключъ изнутри.

III.

Задача, которую я себя поставилъ въ защитѣ своей въ слѣдственномъ комитетѣ, была такого рода: новыя мысли и новыя цѣли занимали меня до такой степени, что я уже не слишкомъ-то заботился о своемъ спасеніи, какъ выражаются обыкновенно, хотя и считалъ себя обязаннымъ сдѣлать и въ этомъ отношеніи все, что могу. Но главное, что занимало меня — это было спасти другихъ, что вполнѣ и удалось мнѣ, потому что за мною ни одинъ человѣкъ не вошелъ въ крѣпость, ни одинъ человѣкъ по сношеніямъ со мною не былъ компрометированъ кромѣ тѣхъ, которые сами компрометировали себя. Во вторыхъ, я рѣшился даже пожертвовать своимъ самолюбіемъ, чтобы только не дать комитету разгадать настоящихъ своихъ цѣлей, ни своего значенія, и въ этомъ отношеніи какъ нельзя больше были мнѣ на руку дѣйствія самого комитета, который самъ бился изъ всѣхъ силъ, чтобы уменьшить мое нравственное значеніе въ бывшихъ событіяхъ.

Раевскихъ освободили; конечно, это было сдѣлано для ихъ отца, но они были въ полной увѣренности, что это вслѣдствіе ихъ «откровенности», т. е. болтливости, чѣмъ они и ввели въ заблужденіе легковѣрныхъ людей, вздумавшихъ подражать имъ, но попавшихъ въ крѣпость безвыходно. Грибоѣдовъ

смѣшилъ насъ разсказами, какъ ему доказывали на основаніи «Горе отъ ума», что онъ долженъ быть членомъ тайнаго общества, а онъ доказывалъ противное на томъ же основаніи и пр.

Надо сказать, что я обращался съ членами слѣдственнаго комитета вовсе не такъ, какъ человѣкъ, ищущій своего «спасенія». Я не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ и высказывалъ имъ такія горькія истины, какихъ конечно, имъ ни прежде, ни послѣ не приходилось слышать. Я говорилъ «грубо и дерзко», какъ выражались они, называлъ вещи и дѣла прямыми своими именами и безпощадно разбивалъ ихъ софизмы. Я доказывалъ имъ прямо, что они-то и есть главные виновники революцій, и что поступаютъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, въ которыхъ насъ обвиняютъ, съ тою разницею, что мы допускали эти правила для блага общаго и жертвуя собою и своимъ, а они допускаютъ ихъ для личныхъ цѣлей, жертвуя не собою, а общимъ благомъ; что въ этомъ отношеніи смерть Петра III-го и Павла такія улики противъ нихъ, которыхъ никакими софизмами ни устранить, ни смягчить имъ нельзя, потому что они дѣйствовали тутъ противъ лицъ, признаваемыхъ ими за царей, и съ совѣстію, признающею значеніе царскаго достоинства, тогда какъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ революціонерами, видятъ въ нихъ простыхъ людей, и хотя, положимъ, по заблужденію, но видѣли притомъ и людей враждебныхъ отечеству. Въ одной изъ подобныхъ сценъ дѣло дошло до того, что многіе вскочили, другіе заткнули свои уши; предсѣдатель комитета военный министръ Татищевъ испугался и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ другую комнату: «Что ты дѣлаешь, другъ,» — вскричалъ онъ, поднявъ руки кверху.

«Зачѣмъ ты такъ раздражаешь ихъ, зачѣмъ ты говоришь съ такою запальчивостью?» — «Напротивъ, вы сами видѣли, что я говорилъ очень хладнокровно и спокойно, я даже не возвышалъ тона противъ обыкновенной рѣчи.»

«Да развѣ ты не видишь, что это-то спокойствіе и увѣренность и бѣситъ ихъ. Запальчивость твоя не въ тонѣ, а въ содержаніи твоихъ словъ. Ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ говоришь такъ, какъ будто бы ты надъ ними производишь слѣдствіе, а не они надъ тобою; какъ будто бы ты ихъ обвинитель, а не они.»

«Можетъ быть, исторія такъ и скажетъ.»

«Ну Богъ съ ней, съ исторіей. Ты побереги себя, и мнѣ, и Левашеву сердечно тебя жаль. Мы только вдвоемъ и отстаиваемъ тебя; другіе всѣ изъ себя вонъ выходятъ, страшно раздражены противъ тебя.»

У меня была и еще одна цѣль, которая имѣла отчасти вліяніе на то, какъ я располагалъ своими дѣйствіями въ комитетѣ. Я хотѣлъ разъяснить, какъ дѣйствовали относительно меня тѣ лица, которыя нѣкогда изъявляли мнѣ столько преданности, и тѣ въ особенности, противъ излишнихъ увлеченій и натянутой горячности которыхъ я нѣкогда возставалъ, не терпя ничего искусственнаго и поддѣльнаго. При всякомъ, сдѣланномъ на меня показаніи, я требовалъ очной ставки. Я считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что изъ дѣлаемыхъ мнѣ письменныхъ вопросовъ изъ комитета я видѣлъ ясно, что комитетъ вымышленными показаніями, идущими будто бы отъ меня, до того сбилъ съ толку нѣкоторыхъ легковѣрныхъ, что не только подвинулъ ихъ дѣлать показанія на меня, но и довелъ до какого то раздраженія противъ ме-

ня. Это былъ впрочемъ обычный пріемъ и уловка комитета, имѣвшіе къ несчастію успѣхъ въ приложеніи ко многимъ.

Рылѣевъ велъ себя въ комитетѣ дурно. На очной ставкѣ со мною онъ вздумалъ было такъ увѣщевать меня: «Теперь ужъ нечего скрывать. Напротивъ, совѣтую вамъ раскрыть сердце ваше комитету вполнѣ такъ, какъ я это сдѣлалъ, и возложить всю надежду только на милость царскую къ раскаянію.» — И тутъ же при мнѣ началъ спрашивать въ комитетѣ, обратили-ли они вниманіе на такое-то и такое-то обстоятельство, изслѣдовали-ли то-то, и началъ путать всѣхъ, о комъ только слышалъ, что они были знакомы со мною. — «Послушайте, — сказалъ я ему, «вѣдь это гнусно. Вы ищете теперь выслужиться, запутывая другихъ и даже тѣхъ, которыхъ вы сами старались всячески увлечь. И это вы такъ поступаете, вы, который старались увлечь даже софизмами и возбужденіемъ самыхъ дурныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы привлекать къ соучастію въ предпріятіи яснымъ разумѣніемъ дѣла и возбужденіемъ благородныхъ чувствъ, какъ я всегда того требовалъ. Вспомните нашу стычку по поводу Якубовича. И теперь вы же проповѣдуете объ откровенности, вы, который прежде проповѣдывали, что надо дать изрѣзать себя въ куски, и всетаки не открывать ничего.» Я отвернулся. Рылѣевъ былъ въ большомъ смущеніи.

«Прикажите ему удалиться,» — сказалъ онъ комитету, — «мнѣ надо сообщить вамъ еще кое-что, чего ему не надобно слышать.» Я вышелъ; но вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ письменныхъ вопросовъ изъ комитета, въ которыхъ было запутано множество людей, показалъ мнѣ, какъ усердно старался Рылѣевъ доказать свою откровенность комитету.

Совершенно противоположнаго свойства была сцена на очной ставкѣ съ Дивовымъ. Этотъ несчастный молодой человѣкъ, увидавъ, какія послѣдствія имѣлъ его ложный разсчетъ выслуживаться откровенностію, глубоко раскаялся, и когда я ему сказалъ: «Такъ это правда, Василій Абрамовичъ, что это вы сдѣлали на меня такія показанія?», то онъ зарыдалъ и, бросившись къ ногамъ моимъ, просилъ прощенія. Вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ комитету, что отступается отъ своихъ показаній, и что все, что онъ говорилъ противъ меня и другихъ, была выдумка изъ тщеславнаго желанія показать, что и онъ многое зналъ, и въ надеждѣ заслужить благоволеніе откровенностью. Но, разумѣется, это уже было поздно. Ни мнѣ, ни другимъ, на кого онъ сдѣлалъ показаніе, онъ не могъ уже помочь своимъ отреченіемъ отъ сдѣланныхъ показаній, а себѣ повредилъ. Противъ него чрезвычайно озлобились и, при распредѣленіи степени виновности, включили его въ первый разрядъ, хотя ему было только 16 лѣтъ, и онъ не игралъ никакой, даже и второстепенной роли въ приготовленіи къ возстанію, а участникомъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ или членомъ его и вовсе не былъ.

Изъ числа содержавшихся со мною въ зданіи главнаго штаба Кончіаловъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ больницу, гдѣ и умеръ; Грибоѣдова выпустили, а меня и Шаховскаго перевели въ крѣпость и сначала помѣстили меня въ такъ называемомъ бастіонѣ Трубецкаго. Напротивъ меня былъ помѣщенъ Норовъ, рядомъ со мною Кривцовъ. Отъ страшной сырости и дурной пищи почти всѣ были больны, кромѣ меня. Хотя и я подвергся въ первый разъ въ жизни флюсу, но сравнительно съ другими могъ считать себя совершенно здоровымъ. Гвар-

дейскіе солдаты, стоявшіе въ корридорѣ на часахъ, были къ намъ необыкновенно внимательны и почтительны. Они иногда оставляли двери нашихъ каморокъ отпертыми, чтобы намъ можно было разговаривать. Денегъ на столъ отпускалось довольно, но было страшное воровство, и только въ тѣ дни, когда знали, что пріѣдетъ генералъ-адъютантъ для опроса, кушанье и чай были получше. Столомъ завѣдывалъ плацъ-майоръ Подушкинъ; онъ-то насъ и обворовывалъ; и только тѣмъ, за кого родные платили особливо, онъ поставлялъ кушанье лучше, со своей, какъ говорилъ, кухни. Впрочемъ, въ противоположность подобнымъ безчестнымъ дѣйствіямъ начальствующихъ, были со стороны простыхъ людей трогательные примѣры совсѣмъ другого рода. Бывшіе при насъ сторожа и гвардейскіе солдаты приносили то свѣжій огурчикъ, то яблоко или апельсинъ. Однажды сторожъ принесъ намъ цѣлую корзину фруктовъ. «Это откуда ты взялъ?» спросили мы его. «А вотъ видите ли, господа,» разсказывалъ онъ, «пошелъ я въ Милютины лавки, хотѣлъ купить вамъ по яблочку ну и спросилъ, что стоитъ. Прикащикъ и говоритъ: столько-то. А я ему и говорю: Что ты, Богъ съ тобой. Такъ дорого? — Нельзя, говоритъ, теперь такое время. — А я ему говорю: эхъ братъ, кабы ты зналъ для кого я покупаю, то не сталъ бы такъ дорожиться. — Тутъ хозяинъ услыхалъ и говоритъ мнѣ: Подька сюда, служивый. Да ты откуда? — Я ему и говорю: изъ крѣпости, молъ, и вотъ какимъ господамъ служу. Онъ и сталъ меня разспрашивать, а самъ той порой взялъ корзину и все накладываетъ. «На, — говоритъ, — отнеси.» — «Да что вы, почтенный, говорю, гдѣ мнѣ взять за столько денегъ?» — «Что ты, служивый, Богъ

съ тобой. Какія деньги. Кланяйся господамъ, отнеси имъ это отъ меня и, за чѣмъ надо, и впередъ приходи.»

Больше всѣхъ жаль было Норова. Онъ былъ израненъ и сильно страдалъ отъ ранъ. Но какъ ни тяжелы были физическія условія для всѣхъ, какъ ни сильны страданія многихъ, но не было и тѣни того, что называется унынiемъ. Норовъ безпрестанно напѣвалъ какіе-то стихи, то русскіе, то французскіе. Вотъ нѣсколько отрывковъ, сохранившихся въ памяти:

Сгибнутъ герои
Въ дальнихъ странахъ;
Земля чужая
Скроетъ ихъ прахъ.
Не озарятся
Солнцемъ роднымъ,
Не примѣстятся
Къ предкамъ своимъ.
Но не чужіе
Будутъ и тамъ.
Тамъ имъ родные
Всѣ по душамъ.

Изъ французскихъ помню одинъ только стихъ, имѣвшій отношеніе къ нашему положенію:

Trahis par le sort, gardant leur gloire entière!

Въ Свѣтлое Воскресеніе, при звукѣ пушечной пальбы, въ полночь, Одоевскій импровизировалъ стихи, кончавшіеся такъ:

И мой, мой также гласъ къ Всевышнему взывалъ,
Изъ г р о б а пѣлъ я Воскресенье.

Вообще надобно замѣтить, что именно еще въ крѣпости началась такъ называемая «казематская

литература», о которой придется поговорить въ послѣдствіи. Стихи Кривцова были въ иномъ родѣ. Вотъ его импровизація, когда пришли ему объявить, что и онъ въ числѣ идущихъ подъ судъ:

Насъ въ крѣпость посадили,
И право по дѣламъ,
Впередъ, чтобъ не шутили,
Не вѣрили людямъ.
Ахъ, скоро-ль окончанье
Науки сей придетъ?
И скоро-ли зѣванье
Учащихся пройдетъ?
Хоть курсъ я и окончилъ,
Но въ выпускъ не гожусь;
Профессоръ мнѣ отсрочилъ,
Сказалъ: пусть поучусь.

Но его любимая пѣсня, которою онъ намъ порядкомъ таки надоѣдалъ, была какая-то смѣшная французская:

Pourquoi pleurez-vous, hôtesse?
Je pleure la mort de mon mari:
Il y a longtemps, qu'il est parti.
Il m'a écrit une fausse lettre,
Qu'il était mort et enterré;
Moi, je me suis remariée... etc.

Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Норова (Абрама), бывшаго впослѣдствіи министромъ просвѣщенія, былъ извѣстенъ, какъ храбрѣйшій офицеръ. У него была непріятная исторія съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, когда онъ былъ еще въ полку, а великій князь командовалъ бригадою. Разъ великій князь, разгорячась, забылся до того, что взялъ Норова за пуговицу. Норовъ оттолкнулъ

руку, сказавъ: «Не трогайте, Ваше Высочество. Я очень щекотливъ.» Поэтому, когда Норова послѣ 14-го декабря арестовали и привезли во дворецъ, то Николай Павловичъ до того разгорячился, что сказалъ: «Я зналъ напередъ, что ты, разбойникъ, тутъ будешь,» и началъ его осыпать бранью. Норовъ сложилъ руки и слушалъ хладнокровно. Бывшій тутъ свидѣтелемъ командиръ гвардейскаго корпуса Воиновъ старался успокоить Государя, у котораго отъ сильнаго раздраженія наконецъ пересѣкся голосъ. Воспользовавшись этимъ, Норовъ, и самъ внутренно взбѣшенный, перешелъ, какъ разсказывалъ, въ наступательное положеніе и сказалъ: «Ну-ка еще. Прекрасно. Что-же вы стали? Ну-ка еще. Ну-ка.»

Государь вышелъ изъ себя и закричалъ: «Веревокъ. Связать его.»

Воиновъ, видя, что сцена дошла до неприличія, забылся и самъ и, вскричавъ: «Помилуйте. Да вѣдь здѣсь не съѣзжая,» схватилъ Норова за руку и утащилъ изъ кабинета.

Кажется, было въ разсчетѣ слѣдственнаго комитета не давать намъ долго оставаться на однихъ мѣстахъ, вѣроятно, изъ опасенія, что мы сблизимся или между собою или со сторожами. Поэтому, собственно въ крѣпости насъ часто переводили съ одного мѣста на другое. Такъ и меня перевели изъ Трубецкаго бастіона въ Кронверкскую куртину; оттуда къ главнымъ воротамъ и, наконецъ, когда больше ознакомились съ моимъ значеніемъ, — въ Алексѣевскій равелинъ, составлявшій крѣпость въ крѣпости, или, по простонародному выраженію, каменный мѣшокъ, который поэтому и заслуживаетъ, чтобы описать его поподробнѣе.

Зданіе, находящееся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и составляло собственно государственную тюрьму; всѣ другія помѣщенія въ крѣпости были, такъ сказать, случайныя и временныя. Алексѣевскій равелинъ имѣлъ своего отдѣльнаго коменданта и свою постоянную инвалидную роту, которая пользовалась большими льготами, но не имѣла зато права выхода изъ крѣпости, исключая одного ея фельдфебеля, который посылался съ необходимыми бумагами въ городскую думу, такъ какъ содержаніе зданія было отнесено на счетъ думы по одной изъ тѣхъ странныхъ аномалій, какихъ въ то время оставалось еще множество отъ старины. Комендантъ равелина во время нашего заключенія былъ высокій бодрый старикъ, шведъ Лиліенанкеръ, какъ называли его инвалиды; говорили, что ему было уже около 90 лѣтъ. Небольшой мостикъ соединялъ равелинъ съ крѣпостью; со стороны равелина на немъ стояли два инвалида, а со стороны крѣпости два гвардейскихъ часовыхъ изъ смѣнявшагося ежедневно гвардейскаго караула въ крѣпости. Заключенные въ равелинѣ извѣстны были уже не подъ своими именами, а подъ номерами комнаты, въ которой содержались. Когда требовали кого въ слѣдственный комитетъ, то посылался плацъ-адъютантъ крѣпости съ бумагою о присылкѣ № такого-то. Посланный останавливался на мостикѣ и передавалъ бумагу начальнику инвалидной команды, выходившему ему навстрѣчу. Это было всегда позднимъ вечеромъ или ночью. Арестанту надѣвали на голову черный капоръ и такъ вели въ слѣдственный комитетъ, и снимали капоръ уже въ самой комнатѣ засѣданія комитета. Можетъ быть, это было разсчитано для произведенія эффекта. Но такъ какъ воровство въ Россіи вкрадется вездѣ, то и ка-

поры были сшиты изъ такого рѣдкаго митκаля, что сквозь него можно было видѣть все, какъ чрезъ сѣтку.

Тюремное зданіе равелина, по треугольной формѣ этого рода укрѣпленій, было также треугольное. Внутренній дворикъ, имѣвшій въ каждой сторонѣ треугольникъ по двадцати съ небольшимъ шаговъ, былъ обращенъ въ садикъ, и, кромѣ дорожекъ вдоль стѣнъ, имѣлъ посрединѣ одну только дорожку противъ дверей. На правой рукѣ этой дорожки была видна еще въ мое время въ видѣ небольшой грядки могила княжны Таракановой, что и сдѣлалось извѣстно черезъ меня. Я сообщилъ о томъ Михаилу Николаевичу Лонгинову, а онъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ».

Комнаты въ тюремномъ зданіи были обыкновенныя окна, большія и четвероугольныя, не такъ, какъ нарисовано на извѣстной картинѣ Флавицкаго «Смерть княжны Таракановой», гдѣ окна представлены вверху овальныя. Зданіе само одноэтажное, и, слѣдовательно, также ошибочно показано двухъ-этажнымъ у Мельникова въ его изслѣдованіи о княжнѣ Таракановой. Окна имѣли, разумѣется, снаружи желѣзныя рѣшетки и были закрашены известкою. Замки у дверей были обыкновенные, и, поэтому, не было слышно никогда того шума, который происходилъ въ крѣпости отъ отодвиганья и задвиганья запоровъ, и какъ притомъ въ корридорахъ были постланы толстые маты, то не было даже слышно и шаговъ часовыхъ. Въ дверяхъ было маленькое отверстіе со стекломъ, чрезъ которое можно было наблюдать все, что дѣлаетъ арестантъ въ комнатѣ. Отверстіе это закрывалось снаружи клеенкою, которая приподнималась, когда надобно было часовому или коменданту заглянуть въ

комнату. Всѣ печи топились и закрывались изъ корридора.

Порядокъ въ равелинѣ былъ слѣдующій: время для вставанья не опредѣлялось. Каждый вставалъ, когда хотѣлъ, но за этимъ наблюдали. Лишь только арестантъ встанетъ, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ является комендантъ съ большимъ числомъ сторожей. Пока одинъ подаетъ умываться, другіе убираютъ комнату и приносятъ чай, если кому онъ полагается. Горячую воду, впрочемъ, приносятъ въ чайникѣ, а самовара не подаютъ. Въ это время комендантъ спрашиваетъ о здоровьи и ведетъ иногда и посторонній разговоръ, но только или объ очень отвлеченныхъ предметахъ или объ очень давней старинѣ. О настоящемъ же времени, даже о погодѣ, ничего не скажетъ. Разъ палили изъ пушекъ, и я спросилъ о причинѣ пальбы. «Вы ошиблись, это былъ вѣрно громъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, хотя инвалидъ и сказалъ мнѣ послѣ,*) что дѣйствительно была пальба по случаю коронаціи. Обѣдъ, вечерній чай и ужинъ подавали, когда спросимъ; только послѣдній не позже 9 часовъ. Ночью горѣлъ всегда ночникъ. Книги давали духовнаго содержанія; только впослѣдствіи, по ходатайству Левашева, мнѣ давали книги изъ моей библіотеки. По предписанію доктора водили гулять въ садикъ въ сопровожденіи инвалида. Въ садикѣ было одно хилое деревцо и нѣсколько кусточковъ. Разу-

*) Замѣчательно добродушіе простыхъ людей: вдругъ въ дверь кто-то легонько стукнулъ. Это было такъ необыкновенно, что я тотчасъ подошелъ. Вижу, инвалидъ приподнялъ клеенку: «Баринъ, — сказалъ онъ мнѣ, — будь, что будетъ, а не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать вамъ, что это палили отъ того, что была коронація, и вышла, говорятъ, и вамъ милость.» Это была перемѣна вѣчной работы на 20 лѣтъ, что впрочемъ тогда означало одно и тоже.

мѣется, кромѣ стѣнъ и неба ничего не было видно, и, только отойдя во внѣшній уголъ и ставши на рундукъ, прикрывающій стокъ воды, мы могли видѣть архангела съ трубою на шпицѣ Петропавловской крѣпости, какъ бы символомъ того, что только въ общее воскресеніе мертвыхъ можетъ надѣяться возвратиться къ жизни тотъ, кто разъ попалъ въ эту живую могилу.

Мебель составляли кровать, столъ и стулъ. Компаньонами заточеннаго были маленькіе красные муравьи, черные тараканы, сверчки, мокрицы и мыши, и наблюденія надъ всѣми этими животными составляли одно изъ обычныхъ развлеченій узниковъ. Впрочемъ скоро нашлось и другое развлеченіе: это разговоръ съ сосѣдями сквозь стѣну. Разумѣется, голоса чрезъ толстую каменную стѣну не могло быть слышно; но если ударяли въ стѣну чѣмъ-нибудь, хотя бы гвоздемъ, карандашемъ и т. п., то звукъ легко передавался, и это подавало мысль составить условную азбуку, въ родѣ употребляемыхъ въ сигналахъ, телеграфахъ и пр. Трудно было только сначала понять основаніе азбуки или систему; но разъ, что сосѣдъ догадался, въ чемъ дѣло, то разумѣніе остального развивалось уже очень быстро. Чтобы избѣжать большаго числа ударовъ, производились различныя сочетанія. Иное напримѣръ значило два раздѣльные удара, иное — сплошные. Одинъ ударъ означалъ букву А, два сплошные звукъ I и пр. Впрочемъ системы были разнообразныя, болѣе или менѣе удобныя, но такъ какъ было много свободнаго времени, то онѣ достигали своей цѣли, служа средствомъ сообщенія не только съ сосѣдями, но чрезъ нихъ съ самыми отдаленными номерами и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли занятіе и развлеченіе.

Нельзя сказать, чтобъ не было и другихъ средствъ сообщенія, особенно у тѣхъ, которые могли щедро платить чрезъ родныхъ. Говорятъ же, что въ Россіи деньги все портятъ, но отчасти могутъ и исправлять многое. Выше сказано было, что фельдфебель инвалидной роты носилъ бумаги въ городскую думу. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предложить арестантамъ и роднымъ ихъ служить посредникомъ для сношенія за извѣстную плату. Между тѣмъ относительно инвалидовъ, служившихъ сторожами при арестантахъ, онъ выказывалъ себя чрезвычайно строгимъ. Онъ не только не позволялъ имъ входить безъ себя въ комнаты арестантовъ, но не позволялъ имъ даже ни минуты оставаться и при немъ, коль скоро они напр. подали обѣдъ или чай, и даже кричалъ на нихъ, если ему покажется, что кто-нибудь засмотрится на арестанта, такъ что иногда, когда это имъ удавалось, они изъза спины его знаками показывали, что и хотѣли бы остаться и что-нибудь сказать, но что страшно его боятся. И вотъ разъ вечеромъ онъ вошелъ ко мнѣ, какъ будто бы для того, чтобы поправить постель къ ночи, и я видѣлъ, что онъ что-то положилъ подъ тюфякъ въ томъ углу кровати, который не былъ видѣнъ часовому. Я нашелъ подъ тюфякомъ письмо отъ сестры одного изъ моихъ товарищей, кн. Волконской, которая писала мнѣ, что я могу вполнѣ положиться на фельфебеля, что онъ служитъ и другимъ моимъ товарищамъ и чтобы я увѣдомилъ о доставленіи ея письма. Съ тѣхъ поръ я велъ переписку со многими въ городѣ, и, благодаря этому обстоятельству, успѣлъ предостеречь многихъ, особенно въ томъ, чтобы они уже не попадались въ ловушку на обычную уловку комите-

та выдумывать показанія отъ лицъ, которыя вовсе ихъ не дѣлали.

Былъ одинъ изъ моихъ пріятелей, которому особенно настойчиво комитетъ старался доказать его участіе въ тайномъ обществѣ. Это былъ Ѳеопемптъ Лутковскій, бывшій впослѣдствіи при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Онъ былъ зятъ адмиралу Головнину, извѣстному по плѣну у японцевъ, — и жилъ у него въ домѣ; при сдѣланномъ у Лутковскаго обыскѣ найденъ былъ у него на стѣнѣ мой портретъ работы академика Теребенева. На вопросъ, почему у него мой портретъ, онъ прямо отвѣчалъ, что онъ глубоко меня уважалъ и былъ моимъ пріятелемъ; а такъ какъ онъ былъ мною предупрежденъ, то его не могли уже сбить съ толку вымышленными показаніями, и онъ на все твердо отвѣчалъ, что не можетъ быть, чтобы я дѣлалъ какія-нибудь показанія, и требовалъ очной ставки. Обо всемъ этомъ онъ увѣдомилъ меня въ крѣпость. Поэтому, не имѣя возможности доказать участіе его въ тайномъ обществѣ, его сослали однако въ Черное море, бывшее тогда морскою Сибирью. Ему объявили, что это для того, «чтобы онъ научился впередъ лучше выбирать друзей.» Тамъ оставался онъ до тѣхъ поръ, пока не понадобилось назначить при Константинѣ Николаевичѣ хорошаго морского офицера, но и послѣ, когда онъ уже состоялъ при немъ, его долго держали, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, и только при свадьбѣ великаго князя сдѣлали флигель-адъютантомъ и затѣмъ произвели въ адмиралы. Онъ умеръ въ 1853 г. послѣ того, какъ вошелъ снова въ сношенія со мною и утѣшался тѣмъ, «что и въ самомъ отчаянномъ положеніи я нашелъ средства сдѣлать болѣе, нежели кто-нибудь, и для края, въ которомъ я находился, и въ госу-

дарственномъ смыслѣ.» Онъ разумѣлъ тѣ преобразованія, которыя я произвелъ въ Восточной Сибири.

Тесть его, адмиралъ Головнинъ, былъ также изъ числа тѣхъ, которые ускользнули отъ изслѣдованій комитета, хотя и принадлежалъ къ числу членовъ тайнаго общества, готовыхъ на самыя рѣшительныя мѣры. По показанію Лунина, это именно Головнинъ предлагалъ пожертвовать собою, чтобы потопить или взорвать на воздухъ Государя и его свиту при посѣщеніи какого нибудь корабля.

Слѣдствіе продолжалось непрерывно до іюня мѣсяца, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы меня или не требовали лично въ комитетъ или не присылали письменныхъ допросовъ. Я старался только спасти непривлеченныхъ къ слѣдствію, все же остальное, а особенно личная судьба моя, очень мало меня уже занимало. Мои мысли и усилія были уже направлены въ совсѣмъ другую сферу.

Предавшись вполнѣ волѣ Божіей относительно своей жизни, сохранитъ-ли она ее мнѣ, или я буду казненъ, я не хотѣлъ терять ни минуты и энергически принялся за дѣло разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, отъ изслѣдованія которыхъ я былъ отвлеченъ въ послѣднее время практическою дѣятельностью. Я вытребовалъ книги изъ своей библіотеки и до такой степени углубился въ изученіе, что, могу сказать, совершенно забылъ внѣшній міръ. Чтобы ничѣмъ не отвлекаться и быть всегда способнымъ къ умственнымъ занятіямъ, я еще въ крѣпости установилъ себѣ ту діету и расположеніе времени, которыя сохранилъ потомъ и въ казематѣ. Я велѣлъ подавать себѣ одну постную овощную похлебку и опредѣлилъ 18 часовъ на занятія, а 6 на все остальное, на сонъ, ѣду, гулянье и отдыхъ.

Какъ начальники въ крѣпости, такъ и члены

комитета смотрѣли на все это съ изумленіемъ и, можетъ быть, принимали меня даже за помѣшаннаго. Они никакъ не могли понять, какимъ образомъ человѣкъ, которому угрожаетъ смертная казнь и во всякомъ случаѣ вполнѣ безнадежная будущность, можетъ возиться съ греческими и латинскими книгами и можетъ добровольно ухудшать, по ихъ мнѣнію, свое положеніе, отказывая себѣ въ томъ, чего не лишала его даже крѣпость и чѣмъ (какъ напр. хорошей ѣдой и сномъ) многіе старались вознаградить себя за другія лишенія.

Между тѣмъ наступило время суда и приговора. Во второй части записокъ сказано уже, что суда собственно не было. Не было ни преній, ни защиты, и всѣ ошибки слѣдственнаго комитета остались безъ должнаго разъясненія.

Верховный уголовный судъ подраздѣлился только на коммиссіи, которыя приняли слѣдственныя дѣла, и ограничился вопросомъ, нашею-ли рукою писаны бумаги, не принимая даже протестовъ о неполнотѣ дѣла и о ненахожденіи въ дѣлахъ нѣкоторыхъ документовъ. Только тутъ и видѣли насъ судьи до самого произнесенія и чтенія приговора, основывая виновность исключительно на заключеніяхъ слѣдственной коммиссіи. Кромѣ неправильности и ошибокъ, сильно дѣйствовала, разумѣется, и протекція. Напр., помѣстивъ въ высшій разрядъ иныхъ армейскихъ офицеровъ, игравшихъ въ обществѣ ничтожную роль, помѣстили въ низшій разрядъ старика Тизенгаузена отъ того, что онъ былъ родственникъ Дибича.

Впрочемъ не всѣ равнодушно переносили неправильности и произволъ въ веденіи процесса. Говорятъ, что адмиралъ Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія, протестовалъ и вышелъ изъ суда, за

что и подвергся замѣчанію свыше, что «старикъ выжилъ изъ ума.» Тринадцать человѣкъ изъ числя судей отказались подписать смертную казнь, а члены Синода прибѣгли къ обычной уловкѣ, что хотя и признаютъ подсудимыхъ достойными смертной казни, но подписать смертнаго приговора не могутъ, потому-де, что ихъ санъ воспрещаетъ имъ одобрять пролитіе крови.

Приговоръ читали въ залѣ коменданта крѣпости, гдѣ былъ собранъ верховный уголовный судъ. Вводили по частямъ, по разрядамъ. Такъ какъ мы думали, что немедленно могутъ насъ отправить или на казнь или въ Сибирь, то Иванъ Пущинъ хотѣлъ просить позволенія видѣться съ отцомъ; но едва онъ началъ говорить, какъ судьи, испугавшись, что онъ будетъ протестовать противъ неправильности судопроизводства, закричали, чтобъ насъ скорѣй выводили изъ залы. Между тѣмъ многіе изъ судей, въ томъ числѣ и духовные, вели себя неприлично и тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы разсмотрѣть осужденныхъ, которыхъ отказывались выслушать.

Наконецъ, 10-го іюля 1826 года, насъ разбудили въ полночь. Мы одѣлись и вышли на внутренній дворъ крѣпости. Мы всѣ были очень рады, что увидѣлися другъ съ другомъ, и грозныя приготовленія не имѣли ни малѣйшаго вліянія на расположеніе духа, который былъ напротивъ настроенъ какъ-то торжественно, такъ что на нашихъ лицахъ выражалось торжество, тогда какъ офицеры и начальники войскъ, окружавшихъ насъ, были глубоко смущены и не выдерживали нашего взгляда. Начались шумные разговоры и распросы, но скоро моряковъ отдѣлили, и, посадивъ на пароходъ, повезли въ Кронштадтъ на флотъ, такъ какъ испол-

неніе приговора надъ моряками должно было произойти на адмиральскомъ кораблѣ. Вся дорога прошла въ оживленныхъ разговорахъ и намъ было очень весело. Въ шесть часовъ утра мы прибыли въ Кронштадтъ, но прошли его и направились къ стоявшему на большомъ рейдѣ флоту подъ командою адмирала Кроуна, англичанина. Всѣ люди на иностранныхъ военныхъ и купеческихъ корабляхъ находились на мачтахъ, чтобы удобнѣе разсмотрѣть, что будетъ происходить на адмиральскомъ кораблѣ.

Пароходъ присталъ къ парадному всходу флагманскаго корабля. Мы стали всходить на палубу, и тутъ ожидало насъ новое торжество. Командиръ корабля и офицеры встрѣчали насъ пожатіемъ руки, а стоявшіе вдали привѣтствовали знаками. Началось чтеніе приговора. Старикъ адмиралъ не выдержалъ и зарыдалъ. Плакали навзрыдъ матросы и офицеры; многіе изъ послѣднихъ не могли перенести сцены и, замахавъ руками, бросались внизъ. Въ числѣ осужденныхъ видѣли они многихъ, которые принадлежали къ такъ называемому цвѣту и надеждамъ флота.

Одни мы сохраняли торжественное спокойствіе. Вдругъ вижу я, что лейтенантъ Бодиско, который былъ приговоренъ только къ разжалованію въ матросы, къ меньшей степени наказанія, заплакалъ.

«Что это значитъ, Борисъ?» спросилъ я его. Онъ бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ: «Неужели думаете вы, Дмитрій Иринарховичъ, что я по малодушію плачу о своемъ приговорѣ? Напротивъ я плачу оттого, что мнѣ стыдно и досадно, что приговоръ мнѣ такой ничтожный и я буду лишенъ чести раздѣлить съ вами ссылку и заточеніе.»

Эта сцена произвела потрясающее дѣйствіе.

Многіе изъ матросовъ, державшіе ружья на карауль, какъ слѣдуетъ по положенію при чтеніи указовъ, взяли ружья подъ курокъ и утирали кулаками слезы, буквально потокомъ лившіяся по ихъ мужественнымъ лицамъ, — и начальники не рѣшались взыскать съ нихъ за такое нарушеніе военныхъ правилъ. Когда отобрали у насъ мундиры и принесли солдатскія шинели, положа ихъ въ груду, то я началъ раздавать ихъ товарищамъ и сказалъ имъ: «Господа, будетъ время, когда вы будете гордиться этою одеждою больше, нежели какими-бы то ни было знаками отличія.»

Мундиры велѣно было потопить, такъ какъ на кораблѣ нельзя было жечь ихъ, что дѣлали съ мундирами тѣхъ, надъ которыми исполняли приговоръ въ крѣпости. Но я не далъ бросать мундировъ въ море, а роздалъ все матросамъ, и никто изъ начальниковъ не рѣшился тому препятствовать. Затѣмъ мы сошли снова на пароходъ, но, пока происходила вышеописанная церемонія, офицеры съ корабля позаботились отправить на пароходъ вкусный завтракъ, чай и кофе, такъ что возвращеніе наше совершилось еще веселѣе, нежели передній путь.

Когда мы пристали къ крѣпости, то какой-то артиллеристъ, стоявшій на пристани, шепнулъ намъ, что пятерыхъ повѣсили. Вдругъ общее веселое настроеніе замѣнилось грустью. Мы стали упрекать плацъ-майора Подушкина, зачѣмъ онъ увѣрялъ насъ, что смертной казни не будетъ. Мы еще до приговора знали, что привезены были палачи изъ Финляндіи и что построены уже эшафоты. Но насъ увѣряли потомъ, что все было отмѣнено.

«Что вы, батеньки. Что вы, Господь съ вами,» говорилъ въ отвѣтъ на упрекъ Подушкинъ. «Я вамъ

скажу по секрету, — это повѣсили чучелъ, чтобы знаете попугать народъ, а ваши товарищи живы и сидятъ у меня. Завтра ихъ будутъ отправлять, только не знаю: въ Шлиссельбургъ или въ Соловки.»

Между тѣмъ ихъ дѣйствительно повѣсили и совершенно справедливо, что двое сорвались. Въ другихъ мѣстахъ при подобномъ случаѣ слѣдуетъ обыкновенно помилованіе, но тутъ сорвавшихся снова повѣсили. Правда и то, что Пестель сказалъ, что и этого порядкомъ не умѣютъ сдѣлать. Это сказывали намъ впослѣдствіи сторожа, бывшіе при казни.

По возвращеніи моемъ нынѣ въ Москву, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ сказалъ мнѣ, что, проходя случайно рано поутру черезъ мѣсто казни, онъ видѣлъ самъ, какъ клали всѣ пять труповъ на телѣгу, и узналъ тѣла Пестеля и Сергѣя Муравьева-Апостола, которыхъ прежде зналъ лично. Трупы были нагіе. Вѣроятно, рабочіе поживились саванами и колпаками. Тѣла были зарыты на островѣ Голодаѣ.

При исполненіи приговора публики вовсе не было. Народъ обманули, сказавши, что все будетъ происходить на Волковомъ полѣ, куда онъ и потянулся на разсвѣтѣ. А между тѣмъ еще ночью собрали около крѣпости всю гвардію и исполненіе приговора произвели на гласисѣ крѣпости. Надъ Михаиломъ Пущинымъ ошибкою сломали шпагу, а такъ какъ онъ не былъ лишенъ дворянства, то и закричалъ: «Какъ смѣете вы это дѣлать.»

Но генералъ Головинъ, извѣстный святоша, сталъ нагло увѣрять его, что этого не было, и что «если Пущинъ вздумаетъ жаловаться, то не найдетъ свидѣтелей въ подтвержденіе, что это дѣйствительно было.»

Кромѣ 121-го человѣка, подпавшихъ верховному уголовному суду, было огромное количество подверженныхъ разнымъ наказаніямъ безъ всякаго суда. — Изъ этихъ наказаній нѣкоторыя были очень суровы. Мы не говоримъ уже о переводѣ тѣми же чинами изъ гвардіи въ армію, ссылкѣ въ отдаленные гарнизоны, отнятіи команды ввѣренными частями, заточеніи въ деревню и отдаленные города подъ надзоръ полиціи и пр., которымъ подверглись почти всѣ арестованные, но нѣкоторые были произвольно присуждены и къ такимъ наказаніямъ, которымъ едва-ли бы подверглись, если бы судились верховнымъ уголовнымъ судомъ, какъ напр. заточенію на четыре года въ крѣпость сверхъ того времени, которое уже провели въ Петропавловской крѣпости. Кромѣ того, нѣкоторымъ изъ осужденныхъ даже судомъ произвольно перемѣняли приговоръ; такъ напр. Норова, Батенькова, Вильгельма Кюхельбекера и Дивова заточили въ крѣпости вмѣсто ссылки въ Сибирь, гдѣ имъ съ товарищами было бы несравненно легче. Норовъ, Василій Сергѣевичъ, такъ и умеръ въ заточеніи; Дивовъ умеръ, кажется, на Кавказѣ; Батеньковъ впослѣдствіи посланъ въ Сибирь-же послѣ 15-ти лѣтняго заточенія въ крѣпости, гдѣ и сдѣлался, по его собственному выраженію, вполнѣ «одичалымъ». В. Кюхельбекеръ былъ сосланъ въ Сибирь, пробывъ въ крѣпости 8 лѣтъ.

IV.

Извѣстно, что если уже люди вступятъ на путь произвола, то нѣтъ ничего труднѣе, какъ возвратиться на законный путь. Руководствуясь произ-

воломъ въ производствѣ слѣдствія и суда, подъ предлогомъ необходимости, правительство сдѣлало двѣ ошибки, создавшія ему не малыя затрудненія впослѣдствіи. Во первыхъ, оправдывая свое отступленіе отъ закона государственною пользою и необходимостью, оно оправдывало тѣмъ самымъ и тѣхъ, которыхъ наказывало, такъ какъ и они основывали свои дѣйствія на той же необходимости и государственной пользѣ.

Во вторыхъ, начавъ съ произвола, оно было вынуждено и продолжать свои дѣйствія на основаніи того же произвола, а сознаніе это, — чего не можетъ избѣжать никакая совѣсть, — лишало его дѣйствія всякой твердости, и можно сказать, что оно во всѣхъ послѣдующихъ мѣрахъ противъ насъ не только не достигало своей цѣли, но приводило совершенно къ противоположнымъ послѣдствіямъ и, замышляя многое противъ насъ, никогда не могло добиться и того, чему подверглись бы мы при соблюденіи обычнаго порядка.

Доведя дѣло до осужденія насъ и исполненія приговора, правительство рѣшительно стало въ тупикъ, что съ нами дѣлать. Оно не только не отважилось отправить насъ обычнымъ путемъ съ партіей арестантовъ, идущихъ въ Сибирь, но боялось вести насъ цѣлою массою даже отдѣльно. Поэтому, оно рѣшилось отправить насъ съ фельдъ-егерями по четыре человѣка и притомъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени, а такъ какъ такая отправка необходимо должна была затянуться на очень долгое время, то въ ожиданіи отправленія въ Сибирь придумали насъ развести по другимъ крѣпостямъ, въ Шлиссельбургъ и въ разныя крѣпости въ Финляндіи.

Между тѣмъ послѣ отсылки еще только двухъ

первыхъ партій, правительство натолкнулось уже на непредвидѣнное затрудненіе. Для отсылки въ Нерчинскіе рудники требовалось особливое упоминаніе о томъ въ приговорѣ. Такъ какъ въ нашемъ приговорѣ этого не было сдѣлано, то иркутское губернское правленіе на основаніи точнаго смысла закона и назначило первыхъ 8 человѣкъ, привезенныхъ въ Иркутскъ, хотя и въ работу, но не въ нерчинскіе рудники, а половину на винокуренный, а другую на солеваренный казенные заводы; прибывъ туда, они и поступили на общее положеніе ссыльныхъ рабочихъ, т. е. имъ назначили уроки работы, а предоставили, какъ и въ обычаѣ тамъ, жить, какъ хотятъ. Такимъ образомъ они обзавелись домами и жили на свообдѣ. Но въ это время прибывшій на коронацію генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, получивъ о томъ донесеніе и вообразивши себѣ, что подобное распоряженіе было сдѣлано замѣнявшимъ его въ его отсутствіе иркутскимъ губернаторомъ Горловымъ, съ которымъ онъ былъ во враждѣ, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повредить ему, и сдѣлалъ на него доносъ, замѣчательный своею нелѣпостью. Въ немъ говорилось, что такъ какъ извѣстно, что Горловъ былъ масонъ, «то по всей вѣроятности онъ долженъ былъ быть и членомъ тайнаго общества,» и что вслѣдствіи этого-то онъ и оказалъ будто-бы такое потворство государственнымъ преступникамъ, не пославъ ихъ въ рудники, а водворивъ ихъ на лежащихъ близь Иркутска заводахъ; и что онъ, Лавинскій, вслѣдствіе такого распоряженія не отвѣчаетъ за безопасность Восточной Сибири, опасаясь вліянія нашего на простыхъ ссыльныхъ, если мы будемъ жить на волѣ въ заводахъ, какъ живутъ простые ссыльно-каторжные. Тотчасъ было наря-

жено слѣдствіе, но, разумѣется, оказалось, что Горловъ вовсе даже не былъ причастенъ этому распоряженію, а что оно сдѣлано было губернскимъ правленіемъ, какъ и слѣдовало на основаніи и буквы и точнаго смысла законовъ. Вслѣдствіе этого и положена была по этому дѣлу резолюція, еще болѣе замѣчательная, чѣмъ самый доносъ. Сказано было, что «генералъ-губернатору Лавинскому за ложный доносъ на губернатора Горлова въ видахъ личнаго мщенія сдѣлать строжайшій выговоръ съ занесеніемъ въ формуляръ.»

И послѣ этого оставили его всетаки генералъ-губернаторомъ.

Между тѣмъ это событіе имѣло для насъ два неблагопріятныя слѣдствія. — Нашихъ бѣдныхъ товарищей, которые жили уже спокойно въ заводахъ, схватили внезапно, заковали въ желѣза и увезли въ Благодатскій рудникъ на берегахъ Аргуни; а наше отправленіе остановили, чрезъ что для низшихъ разрядовъ, приговоренныхъ въ работу на краткій срокъ, произошла та невыгода, что такъ какъ срокъ работы инымъ кончился бы, а другимъ значительно сократился бы еще во время нахожденія въ крѣпости, если бы считали его со дня приговора, то задерживая ихъ произвольно въ крѣпости, велѣли считать также произвольно работы со дня дѣйствительнаго поступленія въ нее и такимъ образомъ увеличили для нихъ срокъ заточенія, такъ что тѣ, которымъ былъ назначенъ только годовой срокъ, отправлены были на поселеніе, гдѣ избавились по крайней мѣрѣ отъ тюремнаго заключенія, только черезъ три года послѣ приговора. (Такъ-то наводили, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ то-же время, вслѣдствіе этого-же самаго событія, возникла мысль и о постройкѣ казе-

мата и содержаніе насъ въ тюремномъ заключеніи.

Вначалѣ намѣреніе правительства было разослать насъ по рудникамъ, поручивъ только спеціальный надзоръ надъ нами особому управленію. Для этого учредили должность коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, который долженъ былъ непосредственно завѣдывать нами. Но когда Лавинскій испугалъ правительство возможностію опаснаго вліянія нашего на простыхъ ссыльныхъ, то рѣшились построить родъ крѣпости подъ болѣе извѣстнымъ названіемъ каземата и содержать насъ тамъ въ заключеніи и только водить оттуда на работу. Затруднялись только въ выборѣ мѣста. Сначала думали было построить казематъ на островѣ Ольхонѣ, находящемся на Байкалѣ, но это предположеніе было оставлено, какъ по затрудненію доставлять туда матеріалы, такъ и по недостатку тамъ воды. Тогда рѣшились построить тюремный замокъ при Акатуевскомъ серебряномъ рудникѣ въ самомъ мрачномъ и нездоровомъ мѣстѣ. Мы увидимъ ниже, по какимъ причинамъ не удалось правительству заточить насъ тамъ, вслѣдствіе чего Акатуевская тюрьма получила другое назначеніе, а для насъ выстроили казематъ въ Петровскомъ заводѣ. Въ ожиданіи же, пока постройка окончится, предположено было собрать насъ въ Читѣ или въ Читинскомъ острогѣ, какъ онъ тогда назывался. Между тѣмъ, пока продолжалось такое колебаніе правительства и, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія его, насъ продолжали держать въ крѣпости, случился одинъ изъ самыхъ грустныхъ эпизодовъ моей жизни. Въ то время, когда я радовался, что по случаю произнесенія приговора и окончанія слѣдствія, меня не отвлекаютъ уже отъ избранныхъ мною занятій ни

требованіемъ въ комитетъ, ни письменными запросами, вдругъ получаю я бумагу, гдѣ говорилось, что на меня сдѣланы новыя показанія, обвиняющія меня въ государственной измѣнѣ, и что если я не сознаюсь во всемъ немедленно и не раскрою всего, то неминуемо буду преданъ смертной казни. Показаніе состояло въ томъ, тто я былъ будто-бы въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами и получалъ отъ нихъ огромныя суммы для произведенія смутъ въ Россіи. Нелѣпость подобнаго показанія была очевидна, и я никакъ не могъ понять ни кто могъ его сдѣлать, ни того, какъ могли ему повѣрить въ комитетѣ. Впослѣдствіи на упрекъ мой въ томъ Левашеву, онъ оправдывался тѣмъ, что, кромѣ близости ко мнѣ лица, сдѣлавшаго показаніе, оно, повидимому, подтверждало коварные намеки, сдѣланные уже и Рылѣевымъ, чрезвычайно озлобившимся на меня, по словамъ Левашова, за презрѣніе, выказанное мною Рылѣеву за его поведеніе въ комитетѣ. Разумѣется, я немедленно потребовалъ представить положительные документы въ уликѣ и очной ставки съ доносчикомъ, который оказался способнымъ на такія лживыя показанія, которыя прямо вели меня на эшафотъ и наводили сомнѣніе на патріотизмъ человѣка, незадолго еще предъ тѣмъ отвергшаго самыя блестящія предложенія бразильскаго императора. Комитетъ вынужденъ былъ уступить моему требованію, и вотъ на очной ставкѣ оказалось, что ложнымъ доносчикомъ, который велъ меня на висѣлицу, былъ облагодѣтельствованный мною мой младшій братъ Ипполитъ.

Избалованный мачихою, для которой онъ служилъ какъ бы вывѣскою тщеславнаго желанія доказать, что она будетъ не хуже родной матери и ко-

торая по смерти нашего отца измѣнила назначеніе младшаго брата, отдавъ его не въ Морской корпусъ, какъ того хотѣлъ отецъ, а въ артиллерійское училище, чтобы онъ могъ поступить потомъ въ гвардію. Ипполитъ не только дурно учился, но и вовлекся въ разныя дурныя дѣла. Его долго продержали дома, а въ училищѣ, только что устроенномъ вновь, не было ни порядка, ни дисциплины; поэтому, дурныя наклонности, развившіяся съ особенной силой дома по смерти отца, не могли уже быть исправлены въ училищѣ, и когда я прибылъ въ Петербургъ изъ Америки въ 1824 г., то нашелъ его запутаннымъ въ одно изъ такихъ дурныхъ дѣлъ, которое грозило ему позорнымъ наказаніемъ и выключкою изъ училища въ томъ случаѣ, если не будетъ уплачена довольно значительная сумма, какъ объявилъ мнѣ объ этомъ и самъ директоръ училища.

Ипполитъ притворился глубоко раскаявающимся, обѣщалъ бросить всѣ дурныя знакомства и дѣла и исключительно впередъ заниматься ученьемъ, не посѣщая уже никого, кромѣ меня. Я простилъ его, заплатилъ за него все и позволилъ ходить къ себѣ, продолжая постоянно помогать ему въ его нуждахъ, такъ какъ мачиха отказалась уже платить за него долги. Никакихъ секретныхъ бумагъ онъ не могъ, разумѣется, видѣть у меня, но по управленію моему хозяйственной частью въ кругосвѣтной экспедиціи, у меня было множество бумагъ оффиціальныхъ, не составляющихъ никакого секрета и потому лежавшихъ открыто на столѣ, такъ какъ въ нихъ, при составленіи отчетовъ въ контроль, безпрестанно случалась надобность. Вотъ въ этихъ-то бумагахъ онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, и рылся. Тутъ было много бумагъ на иностранныхъ языкахъ и консульскихъ денежныхъ сче-

товъ за разныя вещи, поставляемыя для экспедиціи и по переводу векселей. Не зная никакого другого языка, кромѣ французскаго, Ипполитъ не могъ узнать содержаніе этихъ бумагъ. Видя же впослѣдствіи раздраженіе правительства противъ насъ и даже явную несправедливость относительно насъ, онъ по легкомыслію вообразилъ себѣ, что противъ насъ при такомъ расположеніи правительства всякое показаніе будетъ принято безъ изслѣдованія, и потому, зная, что при дурномъ его ученьи онъ не можетъ разсчитывать на повышеніе законнымъ путемъ, онъ вздумалъ составить себѣ выслугу изъ ложнаго доноса на брата, столько для него сдѣлавшаго, и воспользовался для этого тѣмъ случаемъ, что видѣлъ у меня иностранныя бумаги и счеты, приплетя ихъ въ подтвержденіе сочиненной имъ басни. Надо сказать, что и въ комитетѣ были настолько неосновательны, что долго мучили меня косвенными распросами вмѣсто того, чтобы или прямо показать мнѣ бумаги, или сейчасъ же велѣть перевести ихъ въ иностранной коллегіи, какъ и вынуждены были сдѣлать наконецъ по моему требованію. Я даже однажды очень пристыдилъ ихъ, когда они показали мнѣ съ какимъ-то торжествомъ одну бумагу «съ символическими знаками,» какъ выражались они въ запросѣ, «содержащую огромныя цифры и на неизвѣстномъ никому языкѣ.»

«Это просто трактирный счетъ,» отвѣчалъ я смѣясь, «за провизію, поставляемую для офицерскаго стола, символическіе знаки — вывѣска трактира, невѣдомый языкъ — португальскій, а цифры огромны отъ того, что въ Бразиліи счетъ идетъ на мариведисы, которыхъ въ піастрѣ считается около тысячи, немного болѣе или менѣе, смотря по текущему курсу.»

Ипполита приговорили было за ложный донос на роднаго брата къ очень строгому наказанію, но я чрезъ Левашева писалъ къ Государю и просилъ его, чтобы послѣ удара, нанесеннаго моимъ роднымъ моимъ приговоромъ, не усиливать чрезъ мѣру ихъ горесть строгимъ приговоромъ меньшому брату. По этому его только разжаловали въ солдаты, но безъ лишенія дворянства, и послали на службу въ Оренбургъ. Къ несчастію онъ употребилъ во зло и это снисхожденіе, и какъ онъ вслѣдствіе новыхъ своихъ дурныхъ дѣлъ навсегда сталъ потомъ злою моею тѣнью, то я къ сожалѣнію и долженъ здѣсь разсказать и его дальнѣйшую судьбу.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что мы оба были въ Сибири, оба содержались въ казематѣ, оба писали въ Сибири и о ней, хотя, какъ извѣстно, въ противоположномъ смыслѣ, насъ часто смѣшивали, иногда, конечно, неумышленно, но иногда и умышленно, причемъ онъ извлекалъ всегда себѣ изъ этого смѣшиванья выгоду, между тѣмъ, какъ на меня отбрасывалъ постоянно тѣнь своихъ дурныхъ дѣйствій. Много для него дѣлали, чего онъ вовсе не заслуживалъ, единственно потому, что смѣшивали его со мною или ради уваженія и расположенія ко мнѣ; а мнѣ, напротивъ, много вредили или также смѣшивая меня съ нимъ, или по раздраженію противъ него и даже умышленно употребляя это смѣшиванье въ орудіе клеветы противъ меня.

Такъ какъ по дорогѣ, по которой Ипполитъ слѣдовалъ съ партіей, вездѣ были у насъ родные и знакомые начальники, а дѣла его не знали, то онъ и воспользовался этимъ, чтобы сочинить новую исторію, что онъ «пострадалъ будто бы за то, что, по любви къ брату, пожертвовалъ собою, чтобы освободить брата изъ крѣпости.» Этимъ возбудилъ

онъ къ себѣ повсемѣстно и у всѣхъ участіе и заслужилъ благоволеніе. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, главнокомандующій въ Москвѣ, позволилъ ему отдѣлиться отъ партіи и остаться въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ догнать партію на почтовыхъ. Гр. Апраксинъ, губернаторъ во Владимірѣ, сдѣлалъ то-же; и точно такъ же поступили въ Нижнемъ Новгородѣ и Казани. А такъ какъ онъ ѣхалъ на почтовыхъ, то всетаки, хотя онъ и оставался по нѣскольку дней въ городахъ, успѣлъ однако опередить партію. Но прибывъ въ Оренбургъ, онъ сейчасъ-же попался въ какой-то глупой ссорѣ, о которой донесено было однако въ Петербургъ, гдѣ вслѣдствіе этого и узнали, что онъ прибылъ въ Оренбургъ до прихода партіи. Началось изслѣдованіе, и онъ по малодушію выдалъ всѣхъ, кто оказалъ ему снисхожденіе. За исключеніемъ Голицына всѣмъ былъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ. Между тѣмъ онъ и въ Оренбургѣ выдалъ себя за политическаго ссыльнаго и сталъ завлекать въ неосторожные разговоры разныхъ мелкихъ офицеровъ и юнкеровъ; а затѣмъ рѣшился повторить прежній свой пріемъ и самъ же донесъ на нихъ. Но на этотъ разъ, когда все дѣло открылось, онъ былъ уже присужденъ на вѣчно въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники. Тутъ онъ выдалъ себя за одного изъ насъ и добился также участія къ себѣ, но скоро попался въ глупой исторіи, гдѣ вся пьяная компанія, и онъ въ томъ числѣ, высѣкли пьянаго же попа. Тогда бывшій при насъ комендантъ, получившій уже между тѣмъ глубокое уваженіе ко мнѣ, и желая спасти его ради меня, взялъ его къ намъ въ казематъ.

Къ сожалѣнію, и въ казематѣ онъ дѣйствовалъ по прежнему все интригами, и даже дѣлалъ на насъ

доносы коменданту, такъ что комендантъ одно время долженъ былъ запереть его въ номерѣ. Но для него пребываніе въ казематѣ было очень выгодно, потому что никто не зналъ его дѣлъ, и, впослѣдствіи, когда онъ находился на поселеніи, его принимали за политическаго изгнанника уже по одному тому только, что и онъ былъ въ казематѣ. Состоя на поселеніи, онъ запутывался въ разныя дѣла: то старался выслужиться доносами, то подслуживался лестью генералъ-губернатору и шефу жандармовъ. Въ послѣднее время, по ходатайству родныхъ, ему дозволено было записаться въ купцы, а наконецъ возвратили и дворянство, и въ то же время по ходатайству сестры чрезъ протекцію Сушковыхъ и Погодина ему удалось, съ помощію Общества распространенія полезныхъ книгъ, напечатать свою компиляцію о Сибири. Тутъ опять послужило ему то обстоятельство, что многіе раскупили эту книгу, считая ее моимъ произведеніемъ, но скоро разочаровывались, иные даже прочтя только нѣсколько страницъ.

Между тѣмъ доносъ Ипполита запуталъ много людей, которые вовсе не были участниками ни въ какихъ политическихъ тайнахъ, и сверхъ того навелъ слѣдственную коммиссію на мысль, что у мачихи и сестры могутъ быть спрятаны нѣкоторыя мои бумаги и вещи. Слѣдственный комитетъ потребовалъ отъ меня, чтобъ я написалъ имъ письмо о выдачѣ всего, и когда я рѣшительно отъ того отказался, то написали подложное письмо якобы отъ меня, подписавшись подъ мою руку. Впослѣдствіи, по возвращеніи моемъ уже въ Москву, сестра увѣряла меня, что она будто бы сей же часъ увидѣла подлогъ и убѣждала мачиху ничего не выдавать, но мачиха перепугалась и выдала тотъ

ящикъ, который я оставилъ въ деревнѣ, но въ которомъ къ счастію не было особенно важныхъ бумагъ,*) а были символическія одежды и знаки Общества или Ордена Возстановленія, сообразно тогдашнимъ понятіямъ и обычаямъ въ тайныхъ обществахъ — бѣлая атласная туника съ краснымъ крестомъ на наплечникахъ, обоюдуострый мечъ съ крестообразною рукояткою, желѣзный скипетръ, наперсный крестъ съ греческою надписью «Симъ побѣдиши», одежды и пр. Ничего другого, чего доискивался комитетъ, тутъ не нашли. Все, что могло компрометировать лицо, было истреблено мною еще при первомъ моемъ арестѣ, и когда потомъ я надился на свободѣ.

Мы будемъ имѣть еще не разъ случай встрѣтиться со странными дѣйствіями нашихъ родныхъ въ разныхъ обстоятельствахъ и потому считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ихъ дѣйствіяхъ вообще. Неоспоримо, что въ совокупности они имѣли тогда большую силу и по вліянію при дворѣ и на общественное мнѣніе, и по тѣмъ средствамъ, которыми располагали, и могли бы много сдѣлать для насъ, если бы взялись за дѣло разумно. Во первыхъ, въ слѣдственномъ комитетѣ собственно члены его ничего не понимали въ дѣлѣ; всѣ дѣла находились въ рукахъ аудиторовъ и другихъ чиновниковъ, и мы видѣли изъ того обстоятельства, что Любимову удалось выкупить свои бумаги, что то же самое могли сдѣлать и для дру-

*) Портфель съ важными бумагами и другой ящикъ небольшого размѣра, взятые съ собою въ Симбирскъ, были отданы мною высланному мнѣ навстрѣчу на проселочную дорогу Аржевитинову, такъ какъ я зналъ, что изъ Казанской деревни я поѣду проселочною дорогою въ свое симбирское имѣніе Жедаевку, между тѣмъ, какъ меня искали и караулили на почтовомъ трактѣ отъ Казани до Симбирска.

гихъ; во вторыхъ, если бы вмѣсто того, чтобы заботиться только о томъ, какъ говорилъ Лунинъ, чтобы кормить насъ и плакать о насъ, да признавая насъ виноватыми, ожидать всего отъ милости, они энергически бы возстали въ нашу защиту и доказывали бы, что если бы мы были виновны въ томъ, что искали насильственными средствами поправить положеніе государства, то тѣ, кто довелъ государство до такого гибельнаго положенія, еще болѣе виноваты и должны, поэтому, подлежать еще большей отвѣтственности, тогда по всей вѣроятности и приговоръ былъ бы мягче и справедливѣе, и во всякомъ случаѣ не отважились бы ухудшать нашу участь произвольно свыше приговора. Что же мы видѣли напротивъ? Какая нибудь княгиня Волконская, которой никогда не отважились бы отказать ни въ чемъ, какъ первой гофмейстеринѣ двора и воспитательницѣ государя, допустила хладнокровно отправить сына въ каторжную работу и даже танцовала съ самимъ государемъ на другой день послѣ приговора, а въ то же время требовала, чтобъ ея Сергѣю отправляли серебряную посуду. Не возставая противъ заковки въ желѣза, чего съ осужденными изъ дворянъ никогда не дѣлалось, наши родные стали кричать, зачѣмъ заклепываютъ желѣза, а не запираютъ замками и т. п. Это именно и случилось, когда, рѣшивъ кое-какъ вопросъ, какъ содержать насъ въ Сибири, правительство снова приступило къ отправленію насъ въ Сибирь прежнимъ порядкомъ по четыре человѣка, и тутъ вышла презабавная сцена. Когда почти передъ самымъ отправленіемъ нашей партіи прислано было отъ Государя приказаніе не заклепывать желѣза, а запирать замками, то, разумѣется, такъ какъ никакихъ замковъ припасено не было, бросились

искать ихъ въ ближайшія лавочки, потому что это было уже поздно вечеромъ и въ городъ посылать было далеко. И вотъ въ мелочныхъ лавочкахъ набрали маленькихъ висячихъ замковъ, которыми запираютъ жестянки и пр., и на которыхъ обыкновенно бываютъ вставки изъ желтой латуни съ разными надписями. Когда надѣвали на насъ желѣза, я полюбопытствовалъ посмотрѣть, какая надпись на моихъ замкахъ и нашелъ на одномъ изъ нихъ слѣдующее: «Кого люблю, тому дарю,» а Николаю Бестужеву достался замочекъ съ надписью: «Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь.» и пр.

Наконецъ 19-го января 1827 г., въ два часа ночи, нашу партію вывезли изъ Петербурга и отправили въ Сибирь сѣвернымъ трактомъ на Шлиссельбургъ, Ярославль и Вятку. Товарищами моими были два брата Крюковы, старшій, бывшій адъютантъ Витгенштейна, а младшій — офицеръ генеральнаго штаба, и Свистуновъ, офицеръ кавалергардскаго полка. Каждый изъ насъ сидѣлъ въ особой повозкѣ съ жандармомъ; всю эту партію препровождалъ фельдъегерь Гейнрихсъ.

Въ Шлиссельбургѣ на станціи встрѣтили насъ офицеры лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка очень радушно. Желали, разумѣется, счастливой дороги и скораго возвращенія, обѣщая продолжать наше дѣло, чего однако не исполнили.

Здѣсь будетъ у мѣста разсказать о пріемѣ, который намъ вездѣ дѣлали, какъ вообще относились къ намъ и наши провожатые, и начальники, и частные люди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали, и какое впечатлѣніе мы производили.

Такъ какъ родные моихъ товарищей успѣли

передать деньги не только имъ, но и фельдъегерю, и мы ему сказали, что сверхъ того кормовыя наши деньги онъ можетъ взять себѣ, то со второй же станціи всѣ провожатые очень довѣрились намъ, и фельдъегерь, если и капризничалъ иногда, то все-таки былъ больше нашимъ поваромъ, нежели надсмотрщикомъ, и скорѣе заботился о кухнѣ, нежели о наблюденіи за нами. Положась на наше слово, онъ насъ ни въ чемъ не стѣснялъ, и если и являлись у него капризы, то изъ боязни только, чтобы не замѣтили посторонніе настоящихъ отношеній, установившихся между нами и имъ. Гдѣ же онъ этого не опасался, тамъ дѣйствовалъ даже отважно. Такъ напр. въ Вятской губерніи онъ завезъ насъ даже въ сторону отъ тракта къ знакомому своему помѣщику. О жандармахъ нечего и говорить, они обратилися вполнѣ въ нашу прислугу.

Мы вездѣ слыли подъ общимъ названіемъ князей и генераловъ. Если напр. говорили намъ, что вотъ и прошлаго года въ этой же избѣ останавливались князья (фельдъегеря не любили останавливаться на станціяхъ, гдѣ могли быть и другіе проѣзжіе, и всегда требовали, чтобъ отвели особую квартиру, особенно для обѣда и ночлега), то это значило, что провозили нашихъ товарищей. Многіе, желая согласить требованіе настоящаго положенія съ желаніемъ показать намъ учтивость, говорили, адресуясь къ намъ: «Ваше бывшее Сіятельство, ваше бывшее Превосходительство» и пр. На одной станціи меня узналъ одинъ молодой крестьянинъ, которому я помогъ, проѣзжая изъ Калифорніи два года тому назадъ. Онъ убѣдительно просилъ меня крестить у него первороженнаго сына, со слезами доказывая фельдъегерю, что, видимо, тутъ воля Божія, которая другой разъ посылаетъ ему такой слу-

чай.*) Фельдегерь согласился. Я отдалъ крестнику свой собственный золотой крестъ въ три червонца, товарищи надѣлили родителей деньгами и вещами.

Вообще, вездѣ намъ оказывали большое участіе и уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли какое то суевѣрное убѣжденіе, что каждое наше слово исполнено глубокаго таинственнаго смысла, и это тѣмъ болѣе, что часто ничего не понимали изъ русскаго (политическаго) нашего разговора, и не разъ намъ случалось слышать выраженія, подобныя слѣдующему: «Кажись, и по русски говорятъ, а ничего не поймешь,» и пр. Иногда это убѣжденіе въ существованіи таинственнаго смысла въ самыхъ простыхъ словахъ обычнаго даже разговора и что мы ничего и не можемъ сказать спроста, вело къ пресмѣшнымъ истолкованіямъ. Такъ напр., когда товарищей моихъ привезли въ Шлиссельбургъ, то старикъ комендантъ Плуталовъ, изъ гатчинскихъ, послѣ обыкновеннаго спроса спросилъ ихъ, не нужно-ли имъ чего? Юшневскій, бывшій генералъ-интендантъ второй арміи, отвѣчалъ ему: «Покорно благодаримъ, кажется ничего; развѣ только прикажете подать чайникъ горячей воды.» — Юшневскій отвѣчалъ такъ просто потому, что зналъ, что въ номерахъ въ

*) Въ бурную ночь я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку. Слышу чей-то молодой голосъ, умоляющій человѣка, который, какъ оказалось изъ разговора, былъ повѣреннымъ откупщика, не разорять ихъ семьи и подождать долгъ, тѣмъ болѣе, что онъ недавно женился. Тотъ сурово отвѣчаетъ, что если онъ сейчасъ не заплатитъ, то, прибывъ въ деревню, онъ отберетъ у нихъ обѣ лошади. Перевозчики всѣ жалѣютъ молодого парня. Трезвый, говорятъ, и работающій, а теперь хоть въ воду. Я подзываю его и даю 25 рублей. Онъ не вѣритъ глазамъ своимъ и, пріѣхавъ за мною на станцію, узнаетъ у писаря, кто я. Прочитавъ потомъ, что и я въ числѣ осужденныхъ, онъ караулилъ проѣздъ нашъ со второй партіи, лишь только узналъ, что насъ начали возить въ Сибирь.

крѣпости самоваровъ не полагается. Между тѣмъ, комендантъ, подумавъ, сказалъ: «Не глупо сказано.» — Разумѣется, ровно никто ничего не понялъ, что онъ подъ этимъ разумѣлъ, но когда потомъ сблизились, и комендантъ сталъ ходить въ гости къ моимъ товарищамъ и приглашать ихъ къ себѣ, то Юшневскій, вспомнивъ его слова, спросилъ объясненія: «Да, вы думаете, что я не понялъ, какъ тонко вы тогда сообразили все, — отвѣчалъ Плуталовъ; «вы подумали вѣрно, что вотъ-де комендантъ изъ солдатъ, неучъ и грубіянъ, и если вы скажете, что нуженъ самоваръ, то онъ пожалуй скажетъ, что вамъ по вашему положенію чаю не полагается. Ну вотъ вы и сказали чайникъ. Ты-де тамъ про себя понимай, какъ знаешь, на что, а отказать нельзя, можетъ быть и для того, чтобы съ дороги помыться до бани.»

Съ одной стороны желаніе видѣть насъ, а съ другой боязнь быть замѣченными правительствомъ, заставляли людей прибѣгать къ разнымъ уловкамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось намъ останавливаться. Въ Ярославлѣ, напр., гдѣ мы остановились, въ гостинницѣ, многіе чиновники и другія значительныя лица въ городѣ переодѣлись прислугою; а вице-губернаторъ, надѣвъ чей-то тулупъ, свѣтилъ намъ съ лѣстницы, когда мы шли садиться въ повозки. Во многихъ мѣстахъ выѣзжали родные, и нѣкоторымъ удавалось даже помѣщаться въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ мы останавливались, и передавать своимъ деньги и вещи. Въ Тобольскѣ мы остановились въ домѣ полицмейстера. Мы пожелали отправиться въ баню. Губернаторъ прислалъ свою карету, въ которой мы и поѣхали; фельдъ-егерь сидѣлъ съ нами, на козлахъ сидѣлъ казачій офицеръ, а на запяткахъ стоялъ квартальный надзиратель.

Въ Тобольскѣ произошла смѣна провожатаго. Фельдъегеря замѣнилъ чиновникъ, жандармовъ — казаки. Такъ доѣхали мы до Томска, гдѣ остановились такъ же, какъ и въ Тобольскѣ, въ домѣ полицмейстера. Вдругъ входитъ фельдъегерь Воробьевъ изъ числа тѣхъ, которые сопровождали всегда самого Государя. Меня отдѣляютъ отъ товарищей и передаютъ ему. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ вспомнили, что, незадолго передъ тѣмъ, возвращаясь изъ Калифорніи, я проѣзжалъ чрезъ Сибирь и произвелъ тамъ въ проѣздъ мой сильное впечатлѣніе. Поэтому, опасаясь моего вліянія и моихъ сношеній въ Сибири, послали за мной въ догонку самаго надежнаго и самаго быстраго фельдъегеря для того, чтобы провезти меня отдѣльно и какъ можно скорѣе. Но этотъ фельдъегерь оказался очень внимательнымъ и услужливымъ человѣкомъ. Такъ какъ мои родные не позаботились снабдить меня ничѣмъ при отправленіи въ Сибирь, а я не хотѣлъ надѣвать казенныхъ ни тулупа, ни шапки, ни сапоговъ, то и ѣхалъ въ томъ, въ чемъ былъ арестованъ: въ ваточной офицерской шинели (только плацъ-майоръ поживился висячимъ воротникомъ, который отпороли въ крѣпости, польстившись на отличное сукно), фуражкѣ и обыкновенныхъ сапогахъ, такъ какъ я никогда прежде галошъ не носилъ. Фельдъегерь никакъ не могъ понять, какъ я могу такъ переносить холодъ, и старался, чтобы всегда въ повозкѣ было теплое одѣяло или тулупъ, чтобы укутать мнѣ ноги.

Занятый серьезными мыслями, я и съ товарищами былъ всегда серьезенъ, но Воробьевъ, приписывая серьезность грустному настроенію, старался всячески меня развеселить. Онъ разсказывалъ разные анекдоты и случаи изъ поѣздокъ своихъ съ Государемъ, пѣлъ пѣсни и даже, съѣхавшись на

одной станціи съ однимъ молодымъ докторомъ, слѣдовавшимъ въ Сибирь же на службу, условился съ нимъ ѣхать вмѣстѣ, чтобы мнѣ не было скучно, какъ говорилъ, и видя, что жена его отъ скуки вяжетъ на станціяхъ какой-то шарфикъ, уговорилъ поскорѣй довязать и подарить мнѣ, чтобы заставить меня что-нибудь надѣть на шею, такъ какъ всѣ трое они присудили, что нельзя обидѣть даму, отказавшись отъ подарка. Въ Иркутскѣ, гдѣ мы остановились на два дня, всѣ пріѣхали ко мнѣ въ острогъ съ визитомъ. Петръ Лутковскій, братъ Ѳеопемпта, начальникъ иркутскаго адмиралтейства, былъ у меня безвыходно; архіерей прислалъ мнѣ книги; губернаторъ прислалъ обѣдъ, чай и кофе. На дорогу наслали всѣ премножество провизіи и пр.

Надо сказать, что за Нижнеудинскомъ сказали на одной станціи, что «недавно пробѣжала въ Читу Муравьиха»,*) и тутъ только Воробьевъ рѣшился сообщить мнѣ, что и меня везетъ онъ не въ Нерчинскіе рудники, а въ Читу, гдѣ будутъ собраны и всѣ другіе мои товарищи.

V.

Странно прозвучало для слуха моего слово: Чита. Оно воскресило въ памяти моей два случая; одинъ — изъ самыхъ раннихъ воспоминаній моего дѣтства, другой — изъ весьма недавняго прошедшаго, когда именно Чита или Читинскій острогъ по особеннымъ, хотя совершенно равнымъ обстоятельствамъ, обратила на себя мое вниманіе.

---

*) Въ Сибири о почтовой ѣздѣ вездѣ говорятъ: пробѣжалъ, пробѣжала, а женъ всегда называютъ или по фамиліямъ или по званіямъ съ окончаніемъ «иха»: Трубечиха, исправничиха и пр.

Я былъ очень любознателенъ и никогда не игралъ. Поэтому мнѣ никогда не дарили игрушекъ, а всегда какія нибудь вещи, относящіяся къ ученью, книги, картины, карты, инструменты и пр. Въ день рожденья моего, когда мнѣ исполнилось 7 лѣтъ, отецъ подарилъ мнѣ стѣнную карту Россіи,*) гдѣ Европейская Россія и Сибирь были изображены въ одномъ масштабѣ. Карта эта огромнаго размѣра, наклеенная на холстѣ, была повѣшена мною на стѣнѣ, и естественно, что Сибирь занимала всю карту, а Европейская Россія небольшое только мѣсто слѣва. Всякій разъ, что я становился противъ средины карты, я замѣчалъ, что средній на картѣ меридіанъ проходитъ въ Забайкальскомъ краѣ чрезъ какое то мѣсто, называемое Читинскій острогъ. Я, поэтому, и полюбопытствовалъ узнать, что это за мѣсто, и отыскалъ въ географическомъ словарѣ тогдашняго времени (Щекотова), что это «плотбище» на рѣкѣ Ингодѣ. И вотъ съ того еще времени запала у меня мысль, что стало быть Чита чрезъ Ингоду, Шилку и Амуръ можетъ имѣть сообщеніе съ Восточнымъ Океаномъ. Впослѣдствіи я распрашивалъ о Забайкальскомъ краѣ бывшихъ иркутскихъ губернаторовъ Трескина и Корнилова. Они сообщили мнѣ много любопытнаго; но о Читѣ ничего особеннаго сказать не могли.

При возвращеніи моемъ изъ Калифорніи, когда нерѣшительность Охотскаго начальника и наводненіе, бывшее въ то время въ краѣ, воспрепятствовали мнѣ проникнуть въ Забайкалье чрезъ Амуръ, или по крайней мѣрѣ чрезъ Удской острогъ, нанятые было уже мною проводники мои тунгусы предложили мнѣ провести меня въ Забайкалье по

*) Карта эта и донынѣ находится у меня въ Читѣ.

рѣкѣ Витиму и вывести на Читу. Но плаваніе мое съ губернаторомъ по рѣкѣ Ленѣ было очень медленно, и я достигъ устья Витима слишкомъ уже поздно (въ началѣ сентября), такъ что рисковалъ бы зазимовать гдѣ-нибудь, если бы рѣшился на такое путешествіе по Витиму.

Можно себѣ представить, какъ странно должно было мнѣ казаться стеченіе обстоятельствъ, приводившее меня невольно въ ту самую Читу, куда не удалось мнѣ проникнуть тогда, когда я хотѣлъ это сдѣлать добровольно. Комендантъ былъ въ отсутствіи, и меня принялъ горный начальникъ округа, бергмейстеръ, Семенъ Ивановичъ Смольяниновъ. Могли ли мы оба тогда подумать, что я буду женатъ на его дочери...

Меня отвели въ казематъ, наскоро устроенный изъ частнаго дома, который обнесли только частоколомъ. Я нашелъ въ немъ четырехъ своихъ товарищей, увезенныхъ ранѣе нашей партіи. Это были: знакомый мнѣ морякъ, бывшій штабъ-офицеръ флота и адъютантъ морского министра Торсонъ; бывшій поручикъ Кавалергардскаго полка Анненковъ и два брата Муравьевы, — старшій, служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а младшій корнетомъ въ кавалергардахъ. Чрезъ четыре дня прибыли и тѣ мои товарищи, которые ѣхали со мною и которыхъ я оставилъ въ Томскѣ.

По мѣрѣ того, какъ начали подвозить другія партіи, помѣщеніе въ домикѣ, обращенномъ въ тюрьму, становилось очень тѣснымъ. Отвели другой домикъ для больныхъ, куда однако же начали ходить по очереди и здоровые для облегченія ужасной тѣсноты. Насъ напр. жило 16 человѣкъ въ одной небольшой комнатѣ, такъ что когда между нарами, на которыхъ мы спали одинъ вплоть возлѣ другого,

поставили столъ, то между столомъ и нарами нельзя уже было свободно проходить, а надо было ходить по постелямъ. Вслѣдствіе-ли увѣдомленія коменданта, что некуда помѣщать, или отъ случайной причины, но послѣ того, какъ насъ набралось 25 человѣкъ, дальнѣйшій подвозъ нашихъ товарищей прекратился, а между тѣмъ стали строить нарочно для помѣщенія насъ домъ или казарму по-обширнѣе, такъ какъ ясно было, что затѣянная постройка государственной тюрьмы состоится нескоро. Вотъ что случилось: наши родные въ Петербургѣ какъ-то узнали, что Акатуй, гдѣ начата была постройка этой тюрьмы, мѣсто очень нездоровое, и начали кричать, что нарочно выбрали такое мѣсто, чтобы всѣхъ насъ переморить. Особенно шумѣла жена министра финансовъ Канкрина, которой родной братъ Артамонъ Муравьевъ былъ въ числѣ первыхъ восьми, посланныхъ въ Сибирь. Правительство вынуждено было отступиться отъ своего намѣренія, и Государь послалъ Бенкендорфа къ Канкриной съ увѣреніемъ, что Акатуевская тюрьма строится вовсе не для насъ. Въ то же время велѣно было коменданту выбрать другое мѣсто и выборъ палъ на Петропавловскій желѣзный заводъ. Впослѣдствіи увидимъ, что выборъ этотъ и по климату и по свойству мѣстности былъ дуренъ, а для цѣли правительства былъ безполезенъ, потому что не было никакой надобности строить государственную тюрьму собственно въ какомъ нибудь заводѣ, такъ какъ правительство никогда не могло рѣшиться соединить насъ съ простыми ссыльными, опасаясь вліянія на нихъ. Какъ бы то ни было, но только все это слишкомъ затянуло постройку зданія, спеціально предназначеннаго для государственной тюрьмы, и сдѣлало необходимымъ постройку временнаго помѣщенія въ Читѣ,

такъ какъ ясно было, что намъ придется прожить въ ней долго, что дѣйствительно и случилось. Мы оставались въ ней три года и восемь мѣсяцевъ, отъ начала привоза первой партіи до выхода изъ Читы послѣдней, и несмотря на то казематъ въ Петровскомъ заводѣ всетаки не былъ вполнѣ еще оконченъ, когда насъ перевели въ него.

Въ началѣ октября мы перешли въ новый домъ, и вскорѣ привезли тѣхъ восьмерыхъ нашихъ товарищей, которые были, какъ упомянуто выше, посланы въ Нерчинскіе рудники вслѣдствіе доноса Лавинскаго. Въ то же время стали привозить опять нашихъ товарищей изъ Россіи, такъ что и въ новомъ домѣ стало тѣсно. Опять заняли и прежній домъ, а затѣмъ и еще одинъ частный домъ и наконецъ построили новый лазаретъ. Но такъ какъ и при этомъ тѣснота все еще была велика, то и разрѣшили внутри ограды, окружающей каждую тюрьму, строить на свои деньги домики, которыхъ и построили семь. Пріѣзжающія супруги нѣкоторыхъ нашихъ товарищей вынуждены были также, за недостаткомъ помѣщенія въ Читѣ, строить свои собственные дома. По той же причинѣ строили ихъ какъ комендантъ, такъ и другія лица, состоявшія при насъ, а наконецъ и купцы, поселившіеся въ Читѣ по поводу нашего пребыванія тамъ.

Такимъ образомъ, когда все дошло до полнаго развитія, собственно наше тюремное помѣщеніе заключалось въ слѣдующемъ: 1) Большой казематъ, или новопостроенный домъ; 2) Малый казематъ, или тотъ домъ, который мы занимали первоначально съ пріѣзда; 3) Дьячковскій казематъ или домъ мѣщанина Дьячкова и 4) лазаретъ. Эти названія употреблялись не только въ разговорѣ, но и въ оффиціальной перепискѣ.

Большой казематъ, гдѣ помѣщалось самое большое число изъ насъ, былъ не что иное, какъ грубо и плохо срубленная казарма съ узкими горизонтальными окнами, заколоченными рѣшетками. Онъ раздѣлялся на пять горницъ и сѣни, гдѣ стояли часовые. Одна горница служила столовою, въ четырехъ мы жили. По какому-то странному случаю самую большую горницу, гдѣ жилъ я, заняли люди и по характеру и по положенію самые независимые. Она поэтому и получила названіе Великаго-Новгорода; другую небольшую горницу на той же половинѣ заняли люди, близко къ намъ подходившіе по характеру и всегда стоявшіе съ нами за одно; поэтому эту горницу назвали Псковомъ. На другой половинѣ ту горницу, которая была меньше, заняли люди богатые и съ барскими замашками; эта горница получила названіе Москвы и барской; наконецъ послѣднюю горницу прозвали Вологда или мужичье, а иногда звали и холопскою, потому что многіе изъ живущихъ въ ней, почти все изъ армейскихъ офицеровъ и разночинцевъ, были на послугахъ у Москвы и служили Москвѣ орудіемъ противъ нашихъ комнатъ. Нельзя объяснить, какъ возникли эти названія, но они до того укоренились и вошли въ обычай, что другихъ въ разговорахъ уже не употребляли.

Вначалѣ положеніе наше было очень тяжело и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, особенно пока мы находились въ первомъ домѣ, обращенномъ въ тюрьму. Домъ былъ холодный, печи страшно дымили, часовые стояли въ той самой горницѣ, гдѣ и насъ держали; окна были заколочены не только рѣшетками, но и досками, кромѣ верхнихъ двухъ стеклышекъ, да и тѣ были замазаны известью. Вечеромъ огня не давали, кромѣ только какъ во вре-

мя ужина. Хотя обѣдъ и ужинъ мы готовили на свои деньги, и завѣдывавшій нашимъ хозяйствомъ горный начальникъ прилагалъ все свое стараніе, чтобы все было хорошо, и даже многое присоединялъ даромъ изъ своихъ запасовъ, чего нельзя было тогда достать въ Читѣ, но все это, проходя чрезъ руки офицеровъ и солдатъ, бывшихъ при насъ, страшно искажалось и пачкалось. Хлѣбъ и пироги ломали подъ предлогомъ осмотра, нѣтъ-ли въ нихъ записокъ, и при этомъ караульные всегда удѣляли добрую часть себѣ, и мы не разъ видѣли, какъ даже офицеръ (караульный) запускалъ руку въ блюдо и тащилъ котлетку или кусокъ жаркого, такъ какъ намъ ножей и вилокъ не давали, а приносили все разрѣзанное. Подозрительность и боязнь простирались до того, что не позволяли самимъ бриться, вслѣдствіе чего большая часть и отпустили бороды. Не давали иголокъ изъ опасенія, что мы сдѣлаемъ изъ нихъ магнитную стрѣлку и компасъ для предполагаемаго бѣгства; отламывали у щипцовъ кончики, чтобы мы не могли сдѣлать изъ щипцовъ орудія нападенія на караульныхъ и пр. Насъ безпрестанно обыскивали и осматривали наши вещи.

Глупость и грубость офицеровъ, бывшихъ при насъ (въ противо-положность солдатамъ, которые были чрезвычайно учтивы и услужливы) приводила нерѣдко къ сценамъ, которыя иногда были очень смѣшны, но иногда могли вести къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ. Сначала жены моихъ товарищей допускались на свиданіе съ мужьями только на одинъ часъ времени и то при караульномъ офицерѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ офицеровъ и подалъ коменданту рапортъ, что «государственный преступникъ и его «жонка» разговариваютъ на непри-

стойномъ языкѣ, котораго онъ не понимаетъ и потому за послѣдствія не отвѣчаетъ.» — Другой караульный офицеръ, будучи пьянъ, сказалъ грубость женѣ Муравьева, за что Нарышкинъ, свидѣтель сцены, хотя самый кроткій человѣкъ, сбросилъ офицера съ крыльца. Нарышкина намѣрены были судить, но къ счастію горный начальникъ Смольяниновъ засвидѣтельствовалъ предъ комендантомъ, который его особенно уважалъ за его примѣрную честность и добросовѣстность, что офицеръ былъ дѣйствительно пьянъ, и дѣло кончилось переводомъ офицера въ другую команду.

Два обстоятельства перемѣнили однако же совершенно наше положеніе: это разрѣшеніе получать деньги отъ родныхъ и болѣзнь коменданта, котораго могли вылечить только доктора изъ нашихъ товарищей.

Содержаніе намъ давалось то же, что и обыкновеннымъ ссыльнымъ, т. е. два пуда муки и 1 р. 98 к. ассиг. въ мѣсяцъ; но такъ какъ мы находились въ заточеніи, то и не могли подобно простымъ ссыльнымъ, живущимъ обыкновенно на волѣ, дополнять недостаточность содержанія заработками своего труда. И хотя правительство не пожалѣло и огромныхъ расходовъ на постройку каземата и учрежденія при насъ особеннаго управленія, чтобы только стѣснить насъ, но поскупилось прибавить на содержаніе, и потому разрѣшило роднымъ присылать намъ деньги, сначала по 500 руб. ассиг. на одинокаго и по 2000 р. ассиг. дамамъ (съ тѣмъ однако, чтобы не выдавать имъ заразъ больше 200 р.); но когда поставлено было на видъ, что другіе ничего не будутъ получать, или вовсе не имѣя родныхъ, или у кого родные бѣдны, то разрѣшено получать и болѣе, чтобы помогать товари-

щамъ; и вотъ подъ этимъ предлогомъ и начали иные получать даже десятками тысячъ. Когда потомъ свели общіе счеты за все время, то оказалось, что, кромѣ цѣнностн посылокъ, одинъ казематъ получалъ въ годъ около 400 тысячъ ассигнаціями. Что же касается до посылокъ, то каждую недѣлю приходилъ изъ Иркутска цѣлый обозъ въ сопровожденіи казака. Посылали платье, книги, провизію и даже такія вещи, какъ московскіе калачи, сайки и пр. Такъ какъ комендантъ и его штабъ тоже получали огромное содержаніе (одинъ комендантъ 30 т. рублей въ годъ), то при такомъ обилін денегъ явилось въ Читѣ двѣнадцать хорошихъ лавокъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было достать все, что только продавалось въ Россіи.

Естественно, что при такихъ огромныхъ средствахъ, которыми мы располагали, все, что насъ окружало и пользовалось всѣмъ отъ насъ, поставило себя въ совершенную отъ насъ зависимость, которая вскорѣ увеличилась еще тѣмъ, что необходимость заставила всѣхъ обращаться къ намъ же, какъ для медицинскаго пособія, такъ и для обученія дѣтей. Между нашими товарищами были люди, хорошо знавшіе медицину, и мы имѣли свою собственную отличную аптеку, медицинскую библіотеку и всѣ отличные инструменты, необходимые какъ хирургу, такъ и акушеру.

Сначала комендантъ ставилъ препятствіе нашимъ медикамъ лечить даже дамъ, женъ нашихъ товарищей, такъ какъ это требовало выхода изъ каземата и снятія желѣзъ. Но когда онъ самъ сильно заболѣлъ, и ему самому понадобились хорошіе доктора и лѣкарства, то волею или неволею, допустивъ изъятіе въ свою пользу, онъ долженъ былъ допустить

его и для другихъ, тѣмъ болѣе, что по старости своей и частымъ болѣзненнымъ припадкамъ, видѣлъ, что ему постоянно уже придется прибѣгать къ помощи нашихъ докторовъ. А какъ скоро узнали, что нашимъ докторамъ позволяется лѣчить и постороннихъ, то не только мѣстные жители стали обращаться за пособіемъ, но какъ въ Читу, такъ впослѣдствіи и въ Петровскій заводъ, начали пріѣзжать издалека, — изъ Нерчинскаго края, изъ Кяхты и даже Иркутска. Съ другой стороны это имѣло для насъ то благопріятное вліяніе, что во время болѣзни своей комендантъ, сблизившись съ нашими докторами, успокоился и вообще на нашъ счетъ, и, не опасаясь уже политическихъ покушеній, началъ дѣлать о насъ правительству донесеніе уже въ благопріятномъ смыслѣ, такъ что наконецъ отважился даже написать въ частномъ письмѣ шефу жандармовъ: «Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ,» слѣдствіемъ чего было, что чрезъ четыре года сняли съ насъ желѣза.

Еще болѣе, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилось препятствій для обученія дѣтей, не только по нашему положенію вообще, которое воспрещало занятіе этого рода, но въ особенности по нахожденію нашему въ казематѣ, куда впускать и откуда выпускать никого не дозволялось. Но и тутъ необходимость и пріобрѣтенное уже нами нравственное вліяніе все побѣдили, и мы увидимъ, что въ Петровскомъ заводѣ были устроены уже формальныя учебныя и ремесленныя школы. Конечно, переходъ отъ запрещенія держать иголку и имѣть карандашъ до устройства мастерскихъ со всевозможными инструментами и занятій, требующихъ полной свободы писать, совершился не вдругъ, однако необходимая потребность во всемъ этомъ тѣмъ скорѣе устрани-

ла всѣ препятствія, что неосновательность первыхъ запрещеній была слишкомъ очевидна.

Труднѣе всего для правительства было устроить нашу работу. Прямо отказаться отъ нея по неприложимости къ намъ работы на заводахъ и въ рудникахъ оно не хотѣло, и потому придумывали разные пустяки, въ которыхъ собственно никакой работы не было, а только мучили насъ понапрасну. Сначала вздумали въ Читѣ засыпать какой-то песчаный оврагъ, который прозвали «Чортова могила», потому что отъ всякаго дождя его размывало. Разумѣется, о работѣ никто и не думалъ, но чрезвычайно непріятно было ходить два раза въ день на работу и находиться на открытомъ воздухѣ, а особенно въ вѣтреный день, когда несло пескомъ, или въ дождливый, хотя мы и устроили послѣ навѣсъ около деревьевъ. Къ зимѣ же вздумали дать намъ другую работу. Поставили въ какой-то избѣ ручные жернова, находящіеся во всеобщемъ употребленіи въ Сибири и назначили намъ молоть по 10 ф. зернового хлѣба въ день. Разумѣется, и тутъ никто не работалъ, кромѣ тѣхъ, кто самъ хотѣлъ упражняться въ этомъ для моціона. Работать же нанимались за насъ сторожа на мельницѣ по 10 к. съ человѣка, т. е. за 10 фунтовъ.

Покойный товарищъ мой, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, назвалъ пребываніе наше въ Читѣ нашею юношескою поэмою. Дѣйствительно, и духъ свободы и общественный духъ были чрезвычайно сильны. Съ одной стороны всѣ неизбѣжныя въ человѣческихъ обществахъ стремленія къ эгоистическимъ цѣлямъ, къ привилегіямъ, притаились предъ сильнымъ проявленіемъ общественнаго духа, чувства свободы и равенства (хотя и въ тѣсномъ кругу казематской

жизни), и, если и пытались дѣйствовать, то развѣ тайною интригою; а съ другой стороны ничто такъ не выказало ненормальности положенія Россіи, безсилія правительства, какъ наше положеніе въ такъ называемой работѣ. Вотъ правительство не только нарушило всѣ собственные законы и сдѣлало огромныя пожертвованія, чтобы ухудшить наше положеніе свыше того, что налагалось его закономъ. И что-же? Стоитъ только описать отправленіе наше на работу, чтобы видѣть, до какой степени смѣшного все это дошло вмѣсто той цѣли, какую предположило себѣ правительство. Передъ тѣмъ, какъ идти на работу, начиналась суета между сторожами въ казематахъ и прислугою въ домахъ нашихъ дамъ. Несутъ на мѣсто работы книги, газеты, шахматы, завтракъ, или самовары, чай и кофе, складные стулья, ковры и пр. Казенные рабочіе въ то же время везутъ носилки, тачки и лопаты, если работа на воздухѣ у «Чортовой могилы». Наконецъ приходитъ офицеръ и говоритъ: «Господа, пора на работу. Кто сегодня идетъ?» (потому что по очереди многіе сказываются больными и объявляютъ, что не могутъ идти.) Если уже слишкомъ мало собираются, то офицеръ говоритъ: «Да прибавьтесь же, господа, еще кто-нибудь. А то комендантъ замѣтитъ, что очень мало.» На это иной разъ кто-нибудь и отзовется: «Ну, пожалуй, и я пойду.» (Больше шли, кому надо повидаться съ кѣмъ нибудь изъ товарищей изъ другихъ казематовъ). Вотъ выходятъ, и кто беретъ лопату для забавы, а кто нѣтъ. Неразобранныя лопаты несутъ сторожа или везутъ на казематскомъ (своемъ собственномъ) быкѣ. Офицеръ идетъ впереди, съ боковъ и сзади идутъ солдаты съ ружьями. Кто нибудь изъ насъ запѣваетъ пѣсню, подъ тактъ которой слышится мѣрное бряцаніе цѣпей.

Очень часто пѣли итальянскую арію: „*Un pescator del onda, Fidelin...*“ Но чаще всего раздавалась революціонная пѣсня: «Отечество наше страдаетъ подъ игомъ твоимъ» и пр. И вотъ и офицеръ, и солдаты спокойно слушаютъ ее и шагаютъ подъ тактъ ей, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть. Мѣсто работы превращается въ клубъ; кто читаетъ газеты, кто играетъ въ шахматы; тамъ и сямъ кто-нибудь для забавы насыпаетъ тачку и съ хохотомъ опрокинетъ землю и съ тачкою въ оврагъ, туда же летятъ и носилки вмѣстѣ съ землею; и вотъ присутствующіе при работѣ зрители, чующіе поживу, большею частію мальчишки, а иногда и кто-нибудь изъ караульныхъ, отправляются доставлять изо рва за пятакъ тачку или носилки. Солдаты поставятъ ружья въ козлы кромѣ двухъ трехъ человѣкъ и залягутъ спать; офицеръ или надзиратель за работой угощаются остатками нашего завтрака или чая, и только завидя издали гдѣ-нибудь начальника, для церемоніи вскакиваетъ со стереотипнымъ возгласомъ: «Да что-жъ это, господа, вы не работаете?» Часовые вскакиваютъ и хватаются за ружья; но начальникъ прошелъ (онъ и самъ старается ничего не видѣть), и все возвращается въ обычное нормальное-ненормальное положеніе.

Въ Петровскомъ заводѣ работы на открытомъ воздухѣ не было. Въ заводскія работы посылать не отважились. Поэтому, и тамъ построили мельницу съ ручными жерновами. Но климатъ въ Петровскомъ заводѣ былъ несравненно хуже, чѣмъ въ Читѣ. Начались болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалобы нашихъ дамъ въ Петербургъ. Послѣдовали разныя ограниченія работы; не велѣно было посылать въ сильные морозы, потомъ въ сильные дожди, затѣмъ въ сильные вѣтры; а такъ какъ число

жернововъ было ограничено, и мелющіе изъ насъ объявили, что не могутъ скоро молоть, чтобъ очистить мѣсто другому, то и стали насъ раздѣлять на очереди, кому поутру, кому послѣ обѣда, кому и на другой день. Наконецъ, присланный по смерти перваго коменданта новый, видя, что это только пустая мука не только для насъ, но и для конвойныхъ солдатъ, которыхъ и безъ того не доставало для караула, если не могъ прямо отмѣнить работы, то, какъ говорится, *il a fait tomber en désuétude*. Такимъ то образомъ изъ всѣхъ усилій сдѣлать намъ всевозможное зло, выказалось только безсильное желаніе добиться этого, хотя бы и самыми незаконными способами.

Упорнѣе всего была борьба за право письменныхъ занятій. Эту борьбу исключительно велъ я. Намъ не давали сначала ни бумаги, ни карандаша, ни даже грифельной доски. Я вынужденъ былъ писать какимъ-то кусочкомъ свинца на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ и прятать ихъ за корешекъ переплета книгъ. На меня безпрестанно доносили и меня безпрестанно обыскивали; и разъ комендантъ, найдя у меня статистическія свѣдѣнія о краѣ, «какихъ и самъ онъ не имѣлъ», пришелъ въ ужасъ. Но я съ перваго же раза спокойно ему доказалъ, что занятія этого рода до такой степени вошли въ сущность нашей натуры, что препятствовать этому и несправедливо и безполезно, и что онъ въ этомъ непремѣнно долженъ будетъ уступить. Такъ и вышло, и онъ же самъ послѣ, когда уже самъ доставлялъ мнѣ и свѣдѣнія статистическія и карты, и когда каждый изъ насъ занимался уже и сочиненіями, говорилъ мнѣ въ видѣ комплимента, что онъ «всегда удивляется той прозорливости, которою я одаренъ и которая дозволяетъ мнѣ во всякомъ

дѣлѣ и положеніи сейчасъ замѣтить существенное и справедливое и отдѣлить необходимое отъ случайнаго.»

Первый поводъ къ формальному дозволенію писать дало вытребованное нами право завѣдывать самимъ намъ своимъ хозяйствомъ и другими своими дѣлами. Еще въ Читѣ дозволено поэтому было выбрать одного изъ среды насъ, который бы имѣлъ право выходить изъ каземата и для надзора надъ кухнею и огородомъ, и въ лавки для закупокъ. Его назвали хозяиномъ. Я представилъ необходимость правильной отчетности, и вслѣдствіе этого разрѣшено было хозяину имѣть бумагу и перья. Когда же, подъ предлогомъ нездоровья дамъ, начали отпускать ихъ мужей сначала просто на свиданіе, а тамъ и на нѣсколько дней на квартиру ихъ, то я представилъ коменданту, что несправедливо лишать людей въ казематѣ того, что дѣлалось уже вполнѣ доступно для живущихъ внѣ каземата, которые и безъ того уже пользуются многими преимуществами. Тогда мало-помалу отбросили всѣ пустыя церемоніи, и мы начали не только получать отъ дамъ бумагу и перья, но и покупать прямо для себя въ лавкахъ.

Когда занятія хозяина умножились, то комендантъ долженъ былъ допустить учрежденіе должности закупщика для покупокъ по частнымъ надобностямъ, и также и ему предоставить выходъ изъ каземата по лавкамъ сначала два раза въ недѣлю, а тамъ и ежедневно. При увеличеніи же количества высылаемыхъ денегъ, учреждена должность казначея, который также получилъ право выходить изъ каземата по дѣламъ.

Выходъ не должностныхъ лицъ развивался слѣдующимъ образомъ: тѣ изъ нашихъ товарищей, ко-

торые занимались медициной, получили право выхода во всякое время. Потомъ стали отпускать мужей къ женамъ подъ предлогомъ болѣзни ихъ; а затѣмъ въ случаѣ сильной или продолжительной болѣзни, отпускали и близкихъ родныхъ и знакомыхъ, чтобы помогать по домашнимъ хлопотамъ. Все это кончилось тѣмъ, что въ послѣднее время, при второмъ комендантѣ, стали отпускать всѣхъ безпрепятственно, такъ что трудно было даже понять, для чего и для кого стоятъ караульные въ казематѣ. Разъ вошелъ ко мнѣ второй комендантъ при насъ, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ, и перекрестился: «Ну, слава Богу,» сказалъ онъ, «хоть васъ засталъ дома; а то хоть шаромъ покати, — весь казематъ пустой.»

Кромѣ выхода въ гости къ женатымъ товарищамъ, ходили и гулять. Дозволеніе ходить на прогулку развилось незамѣтно изъ необходимости ходить купаться лѣтомъ. Подъ предлогомъ отысканья болѣе удобнаго мѣста для купанья, ходили въ разныя мѣста все далѣе и далѣе. Скоро стали возить туда и самовары и всѣ принадлежности для чая и пр., и наконецъ и сами начальники пріѣзжали туда и присоединялись къ обществу. Въ Читѣ ходили мы по очереди въ наемную баню при частномъ домѣ; но въ Петровскомъ домѣ построили свою собственную, потому что при казематѣ казенной не было.

Труднѣе всего развивался выходъ въ церковь. Всѣ службы кромѣ обѣдни совершались въ казематѣ священникомъ, особенно назначеннымъ состоять при насъ. Но къ причастію необходимо было выходить въ церковь, и на это время надобно было снимать желѣза. Поэтому желавшіе говѣть расписывались на весь постъ, кромѣ страстной не-

дѣли и притомъ на среды и пятницы, чтобы приходилось по возможности наименьшее число за одинъ разъ отпускаемыхъ въ церковь. Но когда желѣза были сняты, то стали допускать гораздо большее число. Въ послѣднее же время, при новомъ комендантѣ, выходъ въ церковь сталъ безпрепятственнымъ.

Надо сказать однако же, что всегда и всюду сопровождали каждаго изъ насъ конвойный въ шинели, фуражкѣ и тесакѣ. Разумѣется, когда мы были въ гостяхъ у кого-нибудь въ домѣ, то конвойный сидѣлъ въ передней или безъ церемоніи обращался въ прислугу; женатымъ же даны были постоянные конвойные, которые у нихъ также замѣняли прислугу.

Первый комендантъ, послѣ того, какъ установилось уже между нами и имъ взаимное довѣріе, и когда онъ былъ здоровъ, приглашалъ насъ къ себѣ на чай и кофе, присылая обыкновенно свой экипажъ. Онъ самъ также охотно приходилъ въ казематъ бесѣдовать. Что же касается до второго коменданта и бывшаго при немъ пладъ-майора Казимірскаго, то отношенія наши къ нимъ были отношеніями вполнѣ близкаго знакомства. Они у насъ и мы у нихъ бывали, какъ обыкновенные знакомые.

VI.

Переписываться съ родными прямо мы, разумѣется, не могли; посредницами въ перепискѣ служили наши дамы. Впрочемъ, это была только лишняя тягость для нихъ и пустая форма, потому что содержаніе письма переписывалось буквально, начинаясь только извѣстною формулою: «вашъ

мужъ, сынъ, братъ и пр. проситъ меня передать вамъ слѣдующее»... и за тѣмъ шло содержаніе письма такъ, какъ бы кто самъ писалъ прямо отъ своего имени.

Письма писались на разныхъ языкахъ. Сначала комендантъ самъ читалъ ихъ, зная отчасти французскій, нѣмецкій и польскій языки. Впрочемъ, французскій языкъ зналъ онъ недостаточно и никогда на немъ не говорилъ. Отъ этого выходили презабавные случаи. Въ то время, когда онъ былъ еще очень подозрителенъ, онъ послалъ однажды спросить Александру Григорьевну Муравьеву, что значитъ выраженіе, найденное въ присланномъ ей альбомѣ: «Намъ кандалы кровопролитія», и что покамѣстъ ему не объяснятъ загадочнаго смысла этихъ словъ, онъ ей выдать альбомъ не можетъ. Муравьева отвѣчала, что такъ какъ она альбома и въ глаза не видала, то и не можетъ знать, что въ немъ есть и какой имѣетъ смыслъ. Послѣ разныхъ изворотовъ комендантъ рѣшился наконецъ показать альбомъ и то мѣсто, которое его такъ смущало. Оказалось, что это была выписка изъ стиховъ, кажется, Делавиня, и въ ней стихъ: „*à nous le champ du carnage*...“, что комендантъ принялъ за *chaînes* и перевелъ вышеупомянутымъ образомъ, не объяснивъ, что это переводъ. Другой случай, подавшій коменданту поводъ просить себѣ помощника для чтенія писемъ и разсмотрѣнія книгъ на иностранныхъ языкахъ, былъ слѣдующій. Когда надобно было перевезти въ Читу тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые, какъ разсказано было выше, изъ Иркутскихъ заводовъ отвезены были на Нерчинскіе рудники, то комендантъ дѣлалъ изъ этого какую-то важную тайну. Между тѣмъ находившаяся въ Благодатскомъ рудникѣ съ мужемъ своимъ, Марья

Николаевна Волконская воспользовалась пріѣздомъ коменданта въ рудники и попросила его доставить письмо (разумѣется открытое) Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, въ которомъ, желая дать ей знать о скоромъ отправленіи ихъ въ Читу и видя, что комендантъ дѣлаетъ изъ того тайну, сдѣлала это такимъ образомъ: сказавъ, что она часто дѣлаетъ прогулки по берегу Аргуни, она говорила далѣе въ письмѣ, что тамошнія прекрасныя мѣста напоминаютъ ей всегда превосходныя описанія природы Байрона, особенно тотъ отрывокъ, который начинается стихомъ: „*In the fortnight we leave this dreadful place...*“, т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Комендантъ, не зная по англійски, и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что это стихъ Байрона и не обратилъ на это вниманія. Но скоро замѣтилъ онъ у насъ въ казематѣ въ Читѣ приготовленія къ пріему товарищей и изъ подслушанныхъ разговоровъ узналъ, что намъ извѣстно объ ихъ прибытіи. Его ужасно мучило, откуда могли мы это узнать. Онъ перебралъ и всѣхъ служащихъ своихъ и свою канцелярію и этому не было бы конца; тогда мы, видя, что кто нибудь невиноватый можетъ пострадать по пустому подозрѣнію, рѣшились просто разсказать коменданту, какъ было дѣло. «Очень вамъ благодаренъ, господа,» сказалъ онъ, «вы сняли у меня съ души большую тягость. Но вотъ видите, что значитъ на моемъ мѣстѣ не знать языковъ и не имѣть переводчика.» И сейчасъ-же написалъ рапортъ, прося назначенія лица, знающаго по англійски и по итальянски; и ему назначили чиновника (изъ военныхъ) съ пятью тысячами жалованья.

Не мало странныхъ и забавныхъ вещей происходило и по присылкѣ книгъ. Книги присылались,

а впослѣдствіи и выписывались на разныхъ языкахъ. Особенно затрудняли коменданта присылаемыя мнѣ и выписываемыя мною книги, такъ какъ по занятіямъ моимъ филологіею мнѣ необходимы были сочиненія не только на европейскихъ новѣйшихъ и древнихъ языкахъ, но и на восточныхъ — еврейскомъ, арабскомъ и пр. Сначала комендантъ во всѣхъ книгахъ подписывалъ «читалъ»; но послѣ одного моего вопроса: неужели онъ прочитываетъ даже всѣ мои греческіе, еврейскіе и другіе лексиконы? ему самому стало смѣшно, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ подписывать: «свидѣтельствовалъ», или «видалъ» (онъ былъ полякъ и плохо зналъ русскій языкъ).

Цензура коменданта не имѣла никакого твердаго основанія, а зависѣла отъ случайныхъ его соображеній. Такъ напр. онъ долго не пропускалъ сочиненій Ж. Ж. Руссо и дѣлалъ это, какъ говорилъ, «не по политическимъ, а по полицейскимъ соображеніямъ». Что онъ подъ этимъ разумѣлъ, онъ никогда разъяснить не хотѣлъ. Между тѣмъ мы получали въ то же время всѣ запрещенныя книги и даже газеты, и нерѣдко случалось, что онѣ проходили даже чрезъ канцелярію Государя. Для этого употребляли слѣдующій пріемъ: выдирали изъ книги заглавный листъ и на мѣсто его вклеивали заглавіе изъ другой какой-нибудь обыкновенной книги, преимущественно ученой: „*Traité d'archéologie, de botanique,*“ *etc.* Что же касается до газетъ, то въ запрещенныя газеты завертывали вещи въ посылкахъ.

Въ послѣднее время казематъ выписывалъ на имя дамъ однихъ журналовъ и газетъ на разныхъ языкахъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Въ совокупности число всѣхъ книгъ, находившихся въ казематѣ и въ домахъ у дамъ,

перешло въ послѣднее время за полмилліона томовъ, такъ какъ многимъ стали наконецъ высылать цѣлыя ихъ прежнія библіотеки, состоявшія у нѣкоторыхъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ томовъ. Образовались даже отличныя спеціальныя библіотеки. Такъ напримѣръ одна медицинская библіотека состояла болѣе, нежели изъ 4-хъ тысячъ книгъ и самыхъ дорогихъ атласовъ. У Лунина была огромная библіотека религіозныхъ книгъ, между которыми дорогое изданіе всѣхъ греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви въ подлинникахъ и пр. У меня также библіотека, языкахъ на пятнадцати, состояла болѣе, нежели изъ тысячи томовъ.

Въ казематѣ было въ полномъ приложеніи взаимное обученіе. Такъ напр. Лунинъ, Оболенскій и др. учились у меня по гречески; Барятинскій, Басаргинъ, Борисовъ 2-ой и др. высшей математикѣ; Бѣляевы, Одоевскій и др. по англійски; Бестужевъ — по испански; Корниловичъ по итальянски и пр. Я самъ занимался по латыни съ Бриггеномъ и Никитою Муравьевымъ, по нѣмецки съ Александромъ Крюковымъ, Вольфомъ и Фаленбергомъ, по итальянски съ Поджіо, по ново-гречески съ Мозгановъ, по польски съ Люблинскимъ и Сосиновичемъ, по голландски съ Торсономъ и пр. Нѣкоторые даже изъ армейскихъ офицеровъ, получившихъ недостаточное образованіе, пріобрѣли очень достаточныя познанія въ казематѣ и даже изучили иностранные языки до значительной степени совершенства, какъ напр. Бечасновъ во французскомъ языкѣ.

Уже во время нашего воспитанія были очень въ ходу идеи о необходимости каждому образованному человѣку знать какое-нибудь ремесло или ма-

стерство. Впослѣдствіи идеи эти усилились еще и по политическимъ причинамъ. Образованные люди, стремившіеся къ преобразованію государства, сознавая, что трудъ есть исключительное основаніе благосостоянія массы, обязаны были личнымъ примѣромъ доказать свое уваженіе къ труду и изучать ремесла не для того только, чтобы имѣть себѣ, какъ говорится, обезпеченіе на случай превратности судьбы, но еще болѣе для того, чтобы возвысить въ глазахъ народа значеніе труда и, облагородивъ его, доказать, что онъ не только легко совмѣщается съ высшимъ образованіемъ, но что еще одно въ другомъ можетъ находить поддержку и почерпать силу. Всѣ эти идеи дошли въ казематѣ до окончательнаго развитія и получили полное приложеніе. Кто не зналъ до тѣхъ поръ никакого мастерства, тотъ учился или у другихъ или самостоятельно по лучшимъ сочиненіямъ. Выписаны были всѣ лучшія руководства на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ, чертежи и отличные инструменты. Я и Борисовъ старшій были переплетчиками и занимались картонажемъ; Оболенскій былъ закройщикомъ; портныхъ и сапожниковъ было очень много; Артамонъ Муравьевъ и Арбузовъ были токарями; послѣдній былъ сверхъ того и слесаремъ и превосходно закаливалъ сталь; Громницкій былъ столяромъ; Николай Бестужевъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, Горбачевскій занимался стрижкою волосъ, Швейковскій и Александръ Крюковъ были отличные повара; другіе были плотниками, малярами, кондитерами и пр. и пр. Фаленбергъ самъ сдѣлалъ отличный планшетъ для топографической съемки и пр.

Въ казематѣ учредились разныя мастерскія, гдѣ обучались ремесламъ и мастерствамъ дѣти ссыльныхъ и заводскихъ служителей. Примѣръ, что

всѣми этими занятіями «не пренебрегаютъ и князья» сильно дѣйствовалъ на людей, и всѣ самые лучшіе мастеровые и ремесленники въ заводѣ выходили впослѣдствіи изъ казематскихъ мастерскихъ. Сверхъ того и къ нимъ привилось также наше убѣжденіе, что можно быть и образованнымъ человѣкомъ и при этомъ всетаки не покидать своего ремесла.*)

Между нашими товарищами было много хорошихъ музыкантовъ и знатоковъ пѣнія. У насъ очень часто бывали вокальные и инструментальные концерты. Однихъ фортепіано было восемь, какъ ни дорого стоила въ то время присылка громоздкихъ инструментовъ. Дѣтей также обучали и музыкѣ и пѣнію, и здѣсь должно замѣтить, что обученіе церковному пѣнію именно и подало предлогъ къ учрежденію школы. Въ Петровскомъ заводѣ не было пѣвчихъ. По просьбѣ управляющаго заводомъ и священниковъ комендантъ дозволилъ обучить церковному пѣнію нѣсколько мальчиковъ. Сначала ученіе происходило на гауптвахтѣ, но потомъ оказалось неудобство и по тѣснотѣ помѣщенія, и по шуму отъ караульныхъ солдатъ, и по необходимости таскать туда инструменты. Дозволено было учить въ нашей общей залѣ. Но обучать пѣнію нельзя было, не поучивши предварительно грамотѣ. На этомъ основаніи и разрѣшено было учить читать и писать. Вслѣдъ затѣмъ духовныя лица затруднились приготовленіемъ дѣтей своихъ въ семинарію и обратились съ просьбою къ коменданту дозволить дѣтямъ учиться въ казематѣ; поэтому мнѣ и разрѣшили учить

*) Еще недавно получилъ я уже здѣсь въ Москвѣ письмо отъ одного изъ нашихъ учениковъ, кузнеца, который уже имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей, образовываетъ ихъ и, сохранивши на столько данное ему образованіе, что выписываетъ самъ не только книги, но и журналы, продолжаетъ однако же заниматься своимъ тяжелымъ ремесломъ.

ихъ по латыни и по гречески; остальное пришло постепенно само собою.

Когда впослѣдствіи стали обучать въ казематской школѣ и новѣйшимъ языкамъ и высшимъ предметамъ, то развитіе обученія дошло до такой степени, что казематскіе ученики, посылаемые въ Петербургъ въ разныя училища, стали занимать первыя мѣста. Такъ напр. первый посланный въ Горный корпусъ сынъ доктора Петровскаго завода, занялъ сразу первое мѣсто, которое удержалъ за собою и при окончательномъ выпускѣ въ инженеры. Его развитость и отвѣты тѣмъ болѣе возбудили удивленіе, что въ Петербургѣ существовало до того времени даже предубѣжденіе противъ способностей учениковъ Забайкальскаго края, предубѣжденіе, конечно, несправедливое, потому что малые ихъ успѣхи происходили не отъ недостатка способностей, а отъ недостаточной подготовки. Потому очень естественно, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ вышеупомянутый ученикъ могъ быть такъ хорошо подготовленъ. Но генералъ Чевкинъ, который былъ тогда начальникомъ Штаба горныхъ инженеровъ, зная секретъ, такъ какъ онъ самъ посѣщалъ Петровскій заводъ, предупредилъ отвѣтъ ученика и сказалъ экзаменаторамъ: «Наше дѣло, господа, знать, что онъ знаетъ, а не допытываться, гдѣ онъ учился.»

Пребываніе наше въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ ознакомило мѣстныхъ жителей также и съ огородничествомъ, а отчасти и съ садоводствомъ и цвѣтоводствомъ. До нашего прибытія число овощей, употреблявшихся въ краѣ, было очень ограничено, хотя и не было недостатка въ примѣрѣ. Жена мѣстнаго горнаго начальника въ Читѣ была дочь военнаго штабъ-офицера Власова, бывшаго адъютанта генералъ-губернатора Якобія и единственнаго чело-

вѣка, которому Екатерина II дозволила открыть виды правительства на Амуръ. Власовъ былъ другъ и корреспондентъ знаменитаго Палласа, который и самъ былъ обязанъ Власову за правильность свѣдѣній о Сибири вообще. У Власова былъ отличный ботаническій садъ мѣстныхъ растеній края. Поэтому въ его семействѣ были очень распространены ботаническія свѣдѣнія. Но, разумѣется, недостатокъ средствъ не позволялъ женѣ Читинскаго начальника давать слишкомъ обширное развитіе своему огородничеству и садоводству, а непривычка употреблять иныя овощи и недостатокъ сбыта лишали мѣстныхъ жителей всякаго побужденія разводить ихъ. Поэтому, при невозможности пріобрѣтать многія овощи и призрастенія покупкою, для каземата необходимо было сначала завести свой собственный огородъ. Къ тому же уходъ за нимъ составляетъ для многихъ пріятное занятіе. Въ Читѣ казематскій огородъ давалъ удивительные результаты и пробудилъ и въ жителяхъ охоту заниматься огородничествомъ, какъ для себя, такъ и потому, что нашли вѣрный и выгодный сбытъ, какъ въ казематъ, такъ и въ дома женатыхъ и бывшему при насъ штабу. Сверхъ огорода, устроеннаго въ отдѣльномъ отъ каземата мѣстѣ, еще при каждомъ казематѣ въ Читѣ въ пригороженномъ къ каждому мѣстѣ, а въ Петровскомъ заводѣ во дворахъ самаго каземата были устроены парники, гряды, насажены деревья и кусты, разведены цвѣтники. Особенно хорошо все это принялось въ Читѣ въ такъ называемомъ большомъ казематѣ, и въ хорошій лѣтній день можно было забыться и воображать себя гдѣ-нибудь въ Россіи, на публичномъ гуляньи въ саду. Въ домикахъ, въ бесѣдкахъ, которыя каждый устраивалъ себѣ на лѣто, мерцали огни, раздавались звуки му-

зыки или хорового пѣнія, велись оживленные разговоры; и всѣ жители Читы сбирались, бывало, около каземата слушать музыку и пѣніе.

Въ Петровскомъ заводѣ и огородничество и садоводство не имѣли такихъ выгодныхъ условій, какъ въ Читѣ. Казематъ былъ построенъ въ отдаленномъ отъ селенія мѣстѣ, хотя впослѣдствіи и былъ связанъ съ селеніемъ и заводомъ домами женатыхъ нашихъ товарищей, застроившихъ все промежуточное пространство. Но грунтъ, гдѣ стоялъ казематъ, былъ болотистый, такъ что для укрѣпленія его мы должны были погрузить въ каждый дворъ болѣе тысячи возовъ шлаку или желѣзной окалины, щебню и песку, — и всетаки тотчасъ по захожденіи солнца выступала ужасная сырость. Кромѣ того, высокіе частоколы, раздѣлявшіе узкіе дворы, давали слишкомъ много тѣни, что было также неблагопріятно для растеній. Въ огородахъ туманы и утренніе морозы очень вредили зелени.

Какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, комендантъ устроилъ большіе сады. Въ Читѣ былъ кромѣ того и паркъ и звѣринецъ на островѣ, гдѣ были олени, дикія козы и пр. Въ Петровскомъ заводѣ устроены были у него въ саду качели, построены бесѣдки и поставлены на соблазнъ жителямъ миѳологическія статуи, разумѣется изъ дерева, которыя, когда раскололись и истрескались, представляли очень неблагообразный видъ. Въ Петровскомъ заводѣ эта затѣя стоила ему однако же болѣе семи тысячъ рублей. Когда насъ стали уже свободно выпускать изъ каземата, то комендантъ приглашалъ насъ гулять у него въ саду; но мы предпочитали ходить по окрестностямъ, особенно по горамъ и уходили иногда даже и очень далеко.

Пребываніе въ Читѣ развило тамъ, какъ впо-

слѣдствіи и въ Петровскомъ заводѣ, улучшенное скотоводство и птицеводство, вслѣдствіе большой потребности разныхъ молочныхъ произведеній и птицы для каземата. Надобно сказать, что потребность провизіи развилась до большихъ размѣровъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго количества прислуги, которую держали, какъ въ казематѣ, такъ и въ домахъ нѣкоторыхъ женатыхъ. У Трубецкаго и Волконскаго было человѣкъ по 25; въ казематѣ болѣе сорока. Кромѣ сторожей и личной прислуги у многихъ, и у каземата, были свои повара, хлѣбники, квасники, огородники, баньщики, свинопасы, такъ какъ свиней казематъ, до моего хозяйства, держалъ своихъ собственныхъ, и только я уничтожилъ все, находя гораздо выгоднѣе имѣть покупную свинину. Кромѣ простой прислуги у Трубецкихъ была акушерка и экономка, у Муравьева — гувернантка, у многихъ швеи и пр. Все это не только питалось на нашъ счетъ, но и страшно воровало. Кромѣ того, и вся школа, человѣкъ до 90, кормилась на счетъ каземата, и много сверхъ того посылалось еще, какъ подаяніе бѣднымъ на острогъ. Караульныхъ, разумѣется, кормили также въ казематѣ. Когда же впослѣдствіи ослаблены были препятствія къ сношенію съ посторонними, то въ Петровскій заводъ стали съѣзжаться, какъ для лѣченья, такъ и для удовольствія. Пошли праздники, пикники въ полѣ, обѣды и балы. Изъ всего этого извлекали выгоду, разумѣется, и жители. Дѣти стали собирать шампиньоны, которыхъ прежде мѣстные жители не ѣли, выкапывали молодой цикорій, собирали щавель и ягоды, и даже ловили бабочекъ, жучковъ и другихъ насѣкомыхъ, отыскивали разныя растенія, ловили и приносили живыхъ птицъ, когда все это стало требоваться въ казематъ для ученыхъ кол-

лекцій, и такимъ образомъ пріобрѣтали себѣ не малую выгоду и множество познаній, такъ что все населеніе какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ и ихъ окрестностяхъ, видимо, возвышалось въ благосостояніи и развивалось умственно во время нашего пребыванія въ этихъ мѣстахъ. Женская половина подъ руководствомъ дамъ и при множествѣ получаемыхъ образцовъ также очень усовершенствовалась въ рукодѣльи, — въ послѣднее время было много искусныхъ швей и знавшихъ отлично всякаго рода вышиванье и вязанье.

Въ числѣ занятій нашихъ въ казематѣ не было недостатка и въ настоящихъ ученыхъ трудахъ и въ самостоятельныхъ изысканіяхъ. По части естественной исторіи особенно замѣчательны были братья Борисовы. Старшій, несмотря на то, что былъ полупомѣшанный, собралъ замѣчательную коллекцію насѣкомыхъ и придумалъ самъ новую классификацію, совершенно тождественную съ тою, которая, гораздо спустя уже была предложена и Парижской академіи и принята ею. Меньшой братъ нарисовалъ акварелью виды всѣхъ растеній Даурской флоры и изображеніе почти всѣхъ породъ птицъ Забайкальскаго края. Вольфъ дѣлалъ разложеніе минеральныхъ водъ, которыми такъ богатъ край. Комендантъ по указаніямъ минералоговъ составилъ замѣчательную коллекцію минераловъ. Метеорологическія наблюденія за десять лѣтъ переданы были въ Берлинскую Академію и очень цѣнились ею. По части прикладныхъ наукъ Николай Бестужевъ изобрѣлъ новую систему часовъ, Арбузовъ — новый закалъ стали и пр. Литературныя произведенія были очень многочислены. Не говоря уже о переводахъ, было много и самостоятельныхъ твореній. Поэтическія произведенія Одоевскаго и басни Бо-

брищева-Пушкина заняли бы съ честію мѣсто во всякой литературѣ. Корниловичъ и Мухановъ занимались изысканіями, относившимися къ русской старинѣ и пр. Занятія политическими, юридическими и экономическими науками были общія и по этимъ предметамъ написано было много статей. Для обсужденія всѣхъ новыхъ произведеній были устроены правильныя собранія, которыя называли въ шутку академіей. Очень развита была также легкая и сатирическая литература;*) для нѣкоторыхъ стихотвореній была сочинена и музыка (напр. для пьесъ: Славянскія дѣвы, На мосту стояла старица и пр.), чѣмъ преимущественно занимался Вадковскій.

Что же до меня лично касается, то капитальнымъ трудомъ моимъ былъ переводъ всего Священнаго писанія съ подлинниковъ еврейскаго и греческаго. Сдѣланы были также для образца опыты переводовъ первой пѣсни Иліады, первыхъ главъ Ѳукидида и Тацита и другихъ отрывковъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; написанъ трактатъ о древнемъ греческомъ произношеніи, составлена новая грамматика польскаго языка; и кромѣ множества филологическихъ изысканій, проходя нѣсколько разъ постепенно весь циклъ наукъ, я дѣ-

*) Главнымъ героемъ шуточныхъ стихотвореній былъ товарищъ нашъ Бечасновъ, съ которымъ случались безпрестанно приключенія. На его счетъ писались цѣлыя поэмы, напр. «Похожденія Бечаснова въ царствѣ гномовъ», «Похищенный цикорій» и пр. Были впрочемъ и политическо-сатирическія, какъ напр. Ивашева на неудачный походъ Дибича въ Польшѣ, которое начиналось такъ:

«Дибичъ слово царю далъ
Сладить съ поляками;
Свое слово онъ сдержалъ,
И поляковъ откаталъ
Своими боками, боками.»

лалъ множество замѣчаній по разнымъ частямъ, такъ что число написаннаго мною возросло наконецъ до пятнадцати тысячъ листовъ, исписанныхъ моимъ мелкимъ почеркомъ. Въ то же время занимался я и собираніемъ свѣдѣній о краѣ, гдѣ мы находились, и приготовлялъ основанія для разрѣшенія Амурскаго вопроса, такъ что еще изъ Читы посылалъ удачную экспедицію на Амуръ. Я составилъ также лучшую карту Забайкальскаго края, служившую впослѣдствіи основаніемъ для всѣхъ административныхъ распоряженій, до производства настоящей съемки. Чтобы судить о затрудненіяхъ, которыя я долженъ былъ преодолѣть въ этомъ дѣлѣ, достаточно сказать, что для правильнаго нанесенія на картѣ теченія рѣки Чикоя я долженъ былъ разспросить 168 человѣкъ жителей разныхъ мѣстностей по ней. Что же касается до тѣхъ занятій, которыя должны были доставлять удовольствіе или развлеченіе, или, какъ обыкновенно выражаются, препровожденіе времени, то нельзя отрицать, что въ началѣ они были гораздо свойственнѣе и приличнѣе нашему положенію, нежели впослѣдствіи, когда по случаю ослабленія строгости отдѣленія нашего отъ внѣшней обычной жизни, она стала вторгаться снова и къ намъ со всею своею пустотою и суетою. Вначалѣ были общія чтенія, концерты, пѣніе, общія сужденія о полученныхъ политическихъ новостяхъ, изслѣдованія прошедшихъ событій и много что шахматы. Единственный праздникъ въ Читѣ это былъ для общества Соединенныхъ Славянъ, и не столько для развлеченія, какъ по соображеніямъ чисто нравственнымъ, по доброму желанію сблизиться съ членами этого общества, которыя, состоя большею частію изъ людей менѣе образованныхъ, какъ-то дичились, и, счи-

тая себя оттертыми на задній планъ, были очень обидчивы. Совсѣмъ иное было уже въ послѣднее время. Въ самомъ казематѣ вошли въ употребленіе карты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сблизился съ посторонними лицами, не принадлежавшими къ нашему кругу. При свободѣ выхода изъ каземата и посѣщеній не всѣ удержались даже въ приличномъ кругу. Кромѣ того, пошли шумныя увеселенія — пикники, обѣды, балы. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей сдѣлали было попытку обратить все на старый ладъ и ввести весь свѣтскій церемоніалъ. Разумѣется, что все это было такъ несвойственно нашему положенію и представляло такія несогласимыя несообразности, что удержаться не могло, и на первой же попыткѣ и оборвалось. Люди, сговорившіеся возобновить аристократическія замашки, назначили для почина званный вечеръ у Нарышкина. Разсчетъ былъ основанъ на томъ, что онъ былъ человѣкъ добродушный, и какъ самъ, такъ и жена его (урожденная графиня Коновницына) были въ ладахъ со всѣми, и поэтому надѣялись, что критика пощадитъ ихъ; а если имъ удастся первый шагъ, то другимъ будетъ легче. Но я, проникнувъ ихъ замыслы, увидѣлъ, что именно надобно сдѣлать такъ, чтобъ первый же опытъ никакъ не удался, и при всемъ моемъ дружескомъ расположеніи къ Нарышкину рѣшился остановить все на первомъ шагѣ, тѣмъ болѣе, что самыя наши отношенія исключали всякую мысль о томъ, что дѣйствіе мое могло истекать изъ личности. Отлично послужилъ мнѣ одинъ пустой случай, пришедшійся тутъ очень кстати. Я и безъ того твердо намѣренъ былъ разразиться филиппикою противъ такихъ смѣшныхъ и жалкихъ попытокъ возвратиться къ пустотѣ свѣтской жизни, а тутъ вхо-

жу въ прихожую къ Нарышкину и вижу, что стоятъ огромные сапоги въ свѣжей грязи. Между тѣмъ человѣкъ встрѣчаетъ въ ливреѣ.

«Что это такое?» спросилъ я, указывая на сапоги.

«Это, сударь, Катерина Ивановна (Трубецкая) пріѣхала въ сапогахъ Сергѣя Петровича,» отвѣчалъ онъ, смѣясь. Надо сказать, что сначала наши дамы экипажей не держали, да и не было особенной надобности, такъ какъ всѣ дома женатыхъ были сплошь и близко къ каземату, но такъ называемая «Дамская улица» по свойству грунта была всегда грязна, а въ этотъ вечеръ по случаю дождя грязь была болѣе обыкновеннаго, — и вотъ Трубецкая, видя, что галоши не спасутъ ее, безъ церемоніи надѣла сапоги мужа и такъ перешла черезъ улицу. Вхожу въ залу, встрѣчаетъ Нарышкинъ во фракѣ; вхожу въ гостиную, — сидятъ дамы, разряженныя до-нельзя. Товарищи наши во фракахъ въ бѣлыхъ жилетахъ, по обычаю того времени, и галстукахъ. Я пришелъ въ обычномъ своемъ костюмѣ. Неестественность положенія вызвала необычныя нашему кругу натянутость и принужденность. Для меня ясно было, что всѣ внутренно осуждали подобную попытку, но никто не смѣлъ высказаться.

Поздоровавшись со всѣми, я сказалъ Нарышкину: «Что жъ это, Михаилъ Михаиловичъ, я и не зналъ, что у васъ маскарадъ; въ пригласительномъ билетѣ сказано было на вечеръ, а тутъ маскарадъ, и какой еще замысловатый. Катерина Ивановна вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ каретѣ, пріѣхала въ сапогахъ Сергѣя Петровича, а у васъ вашъ палаццо поддѣланъ подъ простую избу. Все какъ слѣдуетъ быть въ избѣ, не только полъ, да и стѣны деревянныя. Вамъ, я думаю, не дешево стало.

Знаю по опыту: у дяди Остермана тоже одна комната была поддѣлана подъ русскую избу. Вотъ что значитъ великосвѣтская прихоть. Желалъ-бы я знать, кто затѣялъ подобные маскарады?»

Муравьева, затѣявшая все это, закрылась кипсекомъ; Нарышкинъ сконфузился; всѣ расхохотались при разсказѣ о сапогахъ вмѣсто экипажа; принужденность исчезла; всѣ рѣшили, что это глупость, и подобные маскарады затѣмъ уже не возобновлялись.

Хотя польза нашихъ занятій, описанныхъ выше, была неоспорима, и вліяніе наше отразилось благотворно въ Сибири во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы жили, не только массою, какъ напримѣръ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, но и тамъ, гдѣ проживали впослѣдствіи отдѣльно наши товарищи по выходѣ изъ каземата, но всетаки главное значеніе каземата состояло не въ томъ. То, что было важнѣе всего для мыслящаго наблюдателя, заключалось въ развитіи внутренней жизни казематскаго общества, прообразовавшаго хотя и въ сжатомъ видѣ, но полный кругъ и неизбѣжныя условія и законы развитія и всякаго общества вообще, и которое поэтому для умѣющаго наблюдать явленія и понимать смыслъ и причины ихъ не только освѣтило общее историческое прошедшее, представляя правильное разъясненіе его по аналогіи съ явленіями, подлежавшими тутъ наблюденію, но и дало много, можно сказать, пророческихъ указаній для будущаго. Но прежде, нежели приступлю къ изложенію этого, я считаю не лишнимъ сдѣлать очеркъ внѣшней, такъ сказать, исторіи каземата, и сказать нѣсколько словъ о личностяхъ, которымъ было дано завѣдываніе нами.

VII.

Когда рѣшено было учредить особое начальство, которое завѣдывало бы нами и построить для насъ особое помѣщеніе, то Государь призвалъ въ Москву*) командира Сѣверскаго Конно-Егерскаго полка Лепарскаго, очень стараго человѣка, поляка въ душѣ, но подчинявшаго все разсчету своей выгоды. Онъ уже и прежде былъ употребляемъ на порученія, схожія съ тѣмъ, которое ему теперь назначалось. Ему поручали препровождать нѣкогда партіи конфедератовъ, и онъ самъ разсказывалъ, какіе обманы употреблялъ онъ, чтобы удерживать ихъ въ спокойствіи, пока не завелъ въ глубь Россіи. Отецъ его былъ повѣшенъ заочно въ Варшавѣ, какъ шпіонъ русскаго правительства. Онъ казался способнымъ исполнять всякое приказаніе и разстрѣлялъ въ Нерчинскомъ заводѣ, не осмѣлясь высказать своего мнѣнія, 18 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были солдаты стараго Семеновскаго полка, по довольно темному дѣлу, не вполнѣ доказанному даже намѣренію ихъ бѣжать, а не только произвести какое-то возстаніе, которое уже по одному тому было мало правдоподобно, что не представляло никакой цѣли. Во время опасной болѣзни своей, онъ постоянно мучился совѣстью за это дѣло и въ бреду восклицалъ: «Право, это не я, не я. Это Онъ, все Онъ.»

*) Это было во время коронаціи. Столъ коменданту былъ назначенъ отъ двора «для того, какъ объяснялъ онъ, чтобы испытать, много-ли онъ будетъ пить вина.». Онъ пресмѣшно разсказывалъ, какіе Государь употреблялъ пріемы, чтобы удостовѣриться, не пахнетъ ли отъ него виномъ. Лепарскій имѣлъ лицо багровое, дѣйствительно могущее возбудить подозрѣніе, что онъ пьяница. Ему было слишкомъ 70 лѣтъ, когда онъ былъ назначенъ комендантомъ. Но онъ всегда скрывалъ свои лѣта, и только по смерти его узнали, что онъ умеръ 86 лѣтъ.

Можно предположить, что и относительно насъ онъ ни надъ чѣмъ бы ни задумался, если бы его не останавливали, какъ человѣка, привыкшаго постоянно все разсчитывать, разныя опасенія за будущее. Въ несомнѣнномъ убѣжденіи о силѣ и вліяніи нашихъ родныхъ, онъ больше всего боялся заслужить названіе обыкновеннаго тюремщика, и даже обижался даннымъ ему прозваніемъ «Гудзона Лова». Поэтому, если онъ и былъ готовъ выполнить всякое приказаніе правительства, какъ бы оно ни было несправедливо и жестоко, если не смѣлъ протестовать противъ постройки каземата въ такомъ мѣстѣ, какъ Акатуй, ни противъ того, что и въ Петровскомъ заводѣ казематъ построенъ былъ безъ оконъ, то всетаки старался выгородить себя отъ отвѣтственности предъ общимъ мнѣніемъ и постоянно заботился о томъ, какъ будетъ принятъ въ Россіи, когда возвратится туда. Кромѣ того, по этому же разсчету и по обычному польской шляхтѣ раболѣпству предъ знатными и богатыми, онъ старался угождать тѣмъ изъ насъ, которые имѣли богатыхъ и знатныхъ родныхъ, и тѣ исключенія и послабленія, которыя дѣлалъ въ ихъ пользу, прикрывалъ въ глазахъ правительства явною несправедливостью противъ остальныхъ, не заботясь даже о самыхъ необходимыхъ вещахъ. Первый отвѣтъ его на всякое самое справедливое и законное требованіе былъ всегда: «Не могу», такъ что его даже прозвали «комендантъ Не могу». Потомъ онъ просилъ времени «поконсультоваться съ самимъ собою», и если и уступалъ, то придумавши всегда какой-нибудь изворотъ или уже видя и самъ явную нелѣпость аргумента, которымъ защищалъ свой отказъ. Такъ напр., когда вышелъ срокъ второму разряду и ему слѣдовало уже отправляться на по-

селеніе, и отправленіе было замедлено неполученіемъ только росписанія, въ какое мѣсто, кто назначался, то комендантъ не хотѣлъ дозволить второму разряду выходить изъ каземата безпрепятственно, хотя очевидно, что это было всѣмъ необходимо для приготовленія къ дальней дорогѣ. «Если это допустить,» говорилъ онъ, «то вы у меня, господа, замучаете конвойныхъ. Вотъ я вамъ разскажу, у меня былъ такой случай съ конфедератами.....» «Да намъ совсѣмъ и не нужно конвойныхъ,» отвѣчали мы ему, «мы по закону уже имѣемъ право быть на свободѣ.» — «А, если безъ конвойныхъ, то это другое дѣло, извольте.» И такъ все это получило такой смѣшной видъ, что какъ будто бы сами мои товарищи именно о томъ и хлопотали, чтобы ихъ провожали конвойные.

Особенно несчастливъ былъ Лепарскій въ выборѣ своихъ помощниковъ. — Одинъ изъ его родныхъ племянниковъ, той же что и онъ фамиліи, бывшій у него плацъ-майоромъ, былъ человѣкъ ограниченный и почти всегда боленъ дурною болѣзнію, что доводило его изъ опасенія послѣдствій ея даже до намѣренія застрѣлиться. Другой племянникъ Куломзинъ, сынъ сестры его, бывшій плацъ-адъютантомъ, былъ невообразимо глупъ, и, не ограничиваясь пьянствомъ и буйствомъ, дошелъ до того, что сталъ дѣлать доносы на своего дядю, вслѣдствіе чего и былъ удаленъ имъ. Второй плацъ-адъютантъ, нѣмецъ Розенбергъ, худо говорившій по русски, былъ отъявленный негодяй. Все это пользовалося всякими предлогами, чтобы обкрадывать и казну, и насъ. Лепарскій ужасно боялся доносовъ и даже платилъ нѣкоторымъ извѣстнымъ кляузникамъ въ заводѣ опредѣленныя суммы, чтобы только тѣ не покушались доносить. Нельзя не замѣтить при

этомъ, что большая часть доносовъ отличалась невѣроятною нелѣпостью, чѣмъ и ослаблялось ихъ дѣйствіе, вслѣдствіе чего не придавали большого значенія въ Петербургѣ и тому, что было въ доносахъ дѣйствительно справедливаго. Такъ напр. доносили, что мы хотѣли учредить «Забайкальскую республику» и т. п. Обыкновенно доносы отсылались изъ Петербурга къ самому коменданту съ общимъ вопросомъ, что могло подать поводъ къ нимъ? — Сочиненіе отвѣтовъ и похвальба ими потомъ передъ нами составляли всегда и главную заботу, и гордость Лепарскаго. Впрочемъ, основаній для доносовъ было не мало, потому вообще надо сказать, что какъ Лепарскій, такъ и всѣ подчиненные его, очень неподатливые, когда надобно было удовлетворить самому справедливому требованію, или тамъ, гдѣ можно было бы охотно принять на себя отвѣтственность по побужденію человѣчнаго чувства, были очень смѣлы въ нарушеніи тѣхъ порядковъ, которыми они прикрывались, когда дѣло шло объ ихъ собственномъ интересѣ.

Но какъ ни притворствовалъ старикъ Лепарскій насчетъ безусловной преданности своей правительству, были однако же два случая, гдѣ истина пробилась наружу, и гдѣ онъ невольно высказалъ, что дѣйствительно чувства его были совсѣмъ иныя, нежели тѣ, какія выказывалъ онъ по разсчету своей выгоды. Уже революція во Франціи 1830 г. сильно смутила его, и онъ началъ поговаривать, что все на свѣтѣ возможно, и что можетъ быть и ему придется еще дожить до того, что онъ будетъ у кого нибудь изъ насъ подъ начальствомъ; но польская революція окончательно его озадачила, и онъ высказался какъ полякъ въ томъ смыслѣ, что не порицалъ ея незаконности, а выразилъ только сожалѣніе,

что поляки начали дѣло несвоевременно. «Рано, господа, рано они начали,» говорилъ онъ тѣмъ изъ насъ, съ кѣмъ не опасался говорить съ довѣріемъ; но иногда высказывался, что уже если бы начинать дѣло, то слѣдовало бы это сдѣлать въ 1828 и 29 годахъ, когда войска наши были въ Турціи. Ему пришлось потомъ поплатиться за свои тайныя желанія.

Страхъ, чтобы они не были какъ-нибудь отгаданы, увеличилъ его наружное притворство и заставилъ его потомъ выстаивать на колѣнахъ при молебнахъ о взятіи Варшавы и окончательномъ покореніи Польши.

Другой случай, возмутившій его до глубины души противъ правительства, было вѣроломное желаніе послѣдняго свалить передъ общественнымъ мнѣніемъ на коменданта вину того, что комнаты въ казематѣ, назначенныя для насъ, были безъ оконъ. Изъ писемъ къ нашимъ дамамъ онъ узналъ, что когда въ Петербургѣ поднялся шумъ о томъ, что мы осуждены сидѣть вѣчно въ потьмахъ, то Государь послалъ Бенкендорфа къ знатнымъ и вліятельнымъ изъ родныхъ нашихъ увѣрить ихъ, что это только вышло по ошибкѣ коменданта, который поторопился будто бы перевести насъ изъ Читы, когда казематъ не былъ еще готовъ и окна не успѣли еще прорубить. Лепарскій до такой степени былъ раздраженъ такимъ вѣроломнымъ обвиненіемъ и упреками, которые сыпались на него вслѣдствіе этого отъ нашихъ родныхъ въ Россіи, что вышелъ изъ себя и забылъ привычную ему осторожность. Онъ пригласилъ насъ выбрать два довѣренныхъ лица, которымъ онъ могъ бы представить доказательство лживости обвиненія. Товарищи наши выбрали меня и Вольфа, лѣчившаго Лепарскаго и слѣдовательно близкаго ему.

Комендантъ пригласилъ насъ къ себѣ, и, поставивъ часовыхъ передъ окнами кабинета, чтобы никто не могъ подслушать снаружи, заперъ на ключъ всѣ двери не только въ кабинетѣ, но и въ смежныхъ комнатахъ, чтобы нельзя было подслушать и домашнимъ его. Тогда, отперевъ шифоньерку, онъ вынулъ подлинный планъ каземата, утвержденный Государемъ, и, развернувъ его на столѣ, сказалъ намъ: «Извольте смотрѣть, господа. — Быть по сему. Николай.» — Вы видите, что на этомъ фасадѣ нѣтъ оконъ. Такъ что-жъ. Онъ сваливаетъ теперь все на меня и выдаетъ меня на вражду вашимъ роднымъ и общественному мнѣнію всей Россіи.» Затѣмъ онъ съ особенною горечью сталъ жаловаться на то, что, принудивъ его принять мѣсто и давъ большое жалованье и двѣ звѣзды, съ нимъ уже не церемонятся, и что тамъ дурного ни придумаютъ и ни надѣлаютъ, считаютъ въ правѣ въ случаѣ неудачи сваливать на него, а его, обязаннымъ все сносить, «хоть бы плевали ему въ рожу.»

Вначалѣ комендантъ не былъ подчиненъ никому, такъ какъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири былъ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Но, когда послѣ Лавинскаго назначенъ былъ изъ военныхъ генералъ Сулима, тогда подчинили генералъ-губернатору и коменданта, что для него было очень непріятно. Первые два генералъ-губернатора мало вмѣшивались въ дѣла каземата, но послѣдній, Руперть, который былъ самъ до назначенія своего въ Сибирь окружнымъ жандармскимъ генераломъ, дѣйствовалъ гораздо смѣлѣе: онъ уничтожилъ пустой призракъ работы и не задумался дѣлать представленія о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ насъ жениться.

По смерти Лепарскаго временно исправлялъ

должность коменданта его племянникъ, бывшій плацъ-майоромъ при немъ; но вскорѣ были присланы и новый комендантъ и новый плацъ-майоръ, оба изъ жандармовъ. Впрочемъ это обстоятельство послужило тѣмъ въ пользу, что никому нельзя было прикидываться — ни имъ либералами, ни изъ нашихъ товарищей никому такъ называемыми «раскаявающимися.» Независимо отъ того, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ былъ дѣйствительно хорошій человѣкъ, доступный человѣчному чувству и старавшійся о справедливости. Но именно поэтому-то его и не взлюбила «аристократическая» партія, такъ какъ онъ, дозволивъ всѣмъ то, что прежде дозволялось только нѣкоторымъ, тѣмъ самымъ уничтожилъ всѣ отличія и привилегіи. Противъ него была даже возбуждена недостойная интрига, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, и при которой одинъ только я съумѣлъ противостать увлеченію всего каземата и защитить его, сохранивъ къ нему справедливость, явно нарушенную относительно его другими, одними съ умысломъ, а нѣкоторыми по слабости и уклончивости. Онъ былъ мнѣ глубоко признателенъ, особенно когда я, въ этихъ трудныхъ для него обстоятельствахъ, явился еще къ нему на помощь, тогда какъ онъ заболѣлъ опасно и былъ всѣми оставленъ. Мои дѣйствія тѣмъ болѣе тронули его, что до этого случая я вовсе не искалъ съ нимъ сближенія и ничѣмъ отъ него не пользовался, даже и тѣмъ, чѣмъ пользовались всѣ другіе. Поэтому, когда мы разъѣзжались изъ Петровскаго завода, онъ не только провожалъ меня самъ до первой станціи, когда я отправился на поселеніе въ Читу, но, едва возвратясь домой, послалъ мнѣ письмо съ нарочнымъ, зная, что я буду ночевать на второй станціи. «Едва я разстался съ вами,»

писалъ онъ мнѣ, «какъ чувствую снова необходимость излить мои чувства и сказать письменно еще разъ то, что не разъ выражалъ словесно. Вы спасли мнѣ жизнь и болѣе нежели жизнь; вы знали, что я все готовъ былъ сдѣлать для васъ, но вы не только ничего не принимали, но запретили мнѣ даже ходатайствовать за васъ. Все это было такъ необычно, такъ несходно съ тѣмъ, что видишь въ жизни, что (простите, ради Бога, слабости человѣческой) какъ-то не вѣрилось до послѣдней минуты; и только теперь, когда мы навсегда разстались, и вы въ минуту разставанья наотрѣзъ отъ всего отказались, я увидѣлъ до какой степени вы составляете исключеніе и въ нравственной сферѣ, такъ же какъ и въ умственной. Я никогда не забуду вашего безпристрастія и человѣколюбія относительно меня, вашей проницательности, съ какой вы распутали такую темную интригу, вашей рѣшимости и мужества вашего, съ какими вы, руководясь только справедливостью, вступились за человѣка чуждаго въ нѣкоторомъ отношеніи, по положенію даже враждебнаго, и стали противъ всѣхъ вашихъ товарищей, навлекая на себя ихъ порицаніе и ненависть. Ваше преимущество надъ ними выказалось еще болѣе тогда, когда уличенные вами въ явной несправедливости, они снова стали заискивать во мнѣ (по разсчету своихъ выгодъ), въ человѣкѣ, котораго оскорбили, между тѣмъ, какъ вы ничего не хотѣли искать, тогда какъ имѣли право требовать всего отъ меня.»

Изъ другихъ лицъ, находившихся при насъ или поставленныхъ по мѣсту, ими занимаемому, въ непосредственныя сношенія съ нами, можно отмѣтить только докторовъ, священника и нѣкоторыхъ горныхъ начальниковъ. Что касается до доктора, то

несмотря на положеніе, которому позавидовали бы многіе, онъ рѣшительно былъ неспособенъ воспользоваться имъ ни для своей нравственной пользы, ни для насъ, ни для исторіи. Это былъ пустѣйшій человѣкъ, прототипъ тѣхъ, которыхъ развелось такъ много теперь, незнавшій своего дѣла и пренебрегавшій своею обязанностью, пользовавшійся своими близкими сношеніями съ нами только для того, чтобы усвоить себѣ пустую болтовню отвлеченнаго либерализма, безъ всякой способности проникнуть въ сущность дѣла, безъ всякой охоты къ серьезному занятію и мышленію. Онъ былъ изъ духовнаго званія и былъ взятъ въ медицинскій факультетъ въ то время, когда недостатокъ добровольныхъ учениковъ въ немъ обыкновенно дополнялся рекрутскими наборами изъ семинарій. Такъ какъ онъ плохо учился, то и попалъ въ третій разрядъ, изъ котораго обыкновенно разсылали медиковъ, не спрашивая ихъ желанія, въ самыя отдаленныя мѣста, только для того, что тамъ полагался медикъ по штату. Такимъ образомъ попалъ онъ въ Селенгинскъ, гдѣ одна купчиха женила его на своей 13 лѣтней дочери, какъ это было возможно въ то время, пока еще не былъ установленъ для невѣстъ 16 лѣтній возрастъ. — Медицины онъ не разумѣлъ и ею не занимался; и вдругъ этому человѣку выпало на долю нежданное счастіе занять мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ (въ четверо противъ оклада), съ возможностію, въ случаѣ, если бы зналъ свое дѣло, получать еще несравненно болѣе отъ насъ, съ перспективою особенныхъ наградъ отъ правительства и въ такомъ положеніи, что былъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нами, не занимая однако должности, которая ставила бы его въ подозрительныя или непріятныя отношенія

къ намъ, въ какихъ поневолѣ находились лица, занимавшія другія административныя должности при насъ, какъ напр. тѣ, на которыхъ болѣе или менѣе имѣли право смотрѣть какъ на тюремщиковъ. Можно себѣ представить, сколько бы пользы извлекъ для собственнаго развитія и для исторіи всякій порядочный человѣкъ изъ сношеній и бесѣдъ съ нами, изъ возможности пользоваться нашими средствами. Но ему къ сожалѣнію все это послужило во вредъ и притомъ и не безъ вреда другимъ. Вышло такъ, что когда его радикальная неспособность въ его спеціальномъ занятіи обнаружилась, и комендантъ въ своей болѣзни прибѣгнулъ къ помощи нашихъ докторовъ, то ужъ самъ не захотѣлъ требовать для своего штаба лучшаго доктора изъ опасенія, чтобы тотъ, по соперничеству въ занятіи, не поставилъ препятствія практикѣ нашихъ докторовъ. Разсчетъ, конечно, эгоистическій, потому что если наши доктора лечили коменданта и другихъ лицъ поважнѣе, то солдаты и другіе маленькіе люди все таки оставались преданными въ жертву невѣжественному доктору, который занимался торговлею, картами, пустымъ чтеніемъ и пр., однимъ словомъ, всѣмъ, кромѣ медицины, и который со склянками и порошками въ карманѣ, зайдя, какъ обыкновенно говорилъ, на минуточку въ казематъ, оставался тамъ на цѣлый день, принося, однако, больному, какъ шутили, только развѣ ту пользу, что не отравлялъ его своими лекарствами. Только меня онъ страхъ боялся, потому что я всегда прогонялъ его, да и товарищамъ моимъ прямо въ его присутствіи выражалъ неудовольствіе, что они такъ легко могутъ относиться къ подобному небреженію докторомъ своихъ обязанностей, не думая о больныхъ, ждущихъ цѣлый день доктора, между тѣмъ какъ

они имъ забавляются, заставляя его играть роль шута.

Когда товарищъ нашъ Вольфъ, состоявшій во второмъ разрядѣ, отправился на поселеніе, то и тогда комендантъ не рѣшился перемѣнить доктора, состоявшаго при штабѣ, на этотъ разъ уже изъ опасенія, что онъ много уже знаетъ секретовъ нашихъ порядковъ, и чего добраго сдѣлаетъ доносъ по неудовольствію. Дѣло устроили такъ, что будто бы для консультацій разрѣшено было требовать въ важныхъ случаяхъ докторовъ изъ другихъ мѣстъ и преимущественно изъ Кяхты, какъ ближайшаго мѣста. Какія выгоды могъ бы извлечь штабный докторъ, если бы зналъ свое дѣло, можно судить по тому, что въ казематѣ не жалѣли огромныхъ расходовъ, съ какими всегда была сопряжена выписка доктора изъ Кяхты, и какъ онъ оказался свѣдущимъ человѣкомъ, то и поступилъ потомъ при распущеніи каземата домашнимъ докторомъ къ Трубецкимъ съ жалованьемъ, которое далеко превышало тогдашнее жалованье губернатора.

Относительно священника, то несмотря на то, что по предписанію Синода и по тѣмъ указаніямъ, какія были имъ даны, онъ долженъ былъ имѣть всѣ возможныя совершенства, прислали, однако, человѣка, который былъ совсѣмъ иныхъ статей, какъ говорится. Онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ условій ни простого добраго человѣка, ни человѣка образованнаго и умственно развитаго. Это былъ въ полномъ смыслѣ то, что въ простонародьи называется «шалыганъ». — Грубый, буйный, корыстолюбивый, онъ два раза подвергался слѣдствію за неприличное поведеніе въ самой церкви даже, да и не только за площадную брань, но и за драку даже въ алтарѣ. Вѣчно во враждѣ за дѣлежъ до-

ходовъ съ мѣстнымъ священникомъ, у котораго, какъ протоіерей, онъ отбивалъ первенство, онъ былъ уличенъ не разъ въ прямомъ посягательствѣ на чужую собственность. Его идеалъ, приводившій его въ неописанный восторгъ — это какой нибудь замысловатый крючокъ въ консисторіи и искусство отписаться, когда «дока попадетъ на доку». Кромѣ того, у него была пресмѣшная привычка выпивать у больныхъ остатки лѣкарствъ, причемъ онъ увѣрялъ, что «это всетаки отъ чего нибудь полезно, или впередъ пригодится,» и только одно его необычайно крѣпкое сложеніе позволяло ему безнаказанно переносить такія вещи. И съ помощью такого-то человѣка правительство думало, какъ говорилось, обращать насъ къ раскаянію. Впрочемъ были и другія попытки вывѣдать, кто раскаявался, и сдѣлать коменданта наблюдателемъ или шпіономъ въ этомъ отношеніи. Были присланы отъ Государя книги духовнаго содержанія, чтобы раздать ихъ тѣмъ, кто раскаявается, или, по крайней мѣрѣ, замѣтить, кто пожелаетъ взять ихъ. Комендантъ посовѣтовался съ нами, какъ ему отвѣчать на это. Я ему сочинилъ такой отвѣтъ, что «на наружные признаки въ этомъ отношеніи и въ нашемъ положеніи полагаться нельзя, а въ душу не влѣзешь, и что у всѣхъ насъ очень много книгъ такого содержанія, присланныхъ отъ родныхъ, и потому никто не изъявилъ желанія взять присланныя изъ Ш-го отдѣленія; а совѣтуемъ мы раздать ихъ бѣднымъ или въ обыкновенныя тюрьмы.»

Въ другой разъ былъ допущенъ въ казематъ начальникъ Забайкальской миссіи, вѣроятно, на основаніи особеннаго предписанія, потому что иначе комендантъ, не любившій постороннихъ посѣтителей и не пустившій въ казематъ даже генералъ-

губернатора Лавинскаго, ни за что не допустилъ бы архимандрита до свиданія съ нами.

Архимандритъ этотъ былъ извѣстный Израиль, окончившій впослѣдствіи карьеру свою въ Соловецкомъ монастырѣ за то, что самъ же завелъ секту въ Кяхтѣ, гдѣ была у нихъ богородицею одна несовершеннолѣтняя дочь купца (она вышла потомъ замужъ за командира гарнизоннаго баталіона, стоявшаго въ Читѣ, и я видѣлъ ее на балахъ, усердно выплясывающую французскую кадриль), и были и апостолы. Вступивъ съ нами въ бесѣду, онъ увидѣлъ, какъ далеко многіе изъ насъ стояли выше его даже и въ тѣхъ знаніяхъ, которыя должны были составлять его спеціальность, и былъ до того озадаченъ и сбитъ съ толку новыми для него сужденіями, что совершенно потерялся и поспѣшилъ убраться, прося только позволенія прислать письменное свое разсужденіе, гдѣ какими-то чертежами силился сдѣлать наглядно понятнымъ, «какъ вода можетъ соединяться съ огнемъ.»

Въ послѣднее время, уже при второмъ комендантѣ, одинъ архіерей пожелалъ также имѣть доступъ въ казематъ. «Я не желаю отказать вамъ,» сказалъ ему комендантъ, «но желалъ бы знать, какую вы имѣете цѣль, чтобы оправдать въ глазахъ заключенныхъ ваше посѣщеніе. Согласитесь, что если они увидятъ въ этомъ простое любопытство, то это покажется имъ оскорбительнымъ.»

«Нѣтъ, я дѣлаю это по долгу своего званія,» сказалъ архіерей, «чтобы преподать имъ утѣшеніе и сдѣлать увѣщаніе.»

«Послушайте, Ваше Преосвященство,» отвѣчалъ комендантъ, «будемъ говорить откровенно. Въ утѣшеніи отъ постороннихъ, я знаю, они не нуждаются, потому что имѣютъ лучшее утѣшеніе и поддержку

другъ отъ друга; что же касается до увѣщаній, то повѣрьте, они сами знаютъ все, что только вы имъ можете сказать. Конечно, какъ люди образованные и свѣтскіе, они примутъ васъ учтиво, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но вѣдь отъ тонкой насмѣшки и затруднительныхъ вопросовъ я васъ оградить не могу, и очень можетъ быть, что вы поставлены будете въ неловкое положеніе, несвойственное вашему сану.»

Послѣ этого архіерей болѣе не настаивалъ, и потому должно полагать, что внутренно согласился съ доводами коменданта.

Отношенія наши къ горнымъ начальникамъ, не будучи прямыми, зависѣли чисто отъ личныхъ свойствъ ихъ. Впрочемъ, должно сдѣлать исключеніе относительно тѣхъ восьми нашихъ товарищей, которые, находясь въ Благодатскомъ рудникѣ, были до пріѣзда коменданта непосредственно подчинены главному горному начальнику Бурнашеву, чрезвычайно грубо и невѣжественно обращавшемуся не только съ ними, но и съ супругами двоихъ изъ нихъ (княг. Трубецкою и Волконскою), за что и былъ смѣненъ впослѣдствіи. Его прозвали Тормо-ширъ-Ханъ, названіе заимствованное изъ мистической книги «Угрозъ Свѣтовостоковъ», попавшейся какъ-то въ руки заключенныхъ въ числѣ книгъ духовнаго содержанія. Совсѣмъ иного свойства былъ мѣстный горный начальникъ въ Читѣ Семенъ Ивановичъ Смольяниновъ. Это былъ человѣкъ высоко нравственныхъ свойствъ и феноменальной честности, заслуживший глубокое уваженіе, какъ коменданта, такъ и наше. Такъ какъ онъ ничего не искалъ отъ насъ, а напротивъ самъ еще старался оказать всевозможныя услуги намъ, то отношенія его къ намъ всегда оставались неизмѣнны,

съ одинаковою отъ начала до конца учтивостью и услужливостью, равно чуждыми той грубости, которую многіе показывали сначала, и того раболѣпства и подличанья, какое эти же самые лица выказывали впослѣдствіи. Вообще человѣкъ очень кроткій и робкій, онъ умѣлъ однако же быть твердымъ, гдѣ требовала того нравственная обязанность, какъ напр. въ разсказанномъ выше случаѣ дѣйствія Нарышкина противъ караульнаго офицера за грубость противъ жены Муравьева, гдѣ Нарышкинъ былъ избавленъ отъ бѣды, и во всякомъ случаѣ отъ большой непріятности твердостью показанія Смольянинова, что офицеръ былъ пьянъ и вполнѣ виноватъ.

С. И. Смольяниновъ былъ потомственный дворянинъ и единственный человѣкъ за Байкаломъ, имѣвшій крестьянъ. Еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ по собственному чувству справедливости и по разрѣшенію, укрѣпленному сверхъ того въ разговорахъ съ нами, дошелъ до заключенія о неестественности и несправедливости того, чтобы человѣкъ владѣлъ другимъ человѣкомъ, какъ вещью. Поэтому онъ освободилъ своихъ крестьянъ безъ всякаго выкупа. Все его семейство оказывало также много услугъ намъ, а особенно нашимъ дамамъ. Жена его, дочь военнаго штабъ-офицера Власова, который былъ нѣкогда адъютантомъ генералъ-губернатора Якобія, была крестная дочь знаменитаго Палласа, котораго отецъ ея былъ другъ и корреспондентъ, какъ сказано было выше. Это была женщина очень опытная и отличная хозяйка, и обладала многими свѣдѣніями по медицинѣ. Она сама имѣла 16 человѣкъ дѣтей. Домъ ихъ былъ прибѣжищемъ больныхъ и нуждающихся; въ домѣ постоянно приготовлялись для даровой раздачи ле-

карственныя травы, мази, капли и пр. И совѣтомъ и дѣятельною помощью она много помогала дамамъ и въ болѣзняхъ ихъ и въ другихъ случаяхъ. Но она не ограничивалась и этимъ. По Высочайшему повелѣнію она арестована была домашнимъ арестомъ на двѣ недѣли за то, что переслала чрезъ своего сына, отправлявшагося въ корпусъ, письма отъ дамъ къ ихъ роднымъ. Дочери ея постоянно помогали дамамъ въ шитьѣ, не принимая за то никакого вознагражденія. Всѣ заботы по шитью на церковь въ Читѣ семейство также принимало на себя. Немудрено поэтому, что они заслужили всеобщее расположеніе и уваженіе. Несмотря на огромное семейство, Семену Ивановичу и въ голову не приходило извлекать какую либо выгоду изъ важныхъ казенныхъ порученій, или изъ занимаемой имъ должности. Умирая, онъ не оставилъ семейству ничего, кромѣ пенсіи въ 500 р. ассигнаціями, потерявшей впослѣдствіи всякое значеніе по усилившейся дороговизнѣ въ нѣсколько разъ.

Одинъ изъ управителей Петровскаго завода Арсеньевъ былъ также очень близокъ со многими изъ нашихъ товарищей, но ужъ совсѣмъ по другимъ причинамъ. Онъ не прочь былъ оказывать мелкія услуги, но сблизился больше, какъ товарищъ по препровожденію времени. Онъ почти жилъ безвыходно въ казематѣ, но именно вслѣдствіе этого также неглижировалъ своимъ обязательнымъ занятіемъ. Главная услуга его состояла въ доставкѣ писемъ, но при уменьшеніи въ послѣднее время строгости и при общей уже возможности намъ видѣться со всѣми посторонними, это не было уже такъ опасно, какъ сначала, потому что перевозкою писемъ занимались уже всѣ, особенно купцы, ѣздившіе каждый годъ въ Россію.

VIII.

Когда назначенное для насъ комендантское управленіе достигло полнаго развитія, то оно состояло изъ коменданта, генералъ-лейтенанта (съ окладомъ почти въ 30 тысячъ рублей, что превышало тогда окладъ генералъ-губернатора), изъ плацъ-майора и двухъ плацъ-адъютантовъ, получавшихъ четверное жалованье, или какъ тогда говорилось, заграничный окладъ, т. е. за рубль ассигнаціями рубль серебра, стоившій тогда вчетверо. Сверхъ того, по условію они должны были получать чрезъ каждые три года чинъ, независимо отъ производства за отличіе; пользуясь этимъ, комендантъ и вывелъ своего племянника въ теченіи 12 лѣтъ изъ подпоручиковъ въ полковники. На такихъ-же условіяхъ былъ и прикомандированный для чтенія писемъ штабъ-офицеръ. Священникъ и докторъ получали также четверной окладъ и сверхъ того награды. Въ постоянномъ распоряженіи коменданта находилась инвалидная рота съ тремя офицерами для занятія карауловъ и казачій отрядъ съ офицеромъ; но коменданту предоставлено было право требовать особые наряды отъ войскъ и земства, какъ и было то, когда переходили мы изъ Читы въ Петровскій заводъ. Деньги наши хранились въ мѣстныхъ горныхъ управленіяхъ и выдавались чрезъ коменданта; отъ горнаго же вѣдомства шло жалованье (1 р. 98 к.) и провіантъ (2 пуда муки), которые выдавались помѣсячно; оно назначало также прислугу намъ, въ Читѣ отъ земскаго наряда, а въ Петровскомъ заводѣ изъ ссыльныхъ, причемъ развилось множество злоупотребленій со стороны служащихъ въ штабѣ коменданта, такъ какъ приписывали будто бы для прислуги къ

каземату множество такихъ людей (даже прачекъ), которыхъ въ казематѣ никогда и не видали, а которые жили у плацъ-майора и плацъ-адъютантовъ. Прислуга состояла вся на нашемъ жалованьи и содержаніи и ея было очень много. Въ казематѣ было 12 отдѣленій и въ каждомъ по одному сторожу изъ инвалидовъ, да по прислужнику изъ ссыльныхъ, кромѣ того четыре повара, два хлѣбопека, два баньщика, два огородника и работникъ, смотрѣвшій за свинымъ хлѣвомъ. Баня и огороды были устроены на нашъ счетъ; мытьемъ бѣлья занимались преимущественно солдатскія жены. Въ началѣ предположено было содержать въ казематѣ только тѣхъ, кто былъ судимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ; но потомъ, вслѣдствіе ложныхъ опасеній возмущенія, горное начальство выслало въ Читу всѣхъ, кто только былъ въ заводахъ сосланъ изъ дворянъ, какъ по политическимъ, такъ и не политическимъ преступленіямъ. Поэтому были присланы офицеры Черниговскаго полка и два саперныхъ офицера съ однимъ полякомъ, какъ члены тайнаго общества, возникшаго въ западномъ краѣ. Тѣ и другіе судились обыкновеннымъ военнымъ судомъ. Присланъ былъ тогда же и братъ мой Ипполитъ и его товарищи по Оренбургской затѣѣ и майоръ Кучевскій, сосланный за намѣреніе поджечь Астрахань, а потому и прозванный въ казематѣ брантъ-майоромъ, личность въ высшей степени отталкивающая отъ себя явнымъ ханжествомъ и послѣдующими своими дѣйствіями вполнѣ оправдавшая недовѣріе къ своему лицемѣрію. Его звали также «шишка», потому что при земныхъ поклонахъ онъ билъ лбомъ въ землю, и набилъ себѣ огромную шишку на лбу; звали также и «пучекъ», потому что онъ связывалъ назади въ пучекъ свои волосы,

какъ дѣлали то церковные причетники. Его особенно долго не хотѣлъ комендантъ ни смѣшивать съ нами, ни принимать, но изъ Петербурга рѣшили, что, хотя никого бы не слѣдовало смѣшивать съ нами, но, если они уже присланы въ казематъ, то пусть въ немъ и остаются. Наконецъ въ Петровскій заводъ былъ присланъ слѣпой полякъ Сосновичъ, сосланный за укрытіе польскаго эмиссара Канарскаго.

Пока не началось отправленіе на поселеніе, то большее число находившихся въ казематѣ доходило до 91-го человѣка. Кромѣ того съ судьбою каземата были связаны и какъ бы причислялись къ нему и жены нѣкоторыхъ товарищей нашихъ. Между послѣдними было много женатыхъ, и почти всѣ жены изъявили желаніе слѣдовать за мужьями, но иныя остались по волѣ мужей для воспитанія дѣтей; другимъ не позволялъ ѣхать недостатокъ средствъ. Впрочемъ, всѣ оставшіяся въ Россіи сохранили вѣрность своимъ мужьямъ, и только впослѣдствіи три изъ нихъ, жены Осипа Поджіо, Лихарева и Фаленберга вышли замужъ, воспользовавшись закономъ, считающимъ бракъ расторженнымъ въ случаѣ ссылки мужа или жены. Въ Иркутскіе заводы пріѣхала Трубецкая, въ Благодатскій рудникъ Волконская; въ Читу — Муравьева, Янтальцева, Нарышкина, Давыдова, Фонъ-Визинъ и Анненкова; въ Петровскій заводъ Юшневская, Розенъ и Ивашева. Почти всѣ строили себѣ какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ собственные дома, и въ Читѣ въ казематъ допускались только на свиданіе съ мужьями очень короткое время и то при караульномъ офицерѣ, дополняя это потомъ свиданіемъ у частокола, что составляло главный источникъ дохода для наружныхъ часовыхъ, кото-

рые дозволяли имъ подходить къ частоколу. Но въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ сначала перестали отпускать мужей къ женамъ на домъ, какъ вошло то уже въ послѣднее время въ обычай въ Читѣ, жены должны были жить въ казематѣ съ мужьями въ ихъ номерахъ, имѣя впрочемъ свободный выходъ, что явно противорѣчило, однако, условіямъ содержанія въ казематѣ, такъ какъ черезъ это не только дѣлалось возможнымъ словесное сообщеніе съ посторонними, но и передача всего въ казематъ и обратно.

Впослѣдствіи наша «колонія» умножилась еще дѣтьми нашихъ товарищей. Въ Читѣ родились двѣ дочери у Анненкова, изъ которыхъ старшая впослѣдствіи умерла; дочь у Волконскаго, также умершая при самомъ рожденіи; дочь у Трубецкого, сынъ у Давыдова и дочь у Муравьева. Вообще же число всѣхъ родившихся въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ было болѣе 20-ти, но многіе тамъ и умерли, такъ что до зрѣлаго возраста дошла только половина. Старшая дочь Трубецкого, превосходная дѣвушка, была за сенаторомъ Ребиндеромъ и умерла; двѣ другія также замужемъ; дочь Муравьева замужемъ въ Москвѣ; сынъ Волконскаго женатъ, дочь Анненкова также замужемъ; сынъ его пріобрѣлъ похвальную извѣстность въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ честный и энергическій судебный слѣдователь; дочь Давыдова осталась дѣвицею, сынъ Розена женатъ.

Въ заключеніе надо сказать, что въ числѣ другихъ выгодъ, которыя обѣ мѣстности, какъ Чита, такъ и Петровскій заводъ, извлекали отъ нашего пребыванія въ нихъ, было учрежденіе въ нихъ почтовыхъ конторъ, которыхъ до насъ не было и которыя остались тамъ и послѣ насъ.

Казематъ наполнялся такимъ образомъ, что сначала очистили Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ, гдѣ оказалась надобность въ помѣщеніи для членовъ польскаго тайнаго общества, привозимыхъ изъ Варшавы. Затѣмъ стали отправлять изъ Шлиссельбурга; отправленіе же изъ финляндскихъ крѣпостей продолжалась до лѣта 1828 года и такъ, что самую послѣднюю категорію изъ числа осужденныхъ въ работу, ту, которой срокъ былъ только на одинъ годъ, привезли послѣднею и срокъ работы сочли ей со дня привоза въ Читу. Такимъ образомъ, хотя приговоръ произнесенъ былъ 10-го іюля 1826 года, и не по ихъ винѣ они такъ долго не поступали въ работу, а держали ихъ въ крѣпостяхъ, на поселеніе отправились они только лѣтомъ 1829 г. При этомъ надобно замѣтить, что и мѣста для ихъ поселенія были выбраны самыя дурныя, какъ напр. Березовъ, Туруханскъ и т. п. Тѣ изъ нашихъ товарищей, которые находились въ Благодатскомъ рудникѣ, привезены были въ Читу, какъ и упомянуто выше, въ октябрѣ 1827 г.

Между тѣмъ, какъ тѣхъ, которые судились верховнымъ уголовнымъ судомъ и одни исключительно признавались правительствомъ за политическихъ, привозили обыкновенно въ Сибирь съ фельдъегерями и отправляли изъ Тобольска также на подводахъ въ сопровожденіи казачьяго офицера или чиновника, — всѣхъ другихъ, помѣщенныхъ также въ казематъ, но судившихся обыкновеннымъ военнымъ суофицеровъ изъ Брестъ-Литовска, лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу брата въ Оренбургѣ и пр.) отправляли, какъ простыхъ ссыльныхъ, съ партіями пѣшкомъ и прямо въ Нерчинскіе заводы.

Побѣги ссыльныхъ изъ заводовъ не рѣдкость, — бѣгутъ и по-одиночкѣ и цѣлыми партіями. Одинъ

изъ офицеровъ Черниговскаго полка, Сухиновъ, имѣлъ неосторожность болтать съ простыми ссыльными, не принявъ въ соображеніе, что ничто такъ не развито въ Сибири, какъ доносы и обыкновенно съ примѣсью чисто фантастическихъ предположеній и толкованій, какъ мы это постоянно испытывали въ приложеніи къ себѣ. Вотъ и сдѣланъ былъ доносъ, что будто бы Сухиновъ затѣвалъ всеобщее возмущеніе ссыльныхъ. Не надѣясь на безпристрастіе заводскаго суда и опасаясь, чтобы не подвергли его тѣлесному наказанію, Сухиновъ лишилъ себя жизни; а заводское начальство съ перепугу выслало къ коменданту въ Читу всѣхъ безъ различія, кто только былъ въ числѣ ссыльныхъ изъ дворянъ. Такимъ образомъ, примѣшали къ намъ человѣкъ 12 очень невыгодной примѣси, которая своими дѣйствіями навлекала дурную славу на весь казематъ, да и во внутренней жизни его была поводомъ ко многимъ смутамъ и орудіемъ многихъ непріятностей. Что же касается до отправленія изъ каземата, то первыми отправленными были Корниловичъ, котораго увезли сначала въ Петербургъ, а оттуда на Кавказъ, и Толстой (Владиміръ), который былъ отправленъ прямо на Кавказъ въ видѣ милости.

Мы сказали выше, что тому разряду, который былъ осужденъ въ работу только на годъ, этотъ годовой срокъ сочли со дня привоза въ Читу, но потомъ въ Петербургѣ одумались и слѣдующему разряду, который былъ приговоренъ на три года работы, сочли уже срокъ со дня приговора, такъ что и этотъ разрядъ отправился на поселеніе также изъ Читы, и между отправленіями обоихъ разрядовъ вмѣсто двухлѣтняго промежутка прошло очень немного времени.

Неизвѣстно, почему такъ торопились перевести насъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, коль скоро ясно было, что употреблять насъ въ заводскія работы очень опасаются. Казематъ, строившійся въ Петровскомъ заводѣ, далеко не былъ оконченъ. Онъ не былъ еще ни обшитъ снаружи, и не оштукатуренъ внутри, какъ было получено приказаніе лѣтомъ въ 1830 году перевести насъ туда. Всѣ оставляли Читу съ большимъ сожалѣніемъ. Необходимость смягчила многія суровыя условія нашего содержанія. Женатые изъ нашихъ товарищей построили себѣ дома, и, постепенно улучшая ихъ, сдѣлали уже вполнѣ удобными для житья, и, кромѣ того, обзавелись хозяйствомъ. Не только дамы не имѣли уже надобности ходить въ казематъ на свиданіе или мерзнуть у частокола, но и мужья ихъ постоянно уже жили въ своихъ домахъ, чрезъ что и въ казематахъ стало несравненно просторнѣе, независимо отъ большаго числа казематовъ и частныхъ домиковъ, построенныхъ внутри оградъ при нихъ, владѣльцы которыхъ также постоянно уже въ нихъ жили. Жизнь, вздорожавшая было съ начала нашего прибытія, сдѣлалась потомъ очень дешева и изобильна, такъ что въ Читѣ можно было достать все, и въ этомъ отношеніи она стояла выше многихъ провинціальныхъ городовъ. Года нашего пребыванія въ Читѣ были необычайно благопріятные по урожаю и теплому времени. Въ 1829 г. весна была благопріятная, а осенніе морозы или утренники, обыкновенно начинающіеся еще въ августѣ, начались въ этотъ годъ не прежде половины сентября. Устроенный нами огородъ далъ необычайный урожай исполинскаго размѣра овощей, такъ что, по изготовленіи нужнаго для себя самихъ изобильнаго запаса, мы могли надѣлить овощами все бѣд-

ное населеніе Читы. Огромная масса денегъ, пущенная нами въ оборотъ, привлекла со всѣхъ сторонъ торговцевъ и при свободной конкурренціи произвела изобиліе и дешевизну. Притомъ больные и бѣдные получили всякаго рода вспоможеніе. По всему этому и не мудрено, что въ памяти жителей эпоха нашего пребыванія въ Читѣ сохранилась, какъ особенное благословеніе Божіе. Здѣсь кстати замѣтить, что убѣжденіе, что это именно мы принесли счастье, было такъ глубоко, что когда черезъ 9 лѣтъ я пріѣхалъ на жительство въ Читу, то мой пріѣздъ сочтенъ былъ всѣми за предзнаменованіе, что благословленные года воротятся съ моимъ возвращеніемъ, и какъ нарочно случилось такъ, что вѣра жителей въ это оправдалась, и слѣдующій годъ по моемъ пріѣздѣ напомнилъ благодатные года нашего общаго пребыванія въ Читѣ.

Начались приготовленія къ отправленію, грустныя и для жителей, несмотря на то, что они изъ самыхъ этихъ приготовленій извлекали себѣ немалую выгоду; но особенно грустны были они для насъ; извѣстное уже положеніе и сдѣлавшееся уже сноснымъ, и по дѣйствительному его улучшенію и по привычкѣ къ нему, мы мѣняли на неизвѣстное, которое притомъ во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо хуже. Мы знали уже, что Петровскій заводъ — мѣсто вообще невыгодное, и что казематъ расположенъ на болотѣ и дурно построенъ вслѣдствіе воровства инженеровъ. Къ тому же не было уже тайною для насъ и то, что въ комнатахъ, назначенныхъ для насъ, нѣтъ оконъ. Къ довершенію невыгоды, и время отправленія подошло подъ осень; начались уже осенніе дожди, а какъ переходъ былъ расписанъ на основаніи военныхъ маршрутовъ, то

и долженъ былъ онъ продолжаться полтора мѣсяца. Все это съ безконечными хлопотами сборовъ, укладыванія, отправленія напередъ обозовъ и всяческой, неизбѣжной въ такихъ случаяхъ, суеты, порождало общее дурное расположеніе.

Но прежде, нежели я приступлю къ описанію нашего необычайно страннаго во всѣхъ отношеніяхъ перехода, я долженъ упомянуть объ одномъ событіи въ Читѣ, которому суждено было имѣть важное вліяніе не только на мою личную участь, но впослѣдствіи и на судьбу цѣлаго края.

Въ 1829 г., когда я былъ совершенно погруженъ въ ученыя занятія, отъ которыхъ отрывался только тогда, когда товарищи призывали меня къ общественной дѣятельности, что случалось только въ важныхъ случаяхъ (ко мнѣ, какъ къ человѣку, не принимавшему никогда участія въ ссорахъ партій или личныхъ, обыкновенно обращались, когда нужно было безпристрастное постороннее посредничество. Кромѣ того, меня всегда выбирали для составленія какихъ нибудь постановленій и какъ судью по общественнымъ дѣламъ) вдругъ стали дѣлать мнѣ какіе-то странные намеки о какомъ-то необычайномъ событіи, въ которомъ будто бы я играю завидную роль. Наконецъ начали говорить яснѣе, что вотъ влюбилась въ меня какая-то прекрасная дѣвушка и хочетъ идти за меня замужъ. Я сначала принималъ это за шутку, и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ выслушивалъ эту болтовню, что мысли мои въ это время направлены были совсѣмъ къ иному. Но вотъ однажды вечеромъ мнѣ сказали, что одна изъ нашихъ дамъ проситъ меня подойти къ частоколу, потому что ей очень нужно погово-

рить со мною. Меня это удивило, потому что прежде этого никогда не случалось; и если и бывало, что дамы, служившіе посредницами въ перепискѣ моей съ родными, имѣли надобность спросить меня что нибудь насчетъ письма, то дѣлали это обыкновенно чрезъ своихъ мужей. Подхожу и вижу Прасковью Егоровну Анненкову, которую я зналъ еще менѣе, чѣмъ другихъ. Она извиняется, что потревожила меня и оторвала отъ занятій, но оправдывается тѣмъ, что должна сообщить мнѣ дѣло величайшей важности и проситъ меня отнестись къ нему и принять ея сообщеніе вполнѣ серьезно. Она говоритъ мнѣ о своей дружбѣ съ семействомъ главнаго мѣстнаго горнаго начальника и о всеобщемъ къ нему расположеніи и уваженіи, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ; говоритъ, что семейство это очень многочисленно, что теперь при нихъ находится старшій сынъ на службѣ и одинъ маленькій, но есть еще одинъ въ корпусѣ; дочерей же шесть, изъ нихъ четыре взрослыя, а двѣ еще небольшія. Затѣмъ Прасковья Егоровна какъ-то заминается. Проходитъ минута молчанія. Я воображаю себѣ, что вѣрно дѣло идетъ объ обученіи меньшихъ дѣтей, и, что зная мои занятія, совѣстятся просить меня о томъ, между тѣмъ какъ для дѣтей дѣйствительно чрезвычайно важно воспользоваться такимъ случаемъ для образованія, какого до сихъ поръ они не имѣли и котораго съ нашимъ уходомъ изъ Читы можетъ быть никогда уже не представится впередъ, и потому счелъ своею обязанностію вывести Прасковью Егоровну изъ затрудненія и предупредить просьбу объявленіемъ, что я очень радъ заняться обученіемъ дѣтей горнаго начальника и дѣлаю это тѣмъ съ большею охотою, что давно и самъ желалъ отплатить семейству за услугу ихъ

въ томъ, что они заботятся о моей спартанской похлебкѣ.*)

«Ну нѣтъ, Дмитрій Иринарховичъ, тутъ дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ,» сказала Прасковья Егоровна. «Вотъ видите-ли: третья изъ дочерей, самая красивая, самая способная и самая одобряемая по характеру, имѣла вотъ уже трехъ жениховъ, очень приличныхъ и очень выгодныхъ по здѣшнимъ понятіямъ и обстоятельствамъ. Причины, по которымъ она отказала первому, найдены уважительными и родителями; насчетъ повода къ отказу второму можно было еще спорить. Что же касается до третьяго, то, по обычнымъ понятіямъ, никакихъ особенныхъ возраженій сдѣлать было нельзя. Родители настаивали; и вотъ при этомъ-то и исторгли ея тайну. Она объявила, что любитъ васъ и кромѣ, какъ за васъ, ни за кого замужъ не пойдетъ, и сказала это съ такимъ спокойствіемъ и твердостію, что родители, зная ея обычную кротость и повиновеніе, поняли, что въ глубинѣ души ея дѣло безвозвратно рѣшено. Вы знаете, какъ велико будетъ въ краѣ предубѣжденіе противъ такого союза, какъ робокъ Семенъ Ивановичъ и какъ тяжело ему бу-

*) Я только потому и зналъ о существованіи семейства у горнаго начальника, что онъ, видя затрудненіе приготовлять мнѣ постную овощную пищу на нашей кухнѣ, какъ по неумѣнью поваровъ, такъ и по недостатку иногда разнообразія въ овощахъ, предложилъ дѣлать это у себя; и хотя я и со своей стороны старался отблагодарить ихъ, посылая имъ разныя вещи, получаемыя нами, но все же считалъ себя въ долгу за постоянное ихъ вниманіе и хлопоты. Самое затрудненіе въ предполагаемой просьбѣ я истолковалъ ихъ деликатностью и опасеніемъ, чтобы я не подумалъ, что они требуютъ отъ меня услуги въ уплату за оказываемую имъ. Кромѣ того, я тѣмъ болѣе былъ увѣренъ, что дѣло идетъ объ ученьи, что слышалъ еще прежде, что горный начальникъ давно желалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ поучилъ его дѣтей, и только комендантъ на это въ Читѣ еще не соглашался.

детъ идти противъ этого предубѣжденія, но однако и онъ увидѣлъ, что тутъ нечего дѣлать и разрѣшилъ мнѣ сказать это вамъ. Я сама тоже совѣтовала; вы знаете, какое всѣ имѣютъ къ вамъ довѣріе; мы увѣрены, что вы одни сумѣете найти, какъ лучше поступить въ этомъ случаѣ.»

Я былъ до крайности озадаченъ. Въ первой части записокъ изложено было, какъ я былъ остороженъ во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ, почему очень рано приведенъ былъ къ размышленіямъ о бракѣ, и какъ смотрѣлъ на него. Тамъ же разъяснены были и причины, почему я вопреки стараніямъ многихъ скорѣе женить меня, и несмотря на то, что представлялись превосходныя партіи, не только всячески уклонялся отъ вступленія въ бракъ, но никогда не давалъ воли чувству, которое въ случаѣ усиленія могло бы меня невольно увлечь въ супружество. Какъ по моимъ понятіямъ о супружескомъ союзѣ, о достоинствѣ и равноправности женщины, такъ и потому, что, посвятивъ себя уже общественной дѣятельности и дѣятельности политической съ готовностью на крайнюю жертву, я въ дѣлѣ брака менѣе, нежели въ чемъ нибудь допускалъ эгоистическія побужденія и увлеченіе женщины въ невольную жертву. Мнѣ, какъ человѣку, посвятившему себя на высшее служеніе, казалось уже несвойственнымъ и неприличнымъ руководствоваться обычными побужденіями страсти и разсчета, и потому супружество, если и представлялось мнѣ когда либо возможнымъ, то только въ двухъ случаяхъ, а именно, или когда я найду себѣ достойную помощницу для высшей цѣли, къ которой я стремился и для которой жертвовалъ собою, или когда я могу убѣдиться, что составлю счастіе другого человѣка. Но если эти условія не легко были

осуществимы и въ прежнемъ положеніи, то понятно, что я не могъ и думать о чемъ либо подобномъ въ томъ положеніи, въ какомъ находился послѣ приговора.

Ясно было, что ни та, ни другая цѣль, которыя по моимъ убѣжденіямъ однѣ могли заставить меня рѣшиться на женитьбу, казались неосуществимы въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ сдѣлано было мнѣ такое неожиданное сообщеніе. Правда, что рѣшимость дѣвицы обнаружила въ ней возвышенный духъ, искавшій условій счастія не во внѣшнихъ выгодахъ; но чтобы быть мнѣ помощницею для высшей цѣли, которой я отдалъ всего себя, ей недоставало образованія, которое могло бы поставить ее въ уровень съ разумѣніемъ этой цѣли. Конечно, я имѣлъ настолько права довѣрять себѣ, что не сомнѣвался въ возможности исправить недостатки ея образованія, но для этого требовались безотлагательный приступъ къ дѣлу и постоянное занятіе и вліяніе, а получить отъ правительства немедленное разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ не представлялось никакой надежды, такъ какъ даже и впослѣдствіи, когда строгость содержанія значительно ослабла, Лепарскій никогда не рѣшался сдѣлать о томъ представленія, опасаясь, чтобы это не повело къ изслѣдованію внутреннихъ порядковъ нашего содержанія. Что же касается до второй цѣли — жениться потому, что я могъ сдѣлать дѣвушку счастливою, какъ она говорила, — то какъ ни увѣренъ я былъ въ себѣ, что, конечно, со своей стороны употреблю всѣ мои усплія къ тому, но положеніе мое представлялось такимъ безнадежнымъ, что пріобщать къ нему даже и сильно привязаннаго ко мнѣ человѣка, казалось, значило бы подвергать его слишкомъ сильному искушенію. Намъ

предстояло еще 17 лѣтъ тюремнаго заключенія: и еще бы это имѣло менѣе значенія, если бы мы оставались, по крайней мѣрѣ, въ Читѣ. Тамъ можно было бы устроить постоянныя свиданія, которыя дали бы возможность съ одной стороны заняться образованіемъ моей невѣсты, а съ другой нравственно поддерживать ее. Теперь же мы должны были на слѣдующій годъ отправиться въ Петровскій заводъ, а каковы будутъ условія тамошняго положенія даже для женъ нашихъ товарищей, было совершенно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не обѣщало ничего хорошаго. Къ тому же переѣзжать ей туда не представлялось никакой возможности; тамъ надо было бы ей жить въ чужомъ домѣ. И такъ не было другого выбора, какъ или разлука на долгое время, или долгая зависимость отъ чужихъ людей, съ ненадежною, притомъ, перспективою даже на рѣдкія свиданія. Послѣ всего этого будетъ понятно, что, какъ ни тронутъ я былъ сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ, я еще болѣе былъ встревоженъ имъ. Поэтому, я рѣшился изложить ей съ полною откровенностью всѣ возраженія и всѣ препятствія, которыя истекали изъ данныхъ нашихъ обстоятельствъ, чтобы убѣдить ее отказаться отъ своего желанія и рѣшенія; а такъ какъ комендантъ ни за что не рѣшился бы допустить меня до свиданія съ семействомъ горнаго начальника въ его домѣ, то я дождался отъѣзда его на инспекцію въ заводы, и тогда болѣе сговорчивый плацъ-майоръ согласился отпустить меня къ Анненковымъ, откуда я и отправился въ домъ горнаго начальника.

Я не зналъ и никогда не видалъ до того времени дочерей его, исключая самой маленькой, которая была еще ребенкомъ и бѣгала часто на лугу, чрезъ который мы ходили купаться. Но насъ онѣ

могли хорошо знать, потому что мы всякій день ходили на мельницу, находившуюся прямо противъ ихъ дома, а въ лѣтнее время даже ходили противъ него на улицѣ или сидѣли на крыльцѣ мельницы. Впрочемъ, конечно, не наружность моя въ то время привлекала мою будущую жену. Такъ какъ намъ не позволяли самимъ бриться въ казематѣ, то я, какъ и многіе мои товарищи, предпочиталъ ходить съ бородой, не бывшей тогда въ такой еще модѣ, какъ теперь; къ тому же, не употребляя въ то время никакой другой пищи, кромѣ овощной, я былъ очень худъ и блѣденъ, съ лицомъ, утомленнымъ непрерывными занятіями. О щегольствѣ въ одеждѣ я и всегда очень мало думалъ. Причины, привлекшія ко мнѣ дочь горнаго начальника, были совсѣмъ иного рода; однѣ изъ нихъ были общія, другія относились исключительно ко мнѣ. Изъ числа первыхъ, какъ послѣ объясняла она мнѣ сама, особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на нее пріѣздъ женъ моихъ товарищей, пробудившій въ ней совсѣмъ новыя понятія о семейной жизни. На меня же выборъ ея палъ потому, что она постоянно слышала, что всѣ ставили меня на первое мѣсто. Домъ ихъ, по званію ея отца и по услугамъ, которыя оказывало семейство, постоянно посѣщался всѣми, отъ высшихъ до низшихъ, — и нашими дамами, и начальниками, какъ и солдатами, содержавшими при насъ караулы, и нашею прислугою, и отъ всѣхъ она слышала постоянныя похвалы мнѣ. Начальники меня очень уважали, хотя и не любили и даже очень боялись, называя меня единственнымъ опаснымъ (разумѣется, для деспотизма) человѣкомъ. Ихъ инстинктъ указалъ имъ во мнѣ непримиримаго противника деспотизму, тогда какъ относительно другихъ они скоро убѣдились, что могутъ сойтись съ такъ

называемыми революціонерами болѣе или менѣе на почвѣ интереса, видя, какъ податливы многіе изъ насъ оказались въ этомъ отношеніи. Между товарищами я имѣлъ отъявленныхъ противниковъ, но и жаркихъ партизановъ, и извѣстно было, что всѣ лучшіе люди были въ числѣ послѣднихъ, да и самые ожесточенные противники мои имѣли полное довѣріе къ моему безпристрастію, почему я и выбирался при важныхъ случаяхъ посредникомъ нерѣдко единогласно. Но особенно поражало ее свидѣтельство такъ называемой меньшей братіи нашей, которые также инстинктивно чувствовали, что я былъ искреннимъ и дѣйствительнымъ ихъ защитникомъ, не терпѣвшимъ и не допускавшимъ никакой несправедливости относительно ихъ и ограждавшимъ ихъ отъ нравственнаго зла, какое легко могли причинить имъ эгоистическія стремленія другихъ. Уже въ Читѣ извѣстенъ былъ не одинъ примѣръ, съ какою энергіею и неуклончивостью я обуздывалъ дурныя наклонности нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, имѣвшія вредное вліяніе на простыхъ людей, которымъ такъ трудно устоять противъ соблазна денежныхъ выгодъ.

Я увидѣлъ дѣвушку замѣчательной красоты. Она усиливалась еще вслѣдствіе усилій подъ наружнымъ спокойствіемъ скрыть душевное волненіе, охватившее ее при свиданіи со мною. Впрочемъ, красота ея не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія и не красота развила во мнѣ впослѣдствіи сильное, и искреннее чувство, а сознаніе долга и ея нравственныя качества. Надо сказать, что я вообще никогда не поддавался вліянію красоты и принималъ противъ этого всегда большія предосторожности, такъ какъ ничего такъ не опасался, какъ возбужденія чувства, независимо отъ нравственнаго

достоинства лица, къ которому оно относилось. Молча, протянула она мнѣ свою дрожащую руку. Я высказалъ ей все, что по моему убѣжденію обязанъ былъ, какъ честный человѣкъ, сказать, чтобы отклонить ее отъ ея намѣренія. Въ отвѣтъ на мои слова она сказала, что проситъ у меня извиненія, если не съумѣетъ хорошо выразить свои убѣжденія, потому что она привыкла больше чувствовать и думать про себя, нежели выражать свои чувства и мысли другимъ, особенно постороннимъ, съ которыми не привыкла и просто разговаривать. Несмотря однако на такую оговорку ея, она находила очень приличныя выраженія для своихъ вполнѣ опредѣленныхъ мыслей, такъ что видно было, что все, что она говорила, было ею давно и зрѣло обдумано и глубоко прочувствовано. Она говорила довольно долго и постепенно одушевляясь въ тонѣ рѣчи, но съ глубокимъ спокойствіемъ, показывавшимъ глубокое убѣжденіе. Сущность сказаннаго ею заключалась въ томъ, что она проситъ меня рѣшить вопросъ болѣе по отношенію не къ ней, но къ себѣ; относительно себя она говорила, что нисколько не сомнѣвается, что будетъ счастлива, въ какомъ бы положеніи мы ни находились, такъ какъ ей хорошо извѣстны всѣ мои достоинства, а къ труду и скромному положенію она съизмала привыкла. Но она боится одного, не слишкомъ-ли было смѣло съ ея стороны, что она могла подумать, что она для меня можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, что своею преданностію, своими заботами она можетъ быть въ чемъ нибудь полезна такому человѣку, который, по общему свидѣтельству, до такой степени жертвуетъ собою для пользы другихъ и для общаго блага. Что же касается до продолжительности срока нашего заключенія, то она готова ждать хоть

бы 17 лѣтъ, лишь бы быть увѣренной въ исполненіи хоть когда нибудь ея желанія, и что это тѣмъ менѣе для нея будетъ въ тягость, что ея положеніе не будетъ отъ этого хуже теперешняго; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пожалуй и лучше хоть тѣмъ, что избавитъ ее отъ другихъ искателей. Наконецъ сказала она, что она очень хорошо знаетъ, что она мнѣ не ровня по образованію, но что если я ей дамъ на этотъ счетъ какія либо наставленія, то она примется со всѣмъ усердіемъ за ученіе, чтобы, сколько отъ нея будетъ зависѣть, поправить недостатки ея воспитанія, и сдѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что она всегда желала учиться, но только не имѣла никогда на то ни случая, ни средствъ, такъ какъ не только невозможно было ихъ имѣть дома, да и въ цѣломъ краѣ не было воспитательныхъ заведеній.

Что мнѣ было отвѣчать на это? Я былъ глубоко тронутъ, но однако не увлекся до забвенія обязанности думать больше объ ея пользѣ и о достиженіи той высшей цѣли, къ которой я непреклонно стремился, нежели о радостяхъ для себя въ жизни, и потому сказалъ ей, что съ этихъ поръ я принимаю на себя заботы о ней во всѣхъ отношеніяхъ, но никакъ не хочу связывать ее безвозвратнымъ рѣшеніемъ, а прошу ее считать себя совершенно свободною, окончательное-же рѣшеніе съ моей стороны будетъ зависѣть отъ того, насколько я буду въ состояніи согласить его съ другими своими обязанностями и убѣжденіемъ, что дѣйствительно могу сдѣлать ее такъ счастливою, какъ она надѣялась.

Послѣ этого мы нѣсколько разъ видѣлись и вели переписку, но я былъ очень остороженъ въ отношеніяхъ моихъ къ ней, чтобы нисколько и ни-

чѣмъ не стѣснить ея свободу въ будущемъ. Но за то я принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы развить ея образованіе и направить его по правильному пути.

IX.

Я сказалъ выше, что мы покидали Читу въ очень дурномъ расположеніи духа и объяснилъ причины тому. Была впрочемъ и еще одна причина, которая много содѣйствовала мрачному настроенію — это разрушеніе иллюзій насчетъ общей амнистіи или по крайней мѣрѣ сокращенія сроковъ. Правда, всѣ помнили отзывъ Павскаго о царствующемъ Государѣ, что онъ горячъ, какъ Павелъ, и злопамятенъ, какъ Александръ; всѣ видѣли на примѣрахъ (относительно перемѣны срока при коронаціи, ограничившейся замѣною однихъ словъ другими, относительно тюремнаго заключенія и желѣзъ сверхъ приговора, и особенно въ томъ, какъ разочло правительство однолѣтній срокъ низшему разряду, превративъ его въ трехлѣтній), что онъ скорѣе готовъ усилить наказаніе, чѣмъ смягчить его; однако большинство изъ насъ и нашихъ родныхъ охотно предавалось обольщенію, относя неправильныя сначала дѣйствія правительства къ раздраженію, которое было такъ естественно въ то время, когда еще была свѣжа память о событіи, не признавая зависимости политическихъ соображеній отъ личнаго характера Государя. Люди, самые преданные правительству, говорили вслухъ, а особенно нашимъ роднымъ, что амнистія законна и справедлива потому, что мы скорѣе были жертвою безвыходнаго состоянія государства, чѣмъ виновными въ настоящемъ смыслѣ, что Государь, самъ ознакомясь съ дѣлами, увидитъ

до какой степени разстройства былъ доведенъ государственный организмъ, и было бы даже неестественно и безотрадно для Россіи, чтобы протестъ не выразился въ какой-нибудь формѣ, и если онъ принялъ дурной видъ, то и въ этомъ виновато все таки само правительство въ томъ, что не заботилось объ искреннемъ и правильномъ образованіи; что наконецъ даже тѣ, которые теперь надѣются, что новый Государь и безъ революціи поправитъ всѣ дѣла, не могутъ вмѣнять въ вину людямъ, что они не могли предвидѣть неожиданной случайности воцаренія новаго Государя, желающаго улучшеній, потому что лѣта покойнаго Государя дѣлали вѣроятнымъ, что можетъ еще продлиться и даже ухудшиться то состояніе Россіи, въ какое она приведена была въ послѣднее время; а неизвѣстно, къ чему бы привело это всеобщее разстройство, если бы оно не было остановлено хотя бы отчаянной какою попыткою.

Искренне-ли, по собственному-ли убѣжденію говорили такъ эти люди, или хотѣли только содѣйствовать видамъ правительства, рѣшить трудно; но несомнѣнно то, что правительство, увидя наклонность нашихъ родныхъ и публики вѣрить подобнымъ рѣчамъ, всячески старалось содѣйствовать тому, какъ для успокоенія общественнаго мнѣнія, такъ и для того, чтобъ удержать насъ въ спокойствіи, и потому безпрестанно распускало слухи, что вотъ при такомъ-то или при такомъ-то случаѣ будетъ амнистія. Все это черезъ письма родныхъ передавалось въ казематъ и отражалось въ немъ у большинства еще большими, можетъ быть, иллюзіями, чѣмъ тѣ, которымъ предавались наши родные въ Россіи. Дошло до того, что невозможно было противорѣчить возбужденнымъ надеждамъ, не вызывая противъ се-

бя бурю неудовольствія. Напрасно я, проникнувши въ основы характера Государя, доказывалъ товарищамъ моимъ, что онъ никогда не сдѣлаетъ ничего, пока ожидаютъ, чтобы не подумали, что онъ уступилъ общественному мнѣнію, а если и сдѣлаетъ что, то развѣ тогда, когда явно будетъ, что это сдѣлано исключительно по его произволу, и что поэтому нечего терять времени въ пустыхъ ожиданіяхъ, а лучше заниматься дѣломъ, — товарищи мои ничего не хотѣли слушать, и то и дѣло упрекали меня, что я ничему не хочу вѣрить, и полагаюсь будто бы по самолюбію скорѣе на свое собственное сужденіе, нежели на самыя положительныя свидѣтельства изъ Россіи, и въ оправданіе своихъ надеждъ показывали мнѣ кучу писемъ, въ которыхъ приводились будто бы собственныя слова даже самой Государыни: «Пусть молятъ Бога,» говорила будто бы она, будучи беременна, «чтобы у меня родился второй сынъ, тогда участь ихъ будетъ непремѣнно облегчена.» Но вотъ родился Константинъ Николаевичъ, и однако ничего не было. Потомъ надежды привязались къ окончанію Персидской кампаніи, но и тутъ ничего не воспослѣдовало. Со всѣмъ тѣмъ иллюзіи еще продолжались, несмотря на то, что даже начали строить уже казематъ въ Петровскомъ заводѣ.

«Что-жъ это значитъ,» говорили противъ этого аргумента ожидавшіе амнистіи, «развѣ не начали также строить казематъ и въ Акатуѣ и однако же вотъ, вѣдь, бросили.»

Особенно ярко разгорѣлись надежды вслѣдствіе удачнаго исхода Турецкой кампаніи. «Обаяніе славы,» писали находящіеся при дворѣ родные, «непремѣнно расположитъ сердце царское къ великодушію.» — Но вотъ и этотъ случай прошелъ безъ

всякихъ ожидаемыхъ послѣдствій; вотъ и пять лѣтъ миновало, и раздраженіе, на которое сваливали вину отсрочки, должно бы ужъ успокоиться; вотъ и казематъ построили, и наконецъ получено приказаніе переводить въ него. Чѣмъ сильнѣе были иллюзіи, тѣмъ сильнѣе, какъ естественно и должно быть, послѣдовало всеобщее разочарованіе и тѣмъ сильнѣе уныніе у тѣхъ, которые наиболѣе горячились. Можно даже сказать навѣрное, что такое состояніе духа имѣло бы очень вредное вліяніе на многихъ и дурныя послѣдствія при вступленіи въ такую мрачную жизнь, какова была въ Петровскомъ казематѣ сначала, если бы тутъ не подоспѣло кстати извѣстіе о французской революціи, возбудившее надежды въ другомъ отношеніи, и увлекшее снова всѣ мысли и желанія въ политическую и умственную сферу, чѣмъ и отвлекло ихъ отъ мрачнаго настоящаго положенія и не давало вполнѣ предаваться ощущенію тягости его.

Для перехода въ Петровскій заводъ мы были раздѣлены на два отряда. Первый, въ которомъ находились низшіе разряды, и сопровождаемый плацъ-майоромъ, выступилъ двумя днями впередъ; второй, при которомъ находился самъ комендантъ, заключалъ въ себѣ старшія категоріи. Дамы ѣхали при тѣхъ отрядахъ, гдѣ были ихъ мужья, и только одна Муравьева уѣхала впередъ. Штабъ слѣдовалъ при комендантѣ, при которомъ также находился мѣстный исправникъ и главный Тайша Хоринскихъ родовъ бурятъ.

Передъ нашимъ выступленіемъ стояло очень дождливое время, такъ что всѣ рѣки страшно разлились. Даже небольшая рѣчка Чита разлилась такъ, что нигдѣ нельзя было отыскать брода и надобно было устроить перевозъ. Въ самый день вы-

ступленія 9-го Августа шелъ проливной дождь, однако никто изъ насъ не хотѣлъ садиться въ повозку, а всѣ шли по страшной грязи пѣшкомъ до самаго перевоза за четыре версты отъ селенія. Почти всѣ жители провожали насъ, и намъ хотѣлось хоть разъ на прощанье побесѣдовать съ ними свободно. Жена и двѣ дочери горнаго начальника провожали насъ также до перевоза и оставались все время, пока продолжалась переправа, что длилось очень долго, такъ какъ несмотря на отправку главнаго обоза впередъ, и тотъ обозъ, который находился при насъ, былъ еще очень великъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свою повозку; нѣсколько повозокъ было занято подъ нашею кухнею и провизіею. Кромѣ того были экипажи дамъ и штаба. Дорога лежала на Верхнеудинскъ чрезъ Бурятскую степь и составляла слишкомъ 600 верстъ.

Такъ какъ Бурятская степь почти безлюдна по главному тракту, а разстояніе между станціями очень большое, и самыя станціи нерѣдко состоятъ изъ одного только почтоваго дома, то для насъ вездѣ были и на половинѣ станціи и нерѣдко и на самыхъ станціяхъ приготовлены для лагеря бурятскія юрты. Въ срединѣ ставились юрты для насъ; по угламъ — для караульныхъ офицеровъ и солдатъ; въ боку большая бѣлая юрта для коменданта, а за нею юрты для его канцеляріи и штаба; кругомъ всего лагеря располагалась цѣпь конныхъ казаковъ и бурятъ. Кухни устраивались, смотря по направленію вѣтра, подъ вѣтромъ у лагеря, но внутри конной цѣпи. Для каждыхъ четырехъ человѣкъ изъ насъ назначалась особенная юрта; прислужники въ ней были изъ бурятъ, кое-что понимавшихъ по-русски; общую прислугу составляли солдаты и поселенцы, бывшіе въ прислугѣ при нашемъ

хозяйствѣ. Если же случалось останавливаться въ деревнѣ, то для насъ очищали нѣсколько домовъ, выводя жившихъ въ нихъ и назначая прислугу, или, какъ называли, каморниковъ, изъ крестьянъ по наряду. Для покупки заблаговременно провизіи, одинъ изъ насъ ѣхалъ впереди за день съ офицеромъ, отправляясь всегда немедленно впередъ, коль скоро мы приходили въ лагерь, и онъ сдавалъ закупленную провизію. Впрочемъ, не запрещалось жителямъ приносить и къ лагерю на продажу разныя вещи, большею частію молоко, масло, ягоды, грибы и пр. Черезъ день бывали дневки и дни бани приноравливали къ днямъ, когда дневки случались въ деревнѣ, гдѣ можно было найти баню.

Я, Вольфъ и Якушкинъ прошли всю дорогу пѣшкомъ и никогда не садилися въ повозки, даже для краткаго отдохновенія. Такъ какъ почти всѣ большія станціи были раздѣлены на два перехода, то вообще разстоянія не были велики, и однако и при этомъ на половинѣ дѣлался еще привалъ, впрочемъ болѣе для сопровождавшихъ насъ солдатъ, нежели для насъ, которые въ этомъ нисколько не нуждались. Въ началѣ путешествія развлекали еще новость положенія, знакомство съ бурятами и разныя смѣшныя приключенія, пока не привыкли къ новымъ порядкамъ, которыхъ требовало такое необычайное положеніе. Напр., на каждомъ ничтожномъ ручьѣ комендантъ приказывалъ наводить мостъ, и самъ на бѣломъ конѣ присутствовалъ при переправѣ. Однажды мы трое, соскучившись, что долго устраивали мостикъ, пошли черезъ рѣчку въ бродъ. Комендантъ страшно испугался, и, подскакавъ къ намъ, закричалъ намъ: «Господа, куда вы это? Что вы дѣлаете такое? Развѣ вы не знаете, что если вы утонете, то вамъ ничего, а я буду навѣрное

отвѣчать.» — Но пока онъ кричалъ, мы уже благополучно переправились на другой берегъ, а онъ, во избѣжаніе впредь подобнаго случая, предписалъ исправнику ѣхать впередъ и вездѣ заблаговременно наводить мосты, а своему племяннику плацъ-майору, шедшему впередъ съ первой партіей, послалъ выговоръ, зачѣмъ онъ по крайней мѣрѣ не наводилъ мостовъ, которые въ такомъ случаѣ служили бы и для второй партіи, и тогда не было бы повода къ такому опасному эпизоду, какъ «безразсудная наша отвага» идти въ бродъ черезъ быструю рѣчку. Особенно сердился онъ на меня, что я показалъ примѣръ, а Вольфъ и Якушкинъ пошли за мною уже тогда, когда увидѣли, что я иду безопасно. Много смѣшили насъ каморники буряты, которые въ свою грязную посуду складывали и сливали всѣ остатки кушанья, вмѣстѣ и щи, и кофейную гущу, и пирожное, и говорили, что повезутъ это домой показать своимъ домашнимъ «что» ѣдятъ «князья». Забавенъ былъ и ихъ русскій языкъ. Напримѣръ бурятъ никогда не говорилъ «моя жена», а всегда «наша баба» и т. п.

Особенныхъ занятій, кромѣ чтенія, вообще не было. Только я снималъ виды по дорогѣ, а нѣкоторые, бывшіе офицеры генеральнаго штаба, дѣлали глазомѣрную съемку, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы ничто не прерывало монотонности обычнаго препровожденія времени, то при скверной дорогѣ и чрезвычайно непріятномъ отъ осеннихъ дождей времени, неудобномъ помѣщеніи, холодѣ и дымѣ въ юртахъ (которыя притомъ иногда при сильныхъ дождяхъ и протекали, что случалось нерѣдко и ночью), большая часть изъ насъ впала бы неминуемо въ хандру. Но вотъ послѣ нѣсколькихъ переходовъ насъ догналъ нарочный съ почтою изъ Читы и при-

везъ газеты, содержавшія извѣстія о французской революціи и о всеобщемъ волненіи въ Европѣ.

Надо сказать, что тогда, когда не было телеграфовъ, извѣстія доходили очень поздно. Къ тому же, не зная о нашемъ выступленіи изъ Читы, постъ-пакетъ отправленъ былъ въ Читу, и оттуда уже посланъ обратно. Впослѣдствіи, по требованію коменданта, почту къ намъ клали въ Иркутскѣ въ особую сумку, и встрѣчавшаяся намъ по дорогѣ почта отдавала ее уже прямо коменданту.

Полученныя газеты измѣнили разомъ общее настроеніе. Все оживилось интересомъ самихъ извѣстій, независимо даже отъ неосновательныхъ надеждъ, возбужденныхъ у многихъ событіями въ Европѣ. Всѣ занялись чтеніемъ, пошли разговоры, сужденія; даже на самого коменданта явно подѣйствовали нежданныя извѣстія. Онъ впалъ въ раздумье, что и отразилось на смягченіи многихъ безполезныхъ строгостей, и даже до того, что въ деревнѣ Куляхъ онъ позволилъ намъ идти въ баню къ купцамъ Лосевымъ и пить у нихъ послѣ бани чай. На станціи Курбинской насъ догналъ С. И. Смольяниновъ, пріѣхавшій осмотрѣть предполагаемое открытіе мѣдныхъ рудъ; онъ привезъ мнѣ письма отъ всего семейства. Вскорѣ прискакалъ изъ Петербурга навстрѣчу намъ фельдъегерь съ предписаніемъ отнюдь не отсылать насъ ни въ какую заводскую работу, что еще болѣе ввело въ раздумье коменданта. Въ городѣ Верхнеудинскѣ мы не останавливались, а только прошли чрезъ него и затѣмъ вступили на очень уже населенную дорогу и въ среду очень интереснаго населенія. Это были раскольники, предки которыхъ бѣжали въ Польшу при Петрѣ I и Биронѣ, а по раздѣлѣ Польши посланы Екатериною въ Сибирь на Алтай и Забайкалье. Это было чисто-

кровное русское населеніе, не мѣшавшееся въ Сибири ни съ инородцами, ни съ ссыльными поселенцами. Въ то время, когда мы проходили чрезъ ихъ селенія, они были на высшей степени своего благосостоянія, развитаго ихъ трудомъ и трезвостью. Они принимали насъ чрезвычайно радушно и особенно старались сблизиться со мною, когда узнали отъ первой еще проходившей партіи, что я знаю древніе языки и самъ перевелъ все Св. Писаніе на русскій языкъ. Впослѣдствіи они часто пріѣзжали ко мнѣ бесѣдовать на Петровскій заводъ, привозили свои книги и вообще выказывали величайшее ко мнѣ довѣріе, охотно вступая въ разсужденія о своемъ расколѣ и о православіи, между тѣмъ какъ всячески уклонялись отъ подобныхъ разговоровъ съ другими, а особенно съ мѣстнымъ духовенствомъ и миссіонерами.

Послѣдняя дневка въ деревнѣ Хараузѣ, за два перехода отъ Петровскаго завода, пришлась 21-го сентября въ день моихъ именинъ. У насъ и обыкновенно именины каждаго товарища употреблялись, какъ поводъ къ развлеченію въ однообразной жизни; а тутъ, хотя я собственно и никогда не принималъ участія въ пирахъ, рѣшили отпраздновать мои именины на славу, въ послѣдній разъ «на свободѣ», какъ говорили. Обыкновенно во время похода мы обѣдали всѣ порознь, по юртамъ или по избамъ, въ которыхъ останавливались; но на этотъ разъ комендантъ согласился сдѣлать исключеніе, и позволено было намъ отобѣдать всѣмъ вмѣстѣ въ нарочно приспособленной къ этому празднеству избѣ. Къ вечеру вся дисциплина такъ ослабла, что въ праздникѣ приняли участіе и всѣ офицеры, докторъ и исправникъ. Вечеръ былъ прекрасный, и, когда у

насъ раздалось пѣніе, почти вся деревня сбѣжалась слушать.

23-го сент. вступили мы въ Петровскій казематъ. День былъ дождливый и мрачный; Петровскій заводъ, лежащій въ котловинѣ, окруженный высокими горами, представлялъ очень непривлекательный видъ съ его обветшавшими и почернѣлыми заводскими строеніями; не видно было ни одного порядочнаго дома. Только вдали виденъ былъ казематъ съ красною крышею, безъ оконъ и съ какими-то ящиками внутри, какими представлялись внутренніе дворы, разгороженные высочайшими частоколами. Внутри впечатлѣніе было еще неблагопріятнѣе. Темныя комнаты, грязные болотистые дворы, голыя неотесанныя стѣны, — все напоминало скорѣе подвалы и амбары, нежели обитаемое зданіе. Но все это, все, что въ другое время произвело бы мрачное настроеніе духа, все неблагопріятное скользнуло только, можно сказать, по поверхности и прошло незамѣченнымъ или только подало поводъ къ насмѣшкамъ; до такой степени всѣ мысли были отвлечены въ другую сторону событіями въ Европѣ, и такъ рады были обѣ партіи увидѣться и потолковать послѣ семинедѣльной разлуки.

Вслѣдствіе воровства инженеровъ казематъ былъ построенъ скверно. — Изъ лѣса, который украли, главный инженеръ выстроилъ дома по подряду для Муравьевой и другихъ. Поэтому, въ стѣнахъ каземата было вложено много коротенькихъ обрубковъ, и иные такъ плохо, что ихъ можно было вытаскивать руками. Печи были очень дурно сложены, безпрестанно трескались и къ великому ужасу коменданта безпрестанно производили пожары, которыхъ онъ больше всего боялся, такъ какъ всю службу его съ него производили вычетъ за

сгорѣвшій какой-то лазаретъ отъ его самовара, почему онъ съ тѣхъ поръ и не держалъ самовара у себя въ домѣ, а воду для чая грѣли въ чайникѣ. По плану, стѣны, раздѣлявшія комнаты, должны были быть двойныя, а промежутки забиты землею; инженеръ же, строившій казематъ, нашелъ выгоднѣе для себя вмѣсто двойной работы, — вывоза щепы и привоза земли, — свалить щепы и мусоръ въ промежутки между стѣнами, которыя вездѣ примыкали къ печамъ, такъ какъ на двѣ комнаты была одна печь. Вотъ эти-то стружки обыкновенно и загорались, такъ что вынуждены были вездѣ стѣны отрубить и вставить кирпичные столбы, примыкавшіе къ печамъ; вся эта работа производилась, когда мы были уже въ казематѣ, и подвергала насъ большому неудобству. Съ другой стороны, такъ какъ грунтъ былъ болотистый, то высокіе частоколы не могли удерживаться и начали падать, и однажды чуть не убили двухъ изъ нашихъ товарищей. Надобно было подрубать и частоколы, а тамъ укрѣплять дворы, грузя въ болото шлакъ и песокъ. Затѣмъ на слѣдующій годъ началась прорубка оконъ, обшиванье и штукатурка; такимъ образомъ цѣлый годъ со дня вступленія нашего въ казематъ не давали намъ покоя со всѣми этими работами по отдѣлкѣ и передѣлкѣ каземата.

Въ началѣ нашего пребыванія въ Петровскомъ заводѣ дамы жили въ казематѣ. Къ числу жившихъ въ Читѣ прибавились три — Юшневская, Розенъ и Ивашева. Ддя нихъ были назначены два отдѣленія, впрочемъ Муравьева и Давыдова жили въ неженатыхъ отдѣленіяхъ, первая тамъ, гдѣ помѣстились всѣ родственники ея и ея мужа; вторая въ томъ отдѣленіи, гдѣ мужъ ея подобралъ всѣхъ своихъ пріятелей. Но по мѣрѣ того, какъ дамы строили

себѣ дома, повторялась та же исторія, что и въ Читѣ; т. е. сначала стали отпускать мужей къ женамъ на домъ по случаю болѣзни, а тамъ они и совсѣмъ переселились, хотя комнаты въ казематѣ и считались довольно долго за ними. Нѣкоторыя дамы построили себѣ очень хорошіе дома, какъ напр. Муравьева, Трубецкая, Анненкова и Волконская. Другія купили старые дома, но улучшали ихъ пристройками и отдѣлкою; вообще же помѣщались въ Петровскомъ заводѣ лучше, нежели въ Читѣ, только по невыгодности мѣста какъ относительно почвы, такъ и климата, хозяйственная часть не была такъ развита, какъ въ Читѣ, что, впрочемъ, смягчалось отчасти сосѣдствомъ богатыхъ деревень семейскихъ*) раскольниковъ, у которыхъ было изобиліе во всемъ, потому что, несмотря на недальнее разстояніе отъ Петровскаго завода, и климатъ, и почва у нихъ были несравненно лучше. Только нельзя было имѣть въ Петровскомъ заводѣ такихъ, какъ въ Читѣ, собственныхъ огородовъ и садиковъ; и общественный садъ въ Петровскомъ заводѣ, разведенный комендантомъ, хотя стоилъ несравненно дороже, чѣмъ тотъ, который развелъ онъ въ Читѣ, далеко уступалъ ему однако же, какъ по неудобству мѣстности, большею частію болотистой, такъ и относительно растительности.

Казематъ дѣлился на 12 отдѣленій и 7 дворовъ. Впослѣдствіи пригородили къ нему огромное мѣсто, предназначенное сначала для того, чтобы въ случаѣ потребности дополнить зданіе каземата въ полный квадратъ. Теперь же онъ былъ от-

*) Семейскими ихъ называли въ отличіе отъ простыхъ ссыльныхъ потому, что они были сосланы семьями, а не по одиночкѣ, какъ ссылаемые за преступленія.

строенъ «покоемъ», въ половину только квадрата. Всѣхъ комнатъ было 64. Посрединѣ большого двора стояло особливое зданіе, въ которомъ помѣщались кухня, пекарня, столовая и кладовая. Все было дурно устроено, и мы передѣлали все на свой собственный счетъ, устроивъ въ кухнѣ плиты, каменныя ямы въ кладовыхъ, по случаю болотистаго грунта и пр. Дворы обращены были въ садики; а на пригороженномъ мѣстѣ устроены были для лѣта качели, столы и скамейки, а для зимы горы для катанья и катокъ. Сверхъ того, какъ въ Читѣ, такъ и здѣсь, были устроены солнечные часы.

Для женатыхъ и для состоящихъ въ старшихъ разрядахъ, которымъ приходилось поэтому прожить долѣе въ казематахъ, отведены были особыя комнаты; состоявшихъ же въ низшихъ разрядахъ помѣщали по два человѣка въ горницѣ или со сторожемъ. Когда же мало по малу стали разъѣзжаться и насъ оставалось уже немного, то можно было занимать и по два номера. Я никогда не мѣнялъ ни отдѣленія, ни номера, а постоянно занималъ 29-й. Когда же остался одинъ нашъ старшій разрядъ, то я занялъ и 28-й подъ свою переплетную мастерскую. Одна комната была, впрочемъ, съ самаго начала отведена подъ нашу аптеку.

Для охраненія каземата снаружи были пристроены три гауптвахты, одна главная посреди главнаго фасада и двѣ на оконечности крыльевъ. На всѣхъ трехъ были устроены ружейныя бойницы (или узкіе прорѣзы для перекрестнаго огня на случай возмущенія внутри или аттаки извнѣ). На главной гауптвахтѣ находился и караульный офицеръ; на боковыхъ посты были унтеръ-офицерскіе. Но съ ослабленіемъ строгости надзора боковыя гауптвахты превратили въ солдатскія швальни; и даже на глав-

ной дозволили Артамону Муравьеву устроить токарную мастерскую, уменьшивъ число караульныхъ. Въ замѣну того, вслѣдствіе покушенія на ограбленіе и убійство Трубецкой и Давыдовой, велѣно было учредить ночной караулъ на дамской улицѣ. Домъ коменданта былъ довольно далеко отъ каземата, и при его домѣ была особливая гауптвахта.

Выборъ такой невыгодной мѣстности, на какой построили казематъ, на болотистой низменности вплоть возлѣ рѣчки, тогда какъ селеніе расположено было на сухомъ и возвышенномъ мѣстѣ, можно было объяснить только страхомъ отъ пожаровъ, который доходилъ у коменданта до смѣшнаго. Онъ вытребовалъ изъ Россіи отличные пожарные инструменты и команду, которые и располагались въ нарочно выстроенномъ близь каземата зданіи. На крышѣ каземата вездѣ стояли кадки съ водою, а во время лѣсныхъ пожаровъ, что случается въ Сибири нерѣдко при выжиганіи травы, на крышѣ день и ночь сидѣли люди.

Въ началѣ нашего пребыванія въ Петровскомъ заводѣ было очень много случаевъ воровства, грабежа и убійства, такъ что въ первые семь мѣсяцевъ было совершено девять убійствъ. Но когда въ Петербургѣ встревожились покушеніемъ противъ Трубецкой и Давыдовой, то велѣно было за грабежъ и убійство судить военнымъ судомъ и разстрѣливать, а по заводу учредить конные разъѣзды. Послѣ этого въ теченіе остальнаго восьмилѣтняго пребыванія нашего не было уже ни одного случая убійства. Между тѣмъ пребываніе наше въ Петровскомъ заводѣ обратило вниманіе всѣхъ, какъ правительства, такъ и публики на это мѣсто. Его стали посѣщать и правительственныя лица, и ученые, и путешественники, что и побудило горное началь-

ство преобразовать заводъ. Почти всѣ заводскія постройки были возведены вновь и принаровлены къ улучшеннымъ производствамъ. По нашему вліянію улучшенъ бытъ и горныхъ служителей, и ссыльныхъ. Что же касается до церкви, то такъ какъ бывшая до насъ церковь была уже очень ветха и притомъ колокольню у ней разбило громомъ, то мы построили новую на свой счетъ. Сначала правда рѣшили было построить церковь въ самомъ казематѣ, но я заставилъ отвергнуть это рѣшеніе по причинамъ, которыя будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ, и обратить собранный капиталъ (12 т. руб.) на общую церковь для всего завода.

Я упомянулъ еще выше о постепенномъ ослабленіи строгости содержанія. — Только когда присылались время отъ времени изъ Петербурга жандармскіе офицеры, то мнимыя строгости возобновлялись. Женатые должны были ночевать въ казематѣ. Все запиралось на замки, и караульные грозно окликали и гнали прочь отъ каземата проходившихъ мимо жандармовъ, угрожая даже стрѣлять въ нихъ, если какой нибудь изъ любопытства отклонялся отъ дороги, чтобы подойти къ каземату поближе. Вообще комедія разыгрывалась съ большимъ искусствомъ.

А между тѣмъ время все шло и шло, и однако же никакой амнистіи, ни даже уменьшенія сроковъ не было. Вотъ взятіемъ Варшавы окончилась удачно и Польская кампанія; вотъ родился и третій сынъ у Государя; вотъ и разрядъ осужденныхъ на шесть лѣтъ работы уѣхалъ, отбывъ полный срокъ; истощились всѣ предположенія, но ни одно изъ ожиданій не оправдалось. Впрочемъ, теперь уже стали гораздо спокойнѣе и тѣ, которые предавались прежде самымъ неосновательнымъ обольщеніямъ.

Поддержанные въ началѣ одушевившими всѣхъ извѣстіями о событіяхъ въ Европѣ, они успѣли между тѣмъ попривыкнуть къ новому положенію, въ то же время лихорадочная жажда дѣятельности у многихъ нашла достаточную пищу себѣ въ умственныхъ занятіяхъ, въ устройствѣ внутренняго своего быта и въ обученіи дѣтей, какъ научнымъ предметамъ, такъ и мастерствамъ. Такимъ образомъ, когда въ исходѣ 1832 г. по случаю рожденія у Государя четвертаго сына, послѣдовало уменьшеніе сроковъ 20-ти лѣтняго на 5 лѣтъ, а 15-ти лѣтняго на 3 года, и отправленіе на поселеніе того разряда, который былъ приговоренъ на 8 лѣтъ, то это уже не произвело особеннаго впечатлѣнія, и нѣкоторые изъ послѣдняго разряда, отправлявшагося на поселеніе, сожалѣли даже, что не могутъ остаться до полнаго срока въ казематѣ, т. е. еще на одинъ годъ, такъ какъ ясно было, что на поселеніи и самые богатые изъ нихъ не будутъ уже имѣть того общества и тѣхъ средствъ въ умственномъ значеніи, какія представлялъ уже въ это время казематъ.

Къ числу особенныхъ событій въ этотъ промежутокъ времени относится свадьба Ивашева и смерть, въ первый и единственный разъ появившаяся въ нашихъ рядахъ и собравшая обильную жатву въ 1833 г. Мать Ивашева купила за 50 тысячъ ему невѣсту въ Москвѣ, дѣвицу изъ иностранокъ, Леданту; но, чтобы получить разрѣшеніе Государя, увѣрили его, что будто бы она была еще прежде невѣстою Ивашева; хотя оказалось, что онъ все путалъ въ разсказѣ о ней товарищамъ и о происхожденіи ея и о наружности, а она, пріѣхавши, бросилась на шею Вольфу, принявъ его за своего жениха, несмотря на то, что между ними не было ни малѣйшаго сходства. Въ 1833 г. умерли: мень-

шая дочь у Муравьева, перворожденный сынъ у Ивашева, старшая дочь у Анненкова и наконецъ одинъ изъ товарищей нашихъ, Пестовъ, этотъ послѣдній почти скоропостижно, отъ антонова огня, приключившагося отъ чирея и обратившагося внутрь.

Этотъ случай особенно поразилъ и произвелъ грустное впечатлѣніе въ казематѣ по своей неожиданности; до такой степени считалось это невозможнымъ, основываясь на примѣрахъ всегдашняго излеченія самыхъ отчаянныхъ болѣзней, такъ что всѣмъ казалось, что въ казематѣ, можно сказать, буквально не давали умереть. Вообще, надо замѣтить, что заботы о больныхъ и уходъ за ними были необычайные, что при искусствѣ и постоянномъ наблюденіи докторовъ и при особенныхъ средствахъ, которыми мы располагали, дѣлали дурной исходъ болѣзни почти невѣроятнымъ. Даже отравившійся было сильнымъ ядомъ Вегелинъ*) былъ выхваченъ мною, какъ говорится, изъ челюстей смерти. Надо сказать, что я былъ постоянною ночною сидѣлкою при опасно больныхъ, какъ по способности моей не спать ночью, такъ и потому, что Вольфъ никому другому не довѣрялъ наблюдать за важными симптомами и давать въ свое отсутствіе рѣшительныя и сильно дѣйствующія лѣкарства.

Исторія неоднократно показывала намъ примѣры, какія отговорки обыкновенно употребляетъ

---

*) Вегелинъ отравился изъ глупаго тщеславія, надъ которымъ постоянно смѣялись и которое оскорбляли. Принявъ сильный пріемъ яда, онъ измѣнилъ себѣ только тѣмъ, что захотѣлъ проститься со мною, «единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ,» какъ выразился. Странность прощанія возбудила мою догадку о причинѣ. Я заставилъ его сознаться и принять немедленно бывшее подъ рукою противоядіе, но все-таки послѣдствія яда долго еще держали его между жизнью и смертію.

произволъ для оправданія отказа въ такихъ дѣйствіяхъ, къ которымъ приступаетъ онъ неохотно. Если чего не рѣшаются просить, ожидая всего отъ доброй воли правительства, то обыкновенно говорятъ, что не даютъ потому, что не просятъ, а чего не просятъ, то стало быть и не нужно; если же о чемъ просятъ, то говорятъ, что нельзя сдѣлать этого потому, что это значило бы уступить требованію въ томъ, что должно быть чисто дѣломъ доброй воли. Такъ было и относительно амнистіи или уменьшенія срока для насъ. Зная этотъ обычный пріемъ изъ историческаго изученія и основываясь потомъ на всемъ, что мнѣ было извѣстно отъ самыхъ близкихъ людей о характерѣ Государя, я, какъ видѣли выше, былъ увѣренъ и предсказалъ своимъ товарищамъ напередъ, что если и будетъ какое уменьшеніе сроковъ, то оно будетъ незначительное, потому что сдѣлано будетъ неохотно и сверхъ того будетъ навѣрное сдѣлано по какому нибудь такому поводу, который не будетъ представлять никакой достаточной причины, чтобы явно выказать, что это было сдѣлано чисто по одному произволу. Когда и то, и другое такъ разительно оправдалось на дѣлѣ, когда уменьшеніе сроковъ послѣдовало по случаю рожденія четвертаго сына, т. е. безъ всякаго достаточнаго повода, и притомъ старшему разряду только на четвертую долю, а второму на одну пятую вмѣсто того, чтобы уменьшить всѣмъ по крайней мѣрѣ на половину, какъ ожидали, тогда товарищи мои, видя съ какою вѣрностію я все предвидѣлъ, пожелали знать соображенія мои и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ правительства и чего имъ еще должно ожидать. Я отвѣчалъ имъ, что видя, какъ неохотно дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи правитель-

ство и какъ заботится о томъ, чтобъ показать, что на его рѣшеніе не имѣетъ никакого необходимаго вліянія какое либо внѣшнее событіе, и какъ тщательно оно избѣгаетъ всякой связи того, что дѣлается для насъ, съ общественными торжествами, нечего ожидать вновь ничего до истеченія десятилѣтія со времени событія 14-го декабря, и развѣ только при этомъ случаѣ можетъ послѣдовать новое уменьшеніе сроковъ, да и то во всякомъ случаѣ менѣе значительное, нежели воображаютъ. — Какъ увидимъ впослѣдствіи, и этому моему соображенію суждено было вполнѣ оправдаться, но слабость человѣческая, постоянно поддающаяся обольщеніямъ по непривычкѣ смотрѣть трезво на вещи, не была довольна такимъ моимъ объясненіемъ. «Помилуйте», говорили мнѣ, «если это будетъ такъ, то это значитъ все равно, что ничего не дѣлать.» И вотъ многіе поддались опять новымъ сообщаемымъ ожиданіямъ амнистіи, что вотъ-де навѣрное знаютъ, что казематъ уничтожатъ, то при постройкѣ Александровской колонны, то при празднествѣ воспоминанія Бородинской битвы, то по случаю маневровъ въ южныхъ поселеніяхъ и пр. Дурное вліяніе этого состояло въ томъ, что многіе, особенно изъ втораго разряда, въ чаяніи скораго отправленія бросили совершенно полезныя занятія.

Я старался всячески удержать и образумить ихъ. «Вы увидите,» дополнилъ я къ сказанному выше мною, «что даже въ этомъ уменьшеніи, если какое и послѣдуетъ, постараются сдѣлать такъ, чтобы на дѣлѣ вышло еще меньше, чѣмъ на словахъ.» Тутъ ужъ меня прозвали отчаяннымъ пессимистомъ, зловѣщимъ пророкомъ, но опытъ оправдалъ однако же и это мое предвидѣніе. Поставили и Александровскую колонну, отпраздновали и воспоминаніе

Бородинской битвы, удовлетворилось вполнѣ и тщеславіе зрѣлищемъ маневровъ въ южныхъ поселеніяхъ и удачною экспедиціею въ Босфоръ для поддержки султана (были-же вѣдь такіе, которые и на это разсчитывали), а новаго уменьшенія сроковъ все нѣтъ. Предававшіеся обольщенію совсѣмъ упали духомъ, и къ несчастію нѣкоторые и нравственно упали. Не одинъ изъ нашихъ товарищей началъ, къ сожалѣнію, предаваться пьянству. Почти всѣ сдѣлались уже равнодушны къ выходу на поселеніе, а нѣкоторые изъ второго разряда говорили даже, что сравнивъ все, пожалуй еще и лучше остаться въ Петровскомъ заводѣ до окончательнаго распущенія всѣхъ. Здѣсь уже устроились и имѣютъ всѣ средства, а Богъ знаетъ еще, что будетъ въ новомъ мѣстѣ, пожалуй еще въ какомъ нибудь захолустьѣ. Нѣкоторые женатые такъ дѣйствительно и сдѣлали. Вообще же, никто уже не торопился, и когда приближалось десятилѣтіе 14-го декабря, то ожидали его не столько съ нетерпѣніемъ, сколько изъ любопытства, чтобы видѣть, оправдается-ли и на этотъ разъ мое предположеніе.

Но вотъ наконецъ пришла почта и отъ 14-го декабря 1835 г., а ничего не получено; правительство не торопилось обнародывать и отправлять манифестъ, изданный въ этотъ день. Трудно описать противорѣчащія чувства, волновавшія моихъ товарищей, вслѣдствіе обманутаго ожиданія, какъ думали на основаніи ошибочнаго предположенія, что ничего не было сдѣлано въ день десятилѣтія. Если съ одной стороны люди, враждовавшіе противъ меня, выказывали явно радость, что мое предположеніе хоть на этотъ разъ не сбылось, надѣясь, что черезъ это поколеблется общее довѣріе къ моимъ соображеніямъ и совѣтамъ, то съ другой стороны

въ то же время тайно не могли не досадовать при видѣ перспективы еще пятплѣтняго пребыванія въ казематѣ для однихъ и двухлѣтняго для другихъ.

Но вотъ слѣдующая почта принесла манифестъ, которымъ уменьшился срокъ главному разряду на два года, а второй разрядъ велѣно отправить на поселеніе, чрезъ что ему, повидимому, уменьшенъ былъ срокъ на 2 съ половиною года. Я сказалъ «повидимому», потому что на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе, какъ сейчасъ увидимъ.

Цѣлый день мнѣ не было отбоя отъ посѣтителей. Цѣлый день толпились у меня въ комнатѣ, восхваляя необычайную точность моихъ соображеній, не только мои товарищи, но и все начальство. Самъ комендантъ, которому уже успѣли разсказать все, явился ко мнѣ и смотрѣлъ на меня съ какимъ то изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Онъ и прежде слышалъ о вѣрности моихъ политическихъ соображеній, но то мало интересовало его. А проникнуть основы и предвидѣть дѣйствія своего правительства, — вотъ это казалось ему особенно важнымъ; онъ какъ и многіе видѣли тутъ что-то загадочное или сверхъ-естественное; и Богъ знаетъ, къ какимъ толкамъ подавало это поводъ, но во всякомъ случаѣ комендантъ, который до тѣхъ поръ показывалъ мнѣ и всегда уваженіе, теперь сталъ страшно бояться меня, выказывая даже какой-то суевѣрный страхъ, и при всякомъ уже случаѣ, когда шелъ разговоръ у него о чемъ либо особенномъ или съ моими товарищами или даже со своими подчиненными, то всегда спрашивалъ: «А что не знаете-ли, какъ думаетъ объ этомъ Дмитрій Иринархович?»

Очень естественно было предполагать, что вмѣстѣ съ манифестомъ, вслѣдствіе котораго второй разрядъ

должно было отправить на поселеніе, будутъ сдѣланы и всѣ необходимыя распоряженія. Никакъ не ожидая поэтому и никакъ не вѣря, чтобы могло быть какое нибудь замедленіе въ подобномъ распоряженіи, товарищи наши изъ второго разряда не хотѣли слушать совѣта дождаться полученія росписанія, гдѣ кому быть поселену, а поспѣшили заготовить зимнія повозки, надѣясь еще зимнимъ путемъ добраться каждый до своего мѣста. Но вотъ прошло нѣсколько недѣль въ напрасномъ ожиданіи, какъ вдругъ узнали, что генералъ-губернатору въ Иркутсткѣ предписано, «сдѣлавъ росписаніе, прислать его на утвержденіе въ Петербургъ, а до утвержденія изъ каземата не отправлять»; а такъ какъ въ Петербургѣ не торопились утвержденіемъ, то и вышло, что второму разряду назначено было дѣйствительное отправленіе позже даже десятилѣтняго срока со дня приговора.

Въ самомъ дѣлѣ прошла зима, прошла и весна, проходило уже и лѣто, какъ получено было наконецъ утвержденное росписаніе, и второй разрядъ могъ оставить Петровскій заводъ, отправясь такимъ образомъ вмѣсто зимы въ осенную распутицу слѣдующаго года.

Недоброжелательство правительства выразилось еще и въ другомъ случаѣ. Волконскій былъ очень боленъ ревматизмомъ; и потому доктора настаивали, чтобы прежде чѣмъ предпринять дорогу, можетъ быть и дальнюю куда нибудь, онъ съѣздилъ на горячія Туркинскія воды, находящіяся также за Байкаломъ. Даже и самъ осторожный во всемъ комендантъ не видѣлъ къ тому препятствія, благо послѣ полученія манифеста Волконскій, какъ принадлежавшій ко второму разряду, считался уже состоящимъ на поселеніи; поэтому комендантъ и от-

правилъ Волконскаго на воды въ сопровожденіи унтеръ-офицера и казака. Не менѣе того онъ получилъ за это изъ Петербурга замѣчаніе, что не слѣдуетъ отправлять прежде общаго разъѣзда втораго разряда изъ каземата, хотя комендантъ показалъ ясно въ своемъ донесеніи, что отправленіе на воды нельзя было задерживать, потому что полезное дѣйствіе водъ и другія благопріятныя условія для успѣшнаго лѣченія могли быть только весною, если-же бы испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга, то оно никакъ не могло бы быть получено до весны.

X.

Но между тѣмъ какъ правительство поступало относительно насъ такъ недобросовѣстно и придирчиво, оно съ другой стороны само же выказывало, что уже не придаетъ прежняго значенія, ни важности своимъ дѣйствіямъ относительно насъ. Это обнаруживалось разными обстоятельствами; чрезъ то его дѣйствія имѣли видъ чисто одного недоброжелательства и личной непріязни, какъ не оправдываемыя уже никакими, даже и ошибочными политическими опасеніями.

Что правительство не придавало уже прежней важности должности или мѣсту коменданта, — это выразилось во первыхъ мнѣніемъ, лично высказаннымъ Государемъ насчетъ Лепарскаго, а во вторыхъ подчиненіемъ коменданта генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Въ 1834 г. одинъ изъ плацъ-адъютантовъ отправился въ отпускъ въ Россію, и, находясь въ Петербургѣ, долженъ былъ при разводѣ предста-

вляться Государю, который при этомъ спросилъ его о Лепарскомъ въ такихъ выраженіяхъ: «А что старикашка шевелится еще?» Когда Лепарскій узналъ о томъ (а скрыть этого плацъ-адъютантъ никакъ не могъ, потому что это тотчасъ разнеслось по Петербургу, и для многихъ, жадно ловившихъ каждый намекъ, служило добрымъ предзнаменованіемъ), то ужасно обидѣлся и говорилъ намъ: «Вотъ онъ каковъ. Когда я былъ ему нуженъ, то хоть-бы въ тѣхъ же лѣтахъ (не въ три же года я такъ состарился), онъ давалъ мнѣ чины и звѣзды,*) а теперь смотритъ на меня, какъ на старую тряпку, которую можно и выбросить.» Что-же касается до подчиненія коменданту генералъ-губернатору, то оно приведено было особыми обстоятельствами, и обидное для коменданта было только то, что его мѣсто потеряло съ независимостью и прежнее значеніе, и онъ долженъ былъ подчиниться даже младшему его въ чинѣ.

Когда по проекту Сперанскаго Сибирь была раздѣлена на Западную и Восточную, то въ послѣднюю былъ назначенъ генералъ-губернаторъ изъ гражданскихъ Александръ Степановичъ Лавинскій; и это могло быть сдѣлано потому, что военная часть подчинялась корпусному командиру, который въ то же время былъ и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. По дальности разстоянія корпусный командиръ никогда не могъ пріѣзжать въ Восточную Сибирь для инспекціи. Поэтому-то, въ отвращеніе этого неудобства, и составилось предположеніе, что не лучше-ли и въ Восточную Сибирь назначить ге-

---

*) Владиміра 2-ой степени со звѣздою Лепарскій получилъ за переводъ насъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, какъ будто за какой либо важный походъ.

нералъ-губернатора изъ военныхъ и подчинить ему находящіяся въ ней войска на правахъ корпуснаго командира? А такъ какъ между тѣмъ Лавинскій настаивалъ на необходимости подчинить ему и комендантское управленіе, то и нашли, что съ назначеніемъ генералъ-губернатора изъ военныхъ обѣ цѣли могутъ быть достигнуты разомъ. Впрочемъ, когда послѣ Лавинскаго назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Сулима съ назначеніемъ его и командующимъ войсками, то ничего еще неизвѣстно было не только о подчиненіи ему коменданта, но и о правѣ генералъ-губернатора посѣтить казематъ, къ чему не былъ допущенъ Лавинскій, и Лепарскій, когда заслышалъ о намѣреніи Сулимы ѣхать въ Петровскій заводъ, храбро твердилъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія онъ и Сулиму не допуститъ въ казематъ. Вслѣдствіе всего этого и разыгралась передъ нашими глазами, по пріѣздѣ Сулимы, слѣдующая забавная сцена: Лепарскій въ полной формѣ и орденахъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, помѣстился передъ воротами каземата, наглухо запертыми. Сулима со своимъ штабомъ направляется прямо къ воротамъ. Лепарскій останавливаетъ его вопросомъ: «Что угодно Вашему Превосходительству?» — «Мнѣ надобно осмотрѣть казематъ и опросить государственныхъ преступниковъ.» — «По инструкціи моей, безъ именного Высочайшаго повелѣнія, я никого не могу допустить въ казематъ», возражаетъ Лепарскій, показывая инструкцію, подписанную Государемъ. «А я имѣю Высочайшее повелѣніе,» отвѣчалъ ему Сулима, подавая бумагу, «по которому казематъ и вы сами подчиняетесь впредь моему управленію.» — Лепарскій внимательно прочиталъ указъ, сдѣлалъ словесный ра-

портъ о благополучіи, подалъ знакъ, ворота растворились, и Сулима вступилъ въ казематъ какъ-бы какимъ-то побѣдителемъ съ явно торжествующимъ видомъ. Лепарскій смиренно слѣдовалъ за нимъ, усиливаясь сдерживать въ себѣ очевидную досаду. Лепарскій чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, и можно сказать, что съ этихъ поръ онъ рѣшительно перешелъ на нашу сторону въ томъ отношеніи, что, забывъ прежнюю осторожность, охотно и непочтительно разговаривалъ съ нами объ «Его» неблагодарности.» Я былъ полковникомъ,» говорилъ онъ, «когда «Онъ» довѣрилъ мнѣ, по его собственному выраженію, самый важный постъ въ Россіи. Что-жъ? Развѣ я не разрѣшилъ задачу вполнѣ такъ, какъ онъ хотѣлъ? Восемь лѣтъ я сохранилъ спокойствіе, и не было ни одного непріятнаго для Него и несчастнаго случая. Я терпѣлъ даже, когда на меня сваливали они свои вины. А теперь я генералъ-лейтенантъ, и съ такою уже опытностью въ дѣлѣ, а мнѣ не довѣряютъ докончить дѣло, когда уже половина васъ только осталась, а подчиняютъ равному мнѣ по чину, человѣку, притомъ, неопытному, который на первомъ же шагѣ споткнулся и выставилъ себя смѣшнымъ.»

Здѣсь Лепарскій намекаетъ на одно дѣйствительно забавное приключеніе при вступленіи Сулимы въ казематъ. Въ самомъ дѣлѣ торжествующій видъ его, съ какимъ онъ вошелъ въ казематъ, продолжался не долго. Надо сказать, что вообще всѣ эти пріѣзжавшіе господа чрезвычайно смущались при видѣ насъ. У иныхъ это, конечно, происходило и отъ похвальныхъ чувствъ только вслѣдствіе ошибочнаго, обычнаго понятія о несчастіи, но у большей части отъ сознанія нашего нравственнаго превосходства и той жал-

кой роли, какую они сами играли. Какъ бы то ни было, но Сулима, увидя насъ на внутреннемъ дворѣ, совсѣмъ потерялся, и, наткнувшись на перила, которыми была огорожена рѣшетка сточной трубы, остановился и занялся ни къ селу, ни къ городу этимъ ничтожнымъ предметомъ, ясно выказывая своимъ замѣшательствомъ, что не знаетъ самъ, что дѣлаетъ, и тѣмъ еще болѣе обнаруживая то смущеніе, которое старался скрыть.

«Это вѣрно у васъ колодезь,» сказалъ Сулима, не сообразивъ, что казематъ стоялъ вплоть возлѣ рѣки и на болотѣ.

«Нѣтъ, тутъ рѣшетка для стока воды въ яму,» отвѣчалъ комендантъ.

«А, тутъ сточная труба, ну, это хорошо,» сказалъ тотъ и видимо не зналъ, что ему дальше говорить и дѣлать. Всѣ очутились въ неловкомъ положеніи при такомъ пустомъ и глупомъ разговорѣ. Сулима стоялъ нѣсколько минутъ, переминаясь съ ноги на ногу, поглядывая во всѣ стороны и все не рѣшаясь подойти къ намъ. Наконецъ, какъ будто вспомнивъ что-то и обратясь къ коменданту, сказалъ: «Вотъ видите-ли, я хочу сдѣлать нѣчто въ родѣ инспекторскаго смотра; а вы знаете, что при этомъ начальникамъ быть не слѣдуетъ.»

Комендантъ насупился, приложилъ руку къ шляпѣ и отправился со всѣмъ своимъ штабомъ на гауптвахту. Сулима подошелъ къ намъ и, раскланявшись, спросилъ, какъ спрашиваютъ солдатъ, не имѣемъ-ли мы какой жалобы на начальство и «всели выдавали намъ, что слѣдуетъ изъ казны?» — Мы засмѣялись и молчали. Сулима еще больше сконфузился и опять повторилъ: «Пожалуйста, господа, если у васъ есть жалобы, то говорите откровенно.» — Мы отвѣчали, что мы не дѣти, что-

бы жаловаться, что мы понимаемъ, что если есть что непріятнаго для насъ, то оно выходитъ изъ незаконности положенія, въ которомъ насъ держатъ, но что считаемъ недостойнымъ себя замѣчать даже, какъ поступаетъ та или другая личность изъ начальства; что же касается до отпускаемаго казною, то это вовсе не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ прислугѣ мы платимъ въ нѣсколько разъ больше. Затѣмъ послѣдовало опять неловкое молчаніе и натянутое ожиданіе, чѣмъ кончится эта глупая церемонія. Наконецъ, Сулима не выдержалъ.

«Пожалуйста, господа,» сказалъ онъ, «отложимъ въ сторону всякую офиціальность. Я хоть и обязанъ былъ сюда пріѣхать и видѣть васъ, но право желалъ сдѣлать это не какъ начальникъ, а какъ старый знакомый и пріятель многихъ изъ васъ. Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ, Михаилъ Фотичъ,» сказалъ онъ, кланяясь Швейковскому и Митькову и пожимая имъ руки.

«Вотъ это дѣло другое,» сказалъ ему, смѣясь, Швейковскій, «такъ пойдемте же къ намъ въ комнаты, чѣмъ стоять здѣсь на солнцѣ; пошлите за сюртукомъ, да ради Бога отпустите коменданта, велите солдатамъ снять кивера, да прогоните прежде всего этого штатскаго, что при васъ съ бумагой и карандашемъ, вѣрно, чтобъ записывать наши жалобы; онъ мнѣ кажется большимъ плутомъ.»

Такимъ образомъ „*la glace était rompue*“, и чрезъ нѣсколько минутъ Сулима сидѣлъ уже въ сюртукѣ въ комнатѣ у Швейковскаго и разсказывалъ, что штатскій при немъ дѣйствительно первый плутъ, но что онъ потому именно и взялъ его, что тотъ самъ знаетъ, что его всѣ считаютъ за плута и не

можетъ уже надѣяться обмануть кого-нибудь. Адъютанты Сулимы пошли между тѣмъ къ другимъ изъ нашихъ товарищей, съ которыми были знакомы, или отъ родныхъ которыхъ имѣли порученія; комендантъ ушелъ къ себѣ, солдаты надѣли фуражки вмѣсто киверовъ, и ничто уже не стало показывать присутствія въ казематѣ генералъ-губернатора. Всѣ сношенія изъ оффиціальныхъ перешли въ частныя и такими были уже всегда и впослѣдствіи.

Когда я сказалъ выше, что мы не считали приличнымъ приносить какую-либо жалобу, то надобно было бы сдѣлать оговорку, напоминающую одно грустное обстоятельство. Двое изъ нашихъ товарищей впали въ тотъ родъ помѣшательства, который называется *point fixe*. Дѣйствуя по нѣкоторымъ отношеніямъ правильно, и не только съ талантомъ, но даже съ проблесками геніальности, оба они имѣли каждый свой особливый пунктъ помѣшательства. Такъ напр. Андреевичъ (бывшій артиллерійскій офицеръ), очень хорошій живописецъ и даже хорошо рисовавшій масляными красками съ перваго пріема за кисть, выказывавшій притомъ и по прикладной высшей математикѣ замѣчательныя соображенія, вообразилъ себѣ, что будетъ непремѣнно опять потопъ или голодъ, и дѣлалъ запасы сухарей, обирая вездѣ остатки хлѣба. Разумѣется, эти остатки плѣсневѣли у него въ углу и потому выносились сторожами, хотя и увѣряли его, что ихъ складываютъ на храненіе въ магазинъ. Вотъ на это-то дѣйствіе сторожей онъ и обратился съ жалобою къ Сулимѣ. Тотъ, будучи предувѣдомленъ, отвѣчалъ ему, что, вѣдь, это дѣлаютъ къ лучшему же, что въ магазинѣ сухари вопервыхъ лучше сохраняются, а вовторыхъ не будутъ стѣснять его комнату .

«Да,» возразилъ Андреевичъ, «но кто же мнѣ поручится, что они тамъ будутъ цѣлы?»

«О, мы сдѣлаемъ это очень просто,» отвѣчалъ Сулима, «я прикажу, чтобы у васъ принимали ихъ съ вѣсу и давали бы вамъ росписку.»

Съ тѣхъ поръ каждую недѣлю такъ и дѣлалось. Здѣсь кстати будетъ сказать и о другомъ помѣшанномъ. Это былъ старшій Борисовъ, также бывшій артиллерійскій офицеръ. Предметъ его помѣшательства былъ тотъ, что дали будто бы слишкомъ большую власть Трубецкому, и что онъ ищетъ погубить всѣхъ непріятныхъ ему, къ числу которыхъ Борисовъ причислялъ и себя. Однако, это помѣшательство нисколько не отражалось на другихъ его занятіяхъ. Онъ былъ искусный переплетчикъ и, несмотря на помѣшательство, составилъ даже очень хорошую самостоятельную систему по части инсектологіи.

Слѣдующій послѣ Сулимы генералъ-губернаторъ, Броневскій, потому-ли, что былъ благоразумнѣе, или наученный опытомъ своего предшественника, забавное приключеніе съ которымъ сдѣлалось извѣстнымъ и дало обильную пищу къ насмѣшкамъ, не пытался уже дѣлать инспекторскихъ смотровъ. Онъ пріѣхалъ просто въ казематъ и сказалъ намъ, что желалъ познакомиться съ нами, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая узнать, не можетъ-ли быть чѣмъ полезенъ, особенно относительно мѣстъ, гдѣ бы кто желалъ быть поселеннымъ. Для меня-же его пріѣздъ имѣлъ еще особенное значеніе. Чтобы не заставить его обходить всѣхъ по комнатамъ, мы собрались всѣ въ залу. Войдя и сказавши вышеизложенное привѣтствіе, онъ сейчасъ же спросилъ: «Позвольте узнать, кто здѣсь Дмитрій Иринархович?»

Я сказалъ, что это я. Тогда, подойдя ко мнѣ и поздоровавшись, онъ сказалъ мнѣ: «Вы вѣрно меня не помните?»

Мнѣ было не совсѣмъ ловко, потому что если мы встрѣчались когда либо въ свѣтѣ, то всячески онъ долженъ былъ уже быть въ такомъ званіи и имѣть настолько значенія, что странно было бы мнѣ его не замѣтить, если уже онъ меня замѣтилъ. Я отвѣчалъ, что прошу его извинить меня, если я не могу никакъ припомнить, гдѣ бы мы могли встрѣтиться, и прошу его приписать это не недостатку вниманія, а скорѣе обилію событій, заслонившихъ многія воспоминанія изъ прошедшаго. На это онъ замѣтилъ, что если бы мы и дѣйствительно встрѣчались гдѣ либо въ обществѣ, и я его всетаки бы не замѣтилъ и не помнилъ, то и тутъ не было бы однако ничего удивительнаго.

«Вы,» сказалъ онъ мнѣ, «хоть и молодой лейтенантъ, но были слишкомъ извѣстны; одинъ вашъ проѣздъ изъ Калифорніи по Сибири сколько надѣлалъ шуму; а я, хоть и старый уже въ то время полковникъ, если и былъ извѣстенъ, то развѣ только въ своемъ маленькомъ уголкѣ. Но, кромѣ того, вамъ нечего упрекать себя въ недостаткѣ вниманія и памяти. Я шутя спросилъ, помните-ли вы меня? Пожалуй, можно сказать, что мы видѣлись, и что вы и меня видѣли, но только это было въ такихъ обстоятельствахъ, что вы и не можете помнить. Я былъ у вашего батюшки на ординарцахъ въ тотъ самый день, какъ васъ крестили.»

«Ну,» отвѣчалъ я смѣясь, «хоть и говорятъ, что у меня память хороша, но такъ далеко не простираются мои воспоминанія.»

Затѣмъ Броневскій разсказалъ мнѣ ту особенную торжественность, которая сопровождала мои

крестины, не забывъ и о тѣхъ предсказаніяхъ, о которыхъ мнѣ такъ много говорили мнѣ въ моемъ дѣтствѣ.

Здѣсь нельзя не упомянуть, что бесѣды мои съ Броневскимъ имѣли важныя послѣдствія, какъ для Забайкальскаго края, такъ и для всей Восточной Сибири, потому что именно въ этихъ бесѣдахъ и заключалось начало всѣхъ послѣдующихъ преобразованій. Зайдя ко мнѣ въ комнату и, увидавъ, что я занимался составленіемъ карты Забайкальскаго края, припомнивъ притомъ мою дѣятельность въ колоніяхъ и Калифорніи, Броневскій пожелалъ, чтобы я изложилъ основныя мысли о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя считаю необходимыми для Сибири въ видахъ подготовленія къ будущему. Въ краткой данной ему запискѣ я обозначилъ ему необходимость, какъ перваго приступа къ дѣлу, преобразованія Забайкалькаго края въ отдѣльную область, съ назначеніемъ Читы губернскимъ городомъ, когда вовсе не зналъ еще и не предполагалъ жить въ ней.

Съ отъѣздомъ второго разряда изъ Петровскаго завода, Лепарскій сталъ часто хворать. Независимо отъ лѣтъ (ему было за 80), на это имѣло вліяніе и другое еще обстоятельство. Во второмъ разрядѣ былъ товарищъ нашъ, докторъ Вольфъ, лечившій Лепарскаго и умѣвшій заставить его слушаться себя. Лепарскій былъ лакомка и невоздержанъ въ пищѣ, а Вольфъ держалъ его въ послѣднее время на строгой діетѣ и безъ своего разрѣшенія ничего не позволялъ ему ѣсть. Притомъ, и прислуга Лепарскаго привыкла уже слушаться Вольфа. Такимъ образомъ, при крѣпкомъ и здоровомъ сложеніи Лепарскаго, онъ могъ долго его поддерживать. Съ отъѣздомъ же Вольфа никто уже изъ заступившихъ

его мѣсто не имѣлъ достаточно авторитета ни у Лепарскаго, ни у его прислуги, и Лепарскій сталъ часто позволять себѣ уклоненія отъ предписанной ему діеты. Послѣдствія этого не преминули обнаружиться. Припадки возобновлялись все чаще и чаще, и хотя и разрѣшено было изъ Петербурга Лепарскому требовать и для себя и для насъ доктора изъ Кяхты, но этотъ уже не могъ ничего сдѣлать. Какъ ни скоро ѣздили курьеры, этотъ докторъ, прибывшій однажды со всею поспѣшностью по случаю одного изъ такихъ припадковъ, засталъ Лепарскаго уже въ смертной агоніи, и лишь настолько могъ поддержать его самыми сильными средствами, что онъ былъ только въ состояніи подписать письмо къ Государю, съ просьбою объ уплатѣ его долговъ, которые онъ умѣлъ надѣлать, получая 30 т. рублей жалованья. Впрочемъ говорили, что это письмо было у него исторгнуто наслѣдниками его, плацъ-майоромъ Лепарскимъ, роднымъ племянникомъ его, и какою-то другою личностью, не имѣвшею при комендантѣ никакого опредѣленнаго занятія, но слывшею за его побочнаго сына.

Смерть Лепарскаго подала было снова надежду, что вмѣстѣ съ этимъ правительство окончитъ и содержаніе насъ въ казематѣ и въ заводѣ, представлявшееся уже безъ всякой цѣли, а скорѣе какимъ то фарсомъ, лишеннымъ уже всякаго смысла. Въ крайнемъ случаѣ ожидали, что оно оставитъ временное управленіе плацъ-майора дотянуть до недалекаго уже термина естественнаго окончанія фарса, съ окончаніемъ срока послѣднему оставшемуся въ казематѣ разряду. Но скоро услышали о новыхъ назначеніяхъ, которыя вызвали было совершенно противоположныя мысли, заставлявшія опасаться прежнихъ стѣсненій, ослабленныхъ если и не пря-

мою отмѣною ихъ, то естественнымъ ходомъ времени и близкимъ знакомствомъ съ нами бывшаго до сихъ поръ начальства, разсѣявшимъ у него всякія опасенія. Новые комендантъ и плацъ-майоръ, а вскорѣ потомъ и генералъ-губернаторъ, всѣ были назначены изъ жандармовъ, имѣвшихъ тогда тѣмъ болѣе грозное значеніе, чѣмъ менѣе понимали сущность ихъ назначенія и что они имѣли возможность сдѣлать, т. е. вообще чего надѣялось правительство достигнуть этимъ новымъ учрежденіемъ жандармовъ. Генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Рупертъ, бывшій окружнымъ жандармскимъ генераломъ въ Полтавѣ и служившій прежде въ инженерахъ; комендантомъ — полковникъ Ребиндеръ; плацъ-майоромъ — подполковникъ Казимірскій, бывшій жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ городѣ Томскѣ и такимъ образомъ знакомый уже отчасти съ Сибирью.

О перемѣнахъ, которыя должны были произойти, вслѣдствіе перемѣны начальства, я судилъ совершенно иначе, нежели почти всѣ мои товарищи. Съ одной стороны я не раздѣлялъ ихъ опасеній на счетъ предполагаемаго возобновленія строгостей. Я былъ увѣренъ напротивъ, что люди, не сомнѣвающіеся въ довѣріи къ нимъ правительства, могутъ дѣйствовать всегда гораздо смѣлѣе; съ другой стороны, зная общее предубѣжденіе противъ той служебной среды, изъ которой они вышли, я предвидѣлъ, что если они люди, не совсѣмъ лишенные способности здраво судить о своемъ и нашемъ положеніи, то не будутъ ни сами пытаться притворствовать предъ нами либерализмомъ, ни требовать отъ насъ притворства, и что вслѣдствіе этого наши взаимныя отношенія могутъ быть искреннѣе и яснѣе. Дѣйствительно, такъ и вышло. По докла-

ду новаго коменданта новый генералъ-губернаторъ уничтожилъ и ту пародію работы, которая, какъ напр. хожденіе на мельницу, не достигая уже никакой цѣли, только возбуждала нашу досаду, а начальству навязывало пустую заботу и суету. Въ другомъ отношеніи комендантъ Ребиндеръ также ясно выразился: «Господа,» говорилъ онъ намъ, «я представитель правительства, но могу васъ увѣрить, что не принялъ бы настоящей должности, если бы она обязывала меня стѣснять васъ въ чемъ-нибудь, что не существенно для правительства. Вы также съ вашей стороны, конечно, понимаете, что по вашему положенію вы можете и чего не можете требовать отъ меня.»

Что же касается до внутреннихъ убѣжденій нашихъ, то я не скрываю своихъ, а до вашихъ, будьте увѣрены, мнѣ нѣтъ дѣла. Будетъ кто изъ васъ настолько имѣть ко мнѣ довѣрія, что захочетъ быть со мною откровеннымъ, тотъ увидитъ, что я не употреблю во зло его откровенности; не захочетъ обнаружить свои убѣжденія, даю вамъ слово, что допытываться ихъ не стану.»

Казалось бы, что такое положеніе, искренно принятое обѣими сторонами, облегчило бы до нельзя взаимныя отношенія и устранило всякій поводъ къ неудовольствію. Но, къ сожалѣнію, были между нами партіи или, вѣрнѣе сказать, фракціи, которыя несмотря на то, что большинство было въ началѣ очень довольно такимъ положеніемъ, съумѣли не только замутить всѣ добрыя отношенія, но и увлечь за собою и большинство и сдѣлать его орудіемъ самыхъ несправедливыхъ дѣйствій противъ коменданта.

Такъ называемая барская или аристократическая партія была крайне недовольна тѣми распо-

ряженіями коменданта, которыя, казалось-бы, должны были у «либераловъ» найти наибольшее одобреніе. По чувству справедливости Ребиндеръ уравнялъ въ льготахъ всѣхъ, и тѣмъ сами собою окончились всѣ привилегіи, которыми до сихъ поръ пользовались только нѣкоторые, особенно богатые изъ женатыхъ. «Если женатые изъ своихъ домовъ, а нѣкоторые (какъ напр. Артамонъ Муравьевъ) даже изъ каземата могутъ ходить вездѣ, куда угодно и когда угодно,» сказалъ Ребиндеръ, «то пусть ходятъ и всѣ, а мнѣ только пусть подаютъ записку вечеромъ, кто и куда ходилъ.» Съ этимъ вмѣстѣ выходъ не ограничивался уже, разумѣется, какъ прежде отпускомъ въ одни дома женатыхъ товарищей, а всѣ стали ходить свободно и въ церковь и на прогулку и по новымъ знакомствамъ, которыя заводили въ заводѣ.

Но какъ ни досадовали на это люди, пользовавшіеся прежде привилегіями, однако обнаружить, что досадуютъ именно по этому поводу, никакъ не осмѣливались. Поэтому, скрывъ свое неудовольствіе, они выискивали другой, болѣе благовидный случай отомстить коменданту. Случай, которымъ они не замедлили воспользоваться для этого, представила имъ другая фракція, именно состоявшая изъ людей, которыхъ, какъ мы упомянули выше, вовсе не слѣдовало смѣшивать съ нами, т. е. тѣхъ, которые не были признаваемы за людей политическихъ, не были суждены верховнымъ уголовнымъ судомъ, и попали въ казематъ случайно, вслѣдствіе происшествій въ Нерчинскихъ заводахъ, разсказанныхъ выше. Эти люди, воспользовавшись даннымъ позволеніемъ свободнаго выхода изъ каземата, завели очень грязныя знакомства, вовлекшія ихъ въ самые неприличные поступки. Въ одномъ изъ подобныхъ

происшествій, грозившихъ непріятными послѣдствіями для всего каземата, былъ замѣшанъ и Мозалевскій (бывшій офицеръ Черниговскаго полка), принадлежавшій къ разряду тѣхъ лицъ, которыя своимъ присутствіемъ въ казематѣ не приносили чести ему и подавали поводъ къ безпрестаннымъ непріятностямъ и внутри каземата. Комендантъ призвалъ его въ офицерскую комнату, на гауптвахтѣ, не желая именно сдѣлать кого либо изъ насъ свидѣтелемъ начальническихъ замѣчаній о возможныхъ послѣдствіяхъ дурного поведенія, чему до тѣхъ поръ не бывало примѣра въ казематѣ. Онъ сказалъ Мозалевскому очень деликатно, что онъ ставитъ его въ самое тяжелое положеніе, или отказать ему въ выходѣ изъ каземата, что будетъ наказаніемъ, идущимъ отъ него, коменданта, чего онъ и для насъ и для себя старался всячески избѣгать, или рисковать, что, при повтореніи подобнаго поступка, можетъ независимо уже отъ воли коменданта возникнуть дѣло, вслѣдствіе котораго Мозалевскій, по положенію своему, можетъ быть присужденъ къ такому наказанію, что если онъ не бережетъ себя, то долженъ подумать о томъ позорѣ, какой навлечетъ это на весь казематъ. Все это было сказано съ большимъ участіемъ и очень деликатно. Но Мозалевскій, который перетрусилъ, когда его позвали къ коменданту, видя, что бѣда миновала, пришелъ съ разсказомъ, что будто бы комендантъ грозилъ ему, что будетъ впредь наказывать тѣлесно, Какъ ни нелѣпо было подобное обвиненіе, какъ ни противорѣчило оно всему поведенію коменданта и его дружескимъ отношеніямъ ко многимъ изъ насъ, но та партія, которая давно искала предлога къ непріязненному дѣйствію противъ коменданта, рѣшилась воспользоваться общею всегдашнею ще-

котливостью нашею въ отношеніи къ начальству, и, разгласивъ въ подтвержденіе словъ Мозалевскаго, что будто ихъ слышалъ и Сутговъ, одинъ изъ преданныхъ людей этой партіи, успѣла увлечь почти всѣхъ къ необдуманному рѣшенію прервать всѣ частныя сношенія съ комендантомъ и не ходить къ нему даже и тогда, когда онъ приглашаетъ кого нибудь къ обѣду. Такъ и сдѣлали; и первые приглашенные послѣ этого происшествія были такъ слабы, что не рѣшились ни протестовать противъ несправедливаго рѣшенія, какъ не основаннаго ни на какой повѣркѣ, ни откровенно объясниться предварительно съ комендантомъ, и придумали объяснить свой отказъ какими-то второстепенными предлогами, что, разумѣется, оставило все дѣло въ неясности и могло навсегда продлить недоразумѣніе.

Какъ ни сильно было необдуманное общее увлеченіе при этомъ случаѣ, однако же оно всетаки не могло быть иначе, какъ временное. Нашлось изъ нашихъ товарищей нѣсколько человѣкъ, которые вскорѣ немного обдумались. Главною причиною, которая способствовала наиболѣе тому, было то обстоятельство, что они вспомнили, что я не участвовалъ въ этомъ рѣшеніи, а между тѣмъ въ казематѣ издавна уже пріучились не считать никакого дѣла достаточно и правильно обсужденнымъ, пока не узнаютъ моего мнѣнія. Въ мелочахъ меня не тревожили, не рѣшаясь отвлекать меня отъ моихъ занятій, но въ важныхъ случаяхъ никогда до тѣхъ поръ не упускали, чтобы не спросить, какъ я о томъ думаю. Въ настоящемъ же случаѣ тѣмъ болѣе сожалѣли, что не посовѣтовались предварительно со мною, что не было никакого повода предполагать во мнѣ какое-либо пристра-

стіе къ коменданту, такъ какъ именно я одинъ изъ всего каземата не искалъ прежде сближенія съ нимъ и не принималъ отъ постороннихъ никакихъ приглашеній ни на обѣды, ни на вечера, а потому не бывалъ и у него, — и сверхъ того въ послѣднее время еще болѣе, нежели когда либо, преданъ былъ своимъ ученымъ занятіямъ, а потому никуда уже не ходилъ, даже къ своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ, подумавъ, что впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда, человѣкъ шесть моихъ товарищей, собравшись вмѣстѣ, пришли ко мнѣ разсказать все дѣло, узнать мое мнѣніе на счетъ его и спросить моего совѣта, какъ теперь поправить дѣло, если была ошибка со стороны каземата. Не принимая никогда участія ни въ какихъ сплетняхъ, я не имѣлъ понятія и о случившемся. Выслушавъ разсказъ, я спокойно спросилъ ихъ:

«Что подумали бы они о комъ нибудь изъ насъ самихъ, если-бы кто нибудь положился на слова Мозалевскаго, сказанныя насчетъ кого-либо изъ нашихъ товарищей, при томъ мнѣніи, какое всѣ мы имѣемъ о Мозалевскомъ? Не правда-ли, что всѣ закричали бы: да развѣ можно полагаться на слова такого негодяя, да еще безъ провѣрки? Почему же относительно коменданта нарушена была та общая по крайней мѣрѣ справедливость не осуждать человѣка, не выслушавъ его предварительно?»

«Да какъ-же спросить его было,» отвѣчали мнѣ, «и кто могъ бы рѣшиться спрашивать? И притомъ вѣдь мы не на одни слова Мозалевскаго положились, — Сутговъ тоже слышалъ ихъ.»

«Стало быть, Сутговъ былъ тамъ въ комнатѣ?»

«Нѣтъ, но онъ слышалъ, стоя у дверей.»

«Господа,» сказалъ я, «не говоря уже о томъ, что подслушивая и притомъ съ оглядкою и со стра-

хомъ, чтобы кто-нибудь этого не замѣтилъ, всегда легко ослышаться, я никогда не повѣрю свидѣтельству человѣка, способнаго подслушивать. А что касается до того, что не нашлось никого, кто бы рѣшился откровенно и честно объясниться съ комендантомъ, я на то рѣшаюсь и сейчасъ же иду къ нему.»

Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлалъ, и, разумѣется, дѣло разъяснилось такъ, какъ изложено было мною выше. Комендантъ не зналъ, какъ и благодарить меня, товарищамъ моимъ было очень стыдно, и они начали складывать вину одинъ на другого; мало по-малу, одинъ за другимъ, начали снова заискивать сближенія съ комендантомъ; но, разумѣется, прежнія отношенія уже не могли быть возобновлены.

Между тѣмъ все это не могло пройти даромъ для коменданта. Онъ былъ человѣкъ необыкновенно полнокровный и впечатлительный. Душевное волненіе вслѣдствіе незаслуженной несправедливости и долгаго напряженія, чтобы разгадать причину внезапной перемѣны отношенія къ нему породили сильное воспаленіе, составившее при чрезвычайномъ полнокровіи смертельную болѣзнь. Между тѣмъ при комендантѣ не было никакого близкаго и надежнаго ему человѣка. Какъ ни дорожилъ я, особенно въ послѣднее время, своими занятіями, но мнѣ казалось совершенно противнымъ долгу человѣколюбія оставить человѣка въ такомъ безпомощномъ положеніи. Было крайне необходимымъ не только наблюдать за точнымъ исполненіемъ докторскихъ предписаній, но и охранять его собность отъ расхищенія прислуги. Поэтому, я уговорилъ товарища моего Швейковскаго, который до вышеописаннаго происшествія былъ ближе всѣхъ

знакомъ съ комендантомъ, но по слабости уступилъ всеобщему увлеченію и тоже не пошелъ обѣдать по приглашенію, отбросивъ ложный стыдъ передъ товарищами, отправиться вмѣстѣ со мною въ домъ коменданта и взять въ свои руки и заботы о больномъ и наблюденіе за домомъ. Такимъ образомъ, мы съ нимъ чередовались день и ночь при больномъ, а какъ Швейковскій съ трудомъ переносилъ ночное сидѣнье, то въ самые трудные кризисы мнѣ приходилось проводить и по двѣ ночи сряду.

Впослѣдствіи комендантъ любилъ открыто свидѣтельствовать, что не столько лѣченье, сколько мои заботы спасли ему жизнь. Вслѣдствіе обоихъ этихъ случаевъ — развязки недоразумѣнія съ казематомъ и пособія, оказаннаго ему во время болѣзни, уваженіе и признательность его ко мнѣ не знали границъ и тѣмъ болѣе, что я и слышать не хотѣлъ ни о какомъ знакѣ его благодарности, ни о вещественномъ, ни о ходатайствѣ передъ правительствомъ, чтобы что нибудь сдѣлать для меня, на что онъ не разъ пытался выпросить у меня позволеніе. Не успѣвъ ни въ чемъ, онъ тѣмъ болѣе за то показывалъ мнѣ довѣрія и съ тѣхъ поръ не только у него не было никакой тайны отъ меня, но онъ уже рѣшительно не дѣлалъ ничего, не посовѣтовавшись со мною. Это дало мнѣ возможность сдѣлать кое-что полезное, при чемъ одинъ случай еще болѣе усилилъ его довѣріе ко мнѣ, не только уже по дѣламъ управленія его, но и по отношенію къ правительству. Ни въ одной изъ тѣхъ амнистій, которыя были обнародованы относительно насъ, не упоминалось о тѣхъ лицахъ, которые, какъ показано выше, попали въ казематъ случайно. Между тѣмъ срокъ нашего разряда приближался,

и, по отправленіи его, тѣмъ лицамъ пришлось бы оставаться въ казематѣ однимъ и безъ всякихъ средствъ. Я посовѣтовалъ коменданту сдѣлать о нихъ представленіе и просить, чтобы и ихъ отпустили съ нашимъ разрядомъ.

«Что вы это, Д. И., Богъ съ вами,» сказалъ онъ мнѣ даже съ испугомъ, «кто осмѣлится дѣлать такое представленіе Государю? Онъ скажетъ, что я вздумалъ его учить, да еще въ политическомъ дѣлѣ, — и мнѣ Богъ знаетъ какъ достанется за это.»

Я доказывалъ ему, напротивъ, что ему будутъ благодарны, что объ этихъ лицахъ, вѣроятно, забыли, и что Государь будетъ, напротивъ, доволенъ, что онъ ему доставитъ случай выказать милость по политическому дѣлу, тогда какъ это ничего не стоитъ, и лица эти вовсе не политическія. Долго впрочемъ не рѣшался онъ на это, но наконецъ уступилъ моимъ настояніямъ и со страхомъ и трепетомъ сдѣлалъ представленіе, ожидая съ крайнимъ безпокойствомъ отвѣта. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ и совершенно такой, какой я предвидѣлъ: Государь велѣлъ благодарить коменданта за то, что тотъ доставилъ ему случай выказать его милосердіе. Амнистія для вышесказанныхъ лицъ была подписана въ день причащенія Государя Св. Т. — Комендантъ былъ несказанно радъ и крѣпко благодарилъ меня, а товарищи мои, завидовавшіе моему вліянію на него, увидѣли теперь, на что я употребляю это вліяніе, тогда какъ они искали сближенія съ комендантомъ единственно для своего удовольствія или выгоды.

Самое послѣднее время нашего пребыванія въ казематѣ ознаменовано было сильнымъ стремленіемъ къ женитьбѣ, но почти всѣ предпріятія этого рода рушились, потому что всѣ основаны были на

подражаніи и тщеславіи. Надо сказать, что ни родные моей невѣсты, ни я самъ, хоть не имѣли никакой причины таить наше намѣреніе, но не имѣли повода и разглашать о немъ. Однако подъ конецъ нашего пребыванія въ казематѣ оно сдѣлалось извѣстнымъ и возбудило зависть особенно въ людяхъ тщеславныхъ. Двѣ бывшія до тѣхъ поръ свадьбы въ казематѣ, — Анненкова, освятившая только прежнюю связь его, и Ивашева, гдѣ всѣ знали, что невѣста куплена за большія деньги, не представляли, разумѣется, ничего лестнаго для тщеславія. Но очень многимъ хотѣлось имѣть возможность похвастаться, что и для нихъ нашлись невѣсты, рѣшившіяся выдти за нихъ, когда они еще были въ казематѣ. Что разсчетъ былъ чисто изъ одного тщеславія, доказывало лучше всего нетерпѣніе, потому что при выходѣ на поселеніе женитьба не представляла никакого затрудненія (какъ показывалъ опытъ нашихъ же товарищей, которые почти всѣ переженились, вышедши на поселеніе), а до выхода оставался очень небольшой срокъ; и притомъ дѣло на поселеніи могло быть устроено гораздо обдуманнѣе. Поэтому-то всякому благоразумному человѣку ясно было видно, что изъ этого увлеченія къ женитьбѣ ничего путнаго не выйдетъ.

И какъ ни съ той, ни съ другой стороны не было ни искренности въ побужденіяхъ, ни разумной и возвышенной цѣли, то дѣло обыкновенно начиналось торговлею. Наши товарищи старались увлечь обѣщаніемъ выгодъ, а родители невѣстъ высматривали, которая женитьба представитъ болѣе денежной выгоды. На этомъ основаніи одна дѣвица, дочь заводскаго доктора Янчуковскаго, бывшая формальною уже невѣстою Николая Крюкова (меньшаго брата) перешла къ Сутгову (и это была единствен-

ная состоявшаяся свадьба); невѣста Свистунова, дочь заводскаго чиновника Занодворова, отказалась послѣ того, какъ была уже два мѣсяца объявленною невѣстою, потому что родители потребовали еще нѣсколько тысячъ прибавки; свадьба Тютчева также разошлась, потому что онъ не могъ представить того обезпеченія, какого требовала мать невѣсты и пр. и пр.

Все это производило въ послѣднее время въ казематѣ нескончаемыя интриги, въ которыхъ особенное участіе принимали дамы. Жизнь каземата представляла необычайную суматоху и наполнилась скандалами, служившими неисчерпаемымъ источникомъ сплетень. Казематъ, представлявшій до сихъ поръ отдѣльный міръ, вносившій нравственнымъ вліяніемъ новыя понятія и чувства въ міръ внѣшній, сталъ видимо сливаться съ нимъ и подчиняться самъ его будничной жизни. Все предвѣщало близкій конецъ, и можно сказать навѣрное, что съ прекращеніемъ вещественной необходимой связи между нами, общимъ пребываніемъ въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ казематѣ, послѣдовало бы и нравственное разложеніе того коллективнаго существа, которое обозначалось подъ общимъ именемъ каземата, если бы не тѣ, основанныя мною учрежденія, которыя продлили нравственную жизнь каземата далеко за предѣлы административнаго существованія его, и о которыхъ будетъ сказано въ обозрѣніи развитія внутренней жизни каземата.

Наступило время разъѣзда; но правительство и тутъ замедлило отдать приказаніе во-время. Казалось-бы, что когда существовалъ опредѣленный закономъ срокъ, то нечего было бы ожидать разрѣшенія того, что само собою слѣдовало по закону. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Генералъ-губерна-

торъ не рѣшился отправить насъ до полученія разрѣшенія изъ Петербурга; а чрезъ то разъѣздъ послѣдовалъ вмѣсто 10-го іюля, какъ слѣдовало по закону, только 27-го, что для многихъ, которымъ слѣдовало ѣхать далеко, составило существенную разницу, потому что протягивало проѣздъ до осенней распутицы; и это задержка всѣхъ вообще тѣмъ была страннѣе, что разрѣшило же само правительство отправить четверыхъ больныхъ изъ нашихъ товарищей на воды, ранѣе даже срока, чтобы не пропустить времени лучшаго дѣйствія водъ. Для меня это тоже было не маловажно, потому что замедлило на цѣлый мѣсяцъ мою свадьбу.

Я одинъ только отправлялся на востокъ въ Читу ; немногіе остались за Байкаломъ въ Верхнеудинскомъ округѣ (одинъ остался въ самомъ Петровскомъ заводѣ); большая же часть отправилась въ сопровожденіи адъютанта генералъ-губернатора въ Иркутскъ, около котораго многіе и были поселены. Нѣсколько человѣкъ отправились въ Енисейскую и Тобольскую губернію. Поселеніе въ послѣдней считалось особенною милостію, по ходатайству извѣстныхъ лицъ.

Въ Иркутскъ отправились всѣ вмѣстѣ цѣлымъ караваномъ, что, разумѣется, очень замедлило путешествіе. Подводы и лошади выставлялись земскимъ нарядомъ. Впрочемъ экипажи у всѣхъ почти были собственные. Переѣздъ черезъ море представилъ также не мало затрудненій, такъ какъ въ то время на Байкалѣ не существовало еще пароходовъ. Я одинъ отправился по подорожной, потому что платилъ самъ прогоны, и, желая взять съ собою всю свою библіотеку, ѣхалъ въ двухъ повозкахъ на почтовыхъ. Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о зда-

нiи каземата и домовъ, которые настроили наши товарищи въ Петровскомъ заводѣ. Дома почти всѣ были скуплены казною за безцѣнокъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ. Мелкія постройки наши (баня, мастерскія и пр.) розданы были служившимъ при насъ людямъ. Въ казематѣ помѣстили простыхъ ссыльныхъ, а потомъ поляковъ. Въ недавнее время онъ сгорѣлъ; впрочемъ и безъ того онъ не простоялъ бы долго, потому что еще въ наше пребываніе онъ сталъ уже разрушаться вслѣдствіе дурной постройки. Самый же заводъ очень много выигралъ отъ нашего тамъ пребыванія. Не говоря о новой церкви и цѣломъ кварталѣ, построенномъ нами, пребываніе наше заставляло обращать на него постоянное вниманіе и этому обязанъ онъ былъ, что всѣ механическія заведенія были заново отстроены. Наконецъ, тѣ средства, которыя извлекали жители изъ огромныхъ суммъ, пущенныхъ нами въ обращеніе, и изъ улучшенія мастерства обученіемъ въ казематѣ, доставлявшемъ заказы изъ другихъ мѣстъ, дали возможность жителямъ лучше обстроиться и улучшить свой бытъ, хотя, конечно, въ замѣну того ввели много пустой роскоши и моды изъ подражанія. Почтовая контора, учрежденная по случаю нашего пребыванія, осталась и послѣ насъ, а садъ, устроенный Лепарскимъ, также сохранился, потому что поддерживать его взяла на себя казна, т. е. заводское управленіе.

XI.

Чтобы образовать ту общественную жизнь, которая проявилась въ казематѣ, нужно было такое

необычайное соединеніе и такихъ притомъ рѣдкихъ, самихъ по себѣ, условій, что подобное явленіе едва-ли и можетъ когда либо повториться; а потому-то казематская общественная жизнь и представляла собою явленіе, вполнѣ заслуживавшее внимательнаго наблюденія и изученія. Это былъ безспорно живой организмъ полнаго, всесторонняго начала, прошедшій всѣ фазисы развитія разумной органической жизни, и который, по тождеству дѣйствующихъ началъ съ общечеловѣческими въ ихъ полнотѣ, представлялъ аналогическія явленія съ развитіемъ всего общечеловѣческаго общества, и давалъ поэтому мыслящему человѣку возможность собственнымъ, единоличнымъ наблюденіемъ надъ живыми явленіями узнавать и провѣрять то, что иначе стараются, но напрасно, добыть или изъ отвлеченнаго мышленія, подверженнаго всѣмъ недостаткамъ, порождаемымъ отсутствіемъ живаго собственнаго наблюденія, или изъ историческаго свидѣтельства разныхъ лицъ, со всѣми неудобствами, которыя представляютъ разрозненныя наблюденія, т. е. отсутствіемъ общаго взгляда, неполнотою, односторонностію и неизбѣжнымъ вліяніемъ разныхъ личныхъ понятій и способностей разныхъ историковъ въ разныя эпохи.

Здѣсь же, чрезъ самое сосредоточеніе явленій, какъ бы въ фокусѣ, чрезъ самую сжатость ихъ въ пространствѣ и времени, доступныхъ наблюденію одного лица, сжатость, неизмѣнявшую однако же нисколько ихъ качественности, — давалась полная возможность и одному лицу и обнимать вполнѣ всѣ одновременныя явленія и совершить наблюденіе за всѣмъ ходомъ постепеннаго историческаго развитія всѣхъ началъ и идей, отъ самаго зарожденія и появленія ихъ до конца, съ тѣмъ един-

ствомъ взгляда и общею связью, которыя возможны только при наблюденіи явленія однимъ лицомъ.

Насильственно устраненное отъ внѣшней дѣятельности казематское общество имѣло въ замѣну того полную свободу для внутренняго развитія, и, кромѣ того, имѣло еще и то преимущество надъ всѣми другими человѣческими обществами, что въ немъ по самому отсутствію матеріальной понудительной силы и внѣшнихъ вліяній на внутреннее развитіе, вліяній, преграждающихъ и искажающихъ въ другихъ обществахъ естественный ходъ и правильное развитіе событій, всѣ явленія могли истекать, подобно какъ въ цѣломъ человѣчествѣ, только изъ дѣйствія исключительно нравственныхъ силъ, а потому и могло имѣть ту полноту и правильность, какія представляетъ одна только совокупность всего человѣчества. Поэтому-то казематское общество, завершивъ полный кругъ жизни относительныхъ началъ, что далеко еще не кончено для всеобщей исторіи, и могло дать указаніе для тѣхъ будущихъ явленій, которыя, не будучи еще осуществлены во всеобщихъ событіяхъ, совершились уже между тѣмъ въ законченной казематской жизни; и показавъ на опытѣ естественный и неизбѣжный исходъ всякаго относительнаго начала, показали тѣмъ самымъ въ приложеніи и къ будущимъ общимъ событіямъ, что можно, и чего нельзя ожидать отъ каждаго начала, отъ каждой идеи, отъ каждаго дѣйствія и мѣры, ограждая такимъ образомъ отъ самообольщенія и надеждъ на дѣйствительность, основанныхъ на этомъ самообольщеніи мѣръ, во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности.

Само собою разумѣется, что кругъ жизни, сжатый, какъ мы сказали выше, въ тѣсномъ объемѣ небольшаго числа лицъ и краткаго времени (какъ

ни дологъ казался 13-ти лѣтній срокъ для судебъ личной участи отдѣльнаго лица) могъ представлять всѣ событія и явленія только въ сокращенномъ видѣ; но это, какъ и сказали мы выше, нисколько не измѣняло внутренняго свойства ихъ, и давало поэтому возможность узнавать законы, ими управлявшіе, съ такою же точностію и полнотою, съ какими узнаются общіе законы силъ природы изъ физическихъ явленій, независимо отъ количественнаго ихъ значенія, лишь бы дѣйствія этихъ силъ проявлялись безпрепятственно и поэтому вполнѣ. Вся задача состоитъ слѣдовательно только въ благопріятныхъ условіяхъ и въ умѣньи выбирать удобныя для наблюденія явленія.

Конечно, вслѣдствіе сокращенности объема и времени, цѣлыя эпохи въ развитіи общей исторіи измѣрялись въ казематскомъ обществѣ только годичною и мѣсячною продолжительностью; цѣлыя религіозныя вѣрованія, умственныя системы и ученія и политическія существованія имѣли иногда представителями одну личность, но преемство и послѣдовательность событій были совершенно правильны и совершались по тѣмъ же непреложнымъ нравственнымъ законамъ, какъ и въ общеисторическихъ событіяхъ, такъ какъ проявленіе всякаго начала было совершенно свободно, и потому было всегда вполнѣ точно, ясно и закончено. А что внѣшній размѣръ не имѣетъ преобладающей важности для качественныхъ проявленій, это доказано и въ исторіи на примѣрѣ Греціи, гдѣ на ничтожномъ сравнительно пространствѣ и въ краткій промежутокъ времени вмѣстилась такая качественная полнота событій, какой не представили въ другихъ мѣстахъ и тысячи лѣтъ существованія и сотни милліоновъ дѣйствующихъ лицъ.

Но можетъ статься, что спросятъ: какое доказательство, какая повѣрка правильности такого взгляда на значеніе казематскаго общества? Отвѣчаемъ, что въ защиту этого взгляда могутъ быть представлены и теоретическое соображеніе и практическая повѣрка. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія въ своемъ развитіи, въ своемъ истинномъ движеніи во времени должна управляться такими же непреложными законами, какими управляются явленія міра вещественнаго въ своихъ проявленіяхъ въ пространствѣ. Безъ этого всякое изученіе исторіи было бы безплодно, точно такъ, какъ безъ знанія этого закона, безъ открытія его, вся исторія необходимо должна представлять такую же путаницу, такой же хаосъ, какіе представлялъ и міръ видимый, когда, до открытія всеобщихъ законовъ истиннаго движенія, вынуждены были для объясненія путаницы видимыхъ движеній накоплять и усложнять второстепенные законы, для поясненія непостигаемыхъ уклоненій, не подходившихъ подъ законъ, прежде предполагавшійся и служившій до того объясненіемъ. Но если въ мірѣ вещественномъ могутъ существовать въ пространствѣ явленія, дающія возможность открывать законы, общіе для всей необъятности пространства, то почему же и въ мірѣ историческомъ не могутъ случиться во времени такія явленія, которыя, прообразуя собою цѣлое, дають возможность изъ наблюденія ихъ раскрывать законы цѣлаго? Вѣдь если законы эти существуютъ, то должны существовать и средства открыть ихъ.

Что-же касается до практической повѣрки, то я могу сказать только то, что съ тѣхъ поръ, какъ общіе законы раскрыты были мною и провѣрены изученіемъ казематской жизни, не было еще ни одного событія общеисторической жизни, которое

не было бы разгадано мною въ сущности его начала, и послѣдствія котораго не были бы предвидѣны мною въ ихъ исторической неизбѣжности, какъ и имѣли случай убѣдиться въ томъ всѣ тѣ, которые, когда это было нужно, получали мои указанія, разумѣется, если того требовала общая польза а не эгоистическій чей интересъ, потому что, не употребляя знанія своего для своего личнаго интереса, не допуская себя обращать его даже на служеніе тщеславію, выказывая и доказывая справедливость моего предвидѣнія, я не могъ и не хотѣлъ, конечно, служить этимъ знаніемъ и чуждой симоніи, разумѣя ее въ ея общемъ смыслѣ, въ желаніи пріобрѣсть истину для торговыхъ, такъ сказать цѣлей, личнаго интереса, тщеславія и наслажденія. Извѣданную и добытую мною истину я передавалъ и могъ передавать только тѣмъ, кто представлялъ ручательство, что не употребитъ ее для личныхъ цѣлей, и только тамъ, гдѣ для возвѣщенія и приложенія къ дѣлу требовалось еще напротивъ отъ человѣка пожертвованіе личными цѣлями.

Такъ какъ въ казематѣ были соединены люди всѣхъ возможныхъ общественныхъ положеній, всѣхъ возможныхъ спеціальностей по образованію, и, слѣдовательно, вполнѣ знакомые со всѣмъ, что исторія человѣчества представляла для знанія; люди сверхъ того, по самому стремленію къ преобразованію общества, привыкшіе думать объ отысканіи правильныхъ основныхъ началъ и стараться приложить ихъ къ жизни и дать преобладаніе тому, что имъ казалось правильнымъ, то понятно, что все, что только было извѣстно въ человѣчествѣ какъ истинное и ложное, какъ хорошее и дурное, имѣло въ казематскомъ обществѣ своихъ представителей

и какъ идея, и какъ сила и средства, стремящіяся къ осуществленію идеи. Всѣ начала и системы религіозныя, философскія, политическія, общественныя (соціальныя), экономическія проявлялись и въ законныхъ ихъ требованіяхъ и въ неправильныхъ притязаніяхъ. Черезъ книжное изученіе и журнальное чтеніе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ всѣ явленія общечеловѣческой жизни, со всѣми ихъ толкованіями съ точки зрѣнія разныхъ понятій, чувствъ, интересовъ, усвоились и входили всецѣло въ кругъ умственной и нравственной жизни каземата; и для защиты своей идеи имѣлись у каждаго такія вспомогательныя умственныя средства, какими не только ни одинъ частный человѣкъ не можетъ лично располагать въ другомъ какомъ либо обществѣ, но какихъ не могутъ представить даже и общественныя учрежденія въ частное пользованіе отдѣльнаго лица.*) Съ другой стороны, постоянное живое общеніе устраняло невыгоды и опасности кабинетнаго изученія и умствованія, охраняя отъ односторонности мышленія и незамѣчаемой часто самими людьми нелогичности выводовъ изъ ихъ собственныхъ началъ и основаній. При общемъ и ежедневномъ обсужденіи всего всякій шагъ въ развитіи всякаго начала или идеи долженъ былъ быть взятъ, такъ сказать, съ бою; всякое развитіе непремѣнно должно было совершаться логически, иначе всякая непо-

---

*) Выше было упомянуто объ огромной библіотекѣ по выпискѣ на чрезвычайно большую сумму не только періодическихъ изданій, но и всѣхъ вновь выходящихъ замѣчательныхъ сочиненій по всѣмъ спеціальностямъ и на всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ языкахъ, что при небольшомъ числѣ пользующихся и при единствѣ помѣщенія представляло такъ сказать подъ рукою у каждаго всю библіотеку, чего, конечно, нельзя надѣяться никому имѣть нигдѣ.

слѣдовательность сейчасъ же была обличаема; а вслѣдствіе этого всякое начало или идея, въ случаѣ ихъ ложности или предъявленія абсолютнаго требованія, т. е. перехода за предѣлы относительнаго значенія, были вынуждены доходить до крайняго односторонняго вывода, а защитники или представители ихъ или сознавать ложность основаній и отступиться отъ нихъ, или признавать очевидную нелѣпость.

При постоянномъ и разнородномъ наблюденіи всего и всѣми ни одно явленіе общественной жизни, съ самыми тонкими его оттѣнками, не могло укрыться ; при постоянномъ обсужденіи всего, и, притомъ, въ такихъ условіяхъ, какія въ другихъ мѣстахъ возможны только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. въ судѣ, т. е. съ возможностію повѣрки каждаго факта, каждаго свидѣтельства, весь ходъ и характеръ всякаго событія, всякаго предпріятія, всякаго побужденія вполнѣ выяснялся отъ самаго его зарожденія до окончательнаго результата; и судъ этотъ имѣлъ еще и то достоинство, что будучи лишенъ матеріальной силы, дающей возможность поползновенію прилагать насиліе вмѣсто логики и доказательствъ разумнаго убѣжденія, онъ былъ чисто нравственный, и, слѣдовательно, изъятый отъ опасности искаженія неправильными явленіями. Поэтому то въ казематѣ для человѣка умѣющаго и желающаго наблюдать и было такъ легко прослѣдить естественный ходъ всякаго явленія, невозмущаемый никакими внѣшними вліяніями, а потому и обнаруживавшій вполнѣ и ясно дѣйствительные законы, управляющіе явленіями, вслѣдствіе чего и выводы, дѣлаемые изъ этихъ законовъ, могли быть вполнѣ правильными, какими они и оказывались

всегда въ дѣйствительности при повѣркѣ ихъ послѣдующими событіями.*)

Въ началѣ соединенія нашего въ Читѣ казематское общество, какъ и всякое зарождающееся только общество, представляло то младенческое состояніе, которое называютъ обыкновенно патріархальнымъ и семейнымъ, и въ которомъ все основывается на непосредственномъ ощущеніи и чувствѣ, служащихъ поэтому преимущественно побудительными причинами или двигателями и общественныхъ явленій. Подъ вліяніемъ условій самаго положенія, подъ вліяніемъ чувства пожертвованія собою для общаго блага, признаваемаго всѣми за обязанность

---

*) Общечеловѣческія относительныя начала, проявленіе и развитіе которыхъ составляетъ истинный, внутренній смыслъ исторіи, опредѣляющій значеніе и внѣшнихъ событій, заключаются, конечно, и проявляются и въ каждомъ человѣкѣ, потому что и въ цѣломъ человѣчествѣ не можетъ быть иныхъ силъ и условій, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но въ послѣднемъ они, по вліянію внѣшнихъ условій, не могутъ, однако, проявляться въ полнотѣ, во всесторонности и законченности, хотя и бываютъ иногда такія благопріятныя сочетанія условій, что и отдѣльный человѣкъ служитъ самымъ лучшимъ представителемъ цѣлой идеи, цѣлаго народа, цѣлой эпохи, на чемъ и основывается ученіе о великихъ людяхъ. Съ другой стороны, условія, стѣсняющія проявленіе началъ и идей въ отдѣльномъ лицѣ, выравниваются въ существахъ коллективныхъ (собирательныхъ), т. е. въ цѣлой эпохѣ, въ цѣломъ обществѣ, религіозномъ, политическомъ (народѣ) и пр., откуда происходитъ ученіе о такъ называемомъ «среднемъ», отвлеченномъ человѣкѣ, изображающемъ въ себѣ всѣ условія даннаго общества или эпохи. Но и всякое общественное тѣло и всякая эпоха составляютъ только части цѣлаго человѣчества, а потому и не могутъ имѣть полноты или совокупности всѣхъ относительныхъ началъ, что можетъ быть принадлежностью только полнаго человѣчества и такихъ явленій, которыя, какъ казематское общество, имѣли по особеннымъ обстоятельствамъ возможность преобразовать его и по полнотѣ своихъ началъ и по законченности своего развитія, а, слѣдовательно, и развитія этихъ началъ въ немъ.

и приведшаго въ это положеніе, естественно, что преобладающими и руководящими началами были съ одной стороны инстинктивное признаніе необходимости смягчить нравственными условіями (уступчивостью, вниманіемъ другъ къ другу) тягость матеріальнаго положенія, безъ чего жизнь была бы невыносимою ни для кого. Съ другой стороны, напряженное чувство благорасположенія къ людямъ, выказавшимъ себя съ хорошей стороны своимъ самопожертвованіемъ, чувство, усиленное еще радостью свиданія и естественнымъ удовольствіемъ сообщества, послѣ одиночнаго заключенія, давшаго людямъ узнать всю цѣну и необходимость сообщества своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, все благопріятствовало преобладанію чувства, и тѣмъ болѣе, что ничто еще изъ того, что обыкновенно подавляетъ его и отвращаетъ отъ людей, никакія эгоистическія цѣли не могли еще проявляться уже и по одному тому, что лишены были всякихъ средствъ для возможности своего осуществленія.

Поэтому-то, въ эту эпоху, все дѣлалось въ казематскомъ обществѣ, всѣ даже общественные вопросы рѣшались порывами, увлеченіемъ чувства, но ни свойство самого чувства, ни основанія его въ побужденіяхъ къ какому либо дѣйствію не были ни изслѣдованы, ни провѣрены. Какъ и вездѣ, гдѣ берется въ основаніе исключительно одно чувство, одно влеченіе, ведущія всегда къ тому ослѣпленію, которое даже вещи самой непостоянной, какъ напр. страсти придаетъ значеніе силы вѣчной и неизмѣняемой, такъ и въ казематѣ слишкомъ полагались на побужденія чувства вообще, отъ того только, что довѣряли благородству и чистотѣ патріотизма, любви къ свободѣ и ко благу человѣчества, запечатлѣннымъ, какъ говорили, такими жертва-

ми,*) но забывали при этомъ, что чувство вообще, какъ и всякая относительная сила и способность, можетъ искажаться, прилагаясь къ недостойнымъ цѣлямъ, или опираясь на ошибочныя основанія; можетъ легко смѣшиваться при недостаточномъ изслѣдованіи съ чувственными скрытыми эгоистическими побужденіями, можетъ быть основано на самообольщеніи, на предполагаемыхъ только условіяхъ, на воображеніи, принимающемъ мнимое за дѣйствительно-существующее.

Вслѣдствіе этого, когда возникали вопросы не только о томъ, какъ должно разумѣть истинный патріотизмъ и истинную свободу, но даже о томъ, какія разумныя слѣдствія должно выводить изъ общаго чувства благорасположенія къ товарищамъ, изъ желанія добра имъ и отъ нихъ, въ приложеніи къ каждому лицу, къ своей общинѣ, къ отечеству наконецъ; какіе признаки давали ручательство въ дѣйствительности и правильности чувства; на какихъ основаніяхъ оно можетъ прочно утвердиться и удержаться; какія прочныя мѣры для этого должны быть заблаговременно принимаемы; въ чемъ даже состояли законныя требованія въ вещественномъ отношеніи, что должно было удовлетворять и чего не слѣдовало, для самой прочности обезпеченія, для самаго сохраненія взаимнаго благорасположенія, устраненіемъ причинъ къ раздору; однимъ словомъ, какъ установить сознательно взаимныя отношенія, какъ дать устройство общинѣ, и какъ должны поступать мы для достиженія всѣхъ разумныхъ и обязательныхъ для насъ цѣлей, для

*) «Помилуйте,» возражали на мои предостереженія, «неужели могутъ проявиться эгоистическія чувства у людей, которые всѣмъ пожертвовали?»

личнаго обезпеченія каждаго, для спокойнаго развитія общины и для продолженія служенія отечеству, дѣйствуя примѣромъ на внѣшнихъ, то по всѣмъ этимъ вопросамъ не только не хотѣли давать себѣ отчета, но и сердились на тѣхъ, кто говорилъ о необходимости этого; сердились, какъ на сомнѣвающихся въ «прочности»*) чувства и въ воз-

*) Ничто такъ часто не слышится, какъ жалобы на отсутствіе чувства въ обществѣ и въ семьѣ, и на непостоянство и непрочность чувства даже въ сильнѣйшемъ его проявленіи — въ любви между мужчиною и женщиною, но удивляться, кажется, тутъ нечему. Все это и должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что во первыхъ, при воспитаніи чувство въ истинныхъ, искреннихъ, самостоятельныхъ его проявленіяхъ обыкновенно даже подавляется, а стараются возбуждать ложныя чувства, источникомъ которыхъ большею частію бываетъ тщеславіе, лицемѣріе и пр., а во вторыхъ, въ самыхъ понятіяхъ о чувствѣ, въ идеѣ его, не разъясняются истинные признаки истиннаго или дѣйствительнаго чувства, которое можетъ и должно имѣть влеченіе не къ вещественному предмету, не къ внѣшнему виду его, быстро измѣняющемуся, не къ отвлеченному понятію, не осуществляемому никогда дѣйствительностью, и потому неизбѣжно разрушаемому опытомъ, а къ нравственнымъ достоинствамъ и красотѣ. Отъ неуясненія себѣ всего этого принимается за чувство постоянно то, что не только есть истинное чувство, но еще несовмѣстимо съ нимъ и даже противоположно ему, а именно во первыхъ, чувственное возбужденіе, разрушаемое неизбѣжно не только измѣненіемъ внѣшнихъ условій (болѣзнію, устареніемъ, тяготою недостатка и пр.), но и самымъ удовлетвореніемъ, если не поддерживается истиннымъ чувствомъ; во вторыхъ, обольщеніе воображенія, также неизбѣжно разрушаемое опытомъ, какъ сказано выше. Истинное же чувство не можетъ не быть прочно, не можетъ даже не усиливаться со временемъ, потому что основывается на неизмѣнныхъ основаніяхъ, и потому что время усиливаетъ само по себѣ всякое правильное отношеніе.

Поэтому-то напр. христіанство, ставя всегда истиннымъ выраженіемъ истиннаго чувства между мужчиною и женщиною только бракъ, ставило главнымъ основаніемъ брака честное исполненіе долга въ обязательствѣ или договорѣ, заключенномъ свободно «на основаніи разумнаго выбора», т. е. въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ истинное чувство возможнымъ, съ несомнѣнною увѣренностью, что гдѣ будутъ условія для возможности истиннаго чувства, тамъ при обоюдномъ ис-

можности идеальнаго устройства, которое, по мнѣнію большинства, считалось осуществившимся будто бы уже въ казематскомъ обществѣ, и не нуждалось ни въ какомъ изслѣдованіи основаній, ни въ какомъ сознательномъ опредѣленіи отношеній.

Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, независимо отъ знанія, пріобрѣтаемаго каждымъ обще-

---

полненіи долга оно непремѣнно явится, какъ необходимое послѣдствіе, составляющее неотъемленную принадлежность всякаго разумнаго рѣшенія и дѣйствія, удовлетворяющихъ нашу совѣсть и тѣмъ подготовляющихъ лучшее основаніе, лучшую почву для истиннаго чувства, душевное удовлетвореніе и спокойствіе. Надо сказать, что всѣ эти изслѣдованія не только не излишни при изслѣдованіи общественныхъ основаній, но имѣютъ живую непосредственную связь съ нимъ. Безъ преобразованія человѣкомъ самого себя невозможно правильное устройство и семьи, а безъ правильнаго устройства семьи невозможно и правильное устройство общества.

Въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ правильнаго понятія о высшемъ проявленіи чувства, не можетъ быть правильнаго понятія о чувствѣ вообще, а слѣдовательно и никакого правильнаго чувства, ни истиннаго патріотизма, ни любви къ свободѣ, ни справедливости и пр., и это по высшему закону единства духа, не допускающаго смѣсь истины съ ложью, поэтому идея о бракѣ и была всегда ликомъ для означенія общественнаго состоянія. И когда мы говорили выше о свободномъ договорѣ для основанія семьи, то разумѣли, какъ разумѣетъ это и христіанство, свободномъ не только отъ внѣшняго насилія, но и отъ ослѣпленія страсти, всегда переходящаго, какъ и все ложное, въ реакцію противоположности и отъ разсчетовъ корысти всегда ненадежныхъ. Къ несчастію, ничто не затемнено до такой степени не только обычаемъ, но и литературою, какъ основаніе семьи. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли, что въ обычныхъ дѣлахъ люди стараются имѣть дѣло всегда съ честными людьми, которыхъ могутъ уважать потому, что на нихъ можно положиться; а съ другой стороны, заключивъ свободно договоръ, считаютъ для себя дѣломъ чести, дѣломъ обязательнымъ исполнить его, хотя бы впослѣдствіи онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и оказался бы невыгоднымъ. Въ дѣлѣ же брака, напротивъ, не видимъ-ли мы постоянно, съ какимъ легкомыслiемъ соединяются люди, не только безъ всякихъ основаній для взаимнаго уваженія, безъ котораго никакое истинное чувство немыслимо, но и съ заднею мыслью

ствомъ, какъ и каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, путемъ собственнаго опыта, всегда существовало еще внѣшнее, такъ сказать, знаніе; было ли то въ видѣ откровенія или преданія, которому приписывалось божественное происхожденіе, или являлось оно, какъ плодъ вдохновенія или мудрости отдѣльнаго лица, соединившаго въ себѣ особенныя, благопріятныя для того условія, вслѣдствіе чего это лицо являлось, смотря по обстоятельствамъ, или пророкомъ,*) обличителемъ, удерживающимъ отъ зла, или законодателемъ, предупреждающимъ зло и направляющимъ общество къ извѣстной цѣли; однимъ словомъ, имѣющимъ для общества то значеніе, какое родители и наставники имѣютъ относительно отдѣльнаго лица, передавая ему преданіе и знанія, почерпнутыя не изъ его опыта. Очень понятно, что такое знаніе и указаніе для того, чтобы имѣть вліяніе, чтобы представляться авторитетомъ, не можетъ ограничиться однимъ отрицаніемъ и критикою, не можетъ проявляться только, какъ отвлеченіе, но должно указывать и положительныя цѣ-

---

возможности неисполненія обязанности. Послѣ этого удивляться должно не тѣмъ послѣдствіямъ, какія одни только неизбѣжно изъ этого и могутъ происходить, а тому, что могутъ удивляться такимъ послѣдствіямъ, которыя всегда можно представить напередъ. Къ сожалѣнію, литература запутала вопросъ тѣмъ, что каждая сторона обвиняла противную, противопоставляя ей такія основанія, въ которыхъ именно и заключалось въ сущности то самое, въ чемъ ее въ свою очередь справедливо обвиняла и противная сторона. Такъ одна сторона напр., возставая противъ брака по разсчету и противопоставляя ему любовь, сама разумѣла однако подъ любовью страсть; а та, которая возставала противъ страсти противополагала ей разумъ, сама разумѣла тутъ разсчетъ, тогда какъ истинное чувство всегда разумно, а все, что истинно разумно, приведетъ за собою непремѣнно и истинное чувство.

*) Пророкъ, провѣщатель истины, относящейся не только къ будущему, но и къ настоящему и прошедшему.

ли, къ чему должно стремиться, и возможныя средства для осуществленія этихъ цѣлей, подтверждая притомъ все это собственнымъ примѣромъ, какъ лучшимъ доказательствомъ возможности требуемаго, проявляя или олицетворяя въ себѣ живую дѣйствующую создающую силу, способную и направить самое себя и устраивать общество, сообразно провозглашаемымъ разумнымъ основаніямъ.

Представителемъ такого знанія и силы въ казематскомъ обществѣ суждено было быть мнѣ; и поэтому то именно во мнѣ и олицетворилось творческое начало всякаго устройства, всякихъ мѣръ въ казематскомъ обществѣ, предназначаемыхъ для законнаго удовлетворенія всего, что было справедливаго и обязательнаго въ требованіяхъ вещественныхъ, какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго лица, — всего, что относилось къ вещественному и нравственному порядку и устройству, къ умственному и нравственному развитію.

Такое мое значеніе и назначеніе опредѣлялось во первыхъ, личными моими способностями, признаваемыми и другими, и недругами, и свойствами, выработанными среди тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ проходила и до этого моя жизнь, какъ видно было изъ первой части записокъ, гдѣ и было показано, какъ и почему я былъ преобразователемъ во всѣхъ сферахъ, въ которыхъ дѣйствовалъ, задолго до того еще, какъ выступилъ преобразователемъ политическимъ и общественнымъ; во вторыхъ, наблюденіемъ надъ собою и другими дѣятелями, въ стремленіи нашемъ къ свободѣ и преобразованію общества, даже во время самаго сильнаго увлеченія чувства, такъ что во мнѣ былъ всегда одновременно человѣкъ и дѣйствующій, и наблюдающій, что доставляло мнѣ знаніе и побужденій и спосо-

бовъ исполненія; и, наконецъ, свойствомъ самыхъ занятій и дѣйствій моихъ въ казематѣ, поставившихъ себѣ задачею не только провѣрку всѣхъ основаній знанія и изслѣдованій истинныхъ законовъ существованія и развитія человѣческихъ обществъ, но и преобразованіе себя самого, соотвѣтственно выработаннымъ убѣжденіямъ, относясь всегда къ себѣ несравненно строже чѣмъ къ другимъ и дѣлая несравненно больше того, нежели сколько я требовалъ отъ другихъ. Это и впослѣдствіи составляло неопродолимую мою нравственную силу въ отчаянной борьбѣ съ силою, несоразмѣрною по внѣшнимъ условіямъ, такъ что мнѣ никогда никто изъ противниковъ моихъ не смѣлъ сказать, что я одно говорю, а иное дѣлаю, что я все только критикую, а не могу указать, какъ дѣлать, такъ какъ я всегда доказывалъ на дѣлѣ, что съ меньшими средствами и въ худшихъ условіяхъ я всегда и больше и лучше дѣлалъ, нежели то, что требовалъ отъ другихъ.

XII.

Я съ самаго начала сразу замѣтилъ непрочность основъ и устройства, принимаемыхъ казематскимъ обществомъ, и нравственную опасность, какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго лица отдѣльно, отъ того, что, основавъ все на увлеченіи чувства, не анализировали его свойствъ, и не заботились упрочить его разумнымъ сознаніемъ и соотвѣтственными мѣрами. Вслѣдствіе этого случайное принимали какъ бы за возможное навсегда; дѣло, истекавшее изъ вещественной необходимости, за сознательно-добровольное; отвлеченное понятіе принимали за чувство отъ того только, что въ данномъ слу-

чаѣ оно прилагалось къ личностямъ, къ которымъ чувство могло относиться независимо даже отъ того, имѣютъ-ли его вообще ко всѣмъ, къ кому оно должно по долгу относиться; и наконецъ, что въ самомъ стремленіи къ свободѣ не сознавали еще тѣхъ единственныхъ основаній, на которыхъ стремленіе это бываетъ истинно и прочно.

Вслѣдствіе этого и были предложены мною съ самаго же начала многія мѣры, необходимыя вопервыхъ, для упроченія правильныхъ основаній, какъ вещественнаго быта, такъ и взаимныхъ отношеній; вовторыхъ, для обезпеченія, насколько возможно, каждаго лица и въ будущемъ, а чрезъ то обезпеченія всѣмъ душевнаго спокойствія, которое дозволило бы намъ всецѣло устремиться къ нравственнымъ цѣлямъ; и наконецъ для общаго нравственнаго вліянія нашего на внѣшнихъ, — проявленіемъ примѣра и образца плодовъ разумной свободы. Мѣры эти, сначала непонятныя, возбуждавшія иногда даже вражду, были не менѣе того всѣ осуществлены послѣ трехлѣтной упорной борьбы моей, благодаря строгой ихъ справедливости, соотвѣтствію дѣйствительнымъ потребностямъ и настойчивости, съ какою я дѣйствовалъ, убѣждая всѣхъ не только словомъ, но еще болѣе собственнымъ примѣромъ.

И вотъ для этого-то, для нашей мрачной будущности, вѣроятности недостатка и лишеній, возможныхъ для насъ, я противопоставилъ привычку къ строгому воздержанію, къ добровольному лишенію себя и того даже, чего не лишало насъ наше тяжелое положеніе. Чрезъ это я возвратилъ себѣ не только нравственную свободу, но и отнялъ въ будущемъ всякую власть надъ собою у всякихъ попытокъ искушать меня выгодою и удовольствіями и угрожать какими-бы то ни было лишеніями. Шат-

кость чувства, неопредѣленность и неясность стремленій я старался устранить основательнымъ изученіемъ, не отступая отъ провѣрки всѣхъ основаній, отъ переучиванья каждой науки съ самаго начачала; а чтобы отвлеченное ученіе не привело къ равнодушію и привычкѣ смотрѣть на все и на всѣхъ съ отвлеченной точки зрѣнія, безъ всякаго сердечнаго участія, и не пріучило бы довольствоваться холоднымъ созерцаніемъ и знаніемъ, оставаясь въ эгоистическомъ бездѣйствіи, я поставилъ себѣ правиломъ, что какъ бы ни дорожилъ я своими занятіями, покидать даже самое занимательное для меня, хоть бы въ самомъ интересномъ мѣстѣ, если только являлась необходимость моего непосредственнаго содѣйствія кому нибудь въ болѣзни, въ ученіи и пр., или обществу для обсужденія и устройства его дѣлъ. Вслѣдствіе этого почти 14 лѣтъ я не зналъ другой пищи, кромѣ овощной, занимался науками 18 часовъ въ сутки, но былъ также при каждомъ трудно больномъ, училъ каждаго желающаго, чему могъ только учить, былъ непремѣннымъ участникомъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, коммиссіяхъ, обсужденіяхъ, касавшихся общественныхъ дѣлъ, и кромѣ того по выбору былъ и хозяиномъ, и казначеемъ, и распорядителемъ чтеній.

Всѣ мѣры, имѣющія цѣлію устройство казематскаго общества, обезпеченіе каждаго въ будущемъ, умственное и нравственное развитіе всѣхъ, были предложены и проведены мною и осуществились въ трехъ главныхъ учрежденіяхъ: большой или казематской артели, малой или поселенческой и книжной артели для выписки и чтенія книгъ.

Относительно вещественнаго быта надо сказать, что вначалѣ въ казематѣ все было общее, что и принималось всѣми за идеалъ взаимныхъ отно-

шеній, а людьми религіозными даже будто бы за возобновленіе христіанской общины. Но эта общность, если и была слѣдствіемъ отчасти и хорошаго побужденія чувства, взаимнаго благорасположенія другъ къ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ была также дѣломъ и необходимости, пока всѣ жили въ одномъ казематѣ, даже въ одной горницѣ. Въ такомъ положеніи естественно, что нельзя было получить ничего никому, чтобы оно не было извѣстно всѣмъ и не служило бы для всѣхъ, такъ что если кто чѣмъ не пользовался, то развѣ только потому, что самъ ужъ не хотѣлъ. Поэтому, не говоря уже о томъ, что вещи, которыя и не могли иначе заказываться, какъ для всѣхъ (какъ напр. столъ, чай, мытье бѣлья, половъ, баня, церковныя требы, прислуга и др.) по необходимости уже были общими, но даже въ случаѣ, если присылали напр. кому нибудь изъ товарищей нашихъ жены ихъ что нибудь съѣстное (кушанье, чай, сахаръ, кофе и пр.), все это ставилось на общій столъ, потому что другого стола не было, да и прятать было некуда. Поэтому тотъ, кому это присылалось, не имѣя возможности пользоваться этимъ отдѣльно, спѣшилъ всегда самъ предлагать это на общее употребленіе, какъ бы совѣстясь выказать, что имѣетъ какое нибудь преимущество надъ другими, что хочетъ пользоваться какими-нибудь привилегіями, нарушающими общее равенство. Присылались ли какія нибудь другія вещи, посылки изъ Россіи, ихъ и выдавали открыто для всѣхъ, да и негдѣ также было держать отдѣльно, такъ что по неволѣ все лежало вмѣстѣ, а какъ притомъ нужда каждаго была открыта же для всѣхъ, то и было бы странно и неестественно, чтобы хозяинъ вещей не предложилъ изъ нихъ то, въ чемъ видѣлъ, что нуждались другіе, когда всѣ знали, что у него это

есть, а беречь вещи, ненужныя себѣ въ настоящемъ для какого-то неизвѣстнаго будущаго, представлявшагося такимъ темнымъ и безнадежнымъ, показалось бы не только крайне эгоистическимъ, но и глупо-смѣшнымъ. Доставлялись ли кому книги и газеты, и ихъ клали тоже на общій столъ, на общее употребленіе, потому что и читаться онѣ могли большею частію только вмѣстѣ, вслухъ, такъ какъ отдѣльное чтеніе и по тѣснотѣ и по шуму было почти невозможно, и можетъ быть только я одинъ и могъ заниматься, потому что вставалъ въ четыре часа утромъ и могъ пользоваться такимъ образомъ общею тишиною для отдѣльнаго занятія. Наконецъ, если и получались на чье имя деньги, то и онѣ также поступали въ началѣ въ общую кассу, какъ потому, что самое полученіе денегъ свыше опредѣленной мѣры обусловливалось цѣлію вспоможенія товарищамъ, такъ и потому, что въ томъ положеніи общежитія, въ какомъ мы тогда находились, всякій расходъ могъ дѣлаться только на такія вещи, которыя почти всѣ поступали на общее же употребленіе; а накоплять деньги на свое имя было даже невыгодно, такъ какъ значительныя суммы отсылались на храненіе въ Иркутскъ, и, слѣдовательно, почти что терялись и для того лица, которому присылались, потому что даже независимо отъ злоупотребленій, отъ прямой кражи нашихъ денегъ чиновниками въ Иркутскѣ, чему были засвидѣтельствованные оффиціальные примѣры, деньги въ значительномъ количествѣ не могли быть выданы и при выходѣ на поселеніе, и въ случаѣ смерти должны были прямо поступать въ поселенческій капиталъ, какъ и случилось напр. со всею собственностью М. Ф. Митькова и др.

Совершенство, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ

и человѣческихъ обществъ, сила и правильность ихъ дѣйствій обусловливается совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей ихъ. Поэтому то необходимо, чтобы въ постепенномъ развитіи и естественномъ преемствѣ этихъ силъ и способностей, развитіе каждой послѣдующей не совершалось насчетъ утраты предшествующихъ, не сопровождалось разрушеніемъ ихъ, а совершенно напротивъ само почерпало еще силу, равно какъ и условіе и обезпеченіе правильности своего собственнаго дѣйствія, въ сохраненіи полноты и свѣжести всего предшествовавшаго. Это требовалось всегда и инстинктивно и сознательно, выражаясь какъ въ желаніяхъ, такъ и въ опредѣленныхъ требованіяхъ, чтобы сила и чистота чувства соединились съ мудростію разума.

Я всегда дорожилъ чувствомъ, и какъ силою и какъ способностію, дорожилъ имъ и въ себѣ самомъ и поэтому никогда не расточалъ и не истощалъ его на предметы недостойные и не обращалъ его въ орудіе эгоистическихъ наслажденій, и дорожилъ имъ и въ себѣ и въ другихъ и въ общественномъ смыслѣ.

Я всегда признавалъ, что истинное чувство, какъ сила одушевленія, есть двигатель самыхъ возвышенныхъ дѣйствій, что оно, какъ способность, возноситъ (при добромъ направленіи своемъ) человѣка выше эгоистическихъ стремленій, и, устраняя одну изъ причинъ заблужденій ума, есть такое же орудіе познанія истины, какъ и самый умъ, съ которымъ и должно всегда дѣйствовать нераздѣльно. Вотъ почему, не отрицая у своихъ товарищей благороднаго порыва чувства, самопожертвованія изъ любви къ свободѣ и ко благу людей, я и дорожилъ такъ тѣмъ, чтобы это чувство сохранилось и не иска-

зилось, а это могло быть достигнуто только отысканіемъ для него прочной поддержки и устраненіемъ искажающихъ вліяній. Если у васъ истинная любовь къ свободѣ и къ людямъ, говорилъ я имъ, то докажите это не однимъ порывомъ, которымъ вы хвалитесь. Помните, что истинная любовь всегда внимательна, всегда предусмотрительна; это вѣрнѣйшій признакъ истинности чувства. Если вы любите свободу, поступайте такъ, чтобы заставить и другихъ любить и уважать ее, видя, какое благотворное вліяніе она производитъ на любящихъ и разумѣющихъ ее; если вы желаете добра людямъ и прежде всего, и ближе всего своимъ товарищамъ, то именно поэтому-то вы и должны принять разумныя мѣры, пока при одушевляющемъ васъ добромъ чувствѣ это будутъ мѣры предусмотрительности, истекающія изъ побужденія самаго чувства, и которыя въ свою очередь поддержатъ и его, а не мѣры недовѣрія, какими онѣ будутъ послѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго горькаго опыта, порождающаго огорченіе, разочарованіе, раздраженіе, а, слѣдовательно, и разрушеніе всякаго добраго чувства, возбуждая вмѣсто его страсти или повергая въ уныніе апатіи составляющія какъ то, такъ и другое, могилу истиннаго чувства.

Исчисливъ затѣмъ моимъ товарищамъ и разсмотрѣвъ все, что и какъ дѣлалось въ казематѣ въ начальное время нашего соединенія, я старался разъяснить и доказать имъ, что такое положеніе, основанное на минутныхъ внушеніяхъ, безъ сознательнаго устройства, не можетъ привести ни къ чему доброму.

Сопротивленіе предложеннымъ мною мѣрамъ явилось какъ со стороны затаеннаго эгоизма, видѣвшаго, какія выгоды онъ можетъ извлечь вло-

слѣдствіи изъ подобнаго положенія, несмотря на то, что вначалѣ не было пока благопріятныхъ условій для его проявленія, такъ и со стороны тѣхъ благодушествующихъ людей, которые по нелюбви или неспособности къ размышленію и труду, требуемымъ всякимъ устройствомъ, думаютъ, что можно все основывать на непосредственномъ чувствѣ, не разумѣя и не изучивъ въ исторіи, къ какимъ грустнымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ приводитъ руководство одинокимъ чувствомъ, не опирающимся на другія способности и знанія. Первые вооружались преимущественно насмѣшкою, что я затѣваю «игру въ конституцію»; вторые упрекали меня, что я хочу замѣнить личныя отношенія, истекающія изъ благорасположенія, формальными отношеніями къ отвлеченному существу, т. е. къ общинѣ, и добровольное даяніе (возбуждающее, какъ говорили, благія чувства и въ дающемъ и въ принимающемъ) — обязательствомъ, и тѣмъ самымъ хочу замѣнить живую связь дружбы формализмомъ условныхъ отношеній по какому- то договору.

Я отвѣчалъ имъ, что все ихъ недоразумѣніе вертится на томъ, что они принимаютъ за несомнѣнное и доказанное то, что только еще надо испытать, разъяснить и доказать, что именно, какъ замѣчено мною, многія понятія и сужденія, наконецъ, самыя даже явленія обнаруживаютъ, что не всѣ и не во всемъ имѣютъ правильныя понятія объ условіяхъ и основаніяхъ истинной свободы, истинной пользы, а, слѣдовательно, неизбѣжно, что и въ побужденіяхъ чувства не все можетъ быть правильно, а потому не все надежно, какъ источникъ дѣйствія, не все безопасно относительно могущихъ возникнуть послѣдствій; что относительно «игры въ конститу-

цію» подобное обвиненіе можетъ прилагаться только тамъ, гдѣ дѣло дѣлается безъ нужды, или для того, чтобы прикрыть формою отсутствіе сущности, но что у насъ требованіе опредѣленнаго устройства очевидно выходитъ изъ существенной потребности; наконецъ людямъ, отстаивавшимъ съ религіозной точки зрѣнія исключительно нравственныя отношенія, я напоминалъ, что именно по понятіямъ христіанства Богъ не есть Богъ безпорядка, а порядка во всемъ, и указывалъ на примѣръ той же первобытной церкви, на которую они вздумали было ссылаться, что въ ней правильное устройство вводилось съ самаго начала людьми, которые были не менѣе высшими представителями и чистѣйшаго чувства, какъ и полнаго разумѣнія. — Вотъ почему я и настаивалъ, что именно, если кто дорожитъ сохраненіемъ добрыхъ чувствъ, тотъ необходимо долженъ вопервыхъ, начать съ серьезнаго изученія всѣхъ общественныхъ началъ и основаній, такъ какъ никто не могъ отвергнуть, что наука наша вообще была еще недостаточна, вовторыхъ, что лучше предупредить общественныя болѣзни благоразумными и своевременными мѣрами, нежели лѣчить ихъ тогда, когда допущено будетъ проявленіе ихъ; что если окажется, что чувства наши — любовь къ свободѣ, желаніе общаго блага и пр. — были чисты и дѣйствительны, то правильное устройство не стѣснитъ ихъ, а напротивъ послужитъ имъ еще опорою и обезпечитъ ихъ, такъ какъ безъ убѣжденія въ непреложности міровыхъ законовъ и самая свобода немыслима, лишена условій своей возможности. Наконецъ, я старался всячески и нравственными и историческими примѣрами доказать, до какой степени бываетъ иногда гибельна самонадѣянность, порождаемая самообольщеніемъ, какъ

непринятіе законныхъ огражденій по благодушному, но неразумному довѣрію къ лицу или къ массѣ всегда приводитъ къ деспотизму и къ анархіи и пр. и пр.

Но между тѣмъ, какъ неохотно слушали и оспаривали мои предостереженія, какъ досадовали на меня, что будто бы я нахожу удовольствіе играть роль зловѣщаго пророка, что разочарованіемъ возмущаю нѣгу общественнаго квіетизма, опасность дурныхъ послѣдствій и прискорбныхъ явленій, незамѣчаемая другими, но мнѣ ясно видимая, быстро надвигалась со всѣхъ сторонъ, и опытъ не замедлилъ оправдать мою предусмотрительность и мои предостереженія. Безпорядочность, непредусмотрительность, тщеславіе, нашедшее средство проявиться въ соперничествѣ дамъ, кто больше и лучше пришлетъ что въ казематъ, повели къ неразсчетливому потребленію всего и стали многихъ втравлять въ такія привычки, поддержаніе которыхъ никакъ не обезпечивала имъ вѣроятная ихъ будущность, а стремленіе къ удовлетворенію которыхъ во что бы то ни стало поставило ихъ впослѣдствіи въ жалкую зависимость отъ другихъ, заставивъ ихъ продать именно ту самую свободу, которою они, какъ говорили, такъ дорожили, что не согласились даже на тѣ ограниченія разумнымъ устройствомъ, на то подчиненіе необходимому порядку, которыя именно одни то и могли оградить ее.

Съ другой стороны эгоистическія стремленія нашли себѣ и основаніе и пищу и удобную почву для своего развитія, коль скоро стало возможнымъ отдѣльное помѣщеніе. Въ благовидныхъ предлогахъ не было недостатка. Строившіе отдѣльные домики увѣряли, что это было и для общаго облегченія отъ тѣсноты. Но на дѣлѣ было не такъ. Ясно было,

что подобная цѣль могла быть достигнута иначе. Отдѣльное же помѣщеніе для нѣкоторыхъ только, и возможность женатымъ жить въ домахъ женъ своихъ и водить туда своихъ родныхъ и знакомыхъ, разомъ произвели нѣсколько вредныхъ послѣдствій; разрушая равенство, освобождая нѣкоторыя личности отъ контроля общественнаго наблюденія, оно давало возможность и способствовало созданію не только привилегій для богатыхъ, но и холопства изъ среды неизбѣжно возникавшаго пролетаріата, котораго, при общности жизни, разумѣется, быть не могло, и образованіе котораго я всячески старался предупредить обезпеченіемъ напередъ законнаго и достаточнаго удовлетворенія потребности каждаго.

При возможности отдѣльнаго удовлетворенія личной потребности прекратилось не только бывшее до того соперничество объ избыточномъ снабженіи всѣхъ, но и всякая забота о чемъ либо общемъ; и между тѣмъ какъ люди деликатные изъ неимѣющихъ терпѣли отъ недостатка въ существенномъ, другіе, имѣвшіе достаточно и своего, но менѣе деликатные, поспѣшили примкнуть къ привилегированнымъ лицамъ, чтобы лично отъ нихъ пользоваться чѣмъ можно, и такимъ образомъ являлись патроны и партизаны и образовались личныя партіи. А разъ, что утратилась, такъ сказать, дѣвственность стыда, иные дошли до того, что, кричавши прежде противъ всякаго подчиненія порядку, какъ противъ стѣсненія будто бы свободы, обратились чисто въ лакеевъ у другихъ, лишь бы пользоваться выгодою отъ нихъ. Кромѣ того, нѣкоторыя порочныя наклонности, которыя одиночно никто не смѣлъ до того обнаруживать, стали выказываться, опираясь на поддерж-

ку своей партіи, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя помѣщенія давали къ тому возможность и удобства. Все, что прежде было немыслимо — пьянство, карты и пр. стали проникать въ казематъ и тѣмъ ронять нравственное наше значеніе и впутывать въ неприличныя связи со внѣшними, доставлявшими удобный случай для дурныхъ дѣлъ, а въ замѣну того пользовавшимися и денежными средствами изъ каземата. И въ то время, когда многіе стали издерживать значительныя средства къ удовлетворенію самыхъ незаконныхъ прихотей, то, что доставлялось на общее употребленіе, стало быстро оскудѣвать, и недостатокъ проявился тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше была прежняя расточительность, истреблявшая все безъ нужды, потому только, что все было въ избыткѣ, и сдѣлался тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше развилася прежде привычка къ излишнему.

Наконецъ безпорядки и недостатки*) достигли такой степени, что для устраненія ежедневно повторявшихся непріятностей необходимо было принять какія нибудь мѣры, если не хотѣли, чтобы дошло до такихъ происшествій, которыя неминуемо повлекли бы вмѣшательство начальства, и, разрушивъ всякую связь между нами и солидарность, поставили бы всѣхъ и каждаго въ полную отъ него зависимость. Отъ попрековъ дѣло перешло уже къ фактическимъ оскорбленіямъ; а это повлекло къ вызову на дуэль, къ раздорамъ цѣлыхъ партій заступничествомъ за того или другого, и пр.

Но къ сожалѣнію и тутъ вмѣсто того, чтобы принять предложенное мною съ самаго начала пред-

---

*) Не разъ случалось уже, что и обѣдъ былъ недостаточенъ и не хватало ни чаю, ни сахару, что иные дошли до того, что не было перемѣннаго бѣлья и сапоговъ и пр.

усмотрительное устройство, которое, ограждая независимость каждаго и давая ему возможность самостоятельнаго дѣйствія, устранило бы незаконное вліяніе и причины къ неудовольствіямъ и служило бы ручательствомъ правильности общихъ рѣшеній, удовольствовались полумѣрами; рѣшили выбирать каждые три мѣсяца одного человѣка, которому поручать сборъ денегъ, наблюденіе за хозяйствомъ и удовлетвореніе особенныхъ нуждъ каждаго, не заботясь и не соглашаясь установить опредѣленныя правила, ни для выбора, ни для обозначенія обязанностей и правъ выбраннаго. Разумѣется, что послѣдствія такой неопредѣленности не заставили себя ждать, и въ казематскомъ обществѣ не могло не произойти того же, что, какъ свидѣтельствуетъ исторія, происходило всегда и вездѣ при подобныхъ условіяхъ, когда все основывается только на личности человѣка, а личность избирается увлеченіемъ безъ обдуманности, чѣмъ всегда пользуются для невидимаго вліянія эгоистическіе интересы.

Въ казематскомъ обществѣ легко было наблюдать, какимъ образомъ при отсутствіи опредѣленныхъ правилъ и дѣятельнаго живого вниманія общества порученія незамѣтно переходятъ въ должность или званіе, а эти въ право на власть и въ превращеніе обязанности въ право; какъ съ одной стороны власть дается неразумными требованіями вмѣшательства и наложеніемъ неподлежащихъ обязанностей, а съ другой стороны, при противоположномъ направленіи, какъ формы права и власти, безъ существенныхъ условій ихъ, обращаются въ рабочую, невольническую повинность и пр.

Что требованія отъ человѣка, выбираемаго только на три мѣсяца, не всегда были разумны и справедливы, это несомнѣнно. Не обнимая своими рас-

поряженіями полнаго годоваго періода, онъ не былъ въ состояніи распоряжаться средствами экономически; а кромѣ этого, сколько было вещей, о которыхъ необходимо было подумать и не за одинъ годъ впередъ; вовторыхъ, денежное обезпеченіе и назначеніе лица дѣлались слишкомъ на короткій срокъ и не могли доставлять необходимаго спокойствіи; наконецъ, и относительно удовлетворенія личныхъ нуждъ каждаго все же оставалось то же самое основаніе, какъ и прежде, т. е. личныя отношенія, потому что не всякій хотѣлъ и даже могъ говорить выбранному лицу откровенно о своихъ дѣлахъ, а между тѣмъ вмѣшательство въ нихъ давалось другому лицу какъ бы по праву. — Все это, разумѣется, содѣйствовало къ поддержанію постояннаго безпокойства, раздраженія и неудовольствія; скоро убѣдились, что дѣла не въ лучшемъ положеніи, какъ и прежде; однако взрывъ послѣдовалъ совсѣмъ по другому поводу, и притомъ по пустому, какъ и всегда бываетъ, когда не хотятъ устранить главную причину зла, а ищутъ выместить свою досаду и свои собственныя ошибки, хватаясь за первый какой нибудь ничтожный предметъ.

Комендантъ сдѣлалъ относительно уплаты денегъ по частнымъ запискамъ въ казематъ какое-то распоряженіе, въ сущности ничего не значащее и даже правильное, но не понравившееся по чему то большинству. Когда это дошло до коменданта, то онъ очень тому удивился, и такъ какъ онъ былъ уже въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ съ нами, то и прислалъ въ казематъ офицера объявить, что это было сдѣлано съ согласія хозяина, какъ называли тогда выборнаго изъ каземата. Хозяиномъ былъ тогда Аврамовъ (бывшій командиръ Казанскаго пѣхотнаго полка). Отъ него потребовали объ-

ясненія; онъ отвѣчалъ, что не видѣлъ тутъ ничего важнаго, что, впрочемъ, говорилъ съ такимъ и такимъ то, и что у насъ нѣтъ ни постановленія, чтобы совѣщаться со всѣми, ни установленнаго для этого порядка, да врядъ-ли есть возможность къ тому. Несмотря на это, поднялась ужасная буря, и кричали о самоуправствѣ и деспотизмѣ, о посягательствѣ на права общины, сильнѣе всѣхъ именно тѣ, которые, подобно Исаву, такъ легко и давно продали всѣ свои права, свою независимость за чечевичную похлебку, сдѣлавшись подслужниками у женатыхъ и богатыхъ. Пошли забавныя признанія; одинъ за другимъ отпирался, что онъ не выбиралъ Аврамова, такъ что оказалось, что выкликнули его имя при выборѣ всего только три или четыре человѣка, а остальные только просто согласились, не осмѣлясь гласно противорѣчить предложившимъ и пр. Наконецъ, все это формулировалось рѣшеніемъ выбрать коммиссію изъ семи человѣкъ, по числу пяти отдѣленій и двухъ малыхъ казематовъ и поручить ей разсмотрѣть дѣло Аврамова и постановить окончательное рѣшеніе, передавая такимъ образомъ коммиссіи и судебную, и законодательную, и исполнительную власть.

При этомъ оказалось, какъ часто дѣйствія людей, истекающія изъ ихъ страстей и интересовъ, не служатъ еще выраженіемъ истиннаго ихъ мнѣнія о человѣкѣ, противъ котораго между тѣмъ враждуютъ нерѣдко, даже постоянно. Это рѣзко обнаружилось при выборѣ членовъ въ коммиссію: всѣ три главныя отдѣленія выбрали меня и не хотѣли замѣнить никѣмъ другимъ, такъ что я имѣлъ три голоса изъ семи, а, слѣдовательно, въ сущности вся власть коммиссіи заключалась во мнѣ. Я самъ уже настоялъ, чтобы хоть одинъ голосъ передали

другому. И это несмотря на то, что большинство выказывалось до того времени враждебно настроеннымъ противъ меня за постоянное и безпощадное обличеніе безпорядковъ и ошибокъ и требованія изслѣдованія и прекращенія самыхъ причинъ ихъ.

Безпристрастное изслѣдованіе показало, что въ дѣйствіяхъ Аврамова не было ни умысла, ни посягательства на присвоеніе будто бы власти надъ общиною, а одна неосторожность, не предвидѣвшая послѣдствій, которыя могутъ всегда возникнуть изъ неопредѣленности порученія и отсутствія правильнаго способа совѣщанія. Поэтому, я отклонилъ смѣну Аврамова, какъ того требовало было сначала большинство, какъ ничѣмъ не заслуживаемое и не оправдываемое оскорбленіе, а показалъ только изъ случившагося примѣра, какъ опасно отсутствіе твердыхъ и опредѣленныхъ постановленій и постоянной повѣрки ихъ для приноровленія къ измѣняющимся обстоятельствамъ. Но, несмотря и на этотъ урокъ, вся энергія общества истощилась въ искусственной вспышкѣ, и я опять не могъ добиться и на этотъ разъ еще обсужденія общихъ правилъ, а только по поводу послѣдняго происшествія рѣшили, что хозяинъ вовсе не есть представитель общины предъ начальствомъ, и что отвѣтъ на всякое сообщеніе послѣдняго, чрезъ кого бы оно ни шло, долженъ предлагаться на общее обсужденіе и рѣшеніе.

Таившееся въ глубинѣ сознанія довѣріе ко мнѣ у большинства выказавшееся такимъ неожиданнымъ для многихъ образомъ въ дѣлѣ Аврамова, не осталося безъ послѣдствій для будущаго, несмотря на то, что мнѣ и не удалось еще и при настоящемъ случаѣ добиться полнаго принятія предложенныхъ мною мѣръ. Оно всетаки предъуготовило мнѣ окончательную побѣду, показавъ съ одной стороны всю

тщетность усилій и происковъ привилегированныхъ лицъ и ихъ холоповъ въ борьбѣ противъ нравственной силы, а меня еще болѣе утвердило на избранномъ пути, оправдавъ вѣру мою въ непреложность окончательнаго торжества ея, и заставило меня еще болѣе обратить вниманія на то, чтобы побужденія мои во всякомъ дѣйствіи были вполнѣ чисты и свободны отъ всякой эгоистической примѣси. Ясно было, что довѣріе къ моему безпристрастію проистекало главнымъ образомъ отъ того, что всѣ признали, что я, устранивъ себя отъ всякихъ интересовъ, сталъ поэтому выше всѣхъ обычныхъ вліяній и не имѣлъ уже никакого личнаго побужденія склоняться къ тому или другому рѣшенію.

Вскорѣ представился другой случай доказать, что ошибутся и тѣ, кто, видя, что человѣкъ защищалъ одну сторону дѣла, думаютъ, что онъ обязанъ отстаивать ее до того даже, чтобъ пожертвовать сущностью дѣла внѣшнему призраку, мертвому формализму. Дѣло Аврамова, хоть и возбужденное по неосновательному предлогу и кончившееся не совсѣмъ согласно съ видами тѣхъ, кто возбудилъ его, разохотило однако казематское общество къ общественнымъ движеніямъ.

Мы перешли между тѣмъ въ Петровскій заводъ, и вотъ именно въ то время, когда каждый имѣлъ уже отдѣльное помѣщеніе, когда тѣсное общежитіе было уничтожено уже вещественными условіями, а одушевлявшее прежнее чувство, находившее удовольствіе въ постоянномъ общеніи, исчезло, вздумали было снова возвратиться къ первобытной патріархальности и установить ее уже насильственнымъ образомъ, по отвлеченному уже понятію, какъ и всегда бываетъ, когда изсякаетъ живое чувство. Во имя братства и дружества стали требовать, чтобы люди,

жившіе въ Читѣ уже въ послѣднее время врознь, по разнымъ казематамъ и комнатамъ и привыкшіе уже жить, если не отдѣльно еще каждый, то уже небольшими кучками, стали снова сходиться въ общую залу для обѣда, чая и пр. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ при этомъ состоялъ также въ томъ, что это необходимо нужно для порядка; и какъ я всегда настаивалъ на необходимости введенія порядка, то и не сомнѣвались, что и я присоединюсь къ требующимъ, и такимъ образомъ увлечено будетъ большинство. Къ изумленію ихъ, я выразилъ противоположное мнѣніе. «Какъ», закричали агитаторы, узнавъ его, «вы, защитникъ порядка, возстаете противъ него?» и пошли съ радостью разсказывать о непостоянствѣ моихъ мнѣній. Разумѣется, такое заблужденіе не могло долго продолжаться даже у тѣхъ, которые громче всѣхъ кричали. Всѣ поняли скоро, что внѣшное насиліе не есть тотъ порядокъ, который, будучи внѣшнимъ проявленіемъ живой силы, одинъ не стѣсняетъ свободы именно потому, что самъ есть свободное дѣйствіе этой силы. Община явно пережила уже періодъ чувства и вступала въ періодъ господства идей. Можно было сожалѣть, что переходъ этотъ совершился съ потерею, или во всякомъ случаѣ съ ослабленіемъ чувства, но не признать его было уже нельзя.

По моему убѣжденію, надо всегда умѣть извлекать изъ перемѣны обстоятельства тотъ видъ пользы, для которой настоящія обстоятельства представляютъ наилучшія условія. Новое положеніе наше представляло всѣ удобства для спокойной уединенной жизни, а, поэтому, и для умственныхъ занятій; а то и другое составляли уже именно главную современную потребность для нашего общества.

Давно уже всѣми замѣчалось, что недовольство своимъ положеніемъ, усиленное еще внутреннимъ неустройствомъ, порождало скрытное раздраженіе, для обнаруженія котораго все служило предлогомъ, что, поэтому, и всякое незначительное сборище приводило часто къ непріятнымъ сценамъ, а, слѣдовательно, всякое обязательное насильственное соединеніе, какъ того требовали предлагавшіе возобновленіе общаго стола и чая, увеличивая недовольство отъ принужденнаго дѣйствія, повело бы еще къ большимъ столкновеніямъ. Кромѣ того, когда жили въ одной комнатѣ, вставать и ложиться вмѣстѣ было дѣломъ необходимости; теперь же, при отдѣльномъ житьѣ каждаго лица, естественно было ожидать, что возьмутъ верхъ у каждаго тѣ привычки, къ которымъ онъ наиболѣе предрасположенъ, установится то распредѣленіе времени, которое онъ будетъ считать для себя наиболѣе удобнымъ и свойственнымъ, и тогда стѣснять все это значило бы безъ нужды размножать источники неудовольствія и поводы къ спорамъ о томъ, что и какъ требовать для всѣхъ. Что-же касается до занятій, то, когда прошла пора взаимныхъ уступокъ, когда безпрестанно стали возникать столкновенія, шумъ, споры — заниматься въ общихъ комнатахъ буквально не стало возможности. Между тѣмъ, умственныя занятія становились все болѣе и болѣе безотлагательною потребностью какъ для общаго нравственнаго значенія нашего, такъ и для обезпеченія въ будущемъ каждаго. Итакъ, отдѣльное помѣщеніе, удовлетворяя насущной потребности въ этомъ отношеніи, отклоняло въ то же время и случаи столкновенія и должно было способствовать къ успокоенію раздражительности. Необходимо только было добиться такого устройства взаимныхъ отношеній,

которое, не препятствуя добровольнымъ соединеніямъ для какихъ либо общихъ цѣлей, въ то же время достаточно обезпечивало бы каждому законную и нужную долю самостоятельности и независимости.

Прежде всего необходимо было достигнуть личнаго справедливаго обезпеченія каждаго, обязательнаго для общины; вслѣдъ за тѣмъ можно было подумать объ устройствѣ уже изъ добровольныхъ соглашеній такихъ учрежденій, которыя способствовали бы умственному развитію и обезпечивали будущность лицъ по выходѣ изъ каземата. И вотъ, именно для этого-то, видя, что общее неустройство и недовольство поддерживается, а между тѣмъ ничего для устраненія ихъ не принимается, а только хватаются за мѣры, которыя не ведутъ ни къ чему, я и выступилъ съ требованіемъ, «чтобы опредѣленный взносъ въ общую кассу былъ обязателенъ для каждаго въ соразмѣрности съ получаемыми имъ средствами, а выдача изъ кассы всѣмъ одинаковая, достаточная для удовлетворенія личныхъ необходимыхъ нуждъ каждаго, какъ-то: стола, чая, бѣлья, одежды, съ небольшимъ запасомъ на мелочи.» — Для удобства и экономіи, завѣдываніе хозяйственною частью должно быть общее: на это ежегодно по текущимъ цѣнамъ опредѣляется часть изъ назначенной постоянной каждому лицу суммы, а остальное предоставляется въ полное его личное распоряженіе. Избранная коммиссія должна выработать постановленія, которыя должны быть утверждены общимъ согласіемъ. Въ числѣ постановленій должны быть указанія на правильные способы измѣненій и самыхъ постановленій соотвѣтственно обстоятельствамъ, могущимъ измѣниться.

Предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать,

возбудило страшную бурю со стороны привилегированныхъ, боявшихся потерять партизановъ, а чрезъ то и личное значеніе, коль скоро всѣ будутъ поставлены въ независимость отъ того или другого лица. Меня обвиняли въ демагогическихъ возбужденіяхъ, въ недовѣріи къ благородству товарищей (богатыхъ), въ посягательствѣ на права собственности и пр.*) Тогда, видя, что напрасно будетъ убѣждать людей, которыхъ единственными двигателями были страсти и интересы, я выставилъ твердо такое положеніе: «такъ какъ получать деньги сверхъ положенія разрѣшено на томъ основаніи, чтобы помогать неимущимъ товарищамъ, лишеннымъ по самому положенію въ заточеніи возможности къ пріобрѣтенію средствъ личнымъ трудомъ, то помощь отъ богатыхъ обязательна уже товарищамъ, для которыхъ они и получаютъ излишнія деньги; и что если богатые не хотятъ этого признать, то остается одно средство потребовать отъ казны, что если она лишаетъ насъ заточеніемъ возможности трудиться, то и должна вполнѣ содержать насъ, т. е. давать пищу и одежду, потому что ясно, что при тюремномъ заточеніи, на 2 руб. ассигн. и два пуда муки въ мѣсяцъ существовать нельзя.» И вслѣдъ за сдѣланнымъ открыто заявленіемъ, я, не теряя болѣе словъ, потребовалъ къ себѣ коменданта и объявилъ ему, что онъ долженъ непремѣнно

---

*) Такъ какъ я самъ лично получалъ достаточно и ни отъ кого ничѣмъ не пользовался, и никакое учрежденіе не могло мнѣ дать больше того, что я уже имѣлъ и что далеко превышало мои нужды, такъ какъ я ихъ ограничилъ, то, разумѣется, ни заподозрить меня въ личныхъ выгодахъ не могли, ни обвинить не смѣли, отъ того и придумали, что я хочу играть роль демагога, какъ ни безсмысленно было и это обвиненіе относительно человѣка, совершенно уединявшагося и отрывавшагося отъ своихъ занятій только по требованію другихъ.

сдѣлать представленіе о несовмѣстимости нашего заточенія и лишенія средствъ пріобрѣтать что либо своимъ трудомъ (какъ могутъ дѣлать то и дѣлаютъ живущіе на волѣ ссыльные) съ неимѣніемъ казеннаго содержанія, и что поэтому и необходимо назначить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ твердо коменданту, что если онъ не сдѣлаетъ этого, то я принесу жалобу на то первому ревизору, который будетъ присланъ въ казематъ отъ Государя (тогда объ этомъ носились уже слухи).

Комендантъ страшно перепугался моимъ неожиданнымъ требованіемъ и твердостью моего категорическаго объявленія. Онъ поспѣшилъ собрать сію же минуту богатыхъ и объяснилъ имъ, что если сдѣлать представленіе о казенномъ содержаніи, то первымъ послѣдствіемъ будетъ запрещеніе получать имъ деньги сверхъ назначеннаго вначалѣ количества, и что поэтому, отказывая въ обязательномъ обезпеченіи общины извѣстнымъ процентомъ съ получаемой ими суммы, они и сами лишатся всего, и не будутъ получать столько и сотенъ, сколько теперь получаютъ тысячъ, и его подвергаютъ отвѣтственности, что не доносилъ правительству о злоупотребленіяхъ.

Трудно себѣ представить, до какого раздраженія противъ меня дошли богатые и ихъ холопы. Они просто неистовствовали, и съумѣли такъ сбить съ толку людей, не знавшихъ содержанія моего разговора съ комендантомъ, что со мною, который, сдѣлавъ дѣло, снова углубился въ свое уединеніе и не зналъ о всѣхъ происках, клеветахъ и сплетняхъ, вдругъ перестали кланяться, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, безусловно вѣрившихъ въ справедливость моихъ дѣйствій. Разумѣется, когда наконецъ это дошло до меня, я положилъ конецъ

всякимъ недоброжелательнымъ разсказамъ, потребовавъ отъ коменданта, чтобы онъ публично объявилъ содержаніе моего разговора съ нимъ. Хотя волненіе сразу и не улеглось, но тѣмъ не менѣе съ одной стороны твердость, обнаруженная мною и противъ коменданта не могла не произвести впечатлѣнія, а съ другой и между партизанами богатыхъ, всѣ тѣ, которые, сохраняя еще остатки достоинства, съ трудомъ переносили личную зависимость и тѣ, которые стали сильно чувствовать эту зависимость вслѣдствіе возрастающей требовательности и невниманія, даже пренебреженія почти, къ нимъ богатыхъ, стали понимать, что и для нихъ выгоднѣе и приличнѣе быть независимыми отъ того или другого лица, и имѣть собственное значеніе по голосу въ общинѣ, чѣмъ заимствовать его отъ покровительства патрона.

XIII.

Такимъ образомъ, послѣ волненія, продолжавшагося слишкомъ двѣ недѣли, составилось наконецъ большинство, которое опредѣлило избрать коммиссію и поручить ей начертаніе устава для внутренняго управленія общиною. При томъ повторилось опять тоже явленіе, что и при исторіи Аврамова. Всѣ почувствовали, что дѣло идетъ теперь о всей нашей будущности и что страстямъ не должно уже тутъ быть мѣста. Поэтому, я былъ выбранъ снова отъ нѣсколькихъ отдѣленій, что давало мнѣ опять одному больше голосовъ, чѣмъ остальнымъ въ коммиссіи, но я потребовалъ, чтобы каждое отдѣленіе выбрало непремѣннаго члена коммиссіи изъ собственной среды. Обра-

зовавшаяся такимъ образомъ коммиссія состояла изъ семи человѣкъ; все дѣлопроизводство было передано мнѣ. Оттого въ моихъ рукахъ и сохранились всѣ документы по составленіи устава. Товарищами моими по коммиссіи были: Оболенскій, Бобрищевъ-Пушкинъ, Мухановъ, Митьковъ, Поджіо и Одоевскій.

Комендантъ ужасно обрадовался мирному исходу дѣла и неоднократно благодарилъ меня. Онъ до такой степени сдѣлался уступчивъ, что только по этому поводу въ первый разъ оффиціально допустилъ имѣть въ казематѣ перья, чернила и бумагу. Кромѣ того, дозволено было оставаться съ огнемъ въ залѣ и послѣ того, какъ запирали уже казематъ. Коммиссія часто работала всю ночь; трудились дѣятельно, и засѣданія были публичныя. И вотъ тутъ-то пришлось пересмотрѣть и провѣрить всѣ элементы общественнаго устройства, отъ основныхъ началъ до мельчайшихъ подробностей механизма, служащаго орудіемъ дѣйствія этихъ началъ.

Все теоретическое знаніе, всѣ практическія замѣчанія опыта нашли при томъ свое приложеніе. Не участвовавшіе въ коммиссіи подавали свое мнѣніе письменно, и оно принималось всегда въ разсмотрѣніе. Явились истинно ораторскія способности, и по истеченіи нѣкотораго времени казематское общество, наблюдая ходъ занятій коммиссіи, до такой степени убѣдилось въ полномъ знаніи ею дѣла и въ рѣдкомъ безпристрастіи, которое она проявила, что рѣшило дать ей неограниченное полномочіе, т. е., что уставъ, составленный ею, долженъ быть прямо принятъ, не подвергая его уже на голосованіе всего общества. Это тѣмъ легче было допустить, что въ самомъ уставѣ были указаны между

тѣмъ разумныя средства для измѣненія его положеній по указанію дальнѣйшаго опыта. Данное коммиссіи полномочіе много ускорило окончаніе дѣла, и, такимъ образомъ, 2-го марта 1831 г., чрезъ пять мѣсяцевъ по вступленіи въ казематъ въ Петровскомъ заводѣ, въ общей залѣ, въ которую на этотъ разъ собрались всѣ наши товарищи безъ исключенія, коммиссія прочитала новосоставленный уставъ, и онъ объявленъ былъ вступившимъ въ дѣйствіе. День заключился большимъ празднествомъ въ казематѣ и всеобщимъ примиреніемъ.

На другой день явилась ко мнѣ отъ товарищей депутація (въ числѣ ихъ были и наиболѣе враждовавшіе противъ меня) благодарить меня, какъ говорили въ привѣтствіи, за «нравственное мужество, твердость и настойчивость, съ которыми я добился устройства общины, и за искусство, терпѣніе и неутомимую дѣятельность, обнаруженныя по дѣлу составленія устава»; благодарили за то, что даже всѣми занятіями, которыми я такъ дорожу, я пожертвовалъ на столько времени, чтобы потрудиться на общую пользу. Дѣйствительно, два мѣсяца сряду я совершенно оторвался отъ всѣхъ своихъ занятій. Что же касается до просьбы принять какую нибудь общественную должность, по собственному моему выбору, то я отъ этого рѣшительно на этотъ годъ отказался. На третій день начались по новому уставу выборы должностныхъ лицъ, которыхъ полагалось трое: казначей, хозяинъ, завѣдывавшій общимъ хозяйствомъ и закупщикъ, завѣдывавшій частными покупками и заказами.

Такъ какъ основаніе нашего устройства было экономическое, хозяйственное, то и названіе его должно было выражать сущность вещи. Мы не могли назвать себя общиною, что предполагаетъ

юридическое значеніе, а назвали себя обычнымъ народнымъ именемъ артели, потому что въ сущности въ основаніи нашего соглашенія былъ артельный добровольный договоръ. Чтобы сохранить это значеніе и устранить всякій принудительный характеръ въ новомъ нашемъ соглашеніи, мы оставили на добрую волю каждаго вступить или нѣтъ въ новоучреждаемую артель, какъ оставили на совѣсть каждаго, сколько онъ долженъ вносить въ артель изъ получаемаго имъ сверхъ положенія изъ Россіи. Единственными побужденіями оставались, слѣдственно, нравственныя: совѣстливость предъ товарищами въ нарушеніи признанной обществомъ уже нравственной обязанности помогать имъ, пользуясь ихъ именемъ для полученія денегъ въ размѣрѣ большемъ, нежели дозволено, и во вторыхъ, выгода взаимнаго обезпеченія, которую чувствовать и сознавать приходилось потомъ не разъ и самымъ богатымъ.

Основныя положенія устава были слѣдующія: признано было, что необходимые расходы требуютъ, чтобы каждый получалъ не менѣе 500 руб. ассигн. (тогда счетъ былъ на ассигнаціи). — Для достиженія этого положено было, чтобы всякій, кто получаетъ 500 р. и менѣе, вносилъ деньги свои сполна въ артель; туда же поступало и жалованье и провіантъ; тѣ же, которые получали свыше 500 р., должны были вносить 500 р. также обязательно, а изъ излишняго такую часть, которую они могутъ отдѣлить по совѣсти и по доброй волѣ. Надобно припомнить, что нѣкоторые могли вносить и не по одной тысячѣ, и это всетаки составило бы не болѣе десятой доли получаемаго ими подъ предлогомъ вспоможенія неимущимъ товарищамъ.

Для составленія бюджета общихъ расходовъ вы-

биралась передъ новымъ годомъ на каждый годъ «временная коммиссія», которая, повѣривъ расходы предшествующаго года, составляла на основаніи существующихъ цѣнъ на все примѣрную смѣту, изъ чего было уже видно, какую часть изъ 500 руб. на каждаго человѣка слѣдовало отдѣлить на общіе расходы. Остальное представлялось въ полное личное распоряженіе каждаго. Общіе расходы составляли: столъ, чай, сахаръ, хлѣбъ къ чаю, устройство кухни, огорода и бани, плата общей прислугѣ и за общія церковныя службы. Сумма, назначенная на общіе расходы, поступала въ распоряженіе «постоянной коммиссіи», состоявшей изъ казначея, хозяина и закупщика, которымъ представлялось дѣлать всѣ хозяйственныя распоряженія и уравнивать денежные отпуски на общія и частныя потребности. Для частныхъ надобностей каждое лицо на причитающуюся ему сумму на каждый мѣсяцъ имѣло открытый кредитъ въ артельныхъ книгахъ и выдавало записки на уплату. Разумѣется, при изобиліи денегъ въ кассѣ и удовлетвореніи общихъ потребностей, постоянная коммиссія имѣла право дѣлать на частныя издержки кредитъ и болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. По окончаніи года постоянная коммиссія должна была представлять временной коммиссіи для ревизіи и повѣрки всѣ три книги: казначейскую, хозяйственную и частную.

Деньги наши хранились въ мѣстномъ казначействѣ, откуда получались черезъ плацъ-майора. Для уплаты по общимъ расходамъ записки выдавалъ хозяинъ, а для частныхъ расходовъ казначей и закупщикъ, которому передавались всѣ частныя записки. Нужно-ли напр. было кому уплатить за мытье бѣлья, онъ посылалъ къ казначею записку за своею подписью; казначей вно-

силъ этотъ расходъ на имя подписавшаго лица, а самъ въ свою очередь давалъ записку къ плацъ-майору, что такому-то и такой-то слѣдуетъ получить за мытье бѣлья (но не означая уже чьего) изъ артельскихъ денегъ столько-то; получившій эту записку являлся съ нею на другой день поутру къ плацъ-маіору и получалъ деньги безъ замедленія и т. п.

Такъ какъ артель отвѣчала только за тѣ расходы, которые производились чрезъ нее, то есть чрезъ ея должностныхъ лицъ, то въ заводѣ и объявлялось ежегодно чрезъ плацъ-майора, кто должностныя лица въ казематѣ на хозяйственный годъ, который считался у насъ съ 1-го марта текущаго года до 1-го марта послѣдующаго. Всякія сдѣлки помимо артели дѣлались уже на свой страхъ и вступившіе въ таковыя лишены были всякаго права обращаться съ требованіемъ уплаты въ артель.

Артельное устройство вскорѣ взяло такую силу, получило такое довѣріе, что поставило въ зависимость отъ себя самыхъ богатыхъ изъ нашихъ товарищей, которые именно по избытку богатства почти всѣ отличались безалаберностью веденія своего хозяйства. Выдача изъ казначейства денегъ въ большемъ размѣрѣ, нежели опредѣлялось, болѣе выгодныя покупки отъ закупки массою, заемъ денегъ въ случаѣ временнаго недостатка и пр. — все это могло дѣлаться только чрезъ артель; и когда я былъ потомъ хозяиномъ, то не разъ самому богатому изъ насъ, Трубецкому, приходилось обращаться ко мнѣ, какъ къ хозяину, съ просьбою о ссудѣ денегъ, провизіи или о кредитѣ для закупокъ.

Временной коммиссіи представлялось также обсуждать измѣненія въ уставѣ. Всѣ сдѣланныя замѣчанія и предложенія по этому поводу, отъ одного-ли

лица или коллективныя, должны были сообщаться письменно и мотивированныя. По разсмотрѣніи, они съ заключеніемъ коммиссіи представлялись на общее голосованіе. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ могла быть избрана временная коммиссія и не въ обычное время; но для этого требовалось, чтобы требованіе о созваніи коммиссіи было подписано не менѣе, какъ третью голосовъ всѣхъ лицъ, составляющихъ артель.

Обезпечивъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей и спокойствіе казематскаго общества въ настоящемъ, доставивъ каждому въ собственное его распоряженіе столько средствъ, сколько должно было справедливо требовать, я хотѣлъ, чтобъ дальнѣйшія дѣйствія наши, относящіяся къ обезпеченію будущаго по выходѣ изъ каземата на поселеніе и къ развитію образованія, поставлены были уже въ зависимости отчасти и отъ собственной предусмотрительности и заботы; иначе могла быть открыта дверь тѣмъ же злоупотребленіямъ, которыя я старался изгнать вообще изъ взаимныхъ отношеній нашихъ и, пожалуй еще, даже и большимъ. Пребываніе въ казематѣ во всякомъ случаѣ было для большей части кратковременно въ сравненіи съ предстоящимъ вѣчнымъ поселеніемъ; притомъ, въ казематѣ затруднительное положеніе кого нибудь изъ товарищей всетаки кололо всѣмъ глаза и порождало непріятное чувство для всѣхъ; а потому такъ или иначе вызывало на устраненіе. Но если бы пришлось представить участь положенія или обезпеченія личнымъ отношеніямъ, то зависимость отъ нихъ явилась бы и еще суровѣе, и различіе между положеніемъ деликатнымъ и неделикатнымъ еще рѣзче. Это до такой степени оказалось справедливо, что, даже несмотря на всѣ принятыя

мѣры къ предупрежденію этого, всетаки не обошлось безъ злоупотребленій, какъ будетъ показано впослѣдствіи, и поэтому можно судить о томъ, что было бы еще, если бы не было противодѣйствія.

Вмѣстѣ съ Пущинымъ и Мухановымъ составилъ я артель взаимнаго вспомоществованія для обезпеченія по выходѣ на поселеніе, основанную на добровольномъ соглашеніи. Артель эта, по сокращенію, называлась малою для отличія отъ общей артели, которую съ тѣхъ поръ начали называть большою. Основаніемъ ея служилъ взносъ десяти процентовъ со всего, получаемаго въ личное распоряженіе, изъ какого бы ни было источника. Напр. лица, ничего собственно не имѣвшія, но получавшія изъ большой артели 500 р., изъ которыхъ за отдѣленіемъ на общіе расходы, оставалось имъ болѣе 250 руб., немного болѣе или менѣе, смотря по дешевизнѣ или дороговизнѣ припасовъ, а слѣдовательно расходовъ на общее содержаніе, вносили около 25 р. въ годъ, но если кто нибудь изъ нихъ получалъ деньги изъ Россіи, или началъ брать за работу на товарищей въ казематѣ, то долженъ былъ вносить десять процентовъ и съ этихъ суммъ. Конечно, такіе случаи были рѣдки, но они успокоивали совѣсть неимущихъ, представляя имъ равенство участія и риска, если не въ дѣйствительности, то въ возможности. Общая сумма, образуемая изъ такихъ взносовъ, увеличивалась, кромѣ того, оборотами, свойственными всѣмъ, подобнаго рода, банкамъ или учрежденіямъ вообще. Этотъ банкъ назывался заемный банкъ. Особенно охотно прибѣгало къ нашей кассѣ второстепенное купечество и разнаго рода торговцы. Они охотно давали по два процента въ мѣсяцъ, тогда какъ прежде, занимая у чиновниковъ или капиталистовъ, они платили въ

иной мѣсяцъ и десять процентовъ, напр. во время Верхнеудинской ярмарки, когда обязаны были уплатить кредиты, чтобы получить новый кредитъ. Много добра сдѣлала эта касса, давая взаймы честнымъ ремесленникамъ, и рабочимъ необходимыя суммы на покупку инструментовъ и матеріала и на постройку домовъ, которые отъ отдачи внаймы не рѣдко окупали въ два, въ три года заемный капиталъ и съ процентами.

Но чаще всѣхъ, конечно, прибѣгали къ этой кассѣ самые богатые наши товарищи, у которыхъ, по безпорядочности хозяйства отъ избытка богатства, никогда почти не бывало денегъ, и жили они все въ долгъ.

Результатомъ учрежденія малой артели было то, что такъ какъ многіе, хотя дѣлали взносы, но отказались получать что либо изъ нея, то накопившіяся суммы были достаточны, чтобы не только снабжать отправлявшихся на поселеніе, но и оказывать пособія и въ послѣдствіи; и даже по распущеніи каземата, артель, продолжавшая дѣйствовать, давала пособія и вдовамъ и дѣтямъ нашихъ товарищей. Оставалось, наконецъ, завершить полное удовлетвореніе нашихъ потребностей, выведя изъ подъ личной зависимости и образованіе, какъ выведено было изъ подъ нея обезпеченіе каждаго въ казематѣ и на поселеніи. Выше было сказано, что при совмѣстномъ житьѣ въ общихъ комнатахъ поневолѣ и журналы и книги поступали въ общее распоряженіе, хотя порядка въ пользованіи и не могло быть. Но когда стали жить въ Петровскомъ заводѣ по отдѣльнымъ номерамъ, то и выходило, что одинъ захватывалъ или выпрашивалъ у получавшихъ много, держалъ долго, а другіе въ это время не могли ни-

чего добиться. Кромѣ того, самая выписка тѣхъ или другихъ книгъ и газетъ зависѣла отъ случая и личнаго вкуса выписывавшаго. Вотъ почему для уничтоженія этого внутренняго и внѣшняго безпорядка въ чтеніи и учредили мы съ Митьковымъ и Волконскимъ артель для выписки и чтенія газетъ и книгъ. Подписная цѣна была по 10 руб. въ годъ, и участники обязывались сверхъ того получаемыя лично ими газеты и книги давать на чтеніе не иначе, какъ чрезъ артель, чтобы ввести правильность, справедливость и равенство очереди въ чтеніи. Весь казематъ захотѣлъ участвовать и въ этой артели, но управленіе ея было независимо отъ хозяйственнаго управленія. Я былъ выбранъ завѣдывать выпискою и чтеніемъ, а такъ какъ это не отклоняло меня отъ моихъ занятій на столько, на сколько бы отклонило занятіе по хозяйству, то я и не отказался.

Порядокъ установленъ былъ слѣдующій: опредѣленіе выписки дѣлалось по большинству голосовъ. Выписка дѣлалась на имя дамъ. Получаемые журналы присылались нераспечатанными ко мнѣ. Для каждаго журнала и газеты была своя особливая очередь; если напр. одну почту они начинались съ такого-то отдѣленія, то слѣдующую почту посылались въ слѣдующее отдѣленіе по порядку номеровъ ихъ (всѣхъ отдѣленій было въ казематѣ по оффиціальному счету 12). Газеты и журналы пришивались къ папкѣ, къ которой пришивался и списокъ лицъ, обязанныхъ расписываться въ полученіи. Газеты давались на два часа, журналы на двое сутокъ, за продержаніе сверхъ срока платился штрафъ. Если же кто желалъ дѣлать выписки или прочитать вторично, то обозначалъ, что проситъ о вторичной присылкѣ по окончаніи очереди. Та-

кимъ образомъ, было обезпечено всѣмъ правильное пользованіе чтеніемъ, и самое умственное занятіе сдѣлалось правильнымъ и систематическимъ, а потому и болѣе полезнымъ. Въ самой выпискѣ соблюдались возможная полнота и разумное соображеніе. Слишкомъ спеціальные журналы представлялись уже личной выпискѣ.

Нечего и говорить, что при той свободѣ внутренней жизни и полномъ отсутствіи всякихъ препятствій для проявленія идей и чувствъ, какія были въ казематѣ, и религіозное чувство не только, какъ личная потребность человѣка, но и какъ одинъ изъ общественныхъ элементовъ, неизбѣжно должно было проявиться во всевозможныхъ видахъ, и притомъ такъ же, какъ и вездѣ, не только въ правильномъ и законномъ выраженіи, но и злоупотребляемое для прикрытія личныхъ страстей и выгодъ. Одинъ изъ вопросовъ, относящихся сюда и сильно взволновавшій общество, былъ вопросъ объ умѣстности или нѣтъ постройки церкви въ казематѣ на нашъ собственный счетъ. Выше было сказано, что несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ правительство желало насъ подвергнуть, чтобы совершенно отрѣшить насъ отъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ поставленнаго надъ нами начальства, и оно даже не отважилось воспретить намъ посѣщеніе церкви по крайней мѣрѣ въ день причащенія Св. Таинъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы не только разрывали добровольно послѣднюю нашу связь съ живымъ внѣшнимъ обществомъ, но и присвоивали себѣ непринадлежащее намъ право имѣть вліяніе на участь будущихъ узниковъ каземата, и даже, можетъ быть, дали бы поводъ къ поддержанію этого зданія и къ неправильному заключенію въ него,

благо оно бы существовало. Кромѣ того, для меня ясно было, что побужденія въ этомъ дѣлѣ далеко были не чисты у всѣхъ. Нѣкоторыя лица, изъ числа наиболѣе хлопотавшихъ о томъ, не могли удержаться, чтобы не высказать заранѣе надеждъ ихъ на привиллегированное положеніе для удобствъ ихъ и тщеславія, и такимъ образомъ готовили изъ самой церкви поприще соперничества и раздоровъ, несвойственныхъ нашему достоинству.

Люди, возстававшіе противъ постройки церкви въ казематѣ, были правы въ существенномъ аргументѣ, что даже большинство не имѣетъ права навязывать такія рѣшенія, которыя не относятся ко внутренному устройству нашего быта, а посягаютъ на нравственную сферу, на свободу совѣсти и на отношенія наши къ правительству. Кромѣ вышеизложеннаго опасенія, многіе еще говорили, что теперь, если кто не ходитъ въ церковь, то это легко объясняется общими всѣмъ затрудненіями; при постройкѣ же церкви въ казематѣ начальство, пожалуй, еще вздумаетъ замѣчать тѣхъ, кто не ходитъ, и это подастъ поводъ къ ханжеству и лицемѣрію; а на то, что настоящее начальство, повидимому, мало о томъ заботится, нельзя еще полагаться, какъ потому, что это можетъ еще быть притворствомъ съ его стороны, такъ и потому, что по престарѣлости коменданта съ часу на часъ можно ожидать его смерти и присылки новаго коменданта; а что правительство склонно къ такому наблюденію, это доказывалось присылкою религіозныхъ книгъ, о чемъ упомянуто было выше. Къ несчастію, правильное рѣшеніе вопроса по сущности дѣла, а не по скрытымъ убѣжденіямъ, чрезвычайно затруднилось тѣмъ, что большая часть противниковъ постройки были люди не-религіозные, и ихъ сопро-

тивленіе объяснялось изъ этого источника. Тѣ же, которые выдавали себя всегда за людей религіозныхъ, какъ ни были убѣждены въ справедливости доводовъ противъ постройки церкви, боялись высказаться въ этомъ смыслѣ изъ опасенія, чтобы не заподозрили и ихъ религіозность, и чтобы не усилить чрезъ это анти-религіозную партію. Успѣли уже перессориться, перебраниться, но дѣло ничѣмъ не рѣшалось. Ни та, ни другая партія не отважилась пускать его на голоса; каждая опасалась, чтобы не обнаружилась при этомъ сила противной партія, что могло бы имѣть и другія невыгодныя для нея послѣдствія. Въ такомъ положеніи всѣ снова обратились ко мнѣ. Люди религіозные не сомнѣвались въ моей религіозности, люди анти-религіозные — въ моемъ бозпристрастіи и въ такомъ уваженіи къ нравственной свободѣ другого, что были убѣждены, что я не рѣшусь никогда дѣйствовать на убѣжденія другого, ни внѣшнимъ побужденіемъ, ни искусственною уловкою. Согласились, поэтому, предложить мнѣ первому на подписаніе подачу голосовъ въ пользу того или другого предложенія. Каждая партія выбрала депутата, которые носили подписной листъ вмѣстѣ, наблюдая одинъ за другимъ, чтобы не было вліяній на убѣжденіе къ подписи въ томъ или другомъ смыслѣ. Я подписался первый и притомъ противъ постройки и требовалъ собранныя 12 тысячъ употребить на постройку церкви въ заводѣ, какъ въ удовлетвореніе существенной потребности для завода, такъ и въ память нашего въ немъ пребыванія. Мнѣніе мое я мотивировалъ подробно, и оно увлекло за собою огромное большинство. Несогласныхъ оказалось всего человѣкъ десять, изъ которыхъ большая часть, притомъ, добивались постройки церкви

въ казематѣ вовсе не изъ религіозныхъ побужденій.

Второй религіозный вопросъ, подлежавшій общественному рѣшенію, былъ о платѣ за говѣнье. Пока не была учреждена артель (большая), и не всѣ имѣли личныя средства, плата за говѣнье производилась за всѣхъ, хотя, конечно, не была обязательная и для всей общины, такъ какъ мы имѣли своего священника, получавшаго за это большое жалованье. Но тогда и говѣнье ограничивалось однимъ разомъ въ годъ, что исполняли почти всѣ. Когда выходъ въ церковь былъ облегченъ, то многіе начали говѣть и во всѣ посты, или не одинъ разъ въ великій постъ. Справедливость требовала, чтобы они не налагали сопряженныхъ съ этимъ расходовъ на все общество.

Здѣсь историческая справедливость не позволяетъ мнѣ умолчать не только о крайностяхъ, до которыхъ достигли въ безпрепятственномъ развитіи ханжество съ одной стороны и безнравственность разврата съ другой, но и объ именахъ лицъ, бывшихъ крайнимъ выраженіемъ этихъ обоихъ направленій, чтобы заслуженное презрѣніе и нареканіе не могло пасть на другихъ и тѣнью подозрѣнія.

Полнѣйшимъ представителемъ ханжества былъ Кучевскій, загадочная личность, примѣшанная къ намъ, какъ разсказано было выше, при высылкѣ изъ заводовъ всѣхъ ссыльныхъ изъ дворянъ по поводу опасенія возстанія. Говорили, что онъ обвинялся въ намѣреніи поджечь Астрахань съ цѣлію произвести грабежъ, а такъ какъ онъ былъ военный майоръ, то его и прозвали въ шутку брантъ-майоромъ. Попавъ въ среду политическихъ людей, безъ ихъ идей, безъ ихъ заслугъ и стремленій, безъ всякаго образованія, и отчуждаемый недовѣріемъ, онъ,

вообще неглупый, сейчасъ сообразилъ, что легче всего сблизиться на религіозной почвѣ. Поэтому, онъ началъ утрировать всѣ внѣшнія выраженія, набилъ себѣ земными поклонами шишку на лбу, и тѣмъ умѣлъ вкрасться въ довѣріе людей слабодушныхъ и эксплуатировать ихъ очень искусно. Николай Бестужевъ называлъ его тремя именами: «Лукичъ» (по отчеству) въ обыкновенное время, «Лукичъ» въ посты, когда онъ, изъ опасенія остаться голоднымъ при постной пищѣ, потреблялъ неимовѣрное количество луку, и «Куличъ» на пасхѣ, когда шло такое же потребленіе кулича. Въ казематѣ онъ выдавалъ себя за женатаго и выпрашивалъ все на пособіе женѣ, — но по выходѣ на поселеніе тотчасъ женился, отбросивъ всю напускную религіозность, и поступилъ и въ дѣлѣ женитьбы, какъ негодяй. Онъ купилъ себѣ молоденькую дѣвочку у родителей, насильно побоями принудившихъ ее выдти за него, мучилъ ее до того, что она отъ него бѣгала, и онъ нанималъ ловить ее и возвращать къ нему насильно. Сынъ его былъ взятъ, однако, потомъ отъ него Трубецкими и они впослѣдствіи выхлопотали ему почетное гражданство.

Представителями въ казематскомъ обществѣ тѣхъ крайнихъ дурныхъ послѣдствій, которыя могутъ извлекаться людьми изъ ученія матеріализма, должно по справедливости считать Барятинскаго и Свистунова, именно потому, что они оправдывали свой развратъ матеріалистическими воззрѣніями. Впрочемъ, такъ какъ Барятинскій, по свойству своей болѣзни, жилъ почти всегда отдѣльно, въ особенномъ домѣ, то его дѣйствія и не наводили такого нареканія на казематъ, какъ дѣйствія Свистунова и его сообщниковъ. Надо сказать, что Свистуновъ былъ столько же трусливъ, какъ и развратенъ, и

потому не отважился бы на многія дѣла, если бы не имѣлъ по денежнымъ средствамъ возможности сформировать себѣ шайку изъ той примѣси не политическихъ лицъ, которая во всемъ, всегда и для всѣхъ, была орудіемъ и средствомъ для всякихъ дурныхъ дѣлъ. Въ семействѣ своемъ Свистуновъ видѣлъ дурные примѣры той смѣси католическаго суевѣрія съ развратомъ, которыя обуяли тогда многія русскія семейства; сестры его были за иностранцами, а законность рожденія меньшого брата формально оспаривалась. Можетъ быть, именно сознаніе справедливости этихъ слуховъ и заставило брата Свистунова выказывать для опроверженія ихъ свою заботливость о братѣ. Братъ посылалъ Свистунову много денегъ, но онъ въ артель вносилъ очень мало, употребляя получаемый имъ излишекъ на оргіи и на соблазненіе и на покупку у безчестныхъ родителей по деревнямъ молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ переодѣтыхъ проводили въ казематъ. Дѣло это было тѣмъ безчестнѣе, что при этомъ подвергали страшному уголовному тѣлесному наказанію подкупленную прислугу, а участники въ этомъ развратѣ имѣли потомъ еще подлость называть себя передъ дѣвками именами самыхъ чистыхъ людей, самыхъ безупречныхъ въ этомъ отношеніи. Чтобы лучше скрыть такого рода дѣйствія, Свистуновъ и его сообщники, размѣниваясь номерами, устроили такъ, что собрались въ одно отдѣленіе, гдѣ, поэтому, и не было посторонняго свидѣтеля тому, что тамъ творилось. Но какъ ничто, разумѣется, вполнѣ укрыться не могло, то открылось и это; и какъ ни снисходительно вообще по свѣтскому легкомыслію судятъ о слабой нравственности въ этомъ отношеніи, однако дѣла были уже такъ подлы, что произвели общій взрывъ негодо-

ванія, такъ что и тайные соучастники защищать виновныхъ уже не смѣли. Въ то же время открылось это и начальству. Прислугу смѣнили, и если она не подверглась особенно строгому наказанію, то единственно потому, что само начальство смотрѣло на это легкомысленно, представляя само образецъ не лучшаго поведенія, и потому было, можетъ быть, еще внутренно довольно, что и между либералами нашлись люди, которые поровнялись съ ними.

Главными товарищами Свистунова были Соловьевъ и Мозалевскій. Поведеніе Ивашева было, конечно, также не лучше, по крайней мѣрѣ до женитьбы его; но такъ какъ это дѣлалось съ содѣйствіемъ Барятинскаго, то не такъ бросалось въ глаза и не такъ позорило собственно казематъ. Ивашевъ, впрочемъ, не остался безнаказаннымъ. Какъ старался онъ до женитьбы поддерживать дружбу съ Барятинскимъ, такъ сталъ удаляться отъ него послѣ женитьбы, за что Барятинскій мстилъ ему, разглашая прежнія его продѣлки, а какъ это дѣлано было именно такъ, чтобы доходило до его жены, то и ей служило наказаніемъ, доказавъ, что кто продаетъ себя за деньги, не имѣетъ права ожидать въ покупщикѣ человѣка, котораго можно уважать, а, слѣдовательно, и любить.

Къ сожалѣнію, надобно сказать, что и нѣкоторыя дамы подавали поводы къ соблазну. Вообще мало понимаютъ, что святость супружеской жизни требуетъ не меньшаго цѣломудрія помысловъ, какъ и дѣвственная жизнь, и что не чувственное ощущеніе, а нравственная потребность и стремленіе сдѣлаться однимъ существомъ, должно быть побужденіемъ къ супружескому соединенію; та самая потребность и стремленіе, которыя заставляютъ истин-

ныхъ супруговъ желать быть всегда вмѣстѣ, а не искать удовольствій внѣ дома и семьи.

Все это обнаруживало и вмѣстѣ съ тѣмъ служило мнѣ аргументомъ для предостереженія моихъ товарищей, что у многихъ либерализмъ политическихъ идей не истекалъ изъ правильнаго источника и не имѣлъ прочнаго основанія, которыми могутъ быть только нравственныя начала. Истинный либералъ не можетъ не чтить высоко нравственную свободу всякаго человѣка, что составляетъ главное доказательство уваженія къ личности, — и не станетъ поэтому посягать на нравственное его достоинство, а нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ выше посягательства на него, какъ развратъ. Вотъ почему либералы, которыхъ либерализмъ есть слѣдствіе безсознательнаго увлеченія чувствомъ или идеей, а не основанъ на требованіяхъ строгой нравственности и правды, впадаютъ такъ часто въ противорѣчіе, что, толкуя о правахъ личности и собственности, ни за что считаютъ посягать на честь дѣвицы и честность женщины, увлекая ихъ въ предосудительное дѣло, особенно, если это прилагается къ низшимъ сословіямъ. Тутъ противорѣчіе иногда доходитъ до того, что лицемѣрно раздваивается нравственность, и самые ханжи, осуждая напр. мужа за невѣрность женѣ, и не думаютъ осуждать его за жертву этой невѣрности, что должно однако же быть еще строже осуждаемо. Считая нарушеніемъ честности всякое посягательство на собственность лица, ни во что вмѣняютъ посягательство на высшую собственность — честь, и на собственную его личность въ лицѣ половины его существа.

Всѣ эти прискорбныя явленія заставляли меня все болѣе и болѣе усиливать разысканія истинныхъ основъ истиннаго либерализма, истинныхъ основъ

свободы, равенства и порядка, и требовать отъ своихъ товарищей исправленія ихъ идей и очищенія ихъ чувствъ либерализма, утвержденіемъ ихъ на одномъ прочномъ основаніи, на нравственности и справедливости, безъ которой можетъ исказиться понятіе о самой любви и къ человѣку, и къ человѣчеству.

Я тѣмъ болѣе старался поддержать и упрочить нравственное достоинство наше, что оно имѣло огромное значеніе и для всего государства и для будущей участи каждаго изъ насъ на поселеніи. При общей слабости у насъ религіозности и нравственности даже и въ образованномъ классѣ, образованіе представляетъ мало привлекательнаго для массы народа, а между тѣмъ только одно образованіе могло дать разумѣніе справедливости тѣхъ идей и требованій для блага народа, которыхъ мы были представителями, какъ одно только нравственное достоинство наше могло внушить уваженіе и любовь къ намъ. Въ отношеніи же личной участи каждаго очень понятно, что вниманіе и уваженіе, какое могли мы встрѣтить въ мѣстахъ нашего поселенія, во многомъ зависѣло отъ общаго понятія о насъ, отъ значенія, какое будетъ имѣть казематское общество. И такъ все, что роняло общее къ намъ уваженіе, что подрывало нравственное значеніе и вліяніе наше, требовало сильнаго противодѣйствія для блага каждаго и тѣмъ болѣе, что для меня несомнѣнно было, что если дать развиться дурнымъ побужденіямъ и привычкамъ въ казематѣ, то они могутъ привести многихъ даже къ гибели на поселеніи, гдѣ люди останутся одинокими, предоставленными самимъ себѣ, безъ нравственной поддержки товарищей, безъ обуздывающаго противодѣйствія. Вотъ почему я такъ ревностно

и настойчиво надоѣдалъ, какъ говорили, всѣмъ постоянными разсужденіями о томъ, чѣмъ обязаны мы и въ отношеніи къ общему значенію, какъ представители свободы и справедливости, и въ отношеніи къ самимъ себѣ для личнаго своего блага. Вотъ почему и возставалъ я также всѣми силами противъ картъ, гулянокъ, пріучавшихъ къ расточительности и пьянству, противъ празднаго препровожденія времени, справедливо предвидя, что привычки ко всему этому невольно вовлекутъ въ знакомства и товарищества, неприличныя и несвойственныя людямъ образованнымъ и политическимъ. Къ несчастію, это сбылось впослѣдствіи надъ многими и отъ этого погибли даже такія личности, какъ М. Кюхельбекеръ и Глѣбовъ, — а другіе увлеклись въ неоправдываемыя нашими идеями занятія, не умѣли удержаться въ свойственной намъ сферѣ; и для удовлетворенія искусственныхъ потребностей, кто пустился въ разные обороты, кто пошелъ на службу въ откупъ или въ администрацію, и, вступивъ въ связь съ дурными людьми на почвѣ интересовъ или удовольствій, устранили и общее и личное значеніе и уваженіе къ дѣлу, котораго были представителями.

Особенно часто предметомъ разсужденія и предупрежденія была женитьба и вообще отношенія къ женщинамъ, такъ какъ съ этой стороны грозила наибольшая опасность. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время либеральная партія заключала въ себѣ лучшихъ современныхъ людей, болѣе честныхъ, болѣе справедливыхъ, болѣе образованныхъ и готовыхъ на самопожертвованіе, но по общей слабости вѣры и науки, отражавшейся и на нихъ, и религіозныя и нравственныя понятія были неясны; не признавалась отъ того, что не понималась, необходимая связь

какъ между всякимъ добрымъ стремленіемъ и справедливою идеею и нравственностью, такъ и между нравственностью и истинною религіей. Вслѣдствіе этого многіе люди и религіозные не смотрѣли на бракъ съ истинно-христіанскими понятіями и не понимали значенія правильнаго супружества и семьи для общества; многіе люди, считавшіеся въ другихъ отношеніяхъ за нравственныхъ, легкомысленно смотрѣли на отношенія къ женитьбѣ.

На опытѣ моихъ товарищей, считавшихся лучшими людьми современнаго общества, на опытѣ казематскаго общества, имѣвшаго, конечно, въ отвлеченномъ смыслѣ образцовое устройство, ясно обнаружилось, что если религіозность и нравственность, всѣ относительныя хорошія идеи и побужденія, не поставлены на должное основаніе, т. е. на такое, изъ котораго онѣ вытекали бы по логической необходимости, то онѣ всегда будутъ, такъ сказать, искуственны, шатки, и не устоятъ при испытаніи. Люди увлекутся въ противорѣчіе съ признаваемыми началами, а общество утратитъ внутреннюю связь, и люди, потерявъ вѣру въ значеніе своихъ стремленій, отрекутся отъ общественной дѣятельности и замкнутся въ личномъ кругѣ дѣйствія (это еще лучшіе изъ нихъ) или вполнѣ предадутся эгоистическимъ цѣлямъ.

Отсутствіе правильныхъ понятій о достоинствѣ брака и о нравственности не замедлило выказаться впослѣдствіи и было причиною, что большая часть нашихъ товарищей вступали на поселеніи въ несвойственное супружество или вошли въ непозволительныя связи. Не то важно еще, что многіе переженились на простыхъ необразованныхъ женщинахъ, но что они не сумѣли возвысить ихъ до себя и создать себѣ достойныхъ подругъ, разумѣющихъ ихъ,

а черезъ то обнаружили, какого рода побужденія влекли ихъ къ самой женитьбѣ. Коль скоро жена не могла понять нравственнаго значенія своего мужа, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, а смотрѣла на него, какъ на простого и притомъ безправнаго человѣка, какъ на поселенца, то, конечно, послѣдствія могли быть только самыя плачевныя. Жена мучила мужа домашними дрязгами, и образованные люди впадали часто въ такое положеніе, что забывали и свои идеи и свое достоинство. Такъ жена несчастнаго В. К. Кюхельбекера бранила его за всякій листъ бумаги для его сочиненій, какъ за лишній расходъ, и ссоры мужа съ женою доходили до того, что они ходили на судъ къ какому нибудь засѣдателю или казачьему сотнику. Съ другой стороны Штейнгель, очень пожилой человѣкъ, имѣвшій въ Россіи жену и много дѣтей и въ томъ числѣ уже женатыхъ сыновей и замужнихъ дочерей, прижилъ дѣтей и въ Сибири, какъ оглашено было оффиціально; и хотя имъ, по возвращеніи Штейнгеля въ Россію къ женѣ своей, и выхлопотали потомственное почетное гражданство, но этимъ нравственное зло не было уже, разумѣется, исправлено, и мать дѣтей его навсегда осталась жертвою неясныхъ понятій о нравственности и противорѣчія съ великими началами свободы и равенства, которыхъ онъ былъ обязательнымъ представителемъ. Даже такой уважаемый человѣкъ, какъ Иванъ Пущинъ, имѣлъ побочныхъ дѣтей въ Сибири и пр.

Не менѣе вреда принесло отсутствіе яснаго понятія о томъ, какія обязанности налагало на насъ наше политическое значеніе. Не уяснивъ себѣ истинныхъ основаній своихъ идей и побужденій и не закрѣпивъ ихъ сознаніемъ, не возведя ихъ на степень живой силы, не могли защитить себя отъ втор-

женія дурныхъ привычекъ и пустого препровожденія времени, которыя, овладѣвая людьми, все болѣе и болѣе пріучали ихъ отклоняться отъ политическаго изученія и дѣятельности, даже тамъ, гдѣ, какъ напр. въ казематѣ, были для того наилучшія условія, и подготовили то явленіе, что, по выходѣ на поселеніе, никто уже, за исключеніемъ меня и Лунина*) не продолжалъ ни политической, ни общественной дѣятельности. Одни по безсилію ума, другіе по лѣности, не съумѣвши разъяснить истинныхъ основъ своихъ прежнихъ стремленій, не съумѣли совладать съ противорѣчіями, и, утративъ вѣру въ свои начала, погрузились въ апатію или занялись исключительно своими личными дѣлами, а нашлись и такіе, которые, прикрывая свои интересы будто бы перемѣною убѣжденій, стали выслуживаться поклоненіемъ тому, что прежде осуждали и противъ чего возставали, жертвуя даже собою.

Общій результатъ казематскаго опыта и относительно людей, и относительно убѣжденій былъ таковъ: что касается до лицъ, составлявшихъ казематское общество, то грустныя явленія, которыя представила большая часть изъ нихъ, произошли вовсе не отъ того, чтобы эти люди были сами по себѣ и съ самаго начала такъ дурны, какъ хотѣли представить ихъ противники. Совсѣмъ напротивъ, они были во многомъ несравненно лучше своихъ клеветниковъ, что свидѣтельствовалось уже и тѣмъ, что они, хотя большею частію и по увлеченію, но все же были способны возвыситься до пожертвованія всѣми выгодами своего положенія, и на столько

---

*) Лунинъ былъ заточенъ въ Акатуй за статьи, напечатанныя въ одной англійской газетѣ, когда былъ уже на поселеніи. Онъ въ Акатуѣ и умеръ.

искренни, что не отступили предъ логическими выводами тѣхъ самыхъ началъ, которыя прилагали къ дѣлу и противники ихъ, только въ пользу своихъ выгодъ, а не для общаго блага, такъ что даже и въ томъ, въ чемъ идеи и дѣйствія такъ называемыхъ декабристовъ были ошибочны, они были сами жертвою ложныхъ понятій и правилъ общества, внушенныхъ имъ воспитаніемъ и примѣромъ, и извлекали только логическія послѣдствія и приложенія, какъ и объяснилъ я это митрополиту Филарету. Главное же несчастіе моихъ товарищей впослѣдствіи заключалось въ томъ, что они слишкомъ самонадѣянно положились на превосходство своихъ идей и побужденій и не съумѣли воспользоваться тѣми превосходными условіями, какія представлялъ казематъ для провѣрки своихъ идей и побужденій и очищенія ихъ отъ тѣхъ искажающихъ вліяній, какія произвела на нихъ неразвитость современнаго русскаго общества, ни шаткость его религіозныхъ и нравственныхъ понятій, запутывающая людей въ неисходныя противорѣчія. Не укрѣпясь ни яснымъ сознаніемъ, ни нравственною силою, они не выдержали гнета тяжелыхъ обстоятельствъ; отступили назадъ отъ того, что не умѣли идти впередъ, что не искали выхода въ томъ, въ чемъ одномъ только его и можно было найти, и съ потерею главнаго своего достоянія — нравственнаго къ себѣ уваженія и значенія, заимствованныхъ отъ идей, которыхъ они были представителями, они естественно должны были казаться павшими нравственно еще ниже, нежели люди противной партіи, которые при отсутствіи даже всякаго внутренняго достоинства имѣли внѣшнія преимущества, которыя ихъ ограждали и прикрывали нравственные недостатки.

Что же касается до учрежденій, то казематскій опытъ ясно свидѣтельствовалъ, что наилучшія учрежденія тогда только прочны, когда они составляютъ естественное проявленіе живой, разумной и потому правильно дѣйствующей силы, которую не могутъ замѣнить ни отвлеченныя идеи, ни условные договоры; что утвержденіе власти и свободы не можетъ быть достигнуто независимо отъ нравственности, однимъ установленіемъ формъ и признаніемъ правъ; что свобода немыслима для тѣхъ, кто не умѣетъ противостоять порабощающимъ вліяніямъ страха угрозъ, обольщенія выгоды, приманки и привычки наслажденій: что нравственность не можетъ раздѣляться и имѣть одни правила для одной сферы и другія для другой; что истина не можетъ быть найдена не только въ какомъ нибудь одностороннемъ видѣ или проявленіи, но и въ механическомъ смѣшеніи формъ, ни въ эклектической срединѣ между крайностями; а потому всякое подраженіе внѣшнимъ видамъ безплодно и безполезно, и для проявленія дѣйствительной жизни въ обществѣ требуется органическое ея порожденіе; что власть и свобода составляютъ нравственное единство, и потому съ отрѣшеніемъ нравственнаго начала, никакими искусственными сочетаніями и устройствомъ, никакимъ насиліемъ и хитростью нельзя добиться, чтобы злоупотребленіе одной стороны не вызывало злоупотребленія другой, такъ же, какъ нельзя сдѣлать, чтобы, нажимая одну половинку коромысла у вѣсовъ, не заставить въ то же время подниматься другую. Что поэтому ни одна сторона не должна ставить своихъ дѣйствій въ нравственную зависимость отъ дѣйствій другой, и что человѣкъ, искренне желающій добра, будь онъ имѣющій власть или ищущій свободы, только тогда

можетъ достигнуть уваженія и признанія власти и свободы, когда будетъ искать того или другого внѣ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ, съ яснымъ сознаніемъ и съ твердымъ убѣжденіемъ нераздѣльности законныхъ требованій одного и другого; что не выставляемая цѣль, а духъ, побуждающій къ дѣйствію, опредѣляетъ послѣдствія, такъ что если въ побужденіяхъ власти кроется произволъ, то дѣйствія ея ведутъ неминуемо къ анархіи, а если стремленіе къ свободѣ истекаетъ изъ желанія своеволія, то оно приведетъ неизбѣжно къ деспотизму, подъ какою бы обманчивою формою онъ ни скрывался. Что въ окончательномъ выводѣ существенная отвѣтственность есть нравственная, и никакія формальныя права не составятъ дѣйствительнаго огражденія при отрѣшеніи понятій и дѣйствій отъ началъ нравственности, что нравственность находится въ неразрывной связи съ религіознымъ чувствомъ, а религіозное чувство съ истинностію религіи. Что для всякаго дѣйствія нужны сила и правильное разумѣніе приложенія ея; и что потому, если люди и спасаются иногда непослѣдовательностью, то всетаки ошибочныя понятія окончательно всегда подрываютъ силу, а отсутствіе силы дѣлаетъ безплодными даже и правильныя понятія. Что основою и общественнаго устройства должны быть общечеловѣческія условія, и что поэтому безъ правильнаго разрѣшенія вопросовъ о положеніи женщины, о взаимной зависимости, о бракѣ (искаженныхъ въ ложно понятой эмансипаціи), о правахъ и обязанностяхъ родителей, о воспитаніи, о взаимной солидарности, основанной на томъ премудромъ устройствѣ, что истинное счастье можетъ только быть наградою за содѣйствіе счастію другихъ, всякое измѣненіе внѣшнихъ условій въ одной только

сферѣ не улучшитъ общественнаго положенія, а будетъ только перемѣщеніемъ выгодъ внѣшнихъ, увеличеніемъ ихъ однихъ на счетъ другихъ, не доставляя и первымъ истиннаго удовлетворенія.

Каждое изъ этихъ положеній можетъ составить предметъ обширнаго разсужденія; и смѣло можно сказать, что никакое книжное изученіе, никакое собственное наблюденіе въ другихъ мѣстахъ не могли доставить такихъ полныхъ и такихъ точныхъ доказательствъ, какія представилъ казематскій опытъ для уясненія и разрѣшенія общественныхъ вопросовъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Начала, выработанныя мною въ казематѣ, выдержали съ успѣхомъ испытаніе казематскаго опыта и оказались вполнѣ вѣрными въ приложеніи къ казематскому обществу. Но могли однако сказать, что само это общество находилось въ исключительномъ положеніи; и потому, чтобъ утвердить несомнѣнно общую приложимость и значеніе этихъ началъ, надобно было желать того, что называютъ *contre épreuve,* предпринять провѣрку ихъ въ приложеніи къ обычнымъ сферамъ жизни семейной, общественной и политической, но съ такими однако же опять условіями, которыя вызывали-бы чисто нравственную силу этихъ началъ, не затемняемую содѣйствіемъ никакихъ другихъ средствъ. Поэтому-то и было чрезвычайно важно, что для полноты опыта, какъ бы нарочно, таково и было мое положеніе во время нахожденія моего на поселеніи въ Читѣ.

Чтобы охарактеризировать въ краткихъ чертахъ дѣятельность мою въ Читѣ я, не боясь ни въ чемъ опроверженія, смѣло могу сказать, что результатъ моей жизни въ Читѣ былъ слѣдующій:

Въ семейной жизни я далъ примѣръ истинныхъ условій благоустройства и счастія независимо отъ внѣшняго положенія и средствъ. Умирающая жена моя дала мнѣ свидѣтельство, что была такъ счастлива, какъ и не воображала, что можно быть счастливымъ на землѣ, и если сожалѣла о чемъ, такъ о томъ только, что сознавала, что не могла сдѣлать и меня такъ счастливымъ, какъ была сама счастлива. Семейство ея, оставшееся при мнѣ и по смерти ея, прониклось безграничною ко мнѣ приверженностью и безусловною преданностію, и теперь, когда разлучено невольно со мною, считаетъ идеаломъ счастія то время, которое провело подъ моимъ покровительствомъ и моею защитою. Прислуга жила у меня безотходно до тѣхъ поръ, пока какія нибудь независящія отъ воли обстоятельства не удаляли ее. Совершенно наоборотъ противъ обычныхъ мнѣній и поговорокъ, я имѣлъ то счастіе, что только не знавшіе меня, или судившіе по слухамъ враждовали противъ меня: всѣ же, кто приближался ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе привязывались ко мнѣ, чѣмъ ближе были свидѣтелями моей жизни.

Народъ питалъ ко мнѣ безусловное довѣріе. Я былъ не только безвозмезднымъ, но и жертвующимъ за него собою врачемъ, учителемъ, совѣтникомъ, утѣшителемъ, помощникомъ и заступникомъ; и когда вліяніемъ моимъ на начальниковъ я былъ дѣйствительнымъ правителемъ области, то оставилъ объ этомъ времени такое воспоминаніе, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей, самъ личный свидѣтель всего, М. К. Кюхельбекеръ, писалъ ко мнѣ по поводу первой еще попытки Муравьева вѣроломнымъ образомъ удалить меня изъ Читы: «А что будетъ съ бѣднымъ народомъ, который въ твое управленіе и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ

было, что справедливость можетъ жить и на землѣ?»

Но не одинъ народъ прибѣгалъ ко мнѣ. Всѣ начальники отъ низшихъ до самыхъ высшихъ генералъ-губернаторовъ, ревизующихъ сенаторовъ, архіереевъ и пр. всѣ искали моего совѣта и содѣйствія, такъ что послѣднее средство во всякомъ затруднительномъ дѣлѣ у всѣхъ было: «Надо спросить объ этомъ Дмитрія Иринарховича.»

Устройство дома и хозяйства было у меня образцовое. Всѣ отрасли земледѣлія, огородничества, садоводства, скотоводства были доведены у меня до высокой степени совершенства. Между тѣмъ я не получилъ ничего готоваго, но долженъ былъ все создать самъ, начиная отъ образованія семьи до образцовыхъ постройки дома и устройства хозяйства.

Вотъ почему во время возникшей потомъ борьбы у меня съ мѣстнымъ начальствомъ, никто не могъ, во первыхъ, противопоставить мнѣ извѣстнаго аргумента, что легко критиковать, а трудно сдѣлать, такъ какъ я съ меньшими средствами всегда дѣлалъ и больше, и лучше, чѣмъ противники мои съ огромными средствами; во вторыхъ, я могъ такъ смѣло призывать правительство къ подробнѣйшему изслѣдованію моихъ дѣйствій, и съ увѣренностью сказать ему, что хотя и не называюсь графомъ Читинскимъ, но что если Чита будетъ когда либо извѣстна, то именно потому, что я въ ней жилъ и дѣйствовалъ.

Но дѣйствія мои въ Читѣ имѣли не одно только мѣстное значеніе. Они обнимали всѣ сферы государственной и общественной жизни, и немногимъ даже изъ имѣвшихъ большую власть и средства удалось совершить то, что сдѣлалъ я безъ всякой власти и средствъ. Надо было бы занять

слишкомъ много мѣста, если бы я хотѣлъ приводить одни только письменныя свидѣтельства людей всѣхъ званій и положеній.

«Сознаемся, что не имѣемъ ни вашего мужества, ни вашего самоотверженія,» писалъ мнѣ изъ Спб. одинъ изъ высокопоставленныхъ людей. «Сравнивать себя съ вами не смѣю,» писалъ мнѣ одинъ товарищъ, «вы человѣкъ истинно европейской учености; во мнѣ нѣтъ вашей всепобѣждающей стойкости.» — «Надо быть вовсе лишену политическаго разумѣнія,» писалъ мнѣ глава соціалистовъ, «чтобы не понять, что напечатанное вами выше всего, что произвела русская печать.» — «Дѣйствія ваши,» писалъ мнѣ одинъ человѣкъ, исправляющій самъ должность военнаго губернатора, «заставили бы еще больше уважать васъ, если бы это было возможно, если бы наше уваженіе къ вамъ и безъ того не было безпредѣльно.» — «Не могу не отдать полной справедливости, ясности и высотѣ видовъ вашихъ,» писалъ мнѣ отъ имени сенатора старшій совѣтникъ ревизіи. — «Слава вашей доблести, вашему слову, вашему геройству,» такъ оканчивался адресъ, посланный изъ Москвы, и умирающій Ермоловъ посылалъ мнѣ заочно радостный привѣтъ и благословеніе. Поэтому-то, имѣя подтвержденіе тысячи свидѣтельствъ, я съ полнымъ сознаніемъ правоты утверждаемаго мною и могъ смѣло написать правительству, что хотя я не добивался титула какого-нибудь свѣтлѣйшаго князя Забайкальскаго и Амурскаго, но буду всегда жить въ памяти этого края, какъ твердый защитникъ его и лучшій устроитель; что хотя я и не предъявлялъ притязанія на ордена Св. Андрея и Владиміра, но лучше исполнилъ ихъ девизы, нежели люди, носящіе видимые знаки этихъ орденовъ, потому что лучше ихъ

сохранилъ вѣру и вѣрность отечеству и болѣе радѣлъ о чести, славѣ и пользѣ его.

Надо помнить, что я прибылъ на поселеніе, лишенный всѣхъ политическихъ и даже гражданскихъ правъ, и не имѣя другихъ внѣшнихъ средствъ въ замѣну ихъ, ни богатства, ни связей, чтобы понять, что все, что удалось мнѣ совершить, было, стало быть, исключительно созданіемъ нравственной силы тѣхъ началъ, которыя руководили мною. Положеніе мое, по пріѣздѣ въ Читу, было самое затруднительное во всѣхъ отношеніяхъ. Я отказался взять какое либо пособіе изъ учрежденной мною артели для пособія живущимъ на поселеніи, имѣя полное право ожидать себѣ содѣйствія отъ родныхъ, постоянно твердившихъ мнѣ объ ихъ заботахъ обо мнѣ, ожидать тѣмъ скорѣе, что въ послѣднее время нахожденія моего въ казематѣ мнѣ присылали очень мало, и я, не зная домашнихъ обстоятельствъ, не подозрѣвая, куда и на кого истощались средства моихъ родныхъ, но зная, что они были достаточны, могъ думать, что уменьшеніе присылки мнѣ въ казематъ имѣло именно цѣлію собрать побольше средствъ ко времени отправленія моего на поселеніе, зная, какіе большіе расходы предстоятъ при первоначальномъ устройствѣ, особенно имѣя въ виду немедленную женитьбу по прибытіи въ Читу. Къ удивленію, я не получилъ сполна и той умѣренной суммы, которую назначалъ, какъ предѣлъ крайней необходимости. Изъ этого я долженъ былъ еще уплатить долги брата, который никогда не деликатничалъ ни относительно родныхъ, ни относительно чужихъ, и, мотая всегда свыше средствъ своихъ, надѣлалъ долговъ въ лавкахъ, увѣривъ купцовъ разсказами о богатыхъ средствахъ нашихъ родныхъ. Вслѣдствіе такого

неожиданнаго сокращенія оставшихся у меня средствъ, я никакъ не могъ приступить съ самаго начала ни къ покупкѣ своего дома, ни къ постройкѣ новаго сразу, а долженъ былъ издерживать часть средствъ своихъ на временныя пристройки и передѣлки въ домѣ моей тещи, оставаясь въ немъ жить по необходимости, что имѣло другого рода неудобства, о которыхъ будетъ сказано ниже. А такихъ временныхъ расходовъ оказалось очень много, такъ какъ домъ моей тещи былъ очень древній и ветхій. Это былъ самый старинный домъ въ Читѣ, построенный еще при Биронѣ для мѣстныхъ начальниковъ и купленный у казны моимъ тестемъ при выходѣ его въ отставку и упраздненіи горнаго окружнаго управленія въ Читѣ.

Другое весьма важное неудобство состояло въ томъ, что, живя въ Читѣ въ селеніи, а не въ большомъ какомъ городѣ или около него, какъ напримѣръ товарищи мои, поселенные возлѣ Иркутска, я долженъ былъ имѣть дѣло съ мелкими, невѣжественными начальниками и другими вліятельными въ селеніи лицами; горный управитель былъ безпробудный пьяница, казачій офицеръ — пьяница и буянъ, священникъ человѣкъ въ высшей степени завистливый и корыстолюбивый, любившій кромѣ того подъискиваться подъ всѣхъ доносами, для чего мое исключительное положеніе могло особенно давать пищу. Наконецъ, мелкое купечество, особенно заносчивое, потому что купечество вообще привыкло въ Сибири разыгрывать роль аристократіи даже относительно чиновниковъ. А между тѣмъ, кромѣ столкновеній обыденной жизни, мнѣ неизбѣжно приходилось имѣть и съ ними частыя сношенія уже по самому предстоявшему мнѣ устройству и по всѣмъ занятіямъ, какого-бы рода я ни избралъ

ихъ. Затрудненіе усиливалось еще тѣмъ, что я зналъ, до какой степени у этихъ дикихъ людей возбуждается вражда противъ тѣхъ, кто чуждается пріятельскихъ отношеній съ ихъ кругомъ, не хочетъ быть съ ними за панибрата, а между тѣмъ по всѣмъ моимъ понятіямъ и привычкамъ я никакъ не могъ согласиться быть въ ихъ обществѣ, даже независимо отъ предостереженія, представляемаго примѣромъ нѣкоторыхъ очень хорошихъ людей изъ моихъ товарищей, погибшихъ отъ того именно, что они не съумѣли отстранить себя отъ участія въ компаніи и оргіяхъ подобнаго общества. А такъ какъ я жилъ въ Читѣ одинъ изъ нашихъ, то и не имѣлъ своего круга, какъ имѣли мои товарищи въ Иркутскѣ, Красноярскѣ, Тобольскѣ, Курганѣ и Ялуторовскѣ, гдѣ было вездѣ по нѣскольку человѣкъ ихъ, составлявшихъ свое собственное общество. Наконецъ, огромнѣйшее затрудненіе представляло сверхъ того отсутствіе у меня практическаго искусства и точнаго знанія мѣстныхъ условій, что особенно важно было при необходимости хозяйственнаго устройства и безошибочнаго выбора занятій. Правда, въ видахъ благоразумной предусмотрительности будущаго, я не ограничивался въ казематѣ изученіемъ однихъ нравственныхъ и политическихъ наукъ, но занимался и хозяйственными. Предвидя возможность и даже необходимость хозяйственныхъ занятій, я, кромѣ чтенія русскихъ сочиненій и журналовъ о хозяйствѣ, что не приносило впрочемъ большой пользы, прочелъ всѣ извѣстныя по этому предмету сочиненія на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ и, слѣдовательно, теоретически былъ хорошо подготовленъ, но мнѣ недоставало практическихъ познаній, и для меня ясно было, какія ошибки надѣлали русскіе хозяева отъ неразумнаго при-

ложенія правилъ раціональнаго (разумнаго) хозяйства, принявъ за самую сущность его одни только извѣстные виды проявленія его въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ мѣстностяхъ, къ которымъ они безъ разбора ихъ прилагали. Относительно же мѣстныхъ условій края, хотя я изучалъ ихъ и въ казематѣ, но ясно, что тамъ изученіе не могло быть полнымъ, потому что не могло основываться на собственныхъ наблюденіяхъ и повѣркѣ, а заимствовать было не у кого, такъ какъ никому изъ мѣстныхъ жителей и въ голову не приходило наблюдать ихъ съ общей точки зрѣнія, да они и не подозрѣвали самаго существованія подобныхъ взглядовъ. И такъ затрудненіе представлялось въ томъ видѣ, что надобно было вмѣстѣ и учиться и дѣйствовать.

Изъ этого уже видно, какъ много было дѣла у меня на рукахъ, и какъ разнообразна была предстоявшая дѣятельность, а между тѣмъ было и еще одно дѣло, которое я по справедливости считалъ даже важнѣе всѣхъ другихъ — это образованіе своего семейства, т. е. жены моей и сестеръ ея.

Воспитаніе семейства этого представляло то превосходное условіе, что въ немъ не было ничего дурного въ нравственномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи оно стояло даже несравненно выше обычнаго уровня такъ называемаго образованнаго круга. Домъ ихъ называли монастыремъ, а жену мою даже «святою»; но это было только отсутствіе и отрицаніе зла чрезъ внѣшное огражденіе отъ него. Надобно было дать всему доброму сознательное основаніе въ правильномъ знаніи. Правда, у нихъ въ семействѣ было много свѣдѣній по преданію; отецъ ихъ было человѣкъ по своему времени любознательный; дѣдъ со стороны матери — человѣкъ даже

ученый, другъ и корреспондентъ знаменитаго Палласа, но всетаки общаго систематическаго образованія онѣ не имѣли, и это было первое дѣло, безотлагательно заняться которымъ я вмѣнилъ себѣ въ обязанность, считая всегда, какъ для себя, такъ и для всякаго внутреннее развитіе человѣка лучшимъ огражденіемъ и обезпеченіемъ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, не было потеряно ни одного дня. Именно въ самый первый день вступленія моего въ семейство я изложилъ мои мысли о необходимости искать въ правильномъ образованіи сознательную опору всѣмъ добрымъ началамъ и удовлетворенія сродной человѣку потребности удовольствія во внутреннемъ мірѣ, который одинъ даетъ цѣну и всему внѣшнему. Онѣ начали изученіе латинскаго и французскаго языка, не потому, чтобы предстояла вѣроятность практическаго ихъ приложенія, но потому, что я всегда считалъ изученіе чужаго языка необходимымъ для уразумѣнія того, что человѣческая мысль независима отъ внѣшнихъ средствъ выраженія. Исторію и географію писалъ я имъ самъ; въ математикѣ одна изъ свояченицъ моихъ, выказавшая большую способность, прошла даже всю геометрію, тригонометрію и алгебру. Другая, имѣвшая расположеніе къ музыкѣ и рисованью, выучилась у меня игрѣ на гитарѣ (единственный инструментъ, доступный нашимъ средствамъ и знакомый мнѣ, какъ единственный почти изъ струнныхъ, употребленіе которыхъ совмѣстимо съ морскою службою) и рисованью цвѣтовъ, которыхъ она была большая любительница. Даже съ танцами, совершенно имъ до того времени незнакомыми, онѣ ознакомились настолько, что никто впослѣдствіи не замѣчалъ, что онѣ не учились имъ съ дѣтства. У нихъ въ семействѣ было много свѣдѣній относи-

тельно растительнаго царства, наслѣдованныхъ отъ дѣда; я привелъ все это въ систему и порядокъ, и теоретически правильнымъ изученіемъ ботаники, и практически-систематическимъ устройствомъ земледѣлія, огорода и цвѣтоводства. Если не было систематичнаго преподаванія наукъ нравственныхъ, политическихъ, философіи, то постоянныя бесѣды и толкованія при чтеніи сообщили имъ такія правильныя основы для сужденія, что когда домъ мой наполнился посѣтителями изъ круга, считавшагося въ Россіи высшимъ по званію и образованію, то семейство мое могло вести бесѣды такъ непринужденно и основательно, что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы онѣ начали свое образованіе въ такихъ поздникъ лѣтахъ и могли все это заимствовать отъ одного только человѣка. Я имѣлъ удовольствіе доставить всѣмъ такое полное удовлетвореніе въ семейномъ быту, что всякія внѣшнія удовольствія и развлеченія потеряли для нихъ всякую цѣну и обольстительность, не отъ пресыщенія, какъ обыкновенно бываетъ, а отъ полнаго сознанія превосходства внутренняго счастія надъ внѣшнимъ. Для моихъ свояченицъ самыя блестящія предложенія замужества потеряли всякое значеніе, такъ были онѣ убѣждены, что никакія выгодныя внѣшнія условія не замѣнятъ имъ того наслажденія, которое доставлялъ имъ глубокій душевный миръ и ясное понятіе, въ чемъ должно искать условій истиннаго счастія. Здѣсь надо замѣтить одно важное обстоятельство, на которое мало обращаютъ вниманія, но пренебреженіе къ которому бываетъ всегда почти началомъ домашняго разлада и соблазна. Люди почти всегда позволяютъ себѣ многое неприличное дома и заставляютъ своихъ домашнихъ быть свидѣтелями того, чего никакъ не рѣшатся выказать въ обще-

ствѣ, отчего и происходитъ тотъ соблазнъ, увлекающій въ неправильныя чувства, что чужимъ они кажутся лучшими, нежели своимъ домашнимъ. Кромѣ того, сносимые снисходительно въ обществѣ личные недостатки и дурныя, во всякомъ случаѣ, безполезныя привычки, куренье, обжорство, пьянство, карты, гулянки, развратъ, неприличная брань, тѣмъ сильнѣе заставляютъ себя чувствовать другимъ, чѣмъ ближе и тѣснѣе связываютъ ихъ условія ежедневной домашней жизни.

Нельзя себѣ представить ничего несчастнѣе того семейства, которое находится въ неизбѣжномъ постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, истратившимъ тѣлесныя и душевныя силы и получившимъ грубыя привычки отъ преждевременнаго разврата, сопряженнаго всегда съ утратою деликатности и внимательности, съ человѣкомъ вещественно отвратительнымъ отъ постояннаго запаху табаку и вина, отъ опухлаго, искаженнаго вида вслѣдствіе пьянства, обжорства, гулянокъ и картежной игры, разстраивающихъ порядокъ домашней жизни. Сколько несчастныхъ женщинъ впало въ соблазнъ отъ того, что онѣ видѣли самаго близкаго человѣка въ самомъ отвратительномъ видѣ, тогда какъ другіе, не лучшіе его во внутреннемъ быту своемъ, казались лучшими и пріятными единственно потому, что являлись имъ не въ обычномъ своемъ, а въ искусственно подготовленномъ видѣ.

И тѣни ничего подобнаго не видѣлось и не допускалось у меня въ домѣ. Я самъ никогда не курилъ, не пилъ, не игралъ въ карты, не бранился, не наказывалъ никого тѣлесно, былъ строго воздержанъ во всемъ и постоянно трудился, и поэтому имѣлъ полное право требовать этого и отъ другихъ. Я не держалъ въ домѣ своемъ ненадежныхъ поселен-

цевъ, но всегда испытанныхъ старожиловъ, платилъ поэтому работникамъ и вообще прислугѣ дороже, кормилъ лучше, оберегалъ ихъ интересы, защищалъ отъ начальства, менѣе налагалъ работы, но строго требовалъ, чтобы и помину не было о пьянствѣ, брани, картахъ, гулянкахъ и пр., и могу сказать, что, пока жилъ въ Читѣ, семейство мое не видало унизительнаго зрѣлища пьянаго человѣка въ домѣ. Что же касается попытки постороннихъ посѣтителей курить, вышить лишнюю рюмку, поиграть въ карты, то какое бы ни было званіе посѣтителя, я отклонялъ все это спокойнымъ, но твердымъ объявленіемъ, что ничто подобное въ домѣ у меня не допускается.

Всѣ мы трудились даже вещественно, но никогда не показывались другъ другу въ безпорядочномъ видѣ. Я имѣлъ и прежде всегда привычку одѣваться вполнѣ, лишь только встану, и никогда не терпѣлъ ни халатовъ, ни туфель, ни колпаковъ и ничего подобнаго. У меня въ домѣ была устроена отдѣльная комната, замѣнявшая намъ баню, и каждый изъ семейства послѣ занятія какимъ-нибудь тѣлеснымъ трудомъ по хозяйству не прежде являлся къ другимъ, какъ въ освѣженномъ видѣ. Мы собирались обыкновенно къ чаю и столу, не заставляя никогда другихъ дожидаться себя. Послѣ ужина всѣ занимались ручными работами, и кто нибудь читалъ, соединяя чтеніе съ бесѣдою. Я выписывалъ газеты, журналы и книги, и все семейство у меня было посвящено въ ходъ современныхъ событій и вопросовъ. Устройство дома было у меня образцовое. Домъ былъ самый теплый, самый сухой и съ чистымъ воздухомъ, комнаты очень большія, украшенныя цвѣтами и растеніями всѣхъ родовъ. Несмотря на страшный сибирскій климатъ, у

меня въ домѣ даже на сѣверной сторонѣ не было надобности въ двойныхъ рамахъ. Въ комнатахъ стояло до 600 растеній, отъ огромныхъ лимонныхъ деревьевъ, розъ, кипарисовъ и пр. въ кадкахъ до горшечковъ самаго мелкаго разбора на этажеркахъ. Такимъ образомъ, смѣло могу сказать, что мой домъ и по внѣшнему виду и по внутреннему быту представлялъ образецъ благоустроенной жизни образованнаго человѣка; и впечатлѣніе, производимое на внѣшнихъ, было чрезвычайное. Мнѣ безпрестанно говорили: «Въ другихъ мѣстахъ мы могли видѣть все, что можно купить за деньги, а у васъ видимъ то, чего ни за какія деньги купить нельзя.»

Относительно обученія чужихъ я принялъ ту же самую систему, что и въ своей собственной семьѣ. Я училъ всякаго независимо отъ его званія и положенія всему, что онъ только могъ изучать по способностямъ и по охотѣ. Платы я не назначалъ никакой, и, разумѣется, не только училъ даромъ большую часть, но и давалъ еще самъ имъ учебныя пособія. Кто имѣлъ средства, платилъ, что могъ. Впрочемъ, плата началась только тогда, когда начали переселяться въ Читу зажиточные купцы и чиновники съ достаточными окладами — не прежде пятаго года пребыванія моего въ Читѣ. Я училъ мальчиковъ и дѣвочекъ малыхъ и взрослыхъ, и крестьянскихъ дѣтей и дѣтей чиновниковъ.

Немудрено было предвидѣть, что это занятіе возбудитъ болѣе всего зависти и подастъ поводъ къ доносамъ, на которые имѣется столько охотниковъ въ Сибири. Чиновники завидовали, что и крестьянскія дѣти учатся языкамъ и высшимъ предметамъ. Духовенство и учителя завидовали, что у нихъ отбивается доходъ даровымъ обученіемъ. Но такъ какъ доносы были вообще крайне безсмысленны

и слишкомъ явно выказывали свои побужденія, то и не имѣли послѣдствій, кромѣ безпокойства отъ пустой переписки. Къ тому же, и отношенія ко мнѣ старшихъ лицъ въ управленіи были таковы, что всѣ они болѣе или менѣе нуждались во мнѣ. Громкая извѣстность, пріобрѣтенная мною въ казематѣ, и довѣріе, утвердившееся образомъ дѣйствій моихъ въ Читѣ, наконецъ посѣщеніе меня всѣми значительными проѣзжими были причиною, что не было ни въ какой отрасли управленія никакого важнаго и затруднительнаго дѣла, чтобы не обращались ко мнѣ за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Я не отказывалъ никому, но требовалъ, чтобы со мною говорили откровенно и сообщали всѣ факты, необходимые для правильнаго обсужденія дѣла. Поэтому для собственной своей пользы всѣ должны были показывать мнѣ всѣ правительственные и другіе документы и раскрывать свои настоящія побужденія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это-то именно и создало для меня такое исключительное и безпримѣрное положеніе, что, получая по собственной необходимости начальниковъ всѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія и въ то же время пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ народа, открывавшаго мнѣ безбоязненно все, я всегда зналъ и сущность каждаго дѣла и настоящія цѣли людей и могъ прослѣдить весь ходъ всякаго дѣла отъ мысли, зарождающейся въ головѣ начальника, до послѣдней стадіи исполненія, и обратно, отъ всякаго факта, какъ онъ былъ въ дѣйствительности, до того вида или представленія, въ какомъ онъ доходилъ до высшаго правительства. Все это дало мнѣ впослѣдствіи непреоборимую силу въ борьбѣ съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ я одинъ всегда зналъ всякое дѣло и въ сущности его и въ полнотѣ.

Я могъ бы привести множество фактовъ и доказательствъ, до какой степени подобострастія и лести доходили ко мнѣ отношенія начальниковъ, но ограничусь примѣромъ полковника Родственнаго, главнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ. Вынужденный въ свою очередь обратиться ко мнѣ за совѣтомъ и содѣйствіемъ, вотъ какую рѣчь держалъ онъ при этомъ случаѣ: «Обращаясь съ подобною просьбою ко всякому другому человѣку, я началъ бы съ извиненія, что безпокою и обременяю своею просьбою; но относительно васъ другое дѣло: вы намъ поставлены свѣтильникомъ просвѣщать насъ, свѣтомъ котораго мы обязаны пользоваться, и потому обращаемся къ вамъ уже какъ бы по праву,» и пр.

Романовъ гдѣ-то напечаталъ, что всѣ проѣзжающіе въ Читѣ считаютъ своею обязанностью являться ко мнѣ на поклоненіе, какъ Магомету въ Меккѣ и Мединѣ, но онъ не понялъ, что этимъ онъ самъ выставилъ только значеніе нравственной силы, потому-что что же, какъ не эта сила могла создать такое положеніе человѣку, не располагавшему никакими внѣшними средствами, не только не имѣвшему ни власти, ни богатства, но который еще самъ находился въ безправномъ положеніи.

Что же касается до занятія моего обученіемъ, то открытое сопротивленіе духовенства прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ самъ иркутскій архіерей, объѣзжая Забайкалье и прибывъ въ Читу, обратился ко мнѣ съ просьбою оказать ему содѣйствіе для утвержденія приходскихъ школъ по деревнямъ. По моему убѣжденію и вслѣдствіе довѣрія ко мнѣ, крестьяне 18-ти большихъ селеній, выбранныхъ мною центральными пунктами, составили приговоры объ учрежденіи школъ съ очень достаточнымъ содержа-

ніемъ, но съ условіемъ, чтобы былъ особый учитель не изъ духовенства. Одна изъ этихъ школъ пріобрѣла такое довѣріе, что въ нее посылали дѣтей даже мѣщане изъ городовъ.

Устройство хозяйства и постройки дома представляли мнѣ величайшія затрудненія. Независимо отъ недостатка у меня практическихъ знаній я сейчасъ замѣтилъ, что изъ занятія земледѣліемъ нельзя сдѣлать выгоднаго занятія въ торговомъ смыслѣ. Вся выгода въ этомъ смыслѣ выпадаетъ на долю тѣхъ, кто, какъ напр. чиновники и купцы, могли пользоваться даровою работою людей и имѣть вѣрный сбытъ произведеній по выгоднымъ подрядамъ въ казну. Но подобныя вещи и были мнѣ недоступны и главное противны моимъ правиламъ. Кромѣ того это сдѣлалось уже какъ бы сущностью моей природы, что я не могъ ничего, даже того, на что имѣлъ личное право, что относилось къ дѣйствіямъ людей лично для себя, отдѣлять отъ общихъ цѣлей, до такой степени всѣ мои мысли, стремленія, дѣйствія, проникнуты были единствомъ во всемъ. Поэтому, вступая на поприще практическихъ дѣйствій, я хотѣлъ и поставилъ себѣ цѣлію дѣлать всевозможные опыты, чтобы раскрыть, что край въ состояніи производить, если приложатъ къ нему раціональную систему изслѣдованій и дѣйствій; и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ я старался подвигать впередъ науку и полезныя приложенія ея. И при этомъ то я на опытѣ убѣдился, до какой степени неосновательно мнѣніе, что будто бы высшія соображенія отвлекаютъ отъ вещественнаго труда, а этотъ трудъ подавляетъ до такой степени, что не остается возможности для высшихъ соображеній. Я, напротивъ, извѣдалъ, что у кого духъ есть живая сила, а не отвлеченное понятіе, кто разъ сталъ

твердо въ духовной сферѣ, то никакой самый тяжелый вещественный трудъ не подавитъ дѣятельности (человѣка) духа, точно также, какъ жизнь духа не только не препятствуетъ нисходить въ самыя мелкія занятія, но еще улучшаетъ и облагораживаетъ ихъ, осмысливая и одухотворяя и вещественный трудъ. Честію свидѣтельствую, что никогда мысль не восходила у меня такъ легко къ самымъ высшимъ соображеніямъ, какъ — когда я изнемогалъ, повидимому, подъ тягостью вещественнаго труда; и никогда вещественный трудъ не былъ такъ искусенъ и такъ плодотворенъ, какъ когда я находилъ средства дѣлать приложенія къ нему самыхъ высшихъ соображеній, когда ничто самое мелкое и самое высшее не были въ противорѣчіи, а во всемъ господствовало полное и строгое единство. А трудъ вещественный былъ такъ тяжелъ, что человѣкъ непремѣнно изнемогъ бы, если бы духъ, какъ живительная сила, не поддерживалъ его. Чтобы все узнать по собственному опыту, я прошелъ всѣ работы, исполняя ихъ очень серьозно и всегда настолько, чтобы быть въ состояніи составить себѣ о всякой работѣ правильное понятіе. Я рубилъ лѣсъ, пилилъ его, расчищалъ землю, пахалъ, боронилъ, сѣялъ, жалъ, косилъ сѣно, копалъ гряды, сажалъ деревья, объѣзжалъ дикихъ лошадей, былъ плотникомъ, столяромъ, каменьщикомъ, слесаремъ, стекольщикомъ, маляромъ и пр., во всякое время и при всякой погодѣ, въ жаръ и вѣтеръ, на песчаной почвѣ, въ лѣсу съ оводами и комарами, въ ненастье и вьюгу, я зналъ во всемъ точный разсчетъ работы и что по справедливости могу требовать отъ работниковъ.

Довѣріе народа ко мнѣ было вполнѣ сознательное и основывалось на почерпнутомъ имъ изъ

опыта убѣжденіи, что я во всѣхъ дѣйствіяхъ относительно его искалъ дѣйствительно его блага, а не своихъ какихъ либо цѣлей. Я никогда не употреблялъ тѣхъ средствъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ для пріобрѣтенія мнимой популярности. Я не потворствовалъ никакимъ его слабостямъ, не заискивалъ его расположенія, не льстилъ ему и не поддѣлывался подъ его языкъ. Всѣ подобныя уловки ведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, нежели тѣ, которыхъ добиваются ищущіе популярности. Если народъ, пріученный угнетеніемъ и обманомъ къ притворству, и вынужденъ иногда по необходимости выражать не то, что думаетъ, чувствуетъ и желаетъ, то въ дѣйствительности ужъ, конечно, никогда не будетъ имѣть истиннаго довѣрія, какъ только къ такому человѣку, о которомъ сознаетъ, что тотъ стоитъ выше его и, слѣдовательно, можетъ дать ему разумный совѣтъ, и который говоритъ ему правду, не боясь возбудить къ себѣ неудовольствія, и, слѣдовательно, не ищетъ себѣ ничего.

Приведу нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ, какъ характеристическихъ примѣровъ, какъ судитъ народъ:

«Вѣдь вотъ, Ваше Высокородіе,» говорили мнѣ крестьяне или казаки почти всегда такими или подобными выраженіями, «посмотрѣли мы на нашихъ генераловъ, ну право слово, тошно стало. Глупуютъ хуже всякаго глупаго мужика; чему тутъ доброму отъ нихъ научишься?»

«Пріѣхалъ къ намъ, сударь, новый начальникъ и говоритъ по нашему, словно мужикъ какой. Ну на что намъ это? Да мы мужичьи рѣчи и безъ того все слышимъ; а ты намъ скажи вотъ что-нибудь толковое и разумное.»

«А что, Ваше Высокородіе, не слыхать ли чего новаго, а мы таки крѣпко напужались, такъ и ждемъ какой новой бѣды,» говорили мнѣ казаки деревни Титовой, недалеко отъ Читы.

«Отчего такъ?»

«Да вотъ, Ваше Высокородіе, пріѣхали къ намъ на дняхъ Корсаковъ и Сеславинъ, вошли въ одну избу: Нѣтъ ли у васъ водки? спросили. Вотъ мы и подумали, что за притча такая? Кабы съ охоты или съ дороги, дѣло понятное, а то прямо изъ города, изъ атаманскаго дома, почитай и версты прямикомъ не будетъ. Какъ не быть водки, подали по рюмкѣ. Пошли въ другую избу: Хозяйка, давай чаю! Съ дѣвками дурачатся, ребятамъ бросаютъ гривенники. На что это? думаемъ; ну какая имъ съ нами компанія? Вотъ мы и толкуемъ, что значитъ это не къ добру. Одному — другому бросятъ гривенникъ, а послѣ со всѣхъ, сколько ни на есть, десятки рублей и выжмутъ.»

Я никогда не входилъ въ домъ простаго человѣка безъ особенной нужды, а тѣмъ менѣе ради популярности; никогда не участвовалъ нигдѣ для этого въ празднествахъ или гулянкахъ ихъ, а являлся всегда по призыву ихъ посмотрѣть больного, принести ему лекарство или другое какое пособіе; но мой домъ былъ открытъ каждому и днемъ и ночью, и я никогда не имѣлъ обычая запирать свой кабинетъ, когда былъ дома, или свою спальню. Если кому было необходимое до меня дѣло, хоть бы ночью, то прислуга никогда не имѣла права отказывать въ доступѣ ко мнѣ изъ опасенія обезпокоить меня. Она обязана была сейчасъ же доложить мнѣ, и могу теперь же привести примѣръ, какъ я дѣйствовалъ иногда въ подобныхъ случаяхъ.

Это было, когда Чита была сдѣлана уже городомъ. Полицмейстеръ, желая сорвать взятку съ новоприѣзжаго съ семействомъ купца, схватилъ его и посадилъ въ острогъ. Бѣдная жена его, не успѣвшая еще осмотрѣться на квартирѣ, по совѣту хозяина дома, прибѣжала ко мнѣ ночью разсказать все дѣло. Убѣдясь въ законности его, я велѣлъ заложить сани и безотлагательно отправился съ нею къ губернатору. Разбудивъ его, я до тѣхъ поръ не вышелъ изъ его спальни, пока не вынесъ съ собою два письменныхъ приказанія: одно о немедленномъ освобожденіи купца, другое о смѣнѣ полицмейстера.

Но не отступая никогда ни предъ какою непріятностью, ни предъ какимъ пожертвованіемъ для дѣйствія въ защиту народа, стараясь всячески объ его образованіи и объ улучшеніи его быта, я нисколько не скрывалъ отъ себя и его недостатковъ и такъ же рѣшительно обличалъ ихъ и противодѣйствовалъ имъ, какъ рѣшительно боролся противъ его угнетателей. Доброе мнѣніе его обо мнѣ было нужно мнѣ для его пользы, а не для моего тщеславія. Довѣріе его ко мнѣ должно было быть дѣломъ справедливости, но для пріобрѣтенія его я не заискивалъ никогда расположенія народа, потворствуя его слабостямъ; и, напротивъ, всегда строго говорилъ съ нимъ объ его недостаткахъ, которыми онъ усиливаетъ и безъ того уже тяжелое положеніе свое, о пьянствѣ, лѣности, непредусмотрительности и пустыхъ сѣтованіяхъ.

Вотъ напр. образецъ одного изъ обычныхъ разговоровъ: Является казакъ изъ станицы, сообщаетъ о разныхъ незаконныхъ продѣлкахъ начальниковъ, представляя и точныя доказательства въ подтвержденіе разсказываемаго (иногда и письменные

документы), зная, что я голословныхъ показаній и сплетень не принимаю. Вижу, что незаконные поборы и наряды становятся выше силъ. Начинаются съ его стороны сѣтованья, да разныя причитанья. Я останавливаю его замѣчаніемъ, что этимъ ничему не поможешь.

«А вотъ ты лучше скажи мнѣ, зачѣмъ ты въ городѣ?»

Всегда оказывается, что или соли, или кирпичнаго чаю взять; но для меня ясно, что это только предлогъ для пустого шатанья.

«Ну вотъ видишь,» говорю я ему тогда, «все это худо, и я, какъ вы и сами знаете, сколько могу, противлюсь этому, да теперь дѣло не въ томъ, а какъ бы самому тебѣ дѣлать такъ, чтобы уменьшить тягость, это вотъ отъ насъ зависитъ, а до чужихъ дѣлъ если и доберемся, то еще не скоро. Зачѣмъ-же ты теряешь время, а не работаешь?»

«Да что, батюшка, никакой работы нѣтъ.»

«Какъ нѣтъ? Вотъ бы ты вырубилъ лѣсу, да очистилъ его, чѣмъ мотаться въ городѣ; зимою по маленьку бы вывезъ, или хоть и теперь, чѣмъ морить лошадь — ѣздить по городу по пустому. А тамъ, если весною будетъ опять нарядъ, то у тебя лѣсъ готовъ, и ты не станешь отрываться отъ пахоты или метаться, какъ угорѣлый, гдѣ бы купить лѣсу, да еще за дорогую цѣну. У тебя теперь идетъ время даромъ, а работай ты теперь, вотъ лѣсъ у тебя былъ бы готовъ, деньги въ карманѣ. Если же не будетъ наряда на выставку лѣса, ты продашь его; въ городѣ теперь постройка, всякій охотно купитъ за наличныя; у тебя будетъ чѣмъ уплатить повинности, и ты не станешь продавать за безцѣнокъ для этого лошадь или корову — выгода двойная» и т. д.

Общественная моя дѣятельность въ Читѣ начала развиваться слѣдующимъ образомъ: не теряя нисколько времени, даже прежде, нежели устроилъ я свой собственный домашній бытъ, я обратилъ полное вниманіе на улучшеніе хозяйства у народа, на устройство правильнаго медицинскаго ему пособія и на его образованіе. Для перваго я выписалъ много различныхъ хорошихъ сѣмянъ для даровой раздачи на опыты и доступныхъ разумѣнію простыхъ людей руководствъ, а также и чертежей простыхъ машинъ, и такимъ образомъ ввелъ напр. со втораго же года употребленіе молотильныхъ катковъ. Относительно медицинскаго пособія надо сказать, что домъ моей тещи съ давнихъ поръ былъ уже прибѣжищемъ для всѣхъ, кто желалъ получить безплатно совѣтъ и лѣкарство. Но разумѣется, что послѣднее особенно много зависѣло тутъ отъ случайности. Я привелъ все это въ правильную по возможности систему, выписавъ хорошія популярныя руководства, наиболѣе необходимыя лѣкарства и устроивъ огородъ лѣкарственныхъ травъ. Наконецъ, относительно образованія я настоялъ на возобновленіи крестьянской и казачьей школы, закрывшихся было отъ недостатка учебныхъ пособій, снабдивъ школы всѣмъ необходимымъ; и какъ только немного удосужился отъ домашнихъ заботъ и устроилъ удобное для школы помѣщеніе въ своемъ домѣ, то сейчасъ же занялся и самъ обученіемъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что первыя столкновенія мои съ мѣстными властями начались именно по поводу обученія. Начались тайные доносы отъ мѣстнаго священника, несмотря на то, что онъ облагодѣтельствованъ былъ и мною и покойнымъ тестемъ. Разумѣется, главнымъ побужденіемъ была зависть.

До открытія школъ, нѣсколько человѣкъ преимущественно изъ выгнаннаго и даже разстриженнаго духовенства промышляли безтолковымъ обученіемъ, платя, разумѣется, за это и священнику и мѣстнымъ начальникамъ, такъ какъ не имѣли права обучать. Доносы эти не имѣли, конечно, никакихъ послѣдствій, кромѣ непріятной переписки. Дѣло въ томъ, что главные начальники разныхъ управленій сами уже нуждались во мнѣ. Вскорѣ Чита стала центромъ, куда начали обращаться всѣ за совѣтомъ и указаніемъ. Одни за другими начали являться ко мнѣ и искать у меня, кто нужныхъ свѣдѣній, кто совѣта, начальники гражданскаго и горнаго управленія, коммиссія министерства государственныхъ имуществъ, Кяхтинское купечество, игравшее роль аристократіи въ краѣ, юрисъ-консультъ министерства юстиціи, посланный для изысканій, необходимымъ для составленія уложенія о наказаніяхъ (которое я все прочелъ прежде, нежели оно было обнародовано), ученые путешественники, начальники учебной части по Иркутской губерніи, наконецъ губернаторы, генералъ-губернаторы, архіерей и коммиссія сенаторской ревизіи съ самимъ сенаторомъ во главѣ. Такимъ образомъ, требуя отъ меня мнѣнія и совѣта, они сами были поставлены въ необходимость открывать мнѣ все и сообщать подлинные (иногда самые секретные) документы, — и я мало по малу былъ введенъ во всѣ правительственныя и начальственныя предначертанія и распоряженія и могъ своими мнѣніями и совѣтами измѣнять и направлять ихъ.

У меня всегда было правиломъ приниматься прежде за тѣ предметы, которые болѣе другихъ представляютъ условія для возможности вполнѣ ознакомиться съ ними и непосредственно дѣйствовать

на нихъ. Находясь въ Забайкальскомъ краѣ, гдѣ главными предметами была горная промышленность и торговля съ Китаемъ, который соприкасался съ Амуромъ, я и сдѣлалъ все это предметами подробнаго изученія, какъ по отношенію къ собственному ихъ значенію, такъ и въ видахъ государственныхъ и общечеловѣческихъ.

Анализъ горнаго дѣла доказалъ невыгодность ни для казны, ни для народа серебрянаго производства, гдѣ подъ мнимою выгодою скрывался тяжелый скрытый налогъ и источникъ величайшихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Добытыя мною данныя и мнѣніе мое послужили основаніемъ и повели впослѣдствіи къ полному преобразованію горнаго вѣдомства. Записка, составленная мною по просьбѣ Кяхтинскихъ купцовъ, сохраняетъ и теперь полное значеніе, и все, что было предвидѣно мною и изложено въ ней, оправдалось въ точности. Наконецъ, изученіе Амурскаго вопроса повело къ полному преобразованію Забайкальскаго края, и указанія мои относительно средствъ пріобрѣтенія и развитія Амура оказались до такой степени предусмотрительными и правильными, что нынѣ и другами и недругами и даже наконецъ самимъ правительствомъ признано, что вся послѣдующая въ Амурскомъ дѣлѣ неурядица и зло произошли именно отъ тѣхъ уклоненій отъ моихъ указаній, которыя дозволили себѣ исполнители по видамъ личнаго интереса и тщеславія. Особенными случайными эпизодами въ началѣ пребыванія моего въ Читѣ были дѣла: Лунина и фотографическихъ портретовъ.

Лунинъ особенно уважалъ меня. Онъ называлъ меня прирожденнымъ и по праву *(par droit et naissance)* будущимъ предсѣдателемъ русскаго учре-

дительнаго собранія, и въ знакъ этого подарилъ мнѣ бронзовый колокольчикъ *(le clochet du présidént)*. Однажды въ Читѣ, когда я сидѣлъ съ семействомъ своимъ еще за утреннимъ чаемъ, мнѣ доложили, что пришелъ какой-то солдатъ и убѣдительно проситъ сію же минуту допустить его ко мнѣ. Я вышелъ въ прихожую и позвалъ его въ свой кабинетъ.

«Что тебѣ надо?»

«Михайло Сергѣичъ (Лунинъ) приказалъ долго жить.»

«Какъ, развѣ онъ умеръ?»

«Нѣтъ, но все равно — его провезли въ Акатуй, и онъ такъ и наказалъ, чтобы именно сказать, что приказалъ долго жить. Онъ просилъ отдать вамъ это,» сказалъ солдатъ, подавая мнѣ перстень, «и сказать вамъ, что только на васъ и надѣется, что вы одни будете въ состояніи исполнить всѣ его завѣтныя думы и желанія.»

При этихъ словахъ я взглянулъ на говорившаго: такія выраженія были несвойственны простому солдату. Вижу подъ солдатскою шинелью тонкіе панталоны и на ногахъ не солдатскіе сапоги, на что прежде я не обратилъ вниманіе.

«Зачѣмъ вы выдали себя за солдата?»

«Извините, я надѣлъ солдатскую шинель, чтобы не возбудить подозрѣнія, чтобы не замѣтили, что я у васъ былъ. Я — чиновникъ, отвозившій Михаила Сергѣича въ Акатуй.»

Лунинъ былъ поселенъ недалеко отъ Иркутска. Онъ напечаталъ въ одномъ англійскомъ журналѣ статьи, тѣмъ болѣе непріятныя правительству, что оно не могло отвергнуть справедливости ихъ содержанія. Англійскій журналистъ былъ настолько

безчестенъ, что, не назвавши лица (котораго, впрочемъ, онъ можетъ быть и не зналъ), выдалъ за деньги то обстоятельство, что статьи были присланы изъ Восточной Сибири. Этого достаточно было, чтобы навести правительство на слѣдъ. Прежде всего ясно было, что статьи такого рода могли быть только отъ кого нибудь изъ насъ. Начали перебирать всѣхъ, о комъ знали, что онъ знаетъ англійскій языкъ. Дѣлали запросъ и мнѣ; но, разумѣется, юридическихъ доказательствъ ни противъ кого не могли найти. Только Лунинъ имѣлъ неосторожность написать сестрѣ своей, чтобы ему высылали этотъ самый журналъ. Это дало уже ближайшее указаніе. Когда пріѣхали къ нему съ обыскомъ, онъ объявилъ самъ себя авторомъ статей, не желая уже, чтобы тревожили всѣхъ по неосновательному подозрѣнію. Носились слухи, что Государь приказалъ было разстрѣлять Лунина, но что ему объяснили, что нельзя же сдѣлать этого безъ суда, а судъ принужденъ будетъ подтвердить содержаніе статей. Вслѣдствіе этого и приказано было его запереть въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ.

Исторія съ фотографическими портретами глупо-смѣшна, и я привожу ее только для того, чтобы показать, съ какими людьми намъ приходилось иногда имѣть дѣло. Вдругъ получаю я запросъ: Не снималъ-ли я помощію дагеротипа портрета Государя въ карикатурномъ видѣ? — Для меня ясно было, что подобная чепуха могла быть только слѣдствіемъ совершеннаго неразумѣнія дѣла писавшихъ подобный запросъ, которые, какъ я зналъ по опыту частныхъ обращеній ихъ ко мнѣ, совершенно теряются всегда, когда дѣло идетъ объ обсужденіи чего нибудь, выходящаго за предѣлы обычныхъ канцелярскихъ дѣлъ. Я ничего не отвѣчалъ, а до-

ждался очереднаго пріѣзда въ Читу исправника и послалъ за нимъ.

«Что это вы такое напутали въ бумагѣ ко мнѣ?» спросилъ я его, «покажите мнѣ, что вы сами-то получили по этому дѣлу.»

«Помилуйте, этого никакъ нельзя: вѣдь это государственный секретъ.»

«Да поймите вы, что я васъ спрашиваю не для любопытства, а оберегая васъ самихъ. Если я буду отвѣчать на вашъ запросъ, и изъ моего отвѣта увидятъ, какую чепуху вы нагородили, то вамъ, повѣрьте, очень достанется.»

Послѣ нѣкоторыхъ еще отнѣкиваній онъ согласился, наконецъ, показать мнѣ подлинныя предписанія. Что же вышло? Получивъ въ одномъ пакетѣ двѣ бумаги по совершенно разнымъ дѣламъ, Нерчинское мѣстное начальство, не зная ни дѣла, ни названій, тогда еще новыхъ, приняло обѣ бумаги за относящіяся къ одному дѣлу и неудачно слило ихъ въ одномъ общемъ запросѣ. Дѣло въ томъ, что въ это время разъѣзжало по Сибири много иностранцевъ по разнаго рода промышленностямъ. Одинъ французъ, ѣздившій съ новымъ тогда еще инструментомъ, дагеротипомъ, вздумалъ сдѣлать спекуляцію изъ нашихъ портретовъ и составилъ цѣлую коллекцію; а итальянцы, развозившіе картины для продажи, продавали (впрочемъ и сами можетъ быть того не зная) нѣкоторые портреты Государя, составленные такъ, что черты гравировки, разсматриваемыя въ микроскопъ, представляли разныя неприличныя вещи, на подобіе того, какъ нѣкогда гравированъ былъ портретъ Бонапарта. Когда французъ, снявши портретъ съ нашихъ товарищей (исключая меня, потому что въ Нерчинскомъ краѣ онъ не былъ), пріѣхалъ обратно въ Петербургъ, то какъ-то поссо-

рился со своимъ помощникомъ, и тотъ сдѣлалъ на него доносъ. Его обыскали и отобрали у него портреты. Въ то же время какіе-то другіе продавцы картинъ изъ соперничества сдѣлали доносъ и на итальянцевъ, продававшихъ портреты Государя. И вотъ вслѣдствіе этого и предписано было тайно отбирать какъ тѣ, такъ и другіе портреты у всѣхъ, у кого они найдутся. Не зная еще ничего о дагеротипѣ, который былъ тогда нововведеніемъ, не зная и того, что онъ былъ изобрѣтенъ недавно, Нерчинскіе начальники вообразили себѣ, что дѣло идетъ о какихъ нибудь портретахъ, которые декабристы снимали прежде и распространяли посредствомъ тайныхъ обществъ, какъ и покаялся мнѣ въ томъ чистосердечно исправникъ.

II.

Немного времени прожилъ я въ Читѣ, какъ уже начало выступать мое личное значеніе, вполнѣе независимое отъ нашего общаго значенія. Надо сказать, что въ началѣ каждый изъ насъ пользовался извѣстною долею того значенія и той репутаціи, которыя пріобрѣлъ казематъ вообще. Отъ каждаго изъ насъ ожидали всего хорошаго уже потому, что мы пріѣзжали изъ каземата. Но къ несчастію вскорѣ поступки нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей стали обнаруживать, что и нахожденіе въ казематѣ не представляло еще безусловнаго ручательства. Я не говорю уже о дѣйствіяхъ тѣхъ людей, которые и для каземата составляли невыгодную примѣсь, вредившую нашей репутаціи во время нахожденія нашего еще въ казематѣ, но къ сожалѣнію многіе изъ тѣхъ даже, которые держали себя хорошо, пока жили въ кругу товарищей, не

умѣли выдержать одиночества и вдались во многое неприличное, когда остались одни безъ поддержки.

Здѣсь надобно впрочемъ замѣтить, что не столько вредили людямъ ихъ личные недостатки, обычные и другимъ (напр. разгулъ, пьянство и пр.), сколько то обстоятельство, что многіе впали въ противорѣчіе съ главнымъ нравственнымъ своимъ принципомъ. Иные, чтобы добиться возвращенія въ Россію, вступили въ службу и сдѣлались орудіями того самого управленія, которое осуждали. Другіе поступили на службу въ винный откупъ, и вообще пустились ради интереса въ такія занятія и обороты, дѣлавшіе ихъ товарищами людей, которыхъ правила были совершенно противоположны нашимъ, и не менѣе того усвоились и нашими товарищами, подчинявшимися имъ по необходимости, коль скоро они вступили на тотъ путь, гдѣ выгода могла быть извлекаема единственно чрезъ приложенія этихъ правилъ, т. е. всяческими злоупотребленіями. Благодаря Бога, я удержалъ себя отъ всего этого, и потому-то въ то время, какъ мои товарищи начали уже сердиться на меня за постоянное обличеніе противорѣчій, въ которые они впали, общее довѣріе ко мнѣ возрастало именно по поводу сравненія моихъ дѣйствій съ ихъ дѣйствіями.

«Отчего это иркутскіе товарищи Дм. Ир. что-то не жалуютъ его?» спросилъ одинъ изъ новоприѣзжихъ Забайкальскаго губернатора.

«Оттого, что онъ вовсе не похожъ на нихъ,» отвѣчалъ тотъ.

На наше нравственное значеніе я никогда не смотрѣлъ, какъ на нашу личную собственность, которою мы могли располагать по произволу; я считалъ ее уже тѣмъ достояніемъ государства, на которое никто, ни мы сами даже, посягать не имѣ-

ли уже права. Уже выше гдѣ-то я сказалъ, что законное дѣйствіе партій для меня заключалось до тѣхъ поръ, пока онѣ смотрѣли на себя, какъ на относительное орудіе для служенія отечеству, и потому никогда не ставилъ партіи выше отечества. Поэтому-то я никогда и не былъ человѣкомъ партіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ выгодно имъ быть, т. е. никогда не могъ извинять, скрывать и оправдывать непохвальныхъ дѣлъ только потому, что они совершаются лицами своей партіи. Либерализмъ не былъ для меня дѣломъ партіи, и дурныя дѣла, совершаемыя тѣми, кто выдавалъ себя и считался за представителей его, подпадали тѣмъ сильнѣйшему моему осужденію, что у нихъ не было извиненія въ безсознательности дѣйствій, какъ у людей, никогда не разсуждавшихъ объ истинныхъ основахъ благосостоянія государственнаго и общественнаго. Относясь строго къ своимъ товарищамъ, я тѣмъ строже еще долженъ былъ отнестись къ полякамъ не только за ихъ противорѣчіе съ либеральными идеями, которыхъ они также выдавали себя партизанами, но и за право, которое они присвоивали себѣ вредить Россіи, подъ предлогомъ вражды къ правительству. Привлекая сочувствіе русскихъ либеральными идеями, они пустились извлекать себѣ выгоду даже изъ всѣхъ возможныхъ административныхъ злоупотребленій и сдѣлались сознательными орудіями людей, наиболѣе угнетавшихъ народъ. Въ тѣхъ-же дѣйствіяхъ, которыя позволяли они себѣ подъ предлогомъ дѣйствій противъ правительства, они дошли до того, что одинъ изъ нихъ (Хлопицкій*),

*) Хлопицкій былъ высѣченъ за это кнутомъ, но по недосмотру ему было возвращено дворянство при коронаціи, въ числѣ прочихъ поляковъ, которые были изъ дворянъ.

сталъ дѣлать и сбывать фальшивыя ассигнаціи. Когда я сталъ упрекать за это его товарищей, они пытались оправдывать это обязанностію вредить правительству и излагали то ученіе, которое потомъ сдѣлалось извѣстнымъ подъ названіемъ польскаго катехизиса. Я обличалъ ихъ тѣмъ, что люди и въ величайшихъ заблужденіяхъ могутъ доказывать свою искренность тѣмъ, что жертвуютъ собою и своею собственностью за свои убѣжденія, какъ бы они ни были ошибочны. Но кто извлекаетъ изъ этого выгоду себѣ, тотъ уже не имѣетъ права ссылаться на убѣжденія, иначе всякій воръ будетъ въ правѣ это дѣлать. Вотъ почему относительно политическихъ ссыльныхъ поляковъ я поступалъ всегда такъ, что, дѣлая для каждой личности, какъ человѣкъ, все, что могъ, для облегченія его участи и удовлетворенія законныхъ просьбъ, я въ то же время энергически сопротивлялся всякому ихъ дѣйствію, вредному для народа и Россіи. Поэтому они возненавидѣли меня не хуже обличаемыхъ начальниковъ, и тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые ради выгоды отступили отъ своихъ правилъ. И вотъ, мало по малу, на общей почвѣ интереса сомкнулись въ общій кружокъ всѣ люди, вредившіе народу, и потому заочно враждовавшіе противъ меня, какъ противъ главнаго обличителя ихъ и помѣхи. Къ этому присоединилось и самолюбіе, оскорбляемое тѣмъ, что приписывали моей гордости: «Онъ не хочетъ знать своихъ товарищей,» жаловались мои товарищи, забывая, что никто для нихъ столько не сдѣлалъ и не продолжалъ дѣлать*), какъ я,

*) Все, что было законнаго и правильнаго въ ихъ просьбахъ, я исполнялъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ письма Бестужевыхъ, Горбачевскаго, обоихъ Кюхельбекеровъ и пр. Кто проѣзжалъ чрезъ

«Мы такіе-же либералы и за то же пострадали, товарищи его считаютъ насъ за своихъ; одинъ только онъ стоитъ какимъ-то недоступнымъ,» кричали поляки. «Отчего-же его товарищи ведутъ съ нами компанію,» говорили чиновники, «только онъ одинъ смотритъ на насъ свысока? И что ему за дѣло до нашихъ дѣлъ: вѣдь вотъ его товарищи не мѣшаются же ни во что, и также пользуются всѣмъ, что случится, какъ и мы грѣшные.»

Мудрено ли послѣ этого, что эти люди прибѣгали ко всѣмъ непозволительнымъ средствамъ, чтобы вредить мнѣ; но самая сила этой вражды, самая эта исключительность, въ какой я стоялъ, только укрѣпила довѣріе ко мнѣ народа и служила къ моему возвышенію. Опытъ постоянно доказывалъ, что самая клевета этихъ людей была неискренняя, искусственная, потому что не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ наиболѣе враждовавшихъ ко мнѣ людей задумался бы обратиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, коль скоро ему самому приходилось имѣть нужду ко мнѣ, и тѣмъ самымъ не доказывалъ бы, что самъ нисколько не вѣрилъ той клеветѣ, которую распространялъ, а вполнѣ зналъ, напротивъ, что все это выдумано и сочинено по враждѣ. Здѣсь кстати сказать, что и въ Сибири произошло то же явленіе, которое такъ повсемѣстно замѣчается у поляковъ въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ, населенномъ поляками и евреями. Ссыльные политическіе поляки сейчасъ сошлись въ Сибири съ жидами, сосланными за нравственныя преступленія:

Читу, не искалъ гостепріимства въ другомъ домѣ кромѣ моего. Дочь Трубецкаго, кн. Волконская, В, Кюхельбекеръ съ семействомъ были вполнѣ въ моей заботѣ. М. Бестужевъ жилъ у меня цѣлый мѣсяцъ, и когда онъ «плавалъ на Амурѣ», извлекая себѣ всѣ выгоды, я съ собственными расходами хлопоталъ о его дѣлахъ.

за воровство, дѣланіе и сбытъ фальшивыхъ ассигнацій и пр., и стали за одно съ ними участвовать во всѣхъ нечистыхъ дѣлахъ, употребляя ихъ въ свою очередь своими орудіями, какъ сами служили орудіями для злоупотребленій администраціи. Если поляку удалося втереться въ писаря къ исправнику, къ засѣдателю или тѣмъ болѣе въ волостные писаря, то по всѣмъ нечистымъ дѣламъ у него факторами были жиды. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго создалось въ Восточной Сибири такое общее положеніе: если начальники искренно или неискренно говорили о пользѣ, о правдѣ, о благѣ народа, объ улучшеніяхъ и пр., они обращались ко мнѣ. Я никогда и никому не отказывалъ ни въ совѣтѣ, ни въ содѣйствіи. Но такъ какъ никто не имѣлъ личнаго права на мои услуги, и я могъ дѣйствовать только, служа безкорыстно общему благу, то я и не могъ допускать, чтобы кто нибудь осмѣливался дѣйствія мои на общую пользу обращать на свою исключительную. Поэтому я всегда зорко смотрѣлъ на дѣйствія начальниковъ, и при первой попыткѣ ихъ употребить мой трудъ на ихъ выгоду ко вреду народа, они немедленно встрѣчали меня съ моимъ энергическимъ обличеніемъ и противодѣйствіемъ. Тогда они, безуспѣшно попытавшись остановить меня обольщеніемъ выгоды или угрозами, переходили къ тому, что искали себѣ союзниковъ въ людяхъ, враждующихъ противъ меня, и начинали заискивать у нихъ популярность, кокетничая съ тѣми изъ декабристовъ и изъ соціалистовъ, (а въ особенности съ поляками), которымъ не только не противны были дурныя дѣла начальниковъ, но которые и сами извлекали еще изъ нихъ свою выгоду.

Значеніе мое выказалось уже въ полномъ свѣтѣ, когда прибыла въ Сибирь сенаторская ревизія.

Уже и до тѣхъ поръ, когда кто пріѣзжалъ въ Сибирь для ученыхъ-ли или для правительственныхъ цѣлей, и желалъ знать, гдѣ и отъ кого можетъ лучше узнать положеніе вещей и получить точныя свѣдѣнія и болѣе правильный совѣтъ, то указывали уже всегда на меня, иногда даже и люди, враждовавшіе противъ меня, но вынуждаемые отношеніями своими къ спрашивающему лицу дать искренній совѣтъ. Такъ обращаемы были ко мнѣ и коммиссія государственныхъ имуществъ, и архіерей и члены ученыхъ экспедицій и разные вновь пріѣзжавшіе начальники. Такъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, мой товарищъ, самъ юристъ и бывшій предсѣдатель надворнаго суда въ Москвѣ, сказалъ откровенно брату своему, юрисконсульту, посланному министромъ юстиціи, что я могу быть ему гораздо полезнѣе и по этой части, нежели онъ или кто нибудь въ Сибири.

Еще я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ. Я часто получалъ правильныя свѣдѣнія изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ администраціи доставлялись самыя неправильныя. Писаря всѣхъ центровъ управленія въ краѣ были у меня на жалованьѣ и доставляли мнѣ не только точныя свѣдѣнія, которыя я требовалъ, но иногда и такія, которыхъ я не ожидалъ отъ нихъ, — а, разумѣется, жалованья я не могъ же еще давать слишкомъ большаго. Вотъ и спросилъ я однажды волостнаго писаря Татауровской волости, отчего это они мнѣ доставляютъ очень удовлетворительныя свѣдѣнія, а въ окружное управленіе посылаютъ какую-то безсмыслицу. «Извѣстное дѣло, сударь,» отвѣтилъ онъ, «вы деньги платите, и всѣ мы знаемъ, что не отъ богатства какого, стало быть, это вамъ дѣйствительно нужно. Къ тому же вы и за народъ стоите, ну и поусердствуешь иногда

и не для денегъ только. Да вы и растолковать умѣете хорошо, какъ что и зачѣмъ, — и самому станетъ интересно; и подумаешь иной часъ: вѣдь вотъ сколько лѣтъ писали и писали цыфры только и ничего въ нихъ не видѣли, а вы вотъ растолковали, какъ тутъ вывести изъ нихъ и то и другое. А управленіе наше что? Знаемое дѣло: велятъ писать «статистику.» Ну вотъ примешься иногда за дѣло, какъ и слѣдуетъ, посадишь толковаго человѣка. А тутъ бумаги; то дѣло немедленно, другое немедленно, все немедленно и все съ угрозою, что если не скоро, то пришлютъ нарочнаго на прогонахъ на твой счетъ. И иной разъ въ самомъ дѣлѣ кабы что нужное было, а то требуютъ свѣдѣній, которыя давнымъ давно у нихъ есть, только бы порыться въ шкафу. А то нѣтъ: валяй приказъ въ волостное правленіе; пусть снова пришлютъ. Ну такъ и оторвешь отъ «статистики» всѣхъ дѣльныхъ людей и посадишь какого мальчишку: знаешь, все съ рукъ сойдетъ. Вѣдь тамъ не повѣряютъ, не то что другое дѣло, гдѣ наврешь, такъ и отвѣтишь, пожалуй.»

Такъ-то и вышло, что однажды въ высшей только инстанціи замѣтили въ таблицахъ, что въ числѣ народонаселенія стоитъ—ревизскихъ души. Никакъ не могли понять, какъ это случилось. Надо было добраться до самыхъ низшихъ инстанцій, даже до черновыхъ бумагъ. А случилось очень просто: перепутали столбцы и число населенія поставили въ столбецъ засѣянныхъ десятинъ, а число засѣянныхъ десятинъ въ столбецъ о населеніи, и въ каждой дальнѣйшей верхней инстанціи все переписывали и переписывали, да отсылая далѣе подписывали безъ провѣрки; кому и когда досугъ повѣрять?

Этотъ опытъ мой съ волостными писарями доказалъ однако-же, что есть средства извлекать пользу

и изъ такихъ орудій, какъ упомянутыя выше, если только дать имъ должное разумѣніе дѣла и заинтересовать ихъ въ хорошемъ исполненіи дѣла собственною ихъ выгодою.

Я выше уже сказалъ, что даже наиболѣе враждовавшіе противъ меня начальники всетаки всѣми средствами хоть косвенно старались однако вызнать мое мнѣніе о всякомъ важномъ для нихъ дѣлѣ и очень дорожили моимъ одобреніемъ, очень бывали рады, если къ числу аргументовъ могли прибавить такой, считавшійся непреодолимымъ: «Самъ Завалишинъ такъ думаетъ.» Тѣмъ охотнѣе должна была обратиться ко мнѣ сенаторская ревизія, которая не была солидарна съ дурными дѣлами администраціи и пріѣхала повѣрять ихъ, но совершенно терялась въ хаосѣ показаній, противорѣчащихъ по различію интересовъ, а сама не имѣла нужныхъ свѣдѣній ни о краѣ, ни безпристрастныхъ отзывовъ о людяхъ, которые могли бы служить ей руководною нитью. Необходимость обратиться ко мнѣ представилась имъ еще тѣмъ сильнѣе, что прежде, чѣмъ они добрались до Забайкалья, они успѣли уже надѣлать не мало ошибокъ и хотя лесть по невѣжеству и разсчету и успѣла уже отуманить ихъ воскуряемымъ имъ ѳиміамомъ, однако же ничтожность добываемыхъ результатовъ явно показывала имъ, что если они будутъ все идти только тѣмъ путемъ, какъ шли, то ревизію прямо можно назвать безуспѣшною, о чемъ уже доходили до нихъ голоса и изъ Петербурга.

По такимъ-то соображеніямъ сенаторъ Иванъ Николаевичъ Толстой и рѣшился вступить въ сношенія со мною и для этого воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что старшій чиновникъ ревизіи, статскій совѣтникъ Тиле, инспекторъ врачебной

управы въ Казани, былъ сосѣдъ по имѣнію моей мачихи и человѣкъ, знакомый нашему дому; а другой его чиновникъ, отставной майоръ, по фамиліи также Толстой, считалъ себя даже какъ-то въ родствѣ съ нашею мачихою, урожденною Толстою. И вотъ въ 1844 г. лѣтомъ явился ко мнѣ въ домъ г-нъ Тиле въ сопровожденіи своего сына и другого сенаторскаго чиновника Варендта, сына моего учителя англійскаго языка, и послѣ пышныхъ комплиментовъ, объяснивъ затрудненіе, въ которомъ находится ревизія, обратился ко мнѣ съ прямой просьбою отъ имени сенатора пособить имъ во имя общаго блага, «которому я такъ ревностно и безкорыстно служу». Онъ присовокупилъ, что сенаторъ вполнѣ понимаетъ затруднительность своей просьбы, и какъ тяжело для его деликатности просить человѣка, который уже по самому положенію не только не можетъ разсчитывать на какую нибудь награду, но даже на то, что будетъ извѣстенъ его трудъ на пользу общую; но что онъ не менѣе того смѣло обращается ко мнѣ, зная, до какой степени я жертвую собой для блага общаго.

Какъ въ проѣздъ свой въ Нерчинскъ, такъ и на обратномъ пути, Тиле проводилъ по нѣсколько дней въ Читѣ въ постоянной почти бесѣдѣ со мною. Я показалъ ему, что все, что они до тѣхъ поръ дѣлали, ни къ чему не ведетъ, кромѣ безплодныхъ расходовъ казны на ревизію, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы подловить во взяткѣ какого-нибудь мелкаго чиновника, или въ контрабандѣ купца, что гораздо достойнѣе будетъ ревизіи взглянуть на общія причины зла и найти средства устранить ихъ; что нечего еще толковать о честности мелкихъ людей, когда сами генералъ-губернаторы еще воруютъ; что съ другой стороны

надо принять во вниманіе совершенно измѣнившіяся уже обстоятельства Сибири и пріискать для нея такое устройство, которое не только бы соотвѣтствовало потребностямъ настоящаго, но содѣйствовало и видамъ будущаго, напр. средство пріобрѣтенія Амура и Татарскаго берега, что дѣлается уже неотлагательною потребностью. Когда я окончилъ полное изложеніе своихъ идей и доказательствъ, Тиле сказалъ: «Мы были слѣпые и ходили во тьмѣ. Вы открыли намъ глаза и только при свѣтѣ вашихъ идей мы можемъ видѣть, въ чемъ дѣло; убѣдительно прошу васъ изложить все это на письмѣ. Я отдамъ приказаніе, чтобы это было немедленно переслано въ коммиссію.»

Тогда-то и была написана та меморія, которая нерѣдко потомъ упоминалася даже и въ печати, но которой нельзя было мнѣ напечатать, потому что два единственные экземпляра находились одинъ въ рукахъ сенатора, а другой въ рукахъ Муравьева. Со всѣмъ тѣмъ достовѣрность содержанія ея, на которое я впослѣдствіи ссылался, никогда не могла быть подвержена сомнѣнію, и опровергнута, потому что и Муравьевъ никогда не осмѣлился ее напечатать, что онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы мои указанія были въ чемъ несогласны съ содержаніемъ меморіи, хотя я и принужденъ былъ писать по памяти. Этою меморію были опредѣлены всѣ послѣдующія дѣйствія во всемъ, что было въ нихъ разумнаго: показаны значеніе и новыя потребности Сибири и опредѣлено новое устройство Забайкальскаго края, какъ для его благосостоянія, такъ и въ видахъ приготовленія къ раціональному занятію и устройству Амура.

Здѣсь кстати будетъ разсказать, какъ трудно вводить новыя идеи, и какое недоразумѣніе можетъ

порождаться при незнаніи историческаго хода дѣла. Тиле просилъ меня изложить мои идеи, что можно сдѣлать немедленно для улучшенія администраціи и быта народа въ ожиданіи коренныхъ преобразованій. Въ запискѣ, составленной мною, въ числѣ прочихъ мѣръ (учрежденія школъ, освобожденія хозяйства отъ стѣсненій, строгаго опредѣленія повинностей и пр.) я предложилъ отнять у администраціи право тѣлесныхъ наказаній, которымъ она злоупотребляла до крайности, доводя ихъ до степени пытки относительно мужчинъ и до наглаго безстыдства относительно женщинъ.

«Что вы, какъ это можно, Дмитрій Иринархович,» сказалъ мнѣ Тиле, прочитавъ записку, «да эдакъ насъ примутъ за революціонеровъ.»

«Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, вы согласитесь по крайней мѣрѣ на ограниченіе.»

«Ну, это пожалуй.»

Тогда записка была передѣлана въ этомъ смыслѣ; и нашлись же послѣ люди, которые увѣряли, что я одобряю тѣлесное наказаніе, такъ же, какъ старались найти безчеловѣчіе въ предложенномъ мною впослѣдствіи уничтоженіи ссылки въ Сибирь.

Въ мартѣ 1845 г. пріѣхало въ Читу проѣздомъ цѣлое отдѣленіе сенаторской ревизіи, назначенное для ревизіи Забайкальскаго края. Въ два часа ночи меня разбудили. Земскій управитель пришелъ отъ нихъ съ порученіемъ. Они просили позволенія придти ко мнѣ и извинялись напередъ въ своемъ поступкѣ, что рѣшились безпокоить меня въ такой часъ, но что желаніе ихъ видѣть меня и познакомиться со мною такъ велико, что они рѣшились скорѣй подвергнуться упреку въ невѣжествѣ, нежели проѣхать Читу, не видавши меня; а что имъ останавливаться до слѣдующаго дня нельзя, такъ какъ

они къ опредѣленному дню должны быть въ Нерчинскомъ главномъ заводѣ и приготовить все къ открытію ревизіи горнаго вѣдомства до пріѣзда сенатора. Жена моя была въ это время не совсѣмъ здорова, и вообще я ни для чего не хотѣлъ нарушать спокойствія семейства. Поэтому я отвѣчалъ, что принять ихъ у себя никакъ не могу, а чтобы удовлетворить ихъ желанію познакомиться со мною, приду къ нимъ самъ. Я нашелъ Владиміра Дмитріевича Философова (впослѣдствіи генералъ-аудитора арміи, что соотвѣтствуетъ министру юстиціи для войска), графа Александра Карловича Сиверса (впослѣдствіи Харьковскаго и Московскаго губернатора), барона Ферзена, бывшаго потомъ губернаторомъ въ царствѣ Польскомъ, и Бартенева, котораго всѣ четыре сестры фрейлины. Когда они стали разсказывать мнѣ свои подвиги, какъ они ловили въ злоупотребленіяхъ мелкихъ чиновниковъ, я, выслушавъ ихъ, окатилъ ихъ, какъ говорится, ушатомъ холодной воды, сказавъ имъ, что это не стоитъ и вниманія, и вслѣдъ затѣмъ объяснилъ имъ всѣмъ то же, что сказалъ и Тиле.

Наконецъ, пріѣхалъ и самъ сенаторъ. Свиданіе между нами устроено было такимъ образомъ, что ко мнѣ пришелъ съ визитомъ, какъ будто бы къ родственнику, сопровождавшій сенатора отставной военный Толстой; а я пошелъ потомъ отдать ему визитъ, и въ это время зашелъ въ его комнату и сенаторъ, какъ бы случайно, отдать ему какія-то бумаги. Мнѣ смѣшны были всѣ эти мелочныя предосторожности, но сенаторъ извинялся тѣмъ, что и вообще, и особенно по враждебному его отношенію къ генералъ-губернатору Руперту, за нимъ самимъ наблюдаютъ и, конечно, воспользуются малѣйшею его неосторожностью, чтобы заподозрить

его въ глазахъ такого подозрительнаго человѣка, какъ Государь, во всемъ, что относится до насъ, и тѣмъ болѣе, что слухи о необычайномъ моемъ нравственномъ вліяніи дошли уже и до Петербурга.

Чего же боялось однако правительство отъ моего нравственнаго вліянія, хотя оно и не могло доказать, что оно вредно? Опытъ снова доказалъ, что никакія внѣшнія стѣсненія не могутъ остановить вліянія нравственной силы. Когда впослѣдствіи я читалъ разсужденія комитета министровъ, государственнаго совѣта и наконецъ резолюцію самого Государя, выраженныя буквально моими словами, взятыми изъ составленныхъ мною для сенатора записокъ, то понятно, какія думы должно было это возбуждать во мнѣ, а болѣе всего рѣзко выдающееся изъ этого новое свидѣтельство о тщетности всѣхъ усилій внѣшней силы бороться съ дѣйствительною нравственною силою, и, разумѣется, это не могло не ободрить меня и не поддерживать на избранномъ мною пути.

Одинъ за другимъ являлись потомъ ко мнѣ знакомиться князь Голицынъ, князь Шаховской, Безобразовъ, Таскинъ и др. Отношенія мои къ чиновникамъ сенаторской ревизіи были самыя дружественныя. Они, по словамъ ихъ, отдыхали душою въ моемъ домѣ, находя величайшую отраду въ этомъ, какъ они выражались, оазисѣ высшей цивилизаціи, среди безотрадной степи въ нравственномъ отношеніи. Они не только останавливались всегда нарочно для меня, — проѣзжая чрезъ Читу по дѣламъ, но даже пріѣзжали часто издалека хоть на короткое время собственно для того, чтобы повидаться со мною. Ихъ привлекало даже самое семейство мое, въ которомъ, какъ говорили они, они нашли такое рѣдкое соединеніе простоты жизни,

естественности отношеній съ дѣйствительно высокою образованностью. Не было конца и словеснымъ и письменнымъ поздравленіямъ ихъ, что я такъ удачно разрѣшилъ такую трудную задачу, которая всѣмъ мыслящимъ людямъ является, какъ идеалъ самаго отдаленнаго будущаго. Мое семейство также очень привыкло къ нимъ и считало ихъ какъ-бы за своихъ; я былъ тѣмъ болѣе радъ, что до тѣхъ поръ, кромѣ прогулокъ, оно почти не имѣло никакого развлеченія. Составъ Читинскаго общества былъ таковъ, что не только сближеніе, но даже знакомство ни съ кѣмъ почти не было возможно. Если у насъ и бывалъ еще кто-нибудь, то изъ нашей семьи, кромѣ меня и тещи, никто никуда не ходилъ, и жена моя и ея сестры не могли находить общества равнаго себѣ по образованію и по приличію.

Но въ то время, какъ домъ мой такъ оживился и труды мои по устройству домашней жизни и образованію семейства обнаружили такіе блестящіе плоды, мнѣ готовилось тяжелое испытаніе, которое разомъ уничтожило наше домашнее счастіе, какъ бы показывая мнѣ, что оно не для меня на землѣ, и что ничто земное не должно связывать меня, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе я могъ служить общественному дѣлу. Я говорю о продолжительной болѣзни и смерти моей жены.

Стремленіе чувства покойной жены ко мнѣ искало себѣ высшаго удовлетворенія въ томъ, чтобы дать мнѣ всевозможныя, самыя несомнѣнныя доказательства такой любви, которая не страшится никакихъ испытаній, не отступитъ ни предъ какими препятствіями, а тѣмъ болѣе предъ ложнымъ мнѣніемъ своего круга. И вотъ въ то время, когда даже изъ простаго званія не рѣшались ни отдавать,

ни выходить замужъ за людей опальныхъ или по меньшей мѣрѣ требовали въ замѣну того большаго денежнаго обезпеченія, когда въ обычаѣ страны было, что дочь не знала, бывало, что ее выдаютъ и за кого выдаютъ, до того времени, пока не приступятъ родители къ свадебнымъ обрядамъ, въ это время нашлась дѣвица, стоявшая сравнительно въ самомъ высшемъ положеніи, которая рѣшилась выдти за политическаго ссыльнаго, отвергнувъ всѣ другія партіи, завидныя по обычному мнѣнію, и хотѣла выдти именно въ то время, когда этотъ ссыльный находился еще въ тюремномъ заключеніи, чтобы ей и самой раздѣлять его съ нимъ. Но для этого, какъ мы видѣли, было такое препятствіе, которое казалось неодолимымъ. Можно-же себѣ представить, какъ должна она была обрадоваться, когда мнѣ удалось преодолѣть всѣ эти препятствія, и ей явилась возможность дать мнѣ такое желанное и открытое доказательство своей любви, чтобы пріѣхать ко мнѣ издалека и вступить въ супружество въ казематѣ.

Къ несчастію ея, она встрѣтила препятствіе къ исполненію своего желанія оттуда, откуда она совсѣмъ и не могла ожидать. Ея матери хотѣлось, что бы я жилъ при ней и занимался ея дѣлами. Собственно въ этомъ желаніи не было ничего неестественнаго, такъ какъ она была несчастлива въ сыновьяхъ, мало думавшихъ о родныхъ и совершенно почти отдалившихся отъ семейства. Ошиблась она и въ богатыхъ зятьяхъ своихъ, которые не только не думали помогать ей, но еще старались извлечь всевозможную выгоду изъ своихъ отношеній къ ней. Съ моей стороны и жена моя, и я готовы были, конечно, исполнить ея желаніе; и я самъ не хотѣлъ бы отрывать жены отъ ея семейства, пока оставался

въ Сибири и не могъ увезти ее въ Россію въ соотвѣтственное ей общество. Конечно, лично для меня было бы и пріятнѣе и выгоднѣе быть въ другомъ мѣстѣ, гдѣ я могъ бы найти и товарищей своихъ, и умственныя средства, и болѣе выгодныя занятія. Но я сказалъ женѣ своей, что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отъ меня потребуетъ того высшее служеніе, всѣ мои дѣйствія будутъ посвящены на ея благо, съ полнымъ устраненіемъ всего, что относится собственно къ моей личности. Итакъ, ни въ моихъ намѣреніяхъ, ни въ желаніяхъ жены моей не было препятствій къ исполненію желаній ея матери. Но вмѣсто того, чтобы дождаться, что мы сдѣлаемъ это сами добровольно, мать ея вздумала достигнуть этого уловкою, которою поставила свою дочь въ ту трагическую коллизію между мужемъ и матерью, которая, при ея рѣдкой чувствительности и совѣстливости, нравственно изнуривъ ее, подорвала основы внутренней жизни, разстроила ея здоровье слѣдствіемъ нравственной истомы и хотя медленнымъ, но неотвратнымъ путемъ привела ее къ кончинѣ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и умственнаго и нравственнаго развитія, возвышавшихъ ея духъ до яснаго созерцанія истины вещей и въ настоящемъ и въ будущемъ.

Опасаясь, что если она сама привезетъ свою дочь въ Петровскій заводъ и тамъ выдастъ ее замужъ, то мы, пожалуй, при выходѣ моемъ на поселеніе и не пріѣдемъ въ Читу, мать моей жены на извѣщеніе мое о разрѣшеніи женитьбы, посланное съ курьеромъ, который долженъ былъ и проводить ее и мою невѣсту изъ Читы въ Петровскій заводъ, отвѣчала, что невѣста моя очень больна и отправиться въ дорогу не можетъ.

Между тѣмъ я сдѣлалъ уже всѣ распоряженія къ пріему невѣсты и къ свадьбѣ. Домъ былъ нанятъ и меблированъ; всѣ необходимыя для нея вещи были выписаны; расходы были по моимъ средствамъ очень значительные и взяты изъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ очень нужны при устройствѣ на поселеніи, и вдругъ все это оказывается ненужнымъ, а требуются расходы совсѣмъ другого рода. Повѣривъ извѣстію о болѣзни моей невѣсты, я, разумѣется, и не подумалъ о напрасныхъ приготовленіяхъ, но устремилъ всѣ свои усилія на то, какъ бы доставить ей своевременную помощь. И вотъ снова поскакалъ курьеръ съ медицинскими пособіями, какія только можно было придумать при общихъ неопредѣленныхъ указаніяхъ, что невѣста моя больна отъ простуды. Между тѣмъ, какъ время проходило въ такомъ безпокойствѣ для меня, въ хлопотахъ и напрасныхъ ожиданіяхъ, наступалъ срокъ отправленію нашему на поселеніе. Я ускакалъ, сломя голову, прежде всѣхъ и по ближайшему же почтовому тракту въ Читу. Я нашелъ невѣсту мою очень измѣнившеюся по наружности, что и приписалъ ея недавной болѣзни. Поэтому, несмотря на всѣ ея настоянія, хотѣлъ дать ей оправиться и для этого отложилъ свадьбу на мѣсяцъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы жена моя видимо стала поправляться. Радость отъ исполненія, наконецъ, ея желанія, спокойствіе домашней жизни и внѣшнее и внутреннее улучшеніе ея подѣйствовали на нее благотворно. Она какъ-бы снова разцвѣла и явилась на нѣкоторое время въ прежнемъ видѣ, въ полномъ блескѣ молодости и красоты, и ревностно принялась за ученіе; но скоро потомъ она стала впадать въ какую-то задумчивость. Бывало долго смотритъ на меня, видимо ей хочется что-то сказать, но сло-

ва такъ и замрутъ на ея устахъ; иногда старается бывало приласкаться ко мнѣ, глядитъ на меня съ невыразимою нѣжностью, но вдругъ глаза наполнятся слезами и руки, обнимающія меня, опустятся какъ-бы невольно. Во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ней я слѣдовалъ всегда ея желанію; безъ ея собственной просьбы я не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ ея дѣла, даже коснуться какихъ-нибудь ея вещей; тѣмъ менѣе позволялъ я себѣ допытываться чего нибудь у ней. Я никогда даже не спрашивалъ о содержаніи получаемыхъ ею писемъ; и не разъ случалось, что, замѣтивъ какъ нибудь въ разговорѣ, что я не зналъ чего нибудь, она вспоминала, что забыла показать мнѣ письма. Я всегда старался, чтобы всѣ дѣйствія ея и слова были вполнѣ свободны, и если и спрашивалъ о причинѣ ея нездоровья и часто печальнаго расположенія, то по участію слишкомъ понятному и неестественному, а отнюдь не по любопытству, и никогда при этомъ не настаивалъ и не требовалъ другихъ объясненій кромѣ тѣхъ, которыя она сама давала.

Между тѣмъ, она видимо угасала, какъ свѣтильня безъ масла. Вначалѣ не было видно никакой опредѣленной болѣзни, но съ начала 1845 года стали проявляться нервныя истерики, повлекшія разстройство пищеваренія, затѣмъ нѣкоторые женскіе припадки, перешедшіе въ водяную. Я хотѣлъ было везти ее туда, гдѣ могъ найти хорошаго доктора, но надо было испрашивать Высочайшаго повелѣнія на мою отлучку изъ Читы, а безъ меня она не хотѣла ѣхать. Пришлось лечить заочно, пока не добудешь хоть сноснаго доктора. Я не жалѣлъ никакихъ расходовъ; но напрасно скакали нарочные за 500 верстъ съ бюллетенями о ея состояніи и

обратно съ лѣкарствами; напрасно, наконецъ, пріѣхалъ на мой счетъ и докторъ — спасти ее не было возможности: самый источникъ жизни организма былъ подорванъ.

Умирая, завѣщала она мнѣ не покидать ея матери и сестеръ, но въ то же время требовала, чтобы я опять женился.

«Ты молодъ,» говорила она, «въ эти лѣта большая часть только въ первый разъ думаютъ о супружествѣ. Тебѣ легко будетъ найти невѣсту; тебя всѣ такъ уважаютъ и любятъ; мнѣ всѣ такъ завидовали, — я знаю. Я была счастлива такъ, какъ и не воображала, что можно быть счастливою, но чувствую, что тебя счастливымъ сдѣлать не могла. Можетъ быть, Богъ въ награду тебѣ пошлетъ такую жену, которая съумѣетъ сдѣлать то, чего я сдѣлать не могла.»

Бѣдная, она и не замѣчала, что въ двухъ просьбахъ ея заключалось несогласимое противорѣчіе. Я и по собственному чувству былъ неспособенъ покинуть людей, у которыхъ не было, кромѣ меня, другой опоры въ мірѣ. Но это-то самое и налагало на меня тяжелое условіе невозможности второй женитьбы, пока при мнѣ живетъ ея мать, по невозможности ввести новую жену въ чужое семейство, при извѣстномъ характерѣ матери, и послѣ всего того, что она вынуждена была открыть мнѣ предъ смертью. Между тѣмъ предвидѣніе ея дѣйствительно сбывалось. Не прошло и года послѣ ея смерти, какъ многія семейства стали заискивать, какъ бы породниться со мною. Дошло до того, что одинъ слишкомъ извѣстный въ краѣ полковникъ привезъ самъ ко мнѣ въ домъ невѣсту, свою внучку (дочь племянника; своихъ дѣтей у него не было), красивую и образованную молодую дѣвушку, которую везъ онъ по

выпускѣ изъ института. Онъ заказывалъ мнѣ черезъ другихъ, что отдастъ все свое состояніе ей въ приданое, если только я на ней женюсь. Пріискавъ какой-то предлогъ съѣздить въ сторону, онъ, чтобы сблизить насъ, оставилъ дѣвицу на это время у насъ въ домѣ, а она вовсе не двусмысленно прямо сказала мнѣ, что была бы счастлива, если бы могла навсегда остаться жить въ этомъ домѣ.

Что же измучило такъ бѣдную жену мою?

«Богъ наказываетъ меня,» говорила она мнѣ, «за то, что хоть въ одномъ дѣлѣ усомнилась въ твоемъ великодушіи, въ одномъ дѣлѣ не имѣла безусловнаго довѣрія къ тебѣ, одно дѣло утаила отъ тебя.» (Она разумѣла здѣсь обманъ ея матери насчетъ ея болѣзни, которая будто бы помѣшала ей пріѣхать въ Петровскій заводъ). «Мнѣ казалось неестественно, чтобы, узнавъ это, ты остался жить вмѣстѣ, когда и безъ того приходилось тебѣ терпѣть столько непріятностей отъ ея тяжелаго характера. А что сталось бы съ бѣдными сестрами моими, для которыхъ ты былъ не только опорою, но и огражденіемъ въ самомъ семействѣ. Наконецъ, жаль было и ее: безъ тебя кто-бы ее поддержалъ? кто бы исправлялъ всѣ послѣдствія ея недостатковъ, вредныя для нея самой? И вотъ я молчала, а между тѣмъ совѣсть мучила меня. Душа бывало такъ и рвется приласкаться къ тебѣ, и вдругъ подумаю: вѣдь это лицемѣріе, когда у меня есть хоть одна тайна отъ тебя, когда меня сдѣлали хоть невольною соучастницею обмана. Сколько разъ я порывалась сказать тебѣ все, свалить съ себя гнетущую ужасную тяжесть, но всякій разъ слова замирали на языкѣ. Какъ обвинить было мать? Я любила тебя всею душою, считала грѣхомъ даже что нибудь таить отъ тебя, но считала грѣхомъ обвинить и мать.

Такъ вотъ все и мучилась: все думала и думала, подавляла насильно всякое выраженіе чувства къ тебѣ, и Богу извѣстно, какихъ нечеловѣческихъ усилій это требовало. Упрекала себя, считала себя недостойною, упрекала себя, что недостаточно ласкова къ тебѣ, а ласкаться не смѣла; и въ послѣднее время все просила Бога о смерти. Я такъ бы и умерла съ этою тайною; но должна была открыть все на исповѣди священнику, а онъ велѣлъ все открыть тебѣ, и, положась на милость Божію, довѣрить все твоей извѣстной добротѣ и справедливости. Я умираю, а хотѣлось бы пожить, когда не было уже раздѣляющей насъ тайны, когда бы я могла выказывать всѣ мои чувства къ тебѣ, когда мы пережили и самое тяжелое время; а теперь въ новомъ домѣ и при устройствѣ всего хозяйства тобою, наша жизнь была бы спокойнѣе.»

Ужасное время переживалъ я тогда. Въ теченіе долгой семимѣсячной ея болѣзни я не отходилъ отъ нея; я служилъ ей во всемъ своими собственными руками, и она не терпѣла возлѣ себя никого, кромѣ меня; я и спалъ на полу возлѣ ея постели. Но когда я говорю, что я спалъ, то это только извѣстная форма выраженія. Въ дѣйствительности я только ложился, чтобы часто немедленно вставать и проводить ночь съ нею въ долгихъ разговорахъ. Она страдала безсонницею. Плоть ея изнемогала, но духъ просвѣтлѣлъ необычайно, и не часто случалось мнѣ вести такія возвышенныя бесѣды, какъ съ ней. Съ необычайною ясностью постигла она задачу моей жизни и горько жалѣла, что не ей суждено во всемъ мнѣ содѣйствовать; жалѣла, что по крайней мѣрѣ не было у насъ дѣтей, которымъ я могъ бы передать все богатство моего умственнаго и нравственнаго наслѣдства.

Опытомъ моей семейной жизни разрѣшился и еще одинъ вопросъ. Я всегда имѣлъ живую вѣру (т. е. не одно отвлеченное, умственное признаніе истинности чего) въ христіанство, и потому всегда былъ убѣжденъ, что оно не предписываетъ никогда ничего невозможнаго, а слѣдовательно, что оно не предписало бы и чувства по обязанности, если бы въ дѣйствительности это было неосуществимо; но до женитьбы я не могъ провѣрить этого на опытѣ. Я любилъ своихъ родителей, любилъ отечество не потому только, что это было сообразно съ предписываемымъ долгомъ, но къ первымъ, т. е. родителямъ, чувство возбуждалось и личными ихъ качествами, а относительно послѣдняго я выросъ съ этими идеями и укрѣпился въ нихъ примѣромъ отца. Стало быть, провѣрить возможность правильности христіанскаго предписанія возможно было только въ такомъ чувствѣ, которое могло возникнуть независимо отъ какихъ либо прежнихъ условій, объясняющихъ происхожденіе чувства изъ другихъ источниковъ. И вотъ именно такого рода чувство и проявилось во мнѣ къ покойной женѣ моей. Что до знакомства съ нею оно не могло существовать, это естественно потому уже, что я не видалъ ее прежде, ни даже не былъ предрасположенъ къ ней никакими слухами о ней. Но и этого мало еще, — даже при знакомствѣ съ нею, ея красота не произвела на меня, да и впослѣдствіи не производила никакого впечатлѣнія. Лучшее доказательство, что никогда чувство мое къ ней не было такъ сильно, какъ когда въ ней и слѣда уже не осталось первоначальной ея красоты; и истинно говорю, что какъ ни изнурительно было для меня служеніе ей во время тяжкой ея болѣзни, когда на ея страдальческомъ лицѣ не осталось, мож-

но сказать, и тѣни человѣческаго образа, я готовъ былъ продлить это служеніе на неопредѣленное время, лишь бы сохранить ее въ живыхъ, хотя и ясно было, что въ ней уже ничего не останется во всякомъ случаѣ, что могло бы льстить чувственности или обманывать воображеніе. Кромѣ того, надо припомнить, что когда я женился на ней, въ ней не было никакихъ и другихъ условій, которыя обыкновенно привлекаютъ людей: ни блестящихъ талантовъ, ни соотвѣтственнаго мнѣ образованія, которое я только самъ долженъ былъ дать ей, ни даже молодости; ей было уже за 25 лѣтъ. И однако же, несмотря на все это, во мнѣ возникло истинное и сильное чувство. Истинность его для меня доказана была не только чистотою его, какъ бывшаго всегда чуждымъ чувственности страсти и свободнаго отъ самообольщенія воображенія, но и тѣмъ, что оно не только не ослабѣвало при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но еще постоянно возрастало вопреки имъ. Отрицательный опытъ давно уже извѣстенъ и сдѣлался такъ сказать аксіомою; но опытъ положительный недостаточно еще извѣстенъ и недостаточно еще поэтому вошелъ въ сознаніе. Вотъ почему я и счелъ не лишнимъ нѣсколько распространиться о личномъ опытѣ въ этомъ отношеніи.

Всѣ знаютъ, что истинное чувство не зависитъ отъ внѣшнихъ условій; иначе было бы непонятно, почему оно не поддерживается при сохраненіи однако же всѣхъ этихъ условій, почему люди, увѣрявшіе незадолго, что жить не могутъ другъ безъ друга, не только охладѣваютъ одинъ къ другому, но даже получаютъ взаимное отвращеніе; всѣ знаютъ, что страсть не есть истинное чувство, а основывается или на чувственномъ возбужденіи, которое

кончается съ удовлетвореніемъ, или на воображеніи, обольщающемъ себя мнимыми качествами и подлежащемъ неминуемому разочарованію, коль скоро оно столкнется съ дѣйствительностью; всѣ знаютъ, наконецъ, что истинное чувство не можетъ относиться къ личности, которую нельзя уважать въ то же время, и что неопредѣленную, общую потребность чувства часто принимаютъ за чувство опредѣленное, относящееся къ извѣстному лицу, какъ бываетъ съ дѣвицами въ закрытыхъ заведеніяхъ, обожающими учителей или одна другую, или съ мальчиками, влюбляющимися въ каждую юбку; но не всѣ достаточно обсуждаютъ положительныя условія для истиннаго чувства и еще менѣе понимаютъ чувство по долгу, несмотря на то, что даже существуетъ историческій примѣръ у Моравскихъ братьевъ, гдѣ супружество опредѣляется жребіемъ, и не смотря на то чувство долга обращаетъ связь его въ такую привязанность, что жены всюду слѣдуютъ за своими мужьями-миссіонерами, даже когда они идутъ туда, гдѣ ихъ ожидаетъ вѣрное гоненіе или мученическая смерть.

Конечно, это крайность, вышедшая даже за предѣлы христіанскаго предписанія, требующаго свободнаго выбора — чтобы тѣмъ святѣе соблюдать обязательство, помня, что добровольно заключенное обязательство должно быть соблюдаемо, хотя бы впослѣдствіи исполненіе его было и невыгодно и непріятно (въ англиканской литургіи супруги клянутся не оставлять другъ друга ни въ болѣзни, ни въ искалѣченіи, ни въ бѣдности, ни въ несчастіи). Однако-же крайность эта даетъ историческое свидѣтельство, что супружество, основанное даже исключительно на чувствѣ долга, все же несравненно прочнѣе и по своимъ слѣдствіямъ бла-

готворнѣе для общества, нежели супружество по страсти или по свѣтскому разсчету, вполнѣ зависящія отъ измѣненій прихоти и выгоды.

Не должно только забывать, что истинное чувство можетъ возникнуть вслѣдствіе долга только у такихъ людей, которые не растратили ни душевныхъ силъ или общей силы чувства на мимолетныя прихоти возбужденія, ни силъ тѣлесныхъ. Въ противномъ случаѣ отъ подобныхъ людей нечего ожидать истиннаго чувства, свидѣтельствуемаго постоянствомъ, какъ неспособныхъ къ чувству вообще. Изъ этого можно видѣть, какъ неосновательно мнѣніе, что будто бы человѣку для того, чтобы сдѣлаться постояннымъ, остепениться, нужно будто бы перебѣситься.

Былъ еще и другой вопросъ, который во многомъ пояснился для меня въ моей семейной жизни, а что еще лучше, пояснился и для жены моей. Это великій вопросъ, колеблящій все современное общество, вопросъ о равенствѣ правъ, на которомъ основаны всѣ планы такъ называемой эмансипаціи женщинъ. Здѣсь я могу говорить даже словами покойной жены моей. Она часто смѣялась мнѣ, что только тогда будетъ считать себя эмансипированною, какъ женщина, если можно будетъ утверждать и доказать, что я и самъ не эмансипированъ, какъ мужчина, по безпрестанной нашей зависимости отъ женщинъ. Она глубоко понимала двойственность условій въ каждомъ человѣкѣ, однихъ общечеловѣческихъ, другихъ свойственныхъ каждому полу, неразрывную связь правъ съ обязанностями, равенство правъ въ нравственномъ, а не внѣшнемъ равенствѣ значенія и назначенія; въ самостоятельности дѣйствій каждому въ свойственной ему сферѣ; въ одинаковой необходимости для семьи и об-

щества великихъ силъ произведенія и сохраненія, одна безъ другихъ немыслимыхъ и безполезныхъ; въ необходимости взаимной зависимости и ограниченія, какъ точекъ опоры, безъ которыхъ невозможно и никакое дѣйствіе силы; наконецъ, ничтожность исключеній, вслѣдствіе-ли физіологическихъ условій, недостатка или уродливости организаціи, или ложнаго воспитанія, противоестественно влекущихъ мужчину къ женскимъ, а женщину къ мужскимъ вкусамъ, привычкамъ и занятіямъ. Дѣйствительно, какъ я, такъ и жена моя могли считать себя вполнѣ свободными и независимыми каждый въ своей сферѣ дѣйствія, и взаимная наша зависимость другъ отъ друга выражалась только необходимостью содѣйствія, а не вмѣшательствомъ и не подчиненіемъ распоряженіямъ другого.

Я имѣю право считать указанія нашего собственнаго опыта тѣмъ болѣе важными, что извѣстно, что всѣ попытки перестроить условія брака и доставить истинную свободу женщинѣ на новыхъ основаніяхъ не только были до сихъ поръ неудачны, но вели еще къ большему угнетенію женщины и доводили до самыхъ уродливыхъ и безнравственныхъ явленій, именно потому, что не съумѣли отыскать истинныхъ основаній, и все, что почитали за новое, было очень старымъ проявленіемъ той же чувственности, какъ и всегда, или того же неразумнаго стремленія требовать безусловнаго въ сферѣ условной и подлежащей ограниченію.

Ударъ, нанесенный мнѣ смертью жены былъ тѣмъ чувствительнѣе, что въ это время я, казалось, достигалъ уже многихъ изъ предположенныхъ мною себѣ цѣлей. Послѣ долгаго и упорнаго труда я такъ устроилъ свой домашній бытъ, что онъ сталъ образцовымъ для всѣхъ и обезпеченіемъ

удобства и довольства для моихъ домашнихъ. Относительно семьи я достигъ тѣхъ идеальныхъ семейныхъ отношеній, которыя считалъ необходимымъ условіемъ и для прочнаго общественнаго и государственнаго преобразованія, когда, выступая преобразователемъ въ этомъ смыслѣ, я призналъ, что преобразованіе должно разумно быть начато съ самаго себя и съ устройства семейныхъ отношеній на новыхъ основаніяхъ. Несмотря еще на всѣ препятствія и затрудненія, которыя представлялись и внутри, и внѣ, и отъ своенравнаго характера матери моей жены, и отъ исключительнаго моего положенія, нельзя себѣ и представить, какой глубокій миръ царствовалъ въ нашей семьѣ, какъ притуплялись всѣ огорченія, какъ легко сносились случайныя неудобства, какая явилась ровность расположенія духа, равно свободная какъ отъ иллюзій и неизбѣжнаго за ними разочарованія и унынія, такъ и отъ тревоги душевной, и все это единственно вслѣдствіе умственнаго и нравственнаго возвышенія духа и естественности отношеній, порождаемой правильнымъ разумѣніемъ сущности вещей. Наконецъ, въ общественномъ и государственномъ смыслѣ, я своимъ рѣзкимъ примѣромъ ясно доказалъ, что высшая сила есть все-таки нравственная, такъ какъ чрезъ нее, и чрезъ одну только нее я, человѣкъ опальный, лишенный не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ, поставленный подъ исключительный, самый подозрительный надзоръ именно для того, чтобы я не могъ имѣть никакого вліянія, чтобы лишенъ былъ всякой возможности дѣлать что-нибудь безъ разрѣшенія и для себя лично, несмотря на все это не только принялъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ и правительственныхъ, но еще принялъ не самовольнымъ вмѣша-

тельствомъ, не тайною косвенною интригою, а вслѣдствіе прямой и убѣдительной просьбы тѣхъ самыхъ правительственныхъ лицъ, которыхъ назначеніе въ томъ и состояло, чтобъ не допускать меня ни до какого дѣйствія и препятствовать моему вліянію.

Грустно пошли для меня первые годы по смерти жены моей. Съ одной стороны мнѣ надоѣдали и раздражали меня всѣ попытки, дѣлаемыя разными семействами, породниться со мною, что, независимо отъ изложенныхъ выше причинъ, совершенно не соотвѣтствовало и настроенію моего духа, а съ другой не менѣе тяготила и переписка, возникшая по поводу желанія родныхъ и товарищей, чтобы я переселился изъ Восточной Сибири въ Западную.

Узнавъ о смерти моей жены, родные особенно настаивали на этомъ, такъ какъ никакая обязанность не удерживала меня въ Читѣ. Товарищи мои звали меня каждый къ себѣ; особенно настаивали Пущинъ и Оболенскій на переселеніе къ нимъ въ Ялуторовскъ. Но затрудненіе состояло въ томъ, что я не могъ уже покинуть семьи, завѣщанной попеченію моему покойною женою. Конечно, послѣ того, что я узналъ о дѣйствіяхъ матери, я имѣлъ полное право оставить ее, но именно по всему, что я зналъ уже о ней, тѣмъ болѣе жалко было оставить безъ опоры сестеръ моей жены, которыя болѣе всѣхъ сами терпѣли отъ характера матери, хотя и пожертвовали собою для нея. Не въ моихъ правилахъ было допустить, чтобы отъ наказанія, хотя бы и заслуженнаго, виновныхъ, могли пострадать невинные.

Я рѣшился остаться въ Читѣ. Тутъ предстояло поправить все разстройство, которое причинено бы-

ло болѣзнію и смертію жены не только отъ непредвидѣнныхъ расходовъ, которыхъ все это требовало, но и отъ такой долгой остановки моей дѣятельности за все время, которое я посвящалъ уходу за больною. Дальнѣйшее развитіе хозяйства я остановилъ, такъ какъ со смертію жены оно утратило главное свое значеніе быть со временемъ прочнымъ ей обезпеченіемъ. (Сестры ея могли тогда еще выдти замужъ, и для нихъ и послѣ смерти жены моей представлялись еще не разъ выгодныя партіи.) Совсѣмъ уничтожить хозяйство, чтобы избавить себя отъ всякихъ хлопотъ, я однако же не хотѣлъ, желая, чтобы былъ всетаки предъ глазами людей образецъ раціональнаго хозяйства; только сократилъ его нѣсколько, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе около того времени золотопромышленности въ краѣ измѣнило экономическія условія найма прислуги. Но если я уменьшилъ дѣятельность свою по хозяйству, то тѣмъ болѣе усилилъ ее по заботамъ объ образованіи народа, отъ чего я былъ нѣсколько отвлеченъ. Я посвятилъ на обученіе дѣтей и то время, въ которое занимался прежде съ женою, думая, что ничѣмъ не могу лучше почтить память ея. Въ то же время, видя приближающійся кризисъ какъ въ европейскихъ дѣлахъ, такъ и въ состояніи Сибири, я тѣмъ дѣятельнѣе занялся изысканіями по вопросамъ политическимъ и относящимся къ преобразованію края. До меня уже доходили слухи, что сообщенія сенатора, оффиціальныя и неоффиціальныя, сдѣланныя на основаніи моихъ идей и изысканій, заставили правительство подумать серьезно о новомъ устройствѣ края и объ Амурскомъ вопросѣ, на который я обратилъ вниманіе, поддержанное, притомъ, и свѣдѣніями, доставленными Миддендорфомъ. Извѣстно стало, что пріі-

искиваютъ уже исполнителя, что нашли его въ лицѣ Тульскаго губернатора Муравьева, и наконецъ вскорѣ послѣ тревожныхъ европейскихъ событій 1848 года, до такой степени оправдавшихъ мое политическое предвидѣніе, получено было извѣстіе о прибытіи въ Забайкальскій край и въ Читу новаго генералъ-губернатора.

Относительно событій, послѣдовавшихъ затѣмъ, имѣется огромное количество всякаго рода документовъ. Слишкомъ двѣсти моихъ статей и писемъ (хотя только небольшая часть ихъ была напечатана, но всѣ остальныя всетаки находятся въ оффиціальныхъ рукахъ), переписка моя съ разными лицами и вѣдомствами, оффиціальные документы, и, наконецъ, большая рукописная статья моя объ Амурскомъ дѣлѣ, бывшая въ рукахъ издателей Русскаго Вѣстника, но которую они не рѣшились напечатать. Поэтому я намѣренъ изложить здѣсь только вкратцѣ весь ходъ событій, чтобы дать только руководящую нить и связь для этихъ документовъ.

III.

Около половины августа 1848 г. генералъ-губернаторъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу съ адъютантомъ своимъ Муравьевымъ же (Василіемъ, сыномъ министра государственныхъ имуществъ и впослѣдствіи генералъ-губернатора въ Сѣв.-Зап. краѣ), и совѣтникомъ Стадлеромъ. Надобно сказать, что мать Василія Михайловича Муравьева, урожденная Шереметева, родная племянница И. Н. Тютчева, была совоспитанница моей сестры, которая также воспитывалась въ домѣ Тютчева, такъ какъ жена Ив. Николаевича была родная сестра нашей мачи-

хи. Василій Михайловичъ поэтому немедленно явился ко мнѣ, и между прочими вещами, (о здоровьѣ моихъ родныхъ и пр.) сказалъ, что родился въ той самой комнатѣ, которая служила и мнѣ кабинетомъ, когда я бывалъ въ Москвѣ, такъ какъ и я и Муравьевы всегда останавливались въ домѣ Тютчевыхъ. Затѣмъ, поговоривъ о нашихъ общихъ родныхъ и знакомыхъ и въ общихъ выраженіяхъ о дѣлахъ края и политическихъ, онъ спросилъ меня, намѣренъ-ли я познакомиться съ генералъ-губернаторомъ. Я отвѣчалъ, что у меня это не въ обычаѣ, и что я бываю у пріѣзжихъ начальниковъ только въ такомъ случаѣ, когда есть до нихъ особенное дѣло. «А вѣдь Николаю Николаевичу очень бы желательно было съ вами познакомиться; онъ такъ много слыхалъ о васъ и знаетъ, что никто лучше васъ не можетъ дать ему справедливыхъ указаній о краѣ.» — Я молчалъ. Василій Михайловичъ, замявшись немного, продолжалъ: «Кромѣ того, вы знаете, что генералъ-губернатору вмѣнено даже въ обязанность лично знать каждаго изъ васъ.» — «Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «пусть онъ оффиціально потребуетъ меня къ себѣ, тогда будетъ другое дѣло, и я явлюсь.» — «Что вы это, Дмитрій Иринарховичъ! Николай Николаевичъ никогда этого себѣ не позволитъ. Онъ такъ уважаетъ васъ, и такъ друженъ со всѣми вашими товарищами. Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, не ставьте его въ такое затрудненіе. Если не хотите такъ сдѣлать визита, то нѣтъ-ли у васъ какого дѣла, по которому вамъ нужно было бы его видѣть.» — «Ну, это пожалуй. Кстати, надо же чѣмъ нибудь кончить дѣло объ усадьбѣ подъ моимъ домомъ. Ни Рупертъ, ни сенаторъ не могли ничего толкомъ устроить.»

Вслѣдъ затѣмъ пришелъ и совѣтникъ Стадлеръ, и всѣ мы пошли вмѣстѣ къ Муравьеву. Онъ принялъ меня очень любезно, выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу, усадилъ на почетномъ мѣстѣ и сейчасъ кликнулъ свою жену познакомиться со мною.

Въ разспросахъ о краѣ онъ между прочимъ вздумалъ было распрашивать о разныхъ начальственныхъ лицахъ. Я сказалъ ему, что на такіе вопросы я не могу отвѣчать, — «Развѣ вы, Дм. Ир., не довѣряете мнѣ?» — сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. «Нѣтъ,» отвѣчалъ я, «совсѣмъ не то, я далъ такой же отвѣтъ и Ив. Ник., (сенатору), но нечего еще толковать о засѣдателяхъ и квартальныхъ, пока сами генералъ-губернаторы еще воруютъ.» — «Какъ!» — сказалъ онъ, вскочивши съ дивана, на которомъ мы сидѣли. «Да такъ таки просто воруютъ» — и привелъ не одинъ примѣръ въ доказательство, какъ иные, начавъ съ преслѣдованія чиновниковъ за взятки, кончили сами тѣмъ, что брали. «Но неужели вы думаете, Дмитрій Иринарховичъ,» — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу выраженіе искренняго чувства и какъ бы съ готовыми выступить слезами на глазахъ — неужели вы думаете, что человѣкъ, который до извѣстныхъ лѣтъ, ну напр. до моихъ (слѣдовательно, онъ говорилъ прямо въ приложеніи къ себѣ), былъ всегда честенъ, можетъ еще совратиться съ пути честности?» — «Это зависитъ отъ того,,» сказалъ я, «на чемъ эта честность была основана. Я зналъ честныхъ, пока не было имъ надобности быть нечестными, другихъ, потому что не было случая, и хотѣли бы брать, да не могли; иныхъ по безпечности, но около такихъ еще болѣе воруютъ, нежели сколько бы они взяли сами, и пр. Истинная честность только та, которая основана на внутрен-

немъ убѣжденіи.» — «Да вѣдь я и разумѣю точно такую же.» — «Ну въ такомъ случаѣ честность должна простираться на все. Истинно честный человѣкъ не сдѣлаетъ несправедливости не только изъ-за денегъ, но и для чиновъ, для крестовъ, для тщеславія и даже для славы.»

Относительно идей моихъ о потребности края и государства я сказалъ ему, что идеи мои на этотъ предметъ установились уже издавна и что я не могу сдѣлать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи, какъ сообщить ему копію съ меморіи, написанной по просьбѣ сенатора. Онъ просилъ сейчасъ дать ему прочесть ее. Я послалъ за нею, и когда онъ ее прочиталъ, то съ обычными ему порывистыми его движеніями и увлеченіями вскочилъ со стула и, схвативъ меня за обѣ руки, сказалъ: „*Ne m'en voulez pas, si je vous vole tout cela en entier. C'est si bien, qu'il n'y a rien à y ajouter, ni en retrancher, ni changer.*“ «Дмитрій Иринарховичъ,» сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ за этимъ, «я знаю вашу безкорыстную готовность служить общему благу: не откажите мнѣ въ совѣтахъ и содѣйствіи.» — «Николай Николаевичъ,» отвѣчалъ я ему, «у меня есть идеи, правила, цѣли, для которыхъ я всѣмъ пожертвовалъ. Не могу же я жертвовать тѣмъ, для чего всѣмъ пожертвовалъ.» — «Но вѣдь я вполнѣ все это раздѣляю,» сказалъ онъ: «Дмитрій Иринарховичъ, я сознаюсь, что я круглый невѣжда и отдаюсь вполнѣ вашему руководству. Но у меня вы найдете много доброй воли, можетъ быть, нѣсколько энергіи, и я пользуюсь довѣріемъ Государя.» — «Хорошо,» сказалъ я, «въ самодержавномъ правленіи это значительная сила. Много можно сдѣлать добраго, направя ее къ хорошей цѣли. Съ такими условіями можно трудиться.» — Такъ установились съ пер-

ваго-же дня и на такихъ основаніяхъ сношенія мои съ Муравьевымъ.

Муравьевъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, былъ человѣкъ, вполнѣ преданный корыстнымъ цѣлямъ, и притомъ шарлатанъ большой руки, отчего и его самого такъ легко надували такіе же шарлатаны. До тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до повѣрки словъ дѣйствіями, ему легко было прослыть за либерала, тѣмъ болѣе, что либеральничанье было для него совершенно безопасно.

Онъ подмѣтилъ многія слабыя стороны Николая Павловича и доводилъ пользованіе ими до самаго дерзкаго злоупотребленія. Убѣдясь съ одной стороны въ довѣріи Государя къ нему, полученному какъ-бы въ наслѣдіе отъ отца, а съ другой стороны въ безграничномъ самолюбіи Николая Павловича, онъ основалъ на этомъ возможность и безопасность для себя разыгрывать двойную роль. Привожу буквально тѣ его выраженія, какими онъ самъ описывалъ мнѣ Николая Павловича: „*C'est un despote complet par son coeur, par ses inclinations; mais quant à son pouvoir despotique, quant à l'exercice de ce pouvoir, c'est un pauvre sire; chaque ministre le mène, par le bout du nez, pourvu qu'il l'assure qu'il ne fait qu'exècuter sa volonté; car il a tant d'amour propre, qu'il ne croit pas même possible qu'on ose le tromper.*“ Онъ приводилъ мнѣ примѣры, какъ удачно иные министры добивались того, что имъ было нужно, нагло увѣряя Государя, что онъ самъ это приказалъ, такъ какъ Государь скорѣе соглашался, что онъ, вѣроятно, забылъ о томъ, чѣмъ допускалъ предположеніе, что его кто-нибудь осмѣлится обмануть. «Это превосходное орудіе въ рукахъ ловкаго человѣка,» пояснилъ онъ, доказывая свое убѣжденіе самымъ дерзкимъ приложеніемъ своего мнѣнія къ дѣ-

лу, и отчасти обманывая либераловъ тѣмъ, что надобно пользоваться такимъ орудіемъ, чтобъ подвигать дѣло либерализма къ цѣли, и извинялъ лесть и увѣренія въ безусловной преданности Государю, какъ необходимыя для сохраненія довѣрія, а въ то же время для Государя держалъ въ запасѣ другой аргументъ, если бы до Государя дошло его запальчивое либеральничанье, — а именно, что онъ для того сближается съ либеральною партіею и старается пріобрѣсти ея довѣріе, чтобы лучше наблюдать за нею. Онъ льстилъ Государю и тѣмъ, что увѣрялъ его, что считаетъ его первымъ патріотомъ и либераломъ и что только невѣжество и злонамѣренность не постигаютъ его либерализма.

Такимъ образомъ, удалось ему обморочить тѣхъ людей, которые нейдутъ дальше словъ и не требуютъ повѣрки ихъ дѣйствіями; такъ обморочилъ онъ и моихъ товарищей своимъ мнимымъ либерализмомъ и любезностями. Конечно, впослѣдствіи и многимъ изъ нихъ нельзя было скрывать отъ себя рѣзкаго противорѣчія у Муравьева дѣла со словами, но, къ сожалѣнію, уже интересы многихъ заставили ихъ закрывать глаза и притворяться, что они этого не замѣчаютъ или не убѣждены въ правильности обличаемыхъ фактовъ.

Надобно сказать, что отецъ Муравьева, извѣстный статсъ-секретарь, Николай Назарьевичъ, былъ *fac-totum* Аракчеева и такое-же его орудіе, какъ и Клейнмихель, съ тою только разницей, что Муравьева называли перомъ Аракчеева, а Клейнмихеля палкою, т. е. что Муравьевъ служилъ Аракчееву для бумагъ, а Клейнмихель для внѣшняго понужденія. Муравьевъ этотъ, вовсе не глупый въ дѣлахъ, печаталъ однако такія глупости, что нельзя было не принять этого за умышленное прикидываніе

себя дуракомъ. Это объясняли такъ: зная, что Александръ Павловичъ терпѣть не могъ популярныхъ людей, желая одинъ быть исключительно популярнымъ, не любилъ и никакой репутаціи, независимой отъ его благоволенія, Муравьевъ, печатая различныя пошлости, какъ бы говорилъ Государю: «Пусть всѣ считаютъ меня дуракомъ, какая мнѣ нужда? — Лишь бы вы одни изъ негласныхъ дѣлъ видѣли, что я не дуракъ.» — Подобная уловка внушала большое довѣріе у Александра Павловича къ тѣмъ людямъ, которые, казалось, ищутъ всего только въ немъ одномъ. Зная такимъ образомъ, что за человѣкъ былъ отецъ Муравьева, меня упрекали впослѣдствіи, какъ я могъ повѣрить, что сынъ такого человѣка могъ быть либераломъ, особенно если еще былъ на службѣ. Нечего и говорить, до какой степени были ошибочны основанія подобныхъ упрековъ. Если и дѣйствительно иногда семейная обстановка поясняетъ многое въ идеяхъ, наклонностяхъ и характерѣ человѣка, то безусловно вмѣнять вину родителей дѣтямъ и невозможно и несправедливо. Весьма часто случается, что тамъ именно, гдѣ ложь и безнравственность доведены въ семействѣ до крайности, дѣти по закону реакціи выходятъ съ противоположными свойствами, и даже именно потому, что зло, дойдя до крайнихъ выводовъ, слишкомъ очевидно и не замаскировано ничѣмъ, что могло бы ввести въ заблужденіе. Что же касается до того, что находящійся на службѣ не можетъ быть либераломъ, то это мнѣніе основано на ошибочномъ понятіи о либерализмѣ, который, какъ я упомянулъ уже выше, противоположенъ эгоизму, а не тому или другому виду государственнаго устройства, такъ какъ эгоизмъ можетъ всякую внѣшнюю форму довести до того, что она выродится въ деспотизмъ или анар-

хію. Я никогда не относился съ предварительнымъ недовѣріемъ къ человѣку, но въ то же время никогда и не закрывалъ глаза добровольно. Я и для самаго правительства установлялъ необходимостью правило: «Довѣрять — но повѣрять,» и потому и самъ поступалъ всегда также. Если не довѣрять, то ничего не сдѣлаешь; если, довѣряя, не повѣрять, можешь сдѣлаться жертвою обмана. Поэтому, принявъ съ довѣріемъ заявленіе Муравьева о желаніи быть полезнымъ краю и государству и о намѣреніи руководствоваться либеральными идеями и правилами, я старался содѣйствовать ему, но именно только въ либеральныхъ и полезныхъ мѣрахъ, — но въ то же время, зорко наблюдая за его дѣйствіями и не допуская ихъ уклоняться отъ того направленія, которое одобрялъ. Коль скоро же я проникъ попытки его обратить все на служеніе своекорыстнымъ личнымъ цѣлямъ, коль скоро онъ думалъ привлечь меня тѣмъ, что сталъ разыгрывать предо мною не либерала уже, а революціонера *(le soleil nous a luit la journée du quatorze)*, тогда онъ сразу потерялъ мое довѣріе, и никакія приманки выгоды, ни угрозы не могли удержать меня, чтобы я не выступилъ противъ него съ самымъ энергическимъ сопротивленіемъ, и именно въ то время, когда онъ находился въ апогеѣ своего могущества и довѣрія къ нему Государя и публики.

Въ меморіи, написанной для сенатора, я обращалъ вниманіе на то, до какой степени имѣетъ вредное вліяніе на благосостояніе края обычай присылать въ Сибирь правителями людей уже очень пожилыхъ и утомленныхъ дѣятельностію, тогда какъ одни разстоянія въ Сибири требовали людей еще въ силахъ, чтобы они могли чаще обозрѣвать край и лично знакомиться съ его положеніемъ и требова-

ніями, не говоря уже о возможности болѣе бдительнаго надзора надъ второстепенными начальниками. Мысль эта поразила вѣрностью своею Перовскаго, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. И вотъ онъ предложилъ Государю, не попробовать-ли и въ самомъ дѣлѣ назначить генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь человѣка съ болѣе свѣжими силами, чтобы имѣть возможность и требовать отъ него болѣе. Николай Павловичъ тѣмъ охотнѣе на то согласился, что изъ самыхъ сообщеній сенатора уже видѣлъ необходимость приступить къ рѣшенію Амурскаго вопроса, для чего и предположена была еще до этого времени экспедиція Путятина, остановленная только сопротивленіемъ министра финансовъ Канкрина, опасавшагося за доходъ съ Кяхтинской торговли, въ случаѣ возбужденія опасеній китайцевъ. Къ несчастію, Орловъ, которому Государь приказалъ вызвать съ юга Муравьева Карскаго смѣшалъ по сходству имени и отчества послѣдняго съ Тульскимъ, такимъ человѣкомъ, который очень мало понималъ дѣло и заботился объ общемъ благѣ, но не отступалъ, какъ доказалъ опытъ, ни предъ какими средствами для достиженія личныхъ цѣлей. Изъ напечатанныхъ собственныхъ разсказовъ Муравьева ясно видно, что когда дѣло коснулось Амура, то обѣ стороны дѣйствовали съ заднею мыслью: Государю хотѣлось пріобрѣсти Амуръ, но вести дѣло такъ, чтобъ не выставлять себя, и чтобы, въ случаѣ неудачи, можно было отъ всего отпереться, а Муравьевъ смекнулъ, что именно изъ такого двусмысленнаго положенія и можно извлечь наибольшую выгоду для личныхъ цѣлей, и что тутъ не только открывается прекрасный случай выслужиться, но и полный просторъ и раздолье для произвола, причемъ можно оправдать всякое

насиліе мнимою выгодою государства. Но чѣмъ глубже запали въ него такая мысль и надежда, тѣмъ тщательнѣе, разумѣется, старался онъ скрыть ихъ и выказать себя на первыхъ порахъ только человѣкомъ, заботящимся о благѣ края, либеральнымъ, для достиженія чего и выгоднѣе всего было ему сблизиться въ Сибири съ представителями либерализма, съ «декабристами», какъ потому, что общество ихъ было несравненно пріятнѣе, такъ и потому, что только въ средѣ ихъ онъ могъ найти дѣльныя мысли и полезныя свѣдѣнія.

Но была еще и другая причина, дѣлавшая для Муравьева выгоднымъ сближеніе съ декабристами. Муравьевъ, по связямъ своимъ и по положенію, не принадлежалъ къ высшему кругу, къ хорошему, какъ говорится, обществу. Его кругъ — былъ кругъ выслужившагося чиновничества. «Муравьевы всѣ живутъ службой,» повторялъ онъ и самъ не разъ. «Вѣдь я знаю, Дм. Ир.,» говорилъ онъ мнѣ, «что настоящіе, вольные новгородды — это вы, которыхъ Иванъ выселилъ изъ Новгорода, а мы тамъ пришельцы, холопы Царя Московскаго» и пр.

Между тѣмъ многіе родные наши принадлежали именно къ высшему и вліятельному кругу; если они не могли ничего сдѣлать собственно для насъ, то могли дѣлать однако же очень много для такихъ еще малозначащихъ людей, какъ Муравьевъ. Впрочемъ, если мы сказали: «не могли,» то надобно сдѣлать еще и тутъ оговорку. Многіе просто не хотѣли, какъ напр. кн. Волконская, для которой не было бы отказа, но которая сама считала это за *point d'honneur* не просить Государя о смягченіи участи сына, а просить только о ничего не стоющихъ пустякахъ, лишенныхъ смысла, которыми рады были ее тѣшить, будучи очень довольны, что

она ничего другого не требовала въ отношеніи къ сыну, но тѣмъ болѣе готовы были угождать ей въ другихъ просьбахъ. Итакъ Муравьевъ очень понималъ, что все, что онъ будетъ дѣлать для насъ, родные наши возвратятъ ему съ лихвою. Даже самые осторожные изъ нихъ высказывали это ясно. Такъ напр. министръ Канкринъ, стоя во дворцѣ у окошка и барабаня пальцами по стеклу, сказалъ отправлявшемуся въ Сибирь къ намъ коменданту Лепарскому (употребя тотъ способъ, который употребляютъ дѣти, когда имъ запрещаютъ говорить другъ съ другомъ по-русски, т. е. адресуясь къ печкѣ, къ окну и пр.), что все, что сдѣлано будетъ для его зятя, онъ приметъ, какъ сдѣланное лично для него. Наконецъ, самый примѣръ сенаторской ревизіи дѣлалъ уже невозможными иныя отношенія къ намъ, какъ дружескія, и притомъ Муравьевъ зналъ, что при тогдашнемъ броженіи идей ничѣмъ нельзя было такъ пріобрѣсти популярность, какъ сближеніемъ съ нами, за что дѣйствительно онъ и удостоился похвалы отъ «Колокола».

Такимъ-то образомъ обезпечилъ онъ себѣ значительную поддержку въ нашихъ родныхъ чрезъ сближеніе съ нами. Кромѣ того, его понуждало къ тому и то обстоятельство, что, взявшись быть исполнителемъ присоединенія Амура по видамъ личной выгоды, онъ совершенно не зналъ однако же, какъ ему приняться за дѣло. Въ свидѣтельство этому привожу слѣдующій разговоръ его со мною, въ первый же день нашего свиданія и знакомства, разговоръ, предшествовавшій чтенію меморіи и бывшій поводомъ просьбы Муравьева сообщить ее ему. Ему естественно хотѣлось получить поскорѣе награду, а это желаніе ослѣпляло его на счетъ возможности поскорѣе устроить дѣло до такой сте-

пени, что онъ вдругъ сказалъ мнѣ: „*L'année qui suit je viens chez vous et j'établis ici mon quartier général.*“ — „*Que faire?*“ — „*Mais je commence à agir*“ *etc...*

Тогда-то я и началъ объяснять и доказывать ему, что нечего и думать о дѣйствіи, когда еще ничто не подготовлено къ нему; что прежде, чѣмъ бросаться въ предпріятіе, надобно приготовить надежную ему опору въ новомъ устройствѣ Забайкальскаго края и пр. Только тогда онъ понялъ, до какой степени онъ дѣйствовалъ на обумъ и въ какое безвыходное положеніе могъ попасть, если бы не ознакомился съ моими идеями насчетъ дѣла. Однако опытъ доказалъ, что, даже вынуждаемый необходимостью принять ихъ, онъ дѣйствовалъ съ заднею мыслью исказить, что можно, въ видахъ личныхъ, а для того, чтобы оправдывать предо мною подобныя искаженія, онъ пользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что была одна сторона дѣла, лежавшая внѣ возможности мнѣ повѣрить ее, — это непосредственное вліяніе на дѣло самого Государя. Обращаясь ко мнѣ за содѣйствіемъ, Муравьевъ естественно признавалъ за мною право требовать у него отчета; и во всемъ, что относилось къ его собственнымъ распоряженіямъ, я имѣлъ, конечно, средство для повѣрки. Но что было возражать, какъ повѣрять, когда какое-нибудь постановленіе правительства, искажавшее дѣло, оправдывалось тѣмъ, что: «нечего дѣлать, Государь такъ велѣлъ, или сказалъ?»

Признавъ себя обязаннымъ слѣдовать моимъ идеямъ и правиламъ для того, чтобы заручиться моимъ содѣйствіемъ, Муравьевъ вынужденъ былъ по необходимости подчиниться моему контролю до такой степени, что самыя приближенныя къ нему лица обращались ко мнѣ, когда дѣло шло о томъ,

чтобы высказывать ему правду или въ порицаніе какихъ-либо его дѣйствій и распоряженій, или чтобъ удержать его отъ чего нибудь дурного и неодобряемаго. «Насъ онъ не слушаетъ, а васъ долженъ будетъ послушать» и пр. было обычнымъ вступленіемъ къ просьбѣ или разговору въ этомъ отношеніи. Подобный случай представился именно на первомъ-же, можно сказать, шагѣ нашего знакомства.

За пять или за шестъ дней до возвращенія генералъ-губернатора Муравьева въ Читу изъ Нерчинскаго края, лишь только я всталъ поутру, мнѣ доложили, что присылалъ В. М. Муравьевъ сказать мнѣ, какъ только я встану, что онъ, пріѣхавъ ночью, нарочно остановился до утра, чтобы повидаться со мною, самъ же не можетъ придти ко мнѣ, потому что очень боленъ и не въ состояніи одѣться, а между тѣмъ ему необходимо поговорить со мною о важномъ дѣлѣ. Я въ ту же минуту отправился къ нему и нашелъ его уже очень больнымъ (это было начало его предсмертной болѣзни); но онъ не хотѣлъ отдохнуть въ Читѣ, потому что по позднему времени торопился доѣхать по теплу на горячія Туркинскія воды въ Баргузинскомъ краѣ.

«Я непремѣнно хотѣлъ васъ видѣть, Дм. Ир., сказалъ онъ мнѣ, «и попросить объ одномъ важномъ дѣлѣ. Николай Николаевичъ (генералъ-губернаторъ Муравьевъ) не всегда разсудителенъ (онъ не хотѣлъ тогда разсказать о его пьянствѣ), онъ горячъ и увлекается въ необдуманныя дѣйствія, а остановить его, сказать ему правду, никто не посмѣетъ, да онъ ее ни отъ кого и не приметъ. Одни только вы будете въ состояніи удерживать и подъ часъ образумить его; васъ, я увѣренъ, онъ послушаетъ, потому что вы и не можете себѣ представить, какое произвели на него впечатлѣніе ваши

идеи и особенно вашъ примѣръ. *A présent il jure même en votre nom.* Вотъ человѣкъ, — говоритъ онъ, — онъ доказалъ, что могутъ сдѣлать умъ, энергія и самопожертвованіе, даже въ такомъ страшномъ положеніи. Поэтому то я на васъ и возлагаю всѣ мои надежды для добра Николая Николаевича. Жаль, что вы не въ Иркутскѣ. Враги его и интересаны непремѣнно воспользуются его слабостями и, конечно, не будутъ удерживать его отъ дурного, а скорѣе подстрекать на него и льстить ему; а кому изъ насъ останавливать его? Мы и пытались было, да онъ насъ не слушаетъ. — Вы ничего не понимаете, — одинъ отвѣтъ. Вотъ хоть бы послѣдній случай; поговорите съ нимъ объ этомъ пожалуйста. Онъ далъ триста ударовъ розгами и посадилъ въ колоды крестьянина за то, что тотъ сдѣлалъ сборы по приказанію правителя на проѣздъ генералъ-губернатора. Я хотѣлъ было объяснить ему, но онъ страшно раскричался и разгорячился и не сталъ слушать, а я увѣренъ, что это произвело дурное впечатлѣніе» и пр. Вслѣдъ затѣмъ, сообщивъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности о происшествіи, о которомъ говорилъ, Вас. Мих. пожаловался мнѣ и на жену Муравьева и на нѣкоторыхъ моихъ товарищей, что и они также не всегда хорошо направляютъ Муравьева.

Коль скоро на обратномъ пути изъ Нерчинскаго края Николай Николаевичъ прибылъ въ Читу, онъ сейчасъ же прислалъ ко мнѣ извиниться, что не можетъ придти самъ потому, что курьеръ привезъ пропасть бумагъ, на которыя ему надобно немедленно отвѣчать и отправить курьера обратно, почему и проситъ меня пожаловать обѣдать, а до обѣда почитать газеты, что есть много интереснаго (это было во время самаго разгара политиче-

скихъ переворотовъ въ Европѣ). Когда курьера отправили, и Муравьевъ спросилъ меня, что я вычиталъ новаго, пока онъ возился съ бумагами (какъ будто онъ и забылъ, что самъ же отрывалъ меня безпрестанно, давая прочесть почти каждую значительную бумагу и спрашивая моего мнѣнія), то я вмѣсто политическаго разговора прямо спросилъ его о томъ, что разсказалъ мнѣ Вас. Мих. Я сказалъ ему насчетъ крестьянина, котораго онъ наказалъ: „*qu'au bout du compte ce n'était qu'un pauvre instrument, et qu'en tout cas ce n'est pas à lui qu'il fallait s'en prendre,*“ что онъ исполнялъ только приказаніе управителя, какъ дѣлалось и всегда прежде, и что управитель точно также бы его высѣкъ, если бы онъ осмѣлился не исполнить приказанія «начальства», что на первый разъ и съ управителя не слѣдовало взыскивать за то, что всегда именно требовалось при проѣздахъ генералъ-губернаторовъ; а надо было разъяснить дѣло всѣмъ и запретить, чтобы впередъ ни для васъ, ни для кого того-бы не дѣлали. Муравьевъ сталъ оправдываться. Онъ сознался, что онъ, конечно, слишкомъ погорячился, но что будто бы онъ хочетъ довести справедливость въ краѣ до того, чтобы никто и не подумалъ быть орудіемъ незаконныхъ приказаній. Мы увидимъ, что впослѣдствіи только тѣ и выслуживались и награждались, кто былъ у него безусловнымъ орудіемъ самыхъ возмутительно-незаконныхъ приказаній.

Впослѣдствіи я не разъ писалъ ему въ Иркутскъ о разныхъ его дѣйствіяхъ, для меня неясныхъ или подпадавшихъ моему неодобренію. Иное онъ отмѣнялъ, въ другомъ оправдывался, но всегда признавалъ мое право дѣлать замѣчанія и постоянно увѣрялъ, что очень дорожитъ моимъ мнѣніемъ

и моими совѣтами, которыхъ и спрашивалъ постоянно. Сношенія между нами были безпрерывныя; всякій, посылаемый отъ него чиновникъ, адъютанты его были адресованы ко мнѣ, и по прибытіи немедленно являлись ко мнѣ въ Читѣ, чтобы получить отъ меня нужныя свѣдѣнія и указанія, и случалось даже, что мое письмо давалося чиновнику вмѣсто всякой другой инструкціи.

Но между тѣмъ какъ онъ старался извлекать всю возможную выгоду изъ моего содѣйствія и показывался, повидимому, такимъ искреннимъ въ подчиненіи моимъ указаніямъ, онъ, пользуясь вышесказаннымъ обстоятельствомъ, т. е. лежавшею внѣ моей повѣрки неизвѣстною мнѣ степенью личнаго участія Государя въ ходѣ дѣла, на что онъ при нуждѣ все сваливалъ, началъ направлять самое преобразованіе края къ личнымъ видамъ и исказилъ мой проектъ устройства края введеніемъ въ него безсмысленнаго пѣшаго казачества и созданіемъ Кяхтинскаго градоначальства, ссылаясь въ томъ на непосредственную волю Государя.

Когда Муравьевъ сказалъ мнѣ въ первый разъ о пѣшемъ казачествѣ, которое хотѣлъ ввести въ Забайкальскій край, то мнѣ не трудно было доказать ему всю нелѣпость подобнаго учрежденія, и онъ самъ сознался, что я разбилъ въ прахъ всѣ его аргументы. Я думалъ, что тѣмъ дѣло и покончено. Каково-же было мое удивленіе, когда въ положеніи, утвержденномъ Государемъ, я увидѣлъ, что въ немъ снова помѣщено учрежденіе этого казачества, а чрезъ то искажена вся экономія моего проекта, въ которомъ главнымъ достоинствомъ и признавалось именно не только то, что онъ соотвѣтствовалъ разумнымъ потребностямъ края, но еще и то, что онъ пролагалъ естественный путь къ по-

степенному уничтоженію розни сословій, сообразно требованію будущаго. Когда я спросилъ Муравьева, какимъ образомъ могло это случиться, онъ сказалъ мнѣ: «Что же дѣлать. Надобно было польстить вкусу Государя, который пристрастенъ къ казачьему мундиру-»*)

И когда мнѣ не трудно было доказать, что нельзя же на подобныхъ основаніяхъ строить что либо дѣльное и прочное, то онъ старался успокоить меня тѣмъ, что «надо уступить въ этомъ, а что зато послѣ мы наведемъ свое» и т. п. Вѣчно то же пошлое оправданіе, что „*nous reculons pour mieux sauter.*"

Всѣ подобные извороты были тѣмъ болѣе уже неизвинительны съ его стороны, что онъ началъ получать суровые уроки, къ какимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ приводило его преслѣдованіе личныхъ цѣлей. Я уже выше гдѣ-то упомянулъ, что горное производство было тщательно мною изучено и что мои изслѣдованія (сообщенныя сенатору) доказали невыгодность серебрянаго производства. Вся мнимая выгода основана была на скрытомъ налогѣ, и было вполнѣ раціонально, ослабляя работы по выплавкѣ серебра, усилить разработку золотыхъ пріисковъ. Но между тѣмъ серебряное производство было существенно ученое и покидать его вовсе не слѣдовало уже потому, чтобы въ случаѣ новыхъ открытій богатыхъ рудъ имѣть людей, готовыхъ и теоретически и практически, подготовка которыхъ для серебрянаго производства не легка, тогда какъ золотыя розсыпи не требовали ника-

*) Разсказъ объ этомъ, посланный мною въ печать, Сибирскій комитетъ измѣнилъ такъ, что Муравьевъ употребилъ такой аргументъ, о которомъ я не зналъ, что и думать.

кихъ ученыхъ познаній и завѣдывались успѣшно самыми простыми и необразованными людьми при одномъ практическомъ навыкѣ. Кромѣ того, хозяйственное благосостояніе края много зависѣло отъ давности заселеній при заводахъ и рудникахъ, гдѣ не только чиновники и горные служители, но даже почти всѣ ссыльные имѣли свои пашни, огороды и другое хозяйственное устройство. Для того, чтобы не разстроить края, измѣненіе должно было дѣлаться постепенно, какъ и начало его уже дѣлать горное вѣдомство до прибытія Муравьева и, конечно, лѣтъ черезъ пять или шесть преобразованіе могло соовершиться естественнымъ путемъ. Но къ несчастію Муравьевъ, желая выказать свою дѣятельность и искусство, захвастался въ Петербургѣ, что дастъ 100 пудовъ золота, если все отдадутъ въ полное его распоряженіе, тогда какъ до того вымывалось около 30 пудовъ, хотя притомъ доставлялось еще также и болѣе 150 пудовъ серебра. Напрасно я старался его образумить и доказывалъ, что нѣтъ никакихъ условій для того, чтобы добыть сто пудовъ, и что онъ разстроитъ только край, а ста пудовъ не добудетъ. Опять тотъ же отвѣтъ, что теперь уже перемѣнять нельзя, что онъ такъ уже обѣщалъ Государю, хотя ясно, что поправить дѣло было еще легко, стоило только пожертвовать своимъ самолюбіемъ и сознаться въ ошибкѣ, и онъ всегда безъ урона даже своего достоинства могъ прямодушно сказать Государю, что, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ, онъ пришелъ къ другимъ заключеніямъ, нежели тѣ, которыя онъ вывелъ, когда судилъ только по тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись въ Петербургѣ, гдѣ и дано было обѣщаніе насчетъ ста пудовъ золота. Но онъ больше всего боялся насмѣшекъ со стороны министра финансовъ Вронченки,

котораго онъ ненавидѣлъ за его презрительные отзывы о себѣ.

Такимъ-то образомъ началась безъ всякой постепенности полная ломка горнаго вѣдомства. Люди были оторваны отъ своего хозяйства и безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ переведены въ мартѣ мѣсяцѣ на новыя мѣста, на Карійскіе золотые пріиски. Мудрено-ли, что при недостаткѣ пищи и помѣщеній, при изнурительныхъ и непривычныхъ работахъ, развились разныя болѣзни, которыя всѣ слились потомъ въ одинъ повальный тифъ, похитившій тысячу человѣкъ, а золота, несмотря на всѣ усилія, натяжки и неправды, всетаки вымыли не болѣе 65 пудовъ при совершенномъ почти уничтоженіи добычи серебра, такъ что въ общемъ результатѣ, при возвысившихся страшно расходахъ, чистой прибыли получено даже менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе года.

Послѣ этого было для всѣхъ ясно, что обращеніе тридцати тысячъ горныхъ крестьянъ, главныхъ хлѣбопашцевъ въ краѣ, въ казаки приведетъ неминуемо еще въ большее разстройство край, особенно въ хозяйственномъ отношеніи, нисколько въ то же время не способствуя никакой политической цѣли, такъ какъ новое войско очевидно могло быть только номинальнымъ. Но бѣда въ томъ, что лично для Муравьева это-то только и было нужно. Пріѣхавъ въ Сибирь съ правами командующаго войсками, т. е. корпуснаго командира, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего только какихъ-то четыре несчастныхъ гарнизонныхъ батальона. При такомъ составѣ нечего было и думать о созданіи какихъ-либо подчиненныхъ должностей, подкомандныхъ генераловъ, льстящихъ суетности и дающихъ средство пріобрѣтать партизановъ раздачею значи-

тельныхъ мѣстъ. Умножить число линейныхъ батальоновъ ни за что не согласились бы въ Петербургѣ, и поэтому, вмѣсто настоящаго войска, Муравьеву хотѣлось имѣть хоть бы подобіе войска, при которомъ можно было бы завести всѣ штабныя учрежденія и другія принадлежности. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ заведеніе тяжелой артиллеріи, для которой не только въ Китаѣ, въ случаѣ войны съ нимъ, но даже и въ Забайкальскомъ краѣ не было удобныхъ для прохода дорогъ, вслѣдствіе чего и вышло, что эта дорого стоющая артиллерія простояла 20 слишкомъ лѣтъ безъ всякой пользы въ г. Верхнеудинскѣ съ тѣмъ, чтобъ содержать тамъ только караулы при острогѣ и быть передвинутою отчасти также безъ пользы потомъ на Амуръ. То же самое случилось и съ мортирами.

Какъ приступъ къ дѣйствіямъ относительно Амура, переведенъ былъ въ 1850 году въ Читу 14-й линейный батальонъ. Тогда преполагалась сухопутная экспедиція изъ Цурухайтуя, нашей пограничной казачьей станицы, въ Цыцыхаръ, центральное мѣсто управленія Манчжуріи, чтобы вынудить Китай къ уступкѣ Амура. При этомъ случаѣ начали яснѣе обнаруживаться обычныя впослѣдствіи поползновеніе и замашка Муравьева гнаться за эфемерными эффектами и въ то же время упускать то, что, соотвѣтственно даннымъ обстоятельствамъ, одно было и необходимо и разумно. Такъ какъ мнѣ извѣстны были заранѣе и переводъ войска за Байкалъ и цѣль этого движенія, то, предвидя, что пребываніе батальона въ Читѣ будетъ временное и что Чита должна быть обращена въ городъ, я уже тогда предложилъ ту мѣру, которую только теперь начинаютъ признавать необходимою и именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда предло-

жена была мною; я предложилъ построить временныя деревянныя казармы, что до прихода войска могло быть сдѣлано безъ всякой суеты и очень дешево, и притомъ построить ихъ отдѣльными связями, соединенныя только подъ общую крышу, чтобъ, въ случаѣ ненадобности, ихъ при дальнѣйшемъ передвиженіи войска легко было бы распродать по частямъ, что было бы очень выгодно и для вновь строящагося города, такъ какъ каждая отдѣльная часть могла составить очень порядочный помѣстительный домикъ. Но у Муравьева личныя цѣли одержали верхъ надъ общею пользою. Какъ впослѣдствіи онъ предпринялъ разорившую казаковъ постройку штабныхъ строеній, «чтобъ было, что показать Великому Князю Константину Николаевичу» (его собственныя слова), такъ и при переводѣ линейныхъ батальоновъ за Байкалъ въ ожиданіи того, что когда еще придется выставить себя на видъ дѣйствіями относительно Амура, онъ задумалъ воздвигнуть «на память своей дѣятельности въ краѣ» огромныя, дорого-стоющія казармы безъ всякой существенной нужды, кромѣ того, что «надобно же показать, что мы что-нибудь дѣлаемъ» и что когда это сдѣлается, то «ужъ всякому легко будетъ продолжать», потому что будто бы «все существенное уже сдѣлано». Все это говорилъ онъ мнѣ еще въ 1852 году, когда въ сущности не только ничего еще не было сдѣлано, но еще то, что было имъ собственно сдѣлано, скорѣе должно было парализировать успѣхъ Амурскаго предпріятія, нежели способствовать ему. И легкомысліе и торопливость Муравьева въ этомъ дѣлѣ простирались до того, что инженеры скакали на курьерскихъ, солдаты рыли канавы подъ фундаменты, расходовались артельныя солдатскія деньги на матеріалы, солдатъ

морили на работахъ въ зимнее время въ лѣсу и пр., и все это до полученія утвержденія о постройкѣ казармъ изъ Петербурга. Кончилась эта затѣя тѣмъ, что казармъ не утвердили, всѣ расходы и труды солдатъ пропали, а войска остались всетаки безъ помѣщенія; обременили постоемъ обывателей, а въ концѣ концовъ вынуждены были приняться за постройку тѣхъ же временныхъ казармъ, вслѣдствіе страшныхъ безпорядковъ отъ неимѣнія общаго помѣщенія и въ условіяхъ вполнѣ уже невыгодныхъ.

IV.

Въ 1851 году въ началѣ сентября Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу открывать новоучрежденные городъ и область. Чтобы польстить мнѣ и выказать будто бы свою признательность, онъ, вопервыхъ, сказалъ мнѣ, что ставитъ свою жену мнѣ свидѣтельницею, что первое его слово по возвращеніи его изъ дворца съ утвержденіемъ Государемъ преобразованія края и предположеній относительно Амура, было: «Какъ будетъ радъ Дмитрій Иринархович, что его давнишнія идеи приходятъ, наконецъ, въ исполненіе»; а вовторыхъ, назначилъ днемъ открытія области день моихъ именинъ 21-е сентября, потому что «какъ городъ и область обязаны мнѣ своимъ существованіемъ, то и справедливо, чтобы воспоминаніе объ этомъ событіи совпадало съ воспоминаніемъ о виновникѣ этого событія.» Въ ожиданіи же этого дня Муравьевъ отправился въ Нерчинскіе заводы, прося меня принять на себя, за отсутствіемъ его, всѣ необходимыя распоряженія и, отдавши всѣмъ словесно и письменно соотвѣтственныя приказанія, чтобы распоряженія мои были

исполняемы всѣми въ точности. Просьба эта и порученіе ставили меня въ чрезвычайно щекотливое и затруднительное положеніе, и, надобно сказать, были со стороны Муравьева вовсе неделикатны. Онъ не только налагалъ на меня огромный и вещественный и умственный трудъ, но и подвергалъ меня всевозможнымъ столкновеніямъ и непріятностямъ отъ зависти людей и по интересамъ ихъ; и все это безъ всякой возможности какого либо для меня вознагражденія, въ то время какъ самъ онъ извлекалъ всяческія выгоды изъ моей дѣятельности.

Впрочемъ о себѣ я не думалъ, но въ подобномъ порученіи могла кромѣ того скрываться опасность для другихъ, и относительно этого я обязанъ былъ быть преудусмотрителенъ. Поэтому, когда Муравьевъ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь, Дмитрій Иринарховичъ, что вы и для Павла Ивановича*) будете тѣмъ же, что и для меня, такимъ-же надежнымъ руководителемъ,» я отвѣчалъ ему, что я съ Павломъ Ивановичемъ не знакомъ.

«Ахъ, Боже мой, да какъ же это? Вѣдь Павелъ Ивановичъ проѣзжалъ здѣсь прошлаго года?»

«Да, дѣйствительно, и я даже слышалъ, что онъ очень желалъ со мною познакомиться. Но вотъ, видите-ли, Николай Николаевичъ, я и по всегдашнему моему обычаю, а теперь тѣмъ болѣе потому, что требуетъ мое положеніе, имѣю правиломъ никогда и никому не навязываться на знакомство.»

«О, навѣрное Павелъ Ивановичъ самъ будетъ у васъ о томъ просить; вы только передайте ему, о чемъ я васъ просилъ.»

---

*) П. И. Запольскій, первый Забайкальскій военный губернаторъ и наказной атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска.

«И этого сдѣлать не могу; да тутъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, кому первому сдѣлать визитъ, а о томъ, что безъ письменнаго вашего огражденія для Павла Ивановича, я не могу принять никакого участія въ управленіи.»

«Что же это, Дм. Ир., развѣ вы мнѣ не довѣряете? Развѣ вы думаете, что я способенъ отпереться отъ своихъ словъ?»

«Нѣтъ, Ник. Ник., зачѣмъ я буду оскорблять васъ недовѣріемъ? Но вѣдь вы человѣкъ смертный. Вотъ видите-ли что: до сихъ поръ дѣло шло о моихъ идеяхъ, о моихъ совѣтахъ. Вы принимали ихъ, — хорошо. Положимъ, что Государь узналъ все это. Кромѣ того, что самое важное происходило лично между вами и мною и доказать этого нельзя, вы сами лично говорите съ Государемъ и поэтому съумѣете объяснить ему удовлетворительно наши отношенія. Но умри вы, чѣмъ оправдаетъ П. И. участіе мое въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что оно сдѣлается уже видимо для всѣхъ прямыми моими распоряженіями? Пожертвовавъ собою для блага общаго, я, какъ вы знаете сами уже по опыту, ничѣмъ не дорожу и ничего не боюсь, но обязанъ оградить отвѣтственность другихъ. А вы поставите П. И. въ тяжелое положеніе или не дѣлать того, что полезно, или рисковать отвѣтственностью, тогда какъ вамъ ея уже не прибавится.»

Муравьевъ согласился съ справедливостью моего требованія и тогда-то онъ написалъ къ Запольскому то знаменитое письмо, которое впослѣдствіи спасло Запольскаго отъ вѣроломства Муравьева. Въ письмѣ этомъ онъ вмѣнялъ Запольскому въ нравственную обязанность слѣдовать моимъ указаніямъ, объясняя ему, что основанія моихъ указаній всегда на опытѣ оказывались до та-

кой степени вѣрными, что я «пророчески предвидѣлъ даже будущее». Но я не удовольствовался даже и этимъ. Содержаніе письма могъ знать только одинъ Запольскій, но необходимо было еще такое дѣйствіе, которое ясно показывало бы всѣмъ, что мое участіе въ распоряженіяхъ шло не отъ него, а отъ самаго генералъ-губернатора, какъ для того, чтобы предупредить всѣ сплетни насчетъ Запольскаго, такъ и для устраненія той оппозиціи противъ моихъ распоряженій, которая неминуемо должна была возникнуть, какъ отъ зависти второстепенныхъ чиновниковъ, обязанныхъ подчиняться имъ, такъ и отъ эгоистическихъ интересовъ тѣхъ, до кого они будутъ касаться; я говорю эгоистическихъ потому, что истинныхъ и справедливыхъ интересовъ я не только никогда не нарушалъ моими распоряженіями, но еще самъ ограждалъ ихъ всѣми силами и всѣмъ вліяніемъ моимъ даже отъ несправедливыхъ и незаконныхъ рѣшеній самого Муравьева.

Случай для необходимой демонстраціи не замедлилъ представиться. Одинъ чиновникъ, возобновляя свои заборы, началъ ставить новые не только не соотвѣтственно предварительному плану города (Высочайше утвержденный планъ полученъ былъ только чрезъ десять лѣтъ по открытіи города), но еще захватилъ непринадлежавшее ему мѣсто съ одной стороны у бѣдной казачки, а съ другой отъ самой проѣзжей улицы, составлявшей вмѣстѣ и почтовый трактъ. Разумѣется, сдѣлать это онъ могъ только по стачкѣ съ полицмейстеромъ. Я объяснилъ полицмейстеру неправильность дѣйствій чиновника и просилъ, чтобъ тотъ дружески предупредилъ его, когда дѣло еще легко было исправить. Чиновникъ, надѣясь, вѣроятно, на согласіе,

хотя и негласное, полицмейстера, не обратилъ никакого вниманія на предупрежденія съ моей стороны, и, продолжая постройку, докончилъ вполнѣ новый заборъ именно ко времени возвращенія Муравьева изъ Нерчинскихъ заводовъ. Тогда я потребовалъ отъ Муравьева, чтобы онъ сдѣлалъ самое торжественное заявленіе относительно права моего на распоряженія по устройству города. И вотъ Муравьевъ отправился со мною къ этому чиновнику и, ставши у той части новаго забора, которой была захвачена улица, велѣлъ вызвать хозяина, и, когда тотъ вышелъ то, вынувъ часы, приказалъ ему посмотрѣть, который часъ, а затѣмъ спросилъ его: «Хорошо вы замѣтили часъ и минуту?» и на утвердительный отвѣтъ того продолжалъ: «Завтра именно въ этотъ часъ и минуту я приду опять сюда съ Дмитріемъ Иринарховичемъ, и если заборъ не будетъ убранъ, то я приведу на вашъ счетъ цѣлый батальонъ убрать его въ одну минуту въ моемъ присутствіи.»

Этотъ эпизодъ служилъ впослѣдствіи поводомъ къ тому, что когда Муравьевскіе же чиновники, желая разрознить Запольскаго со мною, старались задѣть его самолюбіе, называя меня въ его присутствіи, если случалось говорить обо мнѣ: «Вашъ начальникъ штаба, вашъ вице-губернаторъ» и пр., то Запольскій, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ имъ наконецъ: «Эхъ, господа, что вы это притворяетесь? Для меня слишкомъ много было бы чести и пользы, если бы въ самомъ дѣлѣ Дмитрій Иринарховичъ могъ быть у меня начальникомъ штаба или вице-губернаторомъ. Вы думаете задѣть мое самолюбіе, приписывая ему эту роль и намекая на то, что я подчиняюсь ему. Но если уже приписывать Дм. Ир. какое-нибудь званіе, то зачѣмъ же

тогда скрывать правду? Назовите его уже настоящимъ именемъ, намѣстникомъ, потому что и самъ генералъ-губернаторъ подчиняется ему и не только безъ его указаній ни въ чемъ обойтись не можетъ, но даже служитъ ему вмѣсто полицейскаго десятника.» — Дѣйствительно, то, что при описанномъ случаѣ исполнялъ самъ Муравьевъ, исполнялъ у меня впослѣдствіи полицейскій десятникъ.

Ужъ, конечно, не самолюбіе побуждало меня быть такъ строго-требовательнымъ относительно точнаго исполненія моихъ распоряженій, а предусмотрительность въ видахъ истинной пользы города, учрежденію котораго я принесъ въ жертву всѣ свои выгоды; а, взявъ на себя устройство его, присоединилъ ко всѣмъ пожертвованіямъ и тяжелый трудъ, сверхъ того и перспективу неизбѣжныхъ непріятностей. Дѣйствительно, основывая городъ въ Читѣ, я долженъ былъ пожертвовать всѣмъ своимъ сельскимъ хозяйствомъ, составлявшимъ главное мое обезпеченіе, и даже отдалъ въ пользу города безъ всякаго вознагражденія дорого стоившія мнѣ, расчищенныя мною изъ-подъ лѣса пашни; а какъ великъ былъ трудъ по устройству города, когда Муравьевъ упросилъ меня взять и это на себя, можно видѣть изъ того, что я долженъ былъ заняться съемкою плана, измѣреніями и предварительною расколоткою, требуемою безотлагательно для немедленнаго начатія построекъ, не имѣя не только никакихъ помощниковъ, но даже и инструментовъ, такъ что астролябію я долженъ былъ замѣнить геометрическими построеніями и вести расколотки чрезъ чащу лѣса, чрезъ топкія мѣста и рыхлыя пашни послѣ жнитва или осенняго паханья, въ самое ненастное притомъ время года, проводя иногда цѣлый день въ полѣ и въ лѣсу

безъ обѣда. Но я не щадилъ никакихъ трудовъ, чтобы предохранить городъ отъ той порчи въ началѣ, которая всегда искажала наши города и закрѣпляла, такъ сказать, ихъ неправильность въ будущемъ. Изучая издавна причины неустройства и безпорядка въ русскихъ городахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что почти вездѣ главною изъ нихъ была невнимательность и непринятіе необходимыхъ мѣръ вначалѣ, когда рѣшительно все равно было располагать строенія по обдуманному-ли плану, или случайно по произволу каждаго лица. Когда же неправильныя линіи и случайное, не систематическое распредѣленіе общественныхъ зданій закрѣплялись дорого стоящими постройками, то всякое уже преобразованіе города и исправленіе линій требовали огромныхъ издержекъ, и потому отлагались, а зло продолжало усиливаться.

Отъ подобной-то будущности я и хотѣлъ избавить Читу и успѣлъ до такой степени, что, несмотря на всѣ послѣдующія отступленія отъ моего плана и искаженія его, Чита будетъ одинъ изъ самыхъ правильныхъ городовъ.

Наконецъ, пріѣхалъ и Запольскій, котораго нѣкоторое время задержала въ Иркутскѣ болѣзнь глазъ. Онъ отнесся ко мнѣ еще откровеннѣе Муравьева:

«Дмитрій Иринарховичъ,» сказалъ онъ мнѣ, «я столько слышалъ о васъ, что естественно желалъ имѣть честь познакомиться съ вами даже и тогда, когда не могъ предвидѣть назначеніе свое въ новосозданную вами область. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить васъ въ прошлый мой проѣздъ черезъ Читу, но не было никакого повода явиться къ вамъ, и я боялся, чтобы вы не приписали это пустому и назойливому любопытству. Но теперь не только

знакомство съ вами, но и руководство ваше стали для меня существенною необходимостью, и не скрою отъ васъ, что только несомнѣнная надежда на это, въ чемъ завѣрилъ меня и Ник. Ник., заставили меня принять новое мое званіе. Я человѣкъ простой, солдатъ, знаю хорошо военную часть, но во всемъ остальномъ сознаю себя невѣждою и поэтому охотно отдаюсь въ руководство ваше.»

Относительно свойствъ вліянія моего на управленіе края, мнѣ нечего много распространяться. Для этой эпохи слишкомъ много и живыхъ свидѣтелей и достовѣрныхъ документовъ, и даже печатныхъ заграничныхъ свидѣтельствъ.*) Могу только привести здѣсь то, что было сказано Запольскимъ въ его прощальной рѣчи при торжественномъ собраніи всѣхъ служащихъ и представителей всего городскаго Читинскаго общества. Обозрѣвъ свою дѣятельность, препятствія, которыя онъ встрѣтилъ отъ трудности дѣла, а въ послѣднее время и отъ скрытаго противодѣйствія главнаго лица и явной вражды окружающихъ это лицо людей, онъ продолжалъ: «Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ для исторической правды въ поясненіе отношеній моихъ къ Д. И. Господа, вы всѣ знаете, что по службѣ здѣсь я ничего не выигралъ такого, чего бы не могъ выиграть и даже въ большей степени, оставаясь въ Россіи; стало быть, имѣю право сказать, что трудъ мой не вознагражденъ по спра-

*) Такъ напр. въ англійскомъ сочиненіи Розенштейна; въ статьѣ возвращеннаго изъ Сибири Поляка въ «Познанскомъ дневникѣ»: W Czycie mieszka Dymitry Zawaliszyn (z rosyskich wygnańców politycznych) jako osiedleniec, ma jednak w pływ na miejscową władzę, która wiele dowierza jego rozumowi i znajomości tutejszej krainy. („Dziennik Poznański" 1866 r., Nr. 6, 10 stycznia) и въ другихъ газетахъ.

ведливости начальствомъ. Тѣ же непріятности, которыя я здѣсь перенесъ и которыя всѣмъ вамъ извѣстны, разстройство здоровья и домашнихъ дѣлъ своихъ, я могъ считать для себя чистымъ вредомъ и убыткомъ; но я напротивъ считаю себя съ избыткомъ за все вознагражденнымъ, потому что это мое пребываніе здѣсь доставило мнѣ случай узнать такого человѣка, какъ Д. И., и имѣть честь пользоваться его знакомствомъ и руководствомъ. Господа, съ большею частію навѣрно, а, можетъ быть, и со всѣми, мнѣ никогда не придется уже увидѣться въ жизни, запомните-же мои слова, которыя я говорю теперь, при такомъ, можно сказать, торжественномъ случаѣ, и засвидѣтельствуйте ихъ въ свое время. Я никогда не имѣлъ случая раскаяваться ни въ чемъ, въ чемъ послѣдовалъ совѣту Д. И., но вѣчно буду раскаяваться за всѣ тѣ случаи, когда не послѣдовалъ его совѣту или что скрылъ отъ него.»

Муравьевъ, назначая 21-е сентября днемъ открытія области, разсчитывалъ на то, что указъ Сената послѣдуетъ немедленно за Высочайшимъ утвержденіемъ, но онъ забылъ, что Сенатъ ни для кого и ни для чего не торопится. Муравьевъ увидѣлъ тутъ, что онъ очень ошибался насчетъ важности, которую придавалъ своему лицу и дѣлу. Прождавши поэтому понапрасну въ Читѣ указа Сената, онъ долженъ былъ отправиться въ Иркутскъ, а предоставить открытіе области и города Запольскому, что и совершилось только 23-го октября, такъ какъ указъ Сената былъ полученъ не ранѣе 21-го.

Послѣ обѣдни и молебствія военный губернаторъ со всѣмъ штабомъ отправился для открытія присутственныхъ мѣстъ, а оттуда со всѣми военными и гражданскими начальниками и съ тремя своими

адъютантами пріѣхалъ ко мнѣ для поздравленія; вмѣстѣ съ нимъ явилось и духовенство и пропѣло мнѣ многолѣтіе.

Закипѣла въ Читѣ необычайная дѣятельность. «Д. И. дѣлаетъ просто чудеса,» писалъ Муравьевъ къ Козакевичу*): «Чита растетъ, какъ грибъ; вашъ адмиралъ **) умѣетъ какъ-то ставить все сразу на свое мѣсто.» И это дѣйствительно была правда, хотя причина тому была очень простая.

Дѣло въ томъ, что имѣя въ виду необходимость обращенія Читы въ городъ, я давно уже изучалъ мѣстность съ этою цѣлью, давно составилъ планъ города и употреблялъ нравственное свое вліяніе на горное начальство, чтобы всѣ новыя постройки, еще задолго до открытія города, соображались съ этимъ планомъ. Такимъ образомъ, не пришлось трогать ни одного изъ лучшихъ домовъ. Что же касается до избъ и лачугъ, изъ которыхъ состояла большею частію Чита, то чтобы не нарушать интересовъ владѣтелей ихъ, а напротивъ еще сдѣлать для нихъ самихъ выгоднымъ сообразованіе съ планомъ, я составилъ, при содѣйствіи военнаго губернатора, небольшой капиталъ по подпискѣ, изъ котораго или покупались старые дома, или давались пособія для перенесенія на указанное мѣсто, если домъ годился еще на переноску. По такой-же причинѣ, что все было обдумано и соображено мною съ давнихъ поръ, всѣ мои распоряженія могли быть такъ ясны и опредѣленны и вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ.

---

*) Адмиралъ, впослѣдствіи военный губернаторъ Приморской области.

**) Такъ называлъ меня Козакевичъ, отъ того, что такъ звали меня прежде во флотѣ.

Чтобы избѣжать повтореній, я опишу здѣсь разъ навсегда постоянно соблюдавшійся во все время порядокъ сношеній моихъ съ военнымъ губернаторомъ и взаимныхъ нашихъ отношеній.

Запольскій вставалъ поутру такъ же рано, какъ и я, и съ 6 до 12 часовъ у него продолжались доклады. Всякую бумагу, въ которой онъ встрѣчалъ затрудненіе, онъ откладывалъ особо и оставлялъ у себя. Въ 12 часовъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ со всѣми этими бумагами, пилъ у меня чай, иногда оставался и обѣдать, и мы вмѣстѣ разсматривали дѣла. Въ почтовые дни, и когда пріѣзжалъ курьеръ, газеты и особенно важныя свѣдѣнія присылались ко мнѣ немедленно, а въ два часа присылалась коляска или карета (смотря по погодѣ), и я отправлялся къ обѣду къ губернатору, и тамъ послѣ обѣда мы разбирали почту и обсуждали вновь полученныя бумаги. Въ праздничные дни военный губернаторъ пріѣзжалъ ко мнѣ прямо изъ церкви и всегда привозилъ съ собою и проѣзжихъ гостей, если случался кто изъ значительныхъ, напр. военныхъ генераловъ, начальниковъ управленій, замѣчательныхъ путешественниковъ и пр. Въ лѣтнее время Запольскій приходилъ иногда рано поутру ко мнѣ пѣшкомъ, и мы ходили вмѣстѣ для осмотра чего-нибудь. Въ случаѣ его отсутствія изъ города, именныя къ нему бумаги имѣлъ право распечатывать только я и опредѣлять, что слѣдовало присылать къ нему съ нарочнымъ и что передавать для исполненія по принадлежности.*) Меня также просилъ онъ всегда имѣть попеченіе о его домѣ

*) Въ доказательство сего сохранились собственныя письма Запольскаго ко мнѣ съ дороги при обозрѣніи имъ области или поѣздкахъ въ Иркутскъ.

и принимать въ его отсутствіе всѣхъ значительныхъ посѣтителей, которымъ онъ гостепріимно предлагалъ всегда помѣщеніе у себя. Такъ принималъ я, какъ хозяинъ, Муравьева, свѣтлѣйшую княгиню Волконскую, Кяхтинскаго губернатора Ребиндера (женатаго на дочери товарища моего, Трубецкаго) и другихъ.

Весь 1852 годъ прошелъ у меня въ усиленныхъ заботахъ и трудахъ не только по устройству города, но и для смягченія дурныхъ послѣдствій необдуманныхъ мѣръ Муравьева, а также для приготовленія лучшей будущности народу улучшеніемъ административной и хозяйственной части и прочнымъ основаніемъ и развитіемъ учебныхъ заведеній. Несмотря однако на всѣ усилія мои и военнаго губернатора смягчить зло, гибельныя послѣдствія безразсудной ломки горнаго вѣдомства и введенія казачества должны были неминуемо обнаружиться въ очевидномъ и для Муравьева кризисѣ. И служебныя дѣла, и домашнія обстоятельства требовали отбытія Запольскаго въ Россію. Вмѣсто его былъ назначенъ полковникъ Соллогубъ, человѣкъ мало знающій и мало распорядительный, да притомъ и больной. И вотъ оказывается, что на горныхъ промыслахъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ его и для линейнаго войска, а у казаковъ, составляющихъ главное населеніе въ краѣ, не только купить нечего, но что они и сами голодаютъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда еще не покрылся льдомъ Байкалъ и прямая ѣзда чрезъ него невозможна, Муравьевъ долженъ былъ проскакать по этому случаю вокругъ моря въ Читу. Лишь только онъ вышелъ изъ повозки, то, не войдя еще въ приготовленную для него квартиру, онъ прислалъ ко мнѣ адъютанта просить меня какъ можно скорѣе пожаловать къ нему. Случилось кстати,

что я въ это время собирался куда-то ѣхать, и лошади были у меня уже заложены. Я отправился къ Муравьеву; вхожу въ залу и вижу, что онъ расхаживаетъ въ сильномъ волненіи съ какою-то бумагою въ рукѣ. По одну сторону стоитъ областное гражданское управленіе, по другую войсковое казачье, а у оконъ противъ двери, въ которую я вошелъ, земское начальство. Увидя меня, Муравьевъ побѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и, взявъ за обѣ руки, сказалъ: «Помогите, ради Бога, Дм. Ир., мнѣ до зарѣзу нужно 6 тысячъ пудовъ муки для здѣшняго батальона; у нихъ только на десять дней осталось провіанта и кромѣ того надо перевезти 45 т. пудовъ изъ Верхнеудинска на Кару; а вотъ эти злодѣи (указывая на чиновниковъ) доносятъ вотъ тутъ (показывая мнѣ бумагу), что и тысячи пудовъ муки нельзя уже достать и нѣтъ никакой возможности перевезти провіантъ на Кару. Вотъ видите, придется вѣдь прибѣгнуть къ реквизиціямъ и наряду (его уже давно подмывало ухватиться за незаконныя насильственныя мѣры), если вы не поможете.» — Я не хотѣлъ стыдить ни его упреками и напоминаніемъ, что вѣдь все это было слѣдствіемъ его-же собственной неосмотрительности и мною напередъ предвидѣно и предсказано ему, ни чиновниковъ, обличая ихъ неспособность и желаніе, чтобъ именно прибѣгли къ незаконнымъ средствамъ, изъ которыхъ они больше всего извлекаютъ всегда себѣ выгоды, и потому сказалъ Муравьеву по французски, чтобъ онъ отпустилъ всѣхъ, а что мы потолкуемъ сей-же часъ о дѣлѣ, и я надѣюсь помочь ему. Когда мы остались одни, я доказалъ ему, что насиліемъ тутъ ничего не сдѣлаешь, а только ухудшишь общее положеніе во всѣхъ отношеніяхъ; но что онъ увидитъ, что значитъ нравственное до-

вѣріе, что именно на основаніи этого довѣрія ко мнѣ народа, я устрою все, что мнѣ нужно, но только непремѣнно съ условіемъ устранить всякое начальственное вмѣшательство.

Я немедленно отправилъ въ извѣстныя мнѣ деревни отъ себя знакомое лицо съ назначеніемъ справедливыхъ, безобидныхъ для казны и крестьянъ цѣнъ на хлѣбъ и съ ручательствомъ моимъ, что ни въ пріемѣ хлѣба, ни въ уплатѣ денегъ проволочки не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ отъ перевозки провіанта отказывались по неимѣнію на почтовомъ трактѣ сѣна, то я отправилъ довѣренное лицо къ Агинскимъ бурятамъ, чтобы они выставили на трактъ сѣно, назначивъ также и имъ справедливую цѣну и обезпеченіе въ уплатѣ. Мое имя и ручательство подѣйствовали такъ, что и хлѣба и сѣна доставили даже больше, чѣмъ требовалось.

Муравьевъ сказалъ мнѣ, что я «выручилъ его изъ неминуемой бѣды, и онъ не знаетъ, какъ и выразить мнѣ свою признательность.» Мы увидимъ, какъ онъ впослѣдствіи отблагодарилъ меня; а между тѣмъ я буквально спасъ его не въ одномъ только этомъ случаѣ. Безъ моихъ предусмотрительныхъ заботъ и распоряженій, и самая экспедиція на Амуръ была бы невозможна, а въ такомъ случаѣ въ Петербургѣ явно бы обнаружилось несостоятельность его хвастовства и весь вредъ его неискусныхъ и неблаговременныхъ распоряженій.

Вышеописанный случай открылъ мнѣ всю опасность положенія области, отъ разстройства хлѣбопашества и неимѣнія запасовъ. Поэтому, по возвращеніи изъ отпуска Запольскаго, я принялъ самыя рѣшительныя мѣры для устраненія всего, что разстраивало земледѣліе и хозяйство, и въ то же

время началъ заблаговременно составленіе запасовъ въ Читѣ, откуда они легче могли быть направлены на тотъ пунктъ, гдѣ окажется потребность; будетъ-ли предполагаемая экспедиція въ Китай отправлена сухимъ путемъ изъ Цурухая, или водянымъ изъ Читы; и вотъ именно эти-то запасы, составленные въ теченіе всего 1853 г. и дали возможность отправить экспедицію на Амуръ въ 1854 году.

Между тѣмъ, въ 1853 году, Читѣ суждено было испытать тяжкое бѣдствіе отъ тифа, занесеннаго туда и развившагося со страшною силою отъ тѣхъ же скороспѣлыхъ и дурныхъ распоряженій Муравьева, которыя причинили столько гибели и въ другихъ случаяхъ. Торопливость и дурное снабженіе рекрутскихъ партій были причиною, что, несмотря на обнаруженіе уже тифа въ Верхнеудинскѣ, погнали ихъ далѣе въ Читу изнурительными переходами. Въ Читу онѣ пришли уже въ крайнемъ положеніи, а между тѣмъ никакого помѣщенія въ Читѣ не имѣлось даже для здоровыхъ, а не только для необычайнаго числа больныхъ; даже лѣкарствъ оказалось недостаточно для такого числа. Къ довершенію военный губернаторъ былъ въ объѣздѣ по войску, а оставшіеся начальники совершенно растерялись отъ неискусства и трусости. Пришлось мнѣ взять всѣ распоряженія на себя. Между тѣмъ отъ солдатъ стали заражаться и жители. Такимъ образомъ я долженъ былъ все устраивать для помѣщенія больныхъ и посѣщать военные лазареты по пяти и шести разъ въ день и въ то же время оказывать пособіе и жителямъ, особенно предупредительными средствами, и домъ мой буквально осаждался требующими медицинскаго пособія. Достаточно сказать, что одного уксуса для лазарета и жи-

телей роздано было у меня 14 ведеръ; а лѣкарственныхъ травъ издержаны были запасы нѣсколькихъ лѣтъ. При этомъ и домашняя наша забота усилилась еще тѣмъ, что при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ тифозными домами старшая моя воспитанница также заболѣла тифомъ въ сильнѣйшей степени. Ее однако же удалось спасти; но изъ 500 рекрутовъ умерло 200 и кромѣ того много мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ и нѣсколько чиновниковъ и даже два доктора. Объ этомъ тифѣ было также сообщено въ иностранныхъ газетахъ въ воспоминаніяхъ поляка, въ томъ же Познанскомъ Дневникѣ.

И во внѣшнихъ дѣлахъ, т. е. въ дѣйствіяхъ относительно Китая, Муравьевъ оказался также неискусенъ и недобросовѣстенъ, какъ и во внутреннихъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Я не перестану повторять ту истину, на которую къ сожалѣнію обращаютъ мало вниманія, тогда какъ она должна служить аксіомою для всякаго нравственнаго дѣятеля, что только относительныя начала могутъ имѣть два противоположныхъ вида равно качественныхъ, именно потому, что все относительное само по себѣ нравственно-безкачественно, но что въ нравственной сферѣ никакое нравственное начало качественно раздѣляться не можетъ, и поэтому не можетъ имѣть ни видовъ, ни приложеній качественно-противоположныхъ; что поэтому нельзя употреблять насилія и обмана внутри безъ того, чтобы они не выразились и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. И поэтому нѣтъ ничего страннѣе, какъ видѣть людей, считающихъ себя либеральными, которые требуютъ справедливости и законности во внутреннихъ дѣйствіяхъ, и которые въ то же время рукоплещутъ всякому насилію и обману во внѣшнихъ, оболь-

щаясь ложнымъ патріотизмомъ. Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что всѣ дѣйствія Муравьева относительно Китая были цѣлый рядъ обмановъ, хитрости и насилія, которыми думали исправлять всѣ промахи неискусства и трусости, тогда какъ именно эти-то обманы и насиліе сами и порождали ихъ, обезсиливая всѣ дѣйствія неувѣренностью и нетвердостью отъ сознанія незаконности ихъ. Всѣмъ извѣстно также, что безъ случайностей, Муравьевымъ менѣе нежели кѣмъ предвидѣнныхъ (Крымской войны и войны Китая съ англичанами и французами), всѣ эти обманы и насилія ровно ни къ чему-бы не повели; но не всѣмъ еще достаточно, кажется, извѣстно, что именно вслѣдствіе такого образа дѣйствій даже мнимая внѣшняя удача въ захватѣ Амура не только не послужила въ пользу Россіи, но сдѣлалась для нея «злокачественною язвою», какъ я выразился еще съ самаго начала*). Муравьевъ старался всегда обмануть китайцевъ или запугать ихъ, разсчитывая на ихъ трусость; но всякій разъ, когда опасался, что китайцы не струсятъ, самъ въ свою очередь страшно трусилъ. Смѣшнѣе всего это выказалось, когда Маймаченскій заргучей по пустому предлогу прекратилъ на три дня торговлю и сообщеніе съ Кяхтою. Муравьевъ такъ перетрусилъ, что возвелъ этотъ ничтожный случай на степень бѣдствія народнаго. «Заргучей заперъ ворота, писалъ Муравьевъ къ Запольскому, но Богъ милостивъ къ Россіи **).

---

*) Впрочемъ начинаютъ уже сознавать эту истину. См. «Вѣстникъ Европы», «Амуръ-яма, которую и до сихъ поръ завалить не могутъ.»

**) Муравьевъ струсилъ, опасаясь, что его обвинятъ въ Петербургѣ, что своими затѣями и неискуснымъ образомъ дѣйствій онъ нанесъ вредъ государству прекращеніемъ выгодной торговли.

Не въ лучшемъ видѣ выказалась вся непредусмотрительность или зависть Муравьева, когда разнесся слухъ, что будто бы китайскіе посланники ѣдутъ въ Кяхту для переговоровъ относительно пересмотра трактата объ Амурѣ.

Надобно сказать, что вопреки увѣреніямъ партизановъ Муравьева, что будто бы онъ предвидѣлъ Восточную войну и съ этою будто цѣлію поѣхалъ въ началѣ 1853 года въ Петербургъ, онъ такъ мало ее предвидѣлъ, что именно въ самое важное для приготовленія время уѣхалъ на цѣлый годъ въ отпускъ заграницу.

Всѣмъ извѣстно, что, такъ сказать, зародышъ этой войны заключался въ разговорѣ Государя съ англійскимъ посланникомъ на балѣ у В. К. Елены Павловны въ день ея рожденія 28 декабря 1852 г.; а между тѣмъ еще въ половинѣ декабря Муравьевъ показывалъ уже мнѣ письмо бывшаго тогда военнымъ министромъ кн. Долгорукова, которымъ разрѣшалось ему прибытіе и отпускъ въ Петербургъ для лѣченья; и должно быть слишкомъ мало предвидѣлъ онъ возможность дѣйствія по Амурскому вопросу, когда уѣхалъ въ 1853 году въ то время, какъ уже началось столкновеніе съ Турціею, и флоты Франціи и Англіи двинулись къ ея берегамъ, не только въ Маріенбедъ, но даже и въ Испанію, куда уже не было никакого слѣда ѣхать, кромѣ того развѣ, «чтобы удостовѣриться, такъ-ли красивы тамъ женщины, какъ говорятъ.» Какъ бы то ни было, но вотъ что случилось, когда кяхтинскій градоначальникъ получилъ извѣстіе о пріѣздѣ будто бы пословъ. Оказалось, что онъ до такой степени лишенъ былъ всякаго наставленія на подобный случай, что вынужденъ былъ отправить экстреннаго курьера за совѣтомъ въ Читу; а между тѣмъ самъ

же Муравьевъ добивался того, чтобы вынудить Китай къ переговорамъ, и даже учрежденіе безполезнаго кяхтинскаго градоначальства оправдывалъ тѣмъ именно, что на случай внезапной потребности переговоровъ надо было находиться въ Кяхтѣ лицу со значеніемъ губернатора, чтобы оно могло знать требованія нашего правительства, и съ которымъ бы и китайскіе уполномоченные согласились вступить въ переговоры. Что-же могло побудить Муравьева къ такому необдуманному поступку? Одно изъ двухъ: или совершенное отсутствіе убѣжденія въ возможности подобнаго случая, или зависть, чтобы помимо его кто нибудь случайно не окончилъ удовлетворительно дѣла объ Амурѣ. Здѣсь кстати сказать, что вообще въ сужденіяхъ своихъ о политическихъ дѣлахъ Муравьевъ обнаруживалъ такое же изумительное невѣжество, какъ и по другимъ предметамъ, и я имѣлъ полное право напечатать, что мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда опровергнуть «вздорныя и ребяческія» его сужденія о политикѣ. Это правда, что Сибирскій комитетъ, цензируя мою статью, замѣнилъ слово «вздорныя и ребяческія» словомъ «незрѣлыя», (какъ будто бы незрѣлость не есть вѣрный признакъ ребячества), но уже одно то, что смыслъ моихъ выраженій пропущенъ такою цензурою, какова была цензура Сибирскаго комитета, доказываетъ, что фактъ, утверждаемый мною, не подлежалъ сомнѣнію и въ общемъ убѣжденіи.

Наконецъ, вѣроломная посылка Ваганова шпіономъ для изслѣдованія сухопутной дороги въ Цыцы- харъ доказываетъ, какъ мало думалъ Муравьевъ о близкой возможности водяной экспедиціи по Амуру. Исторія несчастнаго Ваганова составляетъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ и постыдныхъ періо-

довъ Муравьевскаго управленія. Вагановъ, офицеръ генеральнаго штаба, посланъ былъ для осмотра и глазомѣрной съемки дороги въ Цы-цы-харъ на случай предполагавшейся сухопутной экспедиціи. Ему приказано было въ случаѣ, если его захватятъ китайцы, выдать себя за бѣглаго солдата и требовать отправленія его въ Кяхту для выдачи русскому правительству на основаніи трактатовъ. Но, вѣроятно, китайцы пронюхали правду, и несчастный Вагановъ былъ убитъ на первомъ же переходѣ.

Еще болѣе неосмотрительный дипломатическій промахъ сдѣланъ былъ Муравьевымъ, когда рѣшено было плыть по Амуру подъ предлогомъ подать помощь Камчаткѣ. Въ моихъ убѣжденіяхъ относительно Амура представлялась слѣдующая ясная дилемма: или мы имѣемъ право занять Амуръ, въ такомъ случаѣ намъ нѣтъ нужды спрашивать чьего либо дозволенія, и мы должны приступить къ раціональному занятію и заселенію Амура; или мы не имѣемъ права, и тогда уже ничто и никакой даже послѣдующій трактатъ, исторгнутый обстоятельствами у китайцевъ, не освятитъ насилія и вѣроломства. Я всегда утверждалъ, что тотъ плохой патріотъ, кто думаетъ служить отечеству такими дѣйствіями, которыя сдѣлаютъ имя Россіи синонимомъ коварства и насилія. Между тѣмъ, рѣшившись плыть по Амуру, послали просить на то дозволенія китайскаго правительства, и въ то же время, не дождавшись разрѣшенія, поплыли. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же дѣйствіи съумѣли совмѣстить двѣ ошибки: испрашиваніемъ дозволенія признавали, стало быть, права Китая на Амуръ, а отправясь, не дождавшись разрѣшенія, нарушали въ то же время это право.

V.

Всѣ эти ошибки и были впослѣдствіи зародышами тѣхъ безолаберныхъ дѣйствій, которыя дѣло, предпринятое для пользы Сибири и всего государства, обратили въ дѣло, существенно для нихъ вредное. Муравьевъ не сдержалъ также ни одного изъ своихъ обѣщаній относительно города и не съумѣлъ даже разрѣшить во-время ни одного вопроса, существенно необходимаго для пользы и правильнаго развитія города. Такъ напр., чтобъ не выказать передъ правительствомъ неохоту горныхъ крестьянъ поступить въ казаки, если представятъ бывшимъ жителямъ Читы на выборъ: поступить ли въ казаки или записаться въ мѣщане новаго города, — онъ выселилъ всѣхъ крестьянъ изъ Читы, такъ что Чита представляла единственный примѣръ такого начала города, что изъ него выселяютъ прежнихъ жителей, тогда какъ, наоборотъ, обращая селеніе въ городъ, къ нему обыкновенно приписываютъ для увеличенія низшаго городскаго сословія еще ближайшія деревни; кромѣ того, Чита 15 лѣтъ оставалась безъ городской земли, и т. п.

Что-же касается до обѣщаній, то одно изъ нихъ относилось напр. къ постройкѣ собора. Надо сказать, что, когда я пріѣхалъ жить въ Читу, церковь была уже очень ветха. Разрѣшенный по всей Сибири сборъ не доставалъ даже на исправленіе ея. Тогда я обратился къ своимъ товарищамъ и ихъ роднымъ съ просьбою о содѣйствіи къ поддержанію церкви въ Читѣ въ память нашего пребыванія первоначально къ ней. Собственныя мои и ихъ пожертвованія составили значительную сумму, вчетверо превышавшую весь сборъ. Со всѣмъ тѣмъ, и этого всего было еще недостаточно на постройку

новой церкви; но пріѣхавшій въ Читу преосвященный Нилъ, осмотрѣвъ со мною старую церковь, нашелъ, что стѣны еще крѣпки, и что, оставя ихъ, можно будетъ на собранную сумму перестроить церковь такъ, что она простоитъ еще лѣтъ двадцать. Такъ и было сдѣлано; но когда въ Читѣ открылся городъ, то не только одной церкви было уже недостаточно, но еще ясно было, что вновь приписанные городскіе жители сами по себѣ не будутъ въ состояніи построить новой церкви*), а тѣмъ болѣе собора. Итакъ, пособіе казны было необходимо, и тѣмъ справедливѣе, что казна давала пособіе для другихъ мѣстъ даже въ Сибири, гдѣ дѣло не представляло такой крайней необходимости, какъ напримѣръ, въ ничтожномъ городкѣ Селенгинскѣ, гдѣ дѣло шло о перенесеніи только города съ одной стороны рѣки на другую.

Хотя обращеніе горныхъ крестьянъ въ казаки было сдѣлано вопреки дважды выраженному мною мнѣнію, коль скоро дѣло уже совершилось, я употребилъ всѣ усилія, чтобы смягчить зло. Я старался всѣми мѣрами оградить казаковъ отъ всякаго безсмысленнаго вмѣшательства невѣжественнаго начальника**) въ ихъ хозяйство и вообще устранялъ всякую безполезную суету, отрывающую ихъ отъ дѣла. Я заботился о прочномъ устройствѣ административнаго порядка и объ образованіи порядочныхъ офицеровъ изъ природныхъ жителей. Разумѣется, я началъ съ устройства цен-

---

*) На основаніи десятилѣтней льготы въ купцы приписывалися люди безъ уплаты въ гильдію, и потому приписалось мною вовсе безъ капиталовъ.

**) Самъ наслѣдникъ призналъ всю негодность и неспособность наславныхъ въ казачество офицеровъ.

тральнаго управленія. Я построилъ самымъ экономическимъ образомъ *) хорошее помѣщеніе для войсковаго правленія и войсковаго дежурства и завелъ при нихъ библіотеку. Для наказного атамана и военнаго губернатора я построилъ домъ, служащій и до сихъ поръ образцомъ дешевой постройки и прочности, несмотря на то, что этотъ домъ перешелъ впослѣдствіи подъ гражданское областное правленіе;**) тогда для атамана построенъ былъ иркутскими архитекторами новый домъ, стоившій неимовѣрно дорого, и построенный такъ дурно, что при 18 печахъ въ немъ зимою въ залѣ было 4 градуса мороза, почему онъ два раза перестраивался съ самаго же начала. Несмотря на истощеніе казачьихъ капиталовъ, на затѣянныя Муравьевымъ постройки бригадныхъ и батальонныхъ штабовъ, я старался положить начало казачьимъ школамъ вездѣ, гдѣ значительность селенія давала къ тому возможность. Здѣсь кстати сказать, что именно эту то всю мою заботливость смягчить зло, причиненное крестьянамъ обращеніемъ ихъ въ казаки, недобросовѣстные партизаны Муравьева старались было выставить потомъ въ доказательство того, что я будто бы тоже одобрялъ учрежденіе казачества. Впрочемъ, они сами потомъ устыдились пошлости подобнаго извращенія, когда имъ доказали, что это все равно, какъ если бы стали увѣрять, что если докторъ лѣчитъ изувѣченнаго человѣка, то это значитъ, что онъ одобряетъ то, что его изувѣчили.

---

*) Впослѣдствіи на такого рода строенія изводили втрое и вчетверо денегъ.

**) Извѣстно, что дома, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста, всегда плохо содержатся.

Замѣчу здѣсь разъ навсегда, что я строго раздѣлялъ самое дѣло отъ исполнителей, искажавшихъ его, и потому каковы бы ни были мои личныя отношенія къ этимъ исполнителямъ, это нисколько не препятствовало мнѣ оказывать самое ревностное и добросовѣстное содѣйствіе дѣлу въ видахъ пользы государственной и обязанностей человѣколюбія. Я никогда не руководствовался правиломъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и всегда заботливо исправлялъ послѣдствія ошибокъ моихъ противниковъ и старался предупредить ихъ, несмотря на то, что для меня лично выгодно было предоставить все безразсудству ихъ, тогда какъ забота моя объ исправленіи дурныхъ дѣлъ ихъ обращалась къ личной ихъ выгодѣ. Но я никогда не допускалъ, чтобы удовлетвореніе суетнаго самолюбія видѣть своихъ противниковъ въ смѣшномъ видѣ и растерявшихся отъ накликанныхъ себѣ затрудненій, взяло перевѣсъ надъ побужденіями человѣколюбія и общей пользы, такъ какъ всякая ошибка ихъ отзывалась непремѣнно людямъ бѣдствіями и страданіями, государству положительнымъ вредомъ, и тѣмъ болѣе, что эти люди не знали другого средства исправленія своей глупости, невѣжества и дурныхъ побужденій, какъ снова хвататься за насиліе, могущее причинить только новыя бѣдствія и вредъ.

Дѣло пароходства было запутано Муравьевымъ точно также, какъ и все остальное и по одной и той же причинѣ, т. е. по своимъ эгоистическимъ видамъ. По соображеніямъ, основаннымъ на знаніи дѣла и мѣстности, и которыя всѣ блистательно оправдались на опытѣ, я, на предварительномъ обсужденіи дѣла, предложилъ завести два парохода: одинъ, самый легкій, для рѣкъ верхней части Амурской системы, другой — для низовья Амура.

Здѣсь надобно замѣтить одно обстоятельство, которое всегда потомъ усиливало обвиненіе противъ Муравьева и лишало его обычнаго извиненія, что ошибки свойственны всякому новому дѣлу. Обстоятельство это заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было оттовариваться ни въ чемъ незнаніемъ и невозможностью предвидѣть, такъ какъ всѣ ошибки отъ того именно и происходили, что онъ отклонялся по эгоистическимъ видамъ отъ тѣхъ указаній, которыя даны ему были напередъ, и справедливость которыхъ онъ самъ признавалъ на предворительномъ обсужденіи всякаго дѣла, такъ что то, что впослѣдствіи онъ извинялъ, какъ ошибки только, а не дурной умыселъ, не было ошибками, а прямо умышленно дурными дѣлами.

Мною было предложено заказать небольшой желѣзный пароходъ въ Швеціи или Бельгіи и, доставивши его въ Читу, употребить предварительно на плаваніе до Усть-Стрѣлки по рѣкамъ Ингодѣ, Шилкѣ и Аргуни, гдѣ плаванье, по мелководью, самое затруднительное. Такой пароходъ годился бы потомъ и для верхней части Амура и былъ бы тамъ полезенъ, такъ какъ въ случаѣ правильной колонизаціи Амура, самое необходимое и самое трудное на первое время было, конечно, установить обезпеченное сообщеніе. Что-же касается до нижней части Амура, то туда можно было доставить моремъ большой пароходъ и, притомъ, вооруженный для того, чтобы онъ не только могъ безопасно плавать на широкомъ и бурномъ заливѣ огромной рѣки, но и быть представителемъ силы. Такъ и было опредѣлено сначала. Но вдругъ вмѣсто всего этого Муравьевъ вздумалъ два парохода, большой и малый, замѣнить однимъ среднимъ, который казался ему способнымъ служить и на верхней и на нижней

части Амура, и, притомъ, съ тѣмъ, чтобы машины для этого парохода изготовить въ Петровскомъ заводѣ, а корпусъ (деревянный) построить въ Шилкинскомъ. Нелѣпость такой затѣи была очевидна. Петровскій заводъ далеко не удовлетворялъ потребности для края даже и относительно простого желѣза, стало быть, занять его еще изготовленіемъ машинъ, значило наносить новый ударъ земледѣлію, которое и безъ того страдало отъ недостатка и дороговизны желѣза; а развитіе земледѣлія составляло между тѣмъ условіе *sine qua non* успѣха занятія и колонизаціи Амура. Что же касается машинъ, если бы и удалось изготовить ихъ прочно, то по неопытности дѣла, онѣ были бы въ такомъ случаѣ неминуемо очень тяжелы и дали бы корпусу болѣе глубокую осадку, что въ свою очередь могло сдѣлать пароходъ неспособнымъ ходить по мелкимъ мѣстамъ, а, можетъ быть, и подниматься противъ теченія. Все это было высказано напередъ мною Муравьеву и буквально вполнѣ оправдалось на опытѣ. Но его тщеславіе стремилось къ хвастовству всякаго рода; и потому, въ ожиданіи того, когда придетъ невѣрный случай похвастать захватомъ Амура, ему хотѣлось похвалиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ далъ будто бы такое развитіе краю, что тотъ производитъ уже все свое, и что строятся даже и пароходы, какъ передъ этимъ надѣялся онъ похвастать постройкою солдатскихъ казармъ и казачьихъ штабовъ, усиленіемъ добычи золота и пр.

Конечно, Муравьевъ старался оправдаться тѣмъ, что по случаю разбитія Невельскимъ брига «Шелеховъ», онъ долженъ былъ потерять на уплату за этотъ бригъ 16 тысячъ изъ капитала, пожертвованнаго на пароходство. Но вопервыхъ, при

тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, такая потеря была ничтожна; вовторыхъ, устройство механическаго заведенія въ Петровскомъ заводѣ для изготовленія негодныхъ машинъ было несравненно дороже, чѣмъ выписка лучшаго парохода изъ Швеціи, или, по крайней мѣрѣ, съ Урала. (Въ это время уже плавали пароходы по Байкалу.)

Когда въ 1854 году рѣшено было въ Петербургѣ воспользоваться предлогомъ необходимости будто бы подать помощь Камчаткѣ ближайшимъ путемъ, т. е. плывя по Амуру, и Корсаковъ присланъ былъ для приготовленія экспедиціи, то вся сущность этого приготовленія легла на меня, — а считавшіеся оффиціальными приготовителями только путали все дѣло. Всѣмъ извѣстно, до какой степени выказались ребяческія замашки Корсакова въ объясненіяхъ его съ Козакевичемъ, гдѣ обѣ стороны прибѣгли къ моему посредничеству. Корсаковъ иной день по два раза прибѣгалъ ко мнѣ спрашивать то о томъ, то о другомъ. Даже при самомъ отправленіи экспедиціи изъ Читы весь городъ былъ свидѣтелемъ, что одно только мое присутствіе спасло Корсакова отъ бѣды, когда онъ своимъ безсмысленнымъ желаніемъ пощеголять въ дѣлѣ, гдѣ ничего не смыслилъ, чуть было не погубилъ экспедиціи въ самомъ началѣ. Видя, какъ онъ усердно добивался, чтобы я былъ при отправленіи (онъ, кромѣ письменнаго приглашенія, три раза былъ у меня, чтобъ упросить быть вмѣстѣ и съ семействомъ), всѣ замѣтили, что вѣрно сердце его предчувствовало, что быть бѣдѣ, если я тутъ не буду.

Съ грустію видѣлъ я все болѣе и болѣе обнаруживавшееся эгоистическое направленіе Муравьева; неразумность и недобросовѣстность его распоряженій, окруженіе себя людьми мало-смысленными

и неблагонамѣренными (годными развѣ только на то, чтобы льстить ему и быть безусловными орудіями), подчиненіе пользы государства и благосостоянія края личнымъ видамъ тщеславія и интереса. Конечно, я не молчалъ, а говорилъ обо всемъ откровенно и не съ противниками Муравьева, а съ людьми близкими ему и съ прямою цѣлью образумить и остановить его; но когда увидѣлъ я, что все это не помогало уже, и что вѣроятно это отъ того, что Муравьевъ думаетъ, что такъ какъ онъ добился уже случая захватить Амуръ, то можетъ обойтись теперь и безъ меня, чтобъ дать полную волю своимъ замашкамъ, я счелъ своею обязанностью выразить открыто неодобреніе его дѣйствій и полное измѣненіе моихъ отношеній къ нему, и имѣлъ на это тѣмъ болѣе права, что самымъ ревностнымъ содѣйствіемъ успѣху экспедиціи на Амуръ и устройству края я такъ ясно и торжественно выказалъ уже, какъ строго я раздѣляю дѣло отъ лица и какъ мало чьи либо дѣйствія и личныя отношенія мои къ человѣку имѣютъ у меня вліянія на все, что относится для пользы общей. Поэтому-то, когда Муравьевъ, отправляясь въ экспедицію, пріѣхалъ въ Читу, и Запольскій далъ въ честь его обѣдъ, и я былъ первымъ изъ приглашенныхъ, то я отвѣчалъ, что не буду.

«Помилуйте, Дм. Ир.,» сказалъ онъ, «что я скажу, если Ник. Ник. спроситъ: что это значитъ?»

«Не безпокойтесь, Пав. Ив.,» отвѣчалъ ему я, «онъ не спроситъ, но очень хорошо и безъ объясненій пойметъ, что это значитъ. Я служилъ дѣлу не для Муравьева и теперь долженъ ясно показать, что содѣйствіе, оказанное мною Муравьеву въ дѣлѣ, вовсе не значитъ, что я одобряю его личность и

тѣ дѣйствія его, которыя прямо истекаютъ изъ личныхъ его видовъ ко вреду дѣла.»

Между тѣмъ, какъ мы съ Запольскимъ напрягали всѣ усилія наши, чтобы изгладить или по крайней мѣрѣ смягчить по возможности послѣдствія дурныхъ распоряженій Муравьева, и край видимо сталъ отдыхать и поправляться, самая безсовѣстная интрига, и тайная и явная, усиленно работала и противъ Запольскаго и противъ меня, особенно когда не удалось имъ разрознить меня съ Запольскимъ. Муравьевъ самъ сказалъ мнѣ: «Мой штабъ Запольскаго не любитъ.» Съ давнихъ поръ въ Сибири были пріучены къ тому, чтобъ губернаторы кланялись лицамъ, окружающимъ генералъ-губернатора. Но Запольскій былъ слишкомъ гордъ и не только не заискивалъ въ нихъ, но постоянно обличалъ ихъ невѣжество и противился ихъ интересамъ, если что было ко вреду службы и народа, что они приписывали моему вліянію. Понятно, что они ненавидѣли Запольскаго не менѣе того, какъ и меня, и всячески наушничали на него Муравьеву. Все это наушничанье находило тѣмъ легче доступъ у Муравьева, что онъ и самъ тяготился уже тѣмъ ограниченіемъ своего произвола, и тою критикою своихъ распоряженій, которыя встрѣчалъ у Запольскаго. Но вначалѣ дѣлать было нечего. Съ одной стороны Запольскій былъ ему необходимъ, какъ одинъ, знающій дѣло; а съ другой, несмотря на все скороспѣлое производство, Муравьеву не удалось еще возвысить никого изъ своихъ слугъ до такой степени, чтобы они могли хоть временно занять мѣсто губернатора. Запольскій имѣлъ свои личные недостатки, но они не имѣли вліянія на службу; и я могу это вполнѣ засвидѣтельствовать, потому что онъ напр. не выказалъ мнѣ ни малѣйша-

го неудовольствія, когда вопервыхъ удалена была изъ Читы по моему требованію одна его «родственница», задумавшая было вмѣшаться въ дѣла, а въ другой разъ я приказалъ чрезъ полицмейстера объявить «экономкѣ» Запольскаго, что я посажу ее въ полицію до пріѣзда самого Зап., если она въ его отсутствіи осмѣлится войти когда нибудь въ кабинетъ. Запольскій, впрочемъ, и самъ сознавался въ «слабости къ женщинамъ», какъ это называютъ; но вотъ что по этому поводу говорилъ онъ мнѣ: «Въ томъ, въ чемъ они меня упрекаютъ, только развѣ вы имѣли бы право упрекать меня, потому что самая жизнь ваша служитъ всѣмъ намъ упрекомъ. А то кричатъ тѣ люди, которыхъ вся жизнь — открытый соблазнъ, тогда какъ у меня, по крайней мѣрѣ, не случалось еще никакого скандала.» Что же касается собственно до дѣлъ, то самъ Корсаковъ, назначенный къ исправленію должности губернатора на мѣсто Запольскаго, не разъ говорилъ мнѣ, что чѣмъ болѣе онъ вникаетъ въ распоряженія Запольскаго, тѣмъ болѣе убѣждается въ совершенной правильности его распоряженій и находитъ ихъ до такой степени поучительными для себя, что положилъ себѣ за правило пересмотрѣть всѣ прошлыя дѣла и извлекать для себя наставленія для правильнаго обсужденія и рѣшенія дѣла.

Запольскій былъ старый служивый. Онъ прослужилъ 40 лѣтъ въ военной службѣ, изъ которыхъ послѣднія 12 лѣтъ командовалъ Бутырскимъ пѣхотнымъ полкомъ, приведеннымъ имъ, по свидѣтельству самого Государя, изъ самого разстроеннаго въ самый блестящій видъ, и былъ посланъ въ Сибирь по выбору В. К. Михаила Павловича, какъ лучшій знатокъ военнаго дѣла. Онъ вполъ

нѣ зналъ и военную службу и военную администрацію и военно-судное дѣло, тогда какъ ни Муравьевъ и никто изъ его приближенныхъ ничего тутъ не смыслили. Поэтому очень понятно, что при преобразованіи и устройствѣ военной части въ Восточной Сибири Запольскій былъ человѣкомъ необходимымъ; а что онъ дѣлалъ все дѣло хорошо, это и Муравьевъ долженъ былъ засвидѣтельствовать, и по его представленію Запольскій получилъ награду даже высшую, чѣмъ самъ Муравьевъ.*) Можно сказать, что Муравьевъ былъ вполнѣ въ рукахъ Запольскаго, если бы этотъ послѣдній не сдѣлалъ двухъ ошибокъ: одну вначалѣ, другую въ концѣ своей службы въ Сибири, не замѣтивъ, по излишней довѣрчивости къ благородству Муравьева, разставленныхъ ему сѣтей. У Запольскаго былъ сынъ въ гвардіи, имѣвшій поэтому хорошую обезпеченную карьеру. Муравьевъ упросилъ Запольскаго дозволить ему взять его сына къ себѣ въ адъютанты, обѣщая ему всевозможныя выгоды по службѣ и подъ предлогомъ, что отецъ будетъ скучать, такъ какъ вынужденъ жить въ Сибири безъ семейства.**) Между тѣмъ настоящій разсчетъ Муравьева заключался въ томъ, чтобы связать этимъ Запольскаго, какъ въ дѣйствительности и вышло, потому что впослѣдствіи, во многихъ случаяхъ, Запольскій щадилъ Муравьева единственно изъ опасенія повредить службѣ сына, тогда какъ дѣйствуя съ твердостью, онъ самъ бы напротивъ связалъ Муравьева, если бы вслѣдствіе своей уступчивости не

---

*) Запольскому дана была Анна съ короною, тогда какъ Муравьеву просто.

**) Жена Запольскаго была очень больная женщина и не могла ѣхать въ Сибирь.

пропускалъ пользоваться многими удобными случаями, которыя доставляли ему опрометчивость и эгоистическія стремленія Муравьева. Подмѣтивъ эту уступчивость, Муравьевъ, который давно уже порывался къ открыто незаконнымъ мѣрамъ, но относительно которыхъ встрѣчалъ противорѣчіе только во мнѣ и въ Запольскомъ, сдѣлался еще болѣе требователенъ относительно Запольскаго (относительно меня, онъ давно уже отчаялся «уломать» меня), и такой ходъ неминуемо велъ къ открытому столкновенію, для чего случай не замедлилъ, конечно, представиться.

Въ то время, какъ Запольскій, сознавая свое достоинство, не хотѣлъ и знать приближенныхъ Муравьева, другіе, второстепенные изъ наѣхавшихъ изъ Россіи начальниковъ, люди, вполнѣ сознававшіе свое ничтожество, очень хорошо понимали, что они не иначе могутъ упрочить свое положеніе, какъ найдя себѣ опору въ комъ нибудь изъ этихъ приближенныхъ; и тѣ, кому удалось найти ее, думали и надѣялись, что могутъ уже позволять себѣ всякое нарушеніе и закона и дисциплины, и это до того, что одинъ бригадный командиръ, во время управленія Соллогуба въ отсутствіе Запольскаго, рѣшился даже прямо написать, что не почитаетъ нужнымъ исполнять приказаніе войскового правленія. У этого-то бригаднаго командира въ угоду адъютанту Муравьева Сеславину, командовавшему своднымъ казачьимъ батальономъ, заведена была неистовая картежная игра, въ которую вовлечены были другіе казачьи начальники, проигравшіе даже казенныя деньги. Кромѣ того, у этого же бригаднаго командира были величайшіе безпорядки по постройкамъ казачьихъ штабовъ, и вотъ относительно этого-то бригаднаго командира и произошло

непримиримое столкновеніе и формальный разрывъ между Муравьевымъ и Запольскимъ.

Запольскій всегда дѣлалъ инспекторскіе смотры аккуратно и добросовѣстно. Поэтому на смотрахъ 1854 г. не могли не обнаружиться всѣ безпорядки по второй пѣшей бригадѣ. Запольскій, какъ что нашелъ, такъ и помѣстилъ все во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о своемъ осмотрѣ. Муравьевъ страшно встревожился. Онъ зналъ, что если будетъ назначено слѣдствіе, то не миновать бѣды двумъ его любимцамъ, вышеупомянутому Сеславину и поляку Кукелю, который завѣдывалъ постройками и страшно всѣ ихъ запуталъ. Поэтому Муравьевъ, возвратя Запольскому отчетъ, убѣдительно просилъ его перемѣнить; но Запольскій, разумѣется, не могъ на это согласиться, не разрушивъ всѣ основанія службы и не освятивъ полной безнаказанности за противозаконные поступки и безпорядки. Съ тѣхъ поръ стали всячески подкапываться подъ него и стараться всѣми мѣрами выжить его, тѣмъ болѣе, что при дальнѣйшемъ пребываніи Запольскаго въ управленіи, неминуемо должны были открыться и всѣ возмутительныя дѣла, совершаемыя въ угоду Муравьеву и тайкомъ отъ Запольскаго Верхнеудинскимъ исправникомъ Беклемишевымъ.

Если по справедливости можно за что либо обвинять Запольскаго, то это, конечно, за то, что онъ самъ же далъ ходъ по службѣ такому негодяю, какъ Беклемишевъ, единственно по убѣжденію въ личной преданности его къ себѣ, и въ надеждѣ, что по этой преданности онъ его обманывать не будетъ. Впрочемъ, надо прибавить, что это такая слабость, отъ которой свободны немногіе начальники, и я имѣлъ полное право высказать это Козакевичу, когда онъ, оправдываясь предо мною

въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ обвинялось его управленіе Приморскою областью, вздумалъ было защищать одного своего чиновника слѣдующими словами: «Все это несправедливо: онъ хорошій человѣкъ, а главное лично мнѣ преданный человѣкъ,» но, спохватившись, что слишкомъ много проговорился, поспѣшилъ прибавить: «Я это такъ говорю; впрочемъ, это ничего не значитъ.»

«Напротивъ,» отвѣчалъ я, «это не только много значитъ, но даже объясняетъ и подтверждаетъ все. Знаю я васъ, губернаторовъ, — стоитъ только поддѣть васъ на удочку личной преданности, то человѣкъ у васъ можетъ дѣлать уже, что хочетъ, и вы будете вѣрить, что онъ-то васъ и не можетъ обмануть, и не даете уже себѣ труда повѣрять его дѣйствія, а будете толковать въ хорошую сторону или извинять самыя очевидно дурныя дѣла. Такъ допустилъ вѣдь и Запольскій поддѣть себя Беклемишеву.»

Беклемишевъ льстилъ Запольскому, наушничалъ ему, унижался всячески, чтобы угодить ему или позабавить его; разыгрывалъ роль шута, скакалъ чрезъ чубукъ вслѣдъ за собакою и пр. и, несмотря на всѣ мои предостереженія, Запольскій видѣлъ въ этомъ только одно ребячество или доказательство преданности. Особенно съ невыгодной стороны выставили Беклемишева два случая. Онъ жилъ вмѣстѣ со Скарятинымъ (тѣмъ самымъ, который былъ редакторомъ газеты «Вѣсть»), негоднымъ чиновникомъ, незнающимъ дѣла, и картежникомъ. Запольскій однако же, желая пріучить Скарятина къ дѣламъ, приблизя его къ себѣ, поручилъ ему доклады по первому отдѣленію областнаго управленія и предложилъ ему даже постоянный столъ у себя. Но Скарятинъ, не зная ни-

когда дѣлъ, которыя докладывалъ, занимался исключительно картами и интригами и въ благодарность Запольскому за все, что тотъ сдѣлалъ для него, завелъ въ областномъ правленіи тайную интригу противъ него съ цѣлью поссорить его съ Муравьевымъ, причемъ легче было получить значеніе, выслуживаясь сплетнями у того или другого, смотря по тому, гдѣ можно извлечь болѣе выгодъ.

Беклемишевъ же, вмѣсто того, чтобы или остановить Скарятина или воспротивиться интригѣ открыто, предпочелъ предать все на ушко Запольскому со страшными разумѣется заклинаніями, чтобы тотъ не выдавалъ его. Взволнованный Запольскій немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ все, кромѣ того только, отъ кого онъ это узналъ. Но я прямо и прежде всего спросилъ его объ этомъ. Послѣ нѣкотораго затрудненія, онъ наконецъ сознался, что отъ Беклемишева, но съ условіемъ никому не открывать этого.

«Дурное дѣло, Павелъ Ивановичъ,» сказалъ я ему. Запольскій, думая, что эти слова относятся къ Скарятину, отвѣчалъ на это: «Да, представьте себѣ, а вы знаете, что я для него сдѣлалъ, и вотъ какъ онъ отплатилъ мнѣ.»

«Да я говорю, Пав. Ив., не о Скарятинѣ, а о Беклемишевѣ,» возразилъ я ему. «Онъ и измѣнилъ товарищу и былъ наушникомъ и не исполнилъ обязанности по службѣ.»

«Ну вотъ вы, ригористъ, вы все строго судите по себѣ. Ѳединька — ребенокъ и сдѣлалъ это изъ преданности ко мнѣ» и пр.

Вообще надо сказать, что я не допускалъ у Запольскаго ни малѣйшей несправедливости, ни по предубѣжденію, ни по пристрастію. Между тѣмъ Запольскій былъ человѣкъ очень поддававшійся

увлеченіямъ въ томъ и другомъ отношеніи, чему я всегда противился самымъ энергичнымъ образомъ и съ полною неуклонностью. Вотъ почему доходило у насъ иногда до такихъ горячихъ и бурныхъ споровъ, что, бывало, мое семейство встревожится и, когда уѣдетъ отъ меня Запольскій, остается въ убѣжденіи, что разрывъ между нами неизбѣженъ. Но, какъ говорится, *la nuit porte conseil*, и не рѣдко случалось, что на другой же день, рано поутру, Запольскій прибѣжитъ съ объясненіемъ, что, обдумавъ дѣло, онъ увидѣлъ, что я былъ правъ, и съ увѣреніемъ, что онъ всякій разъ чрезъ подобные случаи все болѣе и болѣе убѣждается, какъ полезны мои совѣты и руководство, видя до какой степени я ни для кого и ни за что не соглашаюсь отступить отъ справедливости.

Другой случай, выказавшій Беклемишева съ самой дурной стороны, былъ слѣдующій: мужъ родственницы Запольскаго выругалъ Беклемишева подлецомъ и вытолкалъ его изъ дома Запольскаго въ его отсутствіи; и Беклемишевъ не только не вступился за свою честь и не смѣлъ вызвать его на дуэль, но даже не отважился и пожаловаться Запольскому, который объ этомъ узналъ только отъ постороннихъ. Изъ этого можно видѣть, сколько правды было въ утвержденіи Муравьева, что въ дѣлѣ вѣроломнаго убійства Неклюдова Беклемишевымъ этотъ послѣдній дѣйствовалъ будто бы по побужденію чести. Дѣло въ томъ, что Беклемишевъ прокладывалъ себѣ дорогу всякими средствами и для этого готовъ былъ сносить все.

Впрочемъ, чтобы вполнѣ доказать, что за человѣкъ былъ Беклемишевъ, достаточно сказать, что онъ самъ хвастался тѣмъ, какъ обманывалъ онъ

свою мать, приводя въ ея домъ къ себѣ, подъ видомъ гостей, переодѣтыхъ въ мужское платье дѣвокъ, и что онъ искушалъ своего крѣпостнаго человѣка, оставляя перенумерованныя деньги незапертыми, чтобы, если тотъ не устоитъ противъ соблазна и возьметъ какой-нибудь цѣлковый, имѣть удовольствіе «сѣчь его не на животъ, а на смерть» и послѣ хвалиться этимъ.

И вотъ этого-то человѣка Запольскій назначилъ исправникомъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ чаще всего проѣзжали Муравьевскіе чиновники, въ полной увѣренности, что Ѳединька, по преданности къ нему, будетъ лучше другихъ наблюдать за ними, да и самъ не будетъ обманывать.

Между тѣмъ Ѳединька тотчасъ смекнулъ, что такъ какъ онъ получилъ все отъ губернатора, что тотъ могъ доставить ему, то ему выгоднѣе будетъ угождать генералъ-губернатору, отъ котораго можно получать еще больше, и потому не задумался дѣйствовать предательски относительно своего благодѣтеля, у котораго такъ недавно еще цѣловалъ руки, называя его и въ глаза и въ письмахъ своихъ благодѣтелемъ, которому всѣмъ обязанъ. Независимо отъ наушничанья, ему вскорѣ представился случай особенно угодить Муравьеву. Надо сказать, что въ послѣднее время управленіе въ краѣ такъ наладилось и приняло такое направленіе, что о притѣсненіи народа и вообще о чемъ либо противозаконномъ не смѣли и подумать. Между тѣмъ надо было приготовить вторую экспедицію на Амуръ, а ни Муравьевъ, ни его приближенные, расточая деньги на кутежъ, карты и развратъ, вовсе не были расположены тратить на экспедицію ни копѣйки изъ своего огромнаго жалованья. Напротивъ, имъ очень хотѣлось еще изъ назначенныхъ для экспе-

диціи расходовъ выгадать сколько возможно больше экономіи для денежныхъ наградъ себѣ. Чтобы добиться этого, не было однако же другого средства, какъ грабить народъ для удешевленія расходовъ. Но достигнуть этого чрезъ содѣйствіе Запольскаго не представлялось Муравьеву никакой возможности; и вотъ онъ началъ дѣйствовать тайкомъ отъ губернатора чрезъ Беклемишева. Пошли тайные закупы, реквизиціи, наряды. У людей брали все за безцѣнокъ или даже и даромъ.*) Но разумѣется, какъ ни таили все, подобныя вещи не могли однако же укрыться. Кромѣ того, войсковымъ правленіемъ были обнаружены и фальшивыя цѣны по закупкѣ Сеславинымъ сукна и полотна въ Россіи для казаковъ. Все это должно было подпасть формальному слѣдствію, если бы Запольскій остался въ управленіи. Онъ поѣхалъ уже въ Верхнеудинскъ, съ цѣлью посадить Беклемишева на гауптвахту, отъ чего тотъ избавился только, притворившись очень больнымъ. Муравьевъ рѣшился дѣйствовать сначала чрезъ сына Запольскаго, чтобы тотъ уговорилъ отца проситься въ отпускъ для лѣченія болѣзни, или по крайней мѣрѣ пріѣхалъ хоть бы для этого въ Иркутскъ, сдавъ временно управленіе Корсакову. Но Запольскій не согласился,

*) Что, имѣя carte blanche отъ ген.-губерн., на всякаго рода насиліе, Беклемишевъ пользовался этимъ правомъ для своего разврата и корысти, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія безчисленными свидѣтельствами. Еще недавно Н. С. Щукинъ присылалъ мнѣ статью, содержащую цѣлое дѣло о томъ, какія увертки и средства употреблялъ онъ для насилованія дѣвицъ между семейскими крестьянами изъ старовѣровъ. Къ сожалѣнію, эту статью не рѣшился никто напечатать. Что же касается до корысти, то одинъ чиновникъ очень вѣрно замѣтилъ, что тѣми-же розгами, которыми вынуждали людей продавать за половинную цѣну свои произведенія, можно было заставить росписаться и въ полученіи денегъ, которыхъ не получали.

и Муравьеву нечего было бы дѣлать, если бы самъ Запольскій не сдѣлалъ ту другую ошибку въ концѣ своего управленія, о которой я упомянулъ выше — и сдѣлалъ именно потому, что поступилъ тайкомъ отъ меня, въ чемъ послѣ и раскаялся.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать оффиціальнымъ путемъ по имѣющейся у него власти, Запольскій написалъ очень рѣзкое письмо Муравьеву, содержащее упреки, которые, какъ ни были справедливы, не могли однако же въ частномъ письмѣ имѣть никакого значенія, ни произвести какое либо дѣйствіе, кромѣ раздраженія. Муравьевъ радъ былъ ошибкѣ, которую сдѣлалъ Запольскій, и возвратилъ письмо это назадъ. Запольскій написалъ ему другое письмо, гдѣ припомнилъ, что только по убѣдительной просьбѣ Муравьева онъ принялъ мѣсто губернатора, такъ какъ разстроенное здоровье дѣлало для него особенно трудною эту должность. Оба эти письма Запольскій написалъ тайкомъ отъ меня. Конечно, и это второе письмо не повлекло бы за собою никакихъ послѣдствій, если бы не внезапная кончина Государя. Муравьевъ всетаки побаивался Николая Павловича и дѣйствовать противъ Запольскаго при покойномъ Государѣ было тѣмъ труднѣе, что самъ-же Муравьевъ превозносилъ предъ нимъ Запольскаго, какъ отличнаго генерала и губернатора.

Но когда вступилъ на престолъ Александръ Николаевичъ, то Муравьевъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что новому Государю многое изъ прошедшаго не было извѣстно, и далъ такой оборотъ дѣлу, что разстроенное здоровье Запольскаго требуетъ непремѣнно его увольненія отъ должности, имъ занимаемой, но что онъ не можетъ никакъ подать формальной о томъ просьбы, такъ какъ

по военному времени это запрещено; а въ доказательство справедливости своего утвержденія о болѣзни Запольскаго онъ, Муравьевъ, прилагаетъ собственноручное частное письмо къ нему Запольскаго. Но удалить одного Запольскаго было еще недостаточно. Теперь, когда Муравьевъ приготовлялся дать полную волю своему произволу за Байкаломъ и обманывать самымъ дерзкимъ образомъ и правительство и публику относительно дѣйствій на Амурѣ, ему, конечно, не хотѣлось имѣть другихъ свидѣтелей своихъ дѣлъ и тамъ и здѣсь, кромѣ тѣхъ, которые ради интереса согласны были дѣйствовать съ нимъ заодно. Между тѣмъ сынъ Запольскаго въ качествѣ адъютанта Муравьева неминуемо долженъ былъ сопровождать его на Амуръ, а я всетаки оставался за Байкаломъ неподкупнымъ и грознымъ для Муравьева наблюдателемъ всего происходящаго. Надобно было поэтому во что бы то ни стало удалить насъ обоихъ. Муравьевъ, уже отправясь въ экспедицію въ сопровожденіи сына Запольскаго, придрался къ нему съ помощію самаго безсовѣстно-выдуманнаго предлога, чтобы оставить его въ самомъ началѣ плаванія. Но относительно меня онъ не могъ и не смѣлъ принять самъ никакихъ мѣръ, поэтому и выкинулъ слѣдующую штуку: онъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ, что здоровье мое требуетъ пребыванія въ болѣе мягкомъ климатѣ, а такъ какъ Минусинскій край считается Италіей Сибири, то онъ и проситъ о переводѣ меня туда изъ Читы. Этимъ надѣялся онъ достигнуть двухъ цѣлей — удалить меня изъ Забайкальскаго края, главнаго поприща его насилій и обмановъ, но въ тоже время оставить меня всетаки въ Восточной Сибири въ его завѣдываніи, чтобы имѣть возможность помощію хотя бы и незаконныхъ мѣръ

(напр. распечатанія и перехватываніе писемъ и пр.) воспрепятствовать передачѣ въ Россію свѣдѣній обо всемъ, уже извѣстномъ мнѣ. Устроивъ все такъ искусно по его мнѣнію, Муравьевъ самъ удралъ на Амуръ.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1855 г. вдругъ получается одновременно и увольненіе Запольскаго отъ должности въ отпускъ для излѣченія болѣзни и перемѣщеніе меня въ Минусинскій край во вниманіе къ тому, что того требуетъ мое здоровье.

Получивъ оффиціальное о томъ сообщеніе, я немедленно написалъ князю Орлову, что я не могу принять подобнаго распоряженія иначе, какъ за недоразумѣніе или за наказаніе; что такъ какъ я самъ лучшій судья въ томъ, что полезно для моего здоровья, то не признаю необходимости перемѣщенія, и потому ни самъ о томъ не просилъ и не уполномочивалъ никого просить за себя. Если же это наказаніе, то если то правда, что въ русскомъ царствѣ никто безъ суда не наказывается, то я требую суда въ полной увѣренности, что чѣмъ подробнѣе будетъ изслѣдованіе моихъ дѣйствій, тѣмъ явнѣе будетъ мое торжество, такъ какъ по суду несомнѣнно будетъ доказано, что я по своимъ дѣйствіямъ заслуживаю напротивъ не наказанія, а высшей награды, хотя ея никогда не искалъ, да и не прошу.

Между тѣмъ вслѣдствіе отказа полковника Солдогуба (за болѣзнію) принять временно управленіе областью пріѣхалъ въ Читу вмѣсто губернатора полковникъ Баролевскій, командиръ I-ой конной казачьей бригады. Этотъ человѣкъ всячески добивался прежде моего благорасположенія и права на близкое знакомство со мною основывалъ на пріятельскихъ отношеніяхъ съ нимъ Бестужева. Теперь вдругъ онъ прислалъ брата своего сказать, что будто

бы онъ по своему положенію не можетъ бывать у меня и сталъ убѣждать меня, чтобы я подчинился вѣроломной интригѣ Муравьева и выѣхалъ бы изъ Читы въ Минусинскъ, чтобы не подвергать его, Баролевскаго, отвѣтственности за неисполненіе. А такъ какъ я не соглашался ѣхать, то Баролевскій не вытерпѣлъ и явился лично убѣждать меня. Замѣчательно при этомъ мнѣніе, какое сами партизаны Муравьева и люди преданные ему высказывали о немъ.

«Развѣ вы не знаете, Дм. Ир.-» говорилъ мнѣ Баролевскій, убѣждая меня, «что этотъ бѣшеный человѣкъ, Муравьевъ, въ состояніи сдѣлать въ раздраженіи за то, что вы не слушаетесь его приказаній. Для васъ скоро можетъ открыться снова будущность (это говорилъ онъ, намекая на амнистію, о которой уже носились слухи), но теперь вы лишены еще всѣхъ правъ, и Муравьевъ можетъ такъ поступить съ вами, что послѣ вамъ нельзя будетъ показаться въ свѣтѣ.».

Ясно, что онъ разумѣлъ подъ этимъ какое нибудь тѣлесное насиліе. Такимъ образомъ самые слуги Муравьева считали его способнымъ на самое гнусное насиліе, даже относительно человѣка, которому онъ всѣмъ былъ обязанъ . Я отвѣчалъ Баролевскому, что я презираю всѣ угрозы, и что позоръ подобнаго дѣйствія падетъ на того, кто осмѣлится покуситься на него, а отнюдь не на меня, котораго, какъ и самъ онъ видѣлъ на опытѣ, не могло унизить никакое положеніе. Что же касается лично до него, Баролевскаго, то мнѣ жалко видѣть, что онъ такъ дѣйствуетъ, и нечего ему убѣждать меня именемъ Н. А. Бестужева не подвергать его непріятности; что для огражденія его я дамъ ему, пожалуй, подписку, что буду готовиться

къ выѣзду черезъ мѣсяцъ, а между тѣмъ напишу къ Венцелю, исправлявшему вмѣсто Муравьева должность генералъ-губернатора съ тѣмъ, что онъ, Баролевскій, до полученія отвѣта, не будетъ надоѣдать мнѣ своими требованіями о выѣздѣ. Такъ и устроилось дѣло между мною и Баролевскимъ.

Я написалъ къ Венцелю, что нечего ему принимать участія въ чужихъ грѣхахъ, что ему извѣстны всѣ обстоятельства и все вѣроломство Муравьева, такъ пускай же Муравьевъ, какъ затѣялъ дѣло, такъ самъ и распутываетъ его. Венцель немедленно написалъ Баролевскому, чтобы тотъ не смѣлъ тревожить меня и что я могу оставаться въ Читѣ до возвращенія Муравьева.

Между тѣмъ Корсаковъ, посланный впередъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о второй экспедиціи на Амуръ, былъ назначенъ исправляющимъ должность губернатора въ Читу. Когда же Муравьевъ возвратился, то я настоятельно требовалъ отъ Баролевскаго, чтобы онъ спросилъ отъ моего имени категорически у Муравьева, на какомъ основаніи считаютъ полезнымъ для моего здоровья насильственное перемѣщеніе меня въ Минусинскъ, и кто о томъ просилъ? Писать же самъ къ Муравьеву я не намѣренъ. Муравьевъ, не смѣя самъ дѣйствовать, задумалъ спрятаться за Корсакова и отвѣчалъ, что такъ какъ теперь Корсаковъ назначенъ губернаторомъ, то это уже его дѣло.

По пріѣздѣ Корсакова я не далъ ему перевести духа, можно сказать, и минуту. Онъ пріѣхалъ ночью, а въ 8 часовъ утра должны были собираться у него всѣ служащіе. Я выбралъ нарочно это самое время, чтобъ потребовать объясненія у него, какъ у ближайшаго наперсника Муравьева. Поэтому, войдя въ залу, гдѣ были собраны всѣ,

я прямо подошелъ къ нему, и безъ всякаго привѣтствія и предисловія сказалъ ему: «Скажите пожалуйста, Михайло Семеновичъ, что значитъ это вѣроломное дѣйствіе противъ меня Муравьева?» —

Корсаковъ страшно сконфузился, схватилъ меня за обѣ руки и, утащивъ въ гостиную и усадивъ на диванъ, сказалъ: «Неужели вы думаете, Дм. Ир., что и я тутъ въ чемъ нибудь виноватъ? Я право ничего не зналъ, и неужели вы считаете меня способнымъ на то, чтобы и я сталъ васъ тревожить? Я вѣдь хорошо помню, сколько мы всѣ вамъ обязаны. Ради Бога, успокойтесь, будемъ по-прежнему; теперь, видите, мнѣ некогда, а послѣ потолкуемъ обо всемъ.»

Такимъ-то образомъ и осталось безъ исполненія Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи меня въ Минусинскъ, потому что даже изъ самыхъ преданныхъ слугъ Муравьева не нашлось никого, кто бы въ угоду ему отважился взять на себя приведеніе дѣла въ исполненіе; и такимъ образомъ Муравьевъ изъ своей попытки не выигралъ ничего, кромѣ позора безплоднаго, неудавшагося покушенія, т. е., какъ говорится, *„tout l'odieux d'un crime sans en avoir tiré du profit.“*

Трудно себѣ представить, какъ смѣшонъ и жалокъ былъ Корсаковъ въ началѣ своего губернаторства. Онъ терялся во всемъ и какъ будто бы у каждаго искалъ извиненія себѣ въ томъ, что вдругъ занялъ такое мѣсто. Сознаніе своего недостоинства, при всемъ желаніи скрыть это, мучило его такъ, что ему очевидны казались въ глазахъ всѣхъ и насмѣшка надъ его губернаторствомъ и упрекъ за то.

Но относительно совѣтовъ моихъ и содѣйствій онъ не смѣлъ дѣйствовать такъ открыто, какъ За-

польскій, старался скрыть то, что у меня ищетъ рѣшеній, или выспрашивалъ мое мнѣніе косвенно, а при исполненіи не поступалъ съ искренностью. Ему хотѣлось быть въ ладахъ и со мною, чтобы всѣмъ пользоваться отъ меня, и въ то же время угождать Муравьеву въ его незаконныхъ требованіяхъ, стараясь дѣлать это тайкомъ отъ меня. Разумѣется, это неминуемо и должно было привести къ столкновенію, такъ какъ по моимъ правиламъ, какъ я всегда и доказывалъ на опытѣ, никакія личныя отношенія не должны были имѣть и никогда не имѣли никакого вліянія на безпристрастное мое отношеніе къ дѣлу; и разрывъ мой съ Корсаковымъ и другими лицами, всячески угождавшими мнѣ, ясно доказалъ всю лживость утвержденій тѣхъ людей, которыя старались объяснить дѣйствія мои противъ Муравьева измѣненіемъ будто бы нашихъ личныхъ отношеній, тогда какъ дѣло было именно совсѣмъ наоборотъ.

Я не спускалъ ни Корсакову, ни Буссе и др. никакой ошибки, никакого дурного дѣла, которое доходило до моего свѣдѣнія. Вначалѣ они лицемѣрили предо мною и выказывали будто бы большую готовность исправлять указываемыя имъ ошибки и отмѣнять свои распоряженія, нелѣпость которыхъ была имъ доказана. Но мало по малу стали доходить до меня слухи, что тайкомъ дѣлалось очень много дурного, и въ то же время отдавались строжайшія приказанія, чтобы ничто не доходило до меня. Между тѣмъ, крайняя степень невѣжества главныхъ начальниковъ обнаруживалась все болѣе и болѣе. Можно судить по слѣдующимъ образцамъ. Разъ Корсаковъ присылаетъ коляску и пишетъ ко мнѣ, убѣдительно прося пріѣхать къ нему, потому что ему ни на минуту нельзя отрываться отъ распоря-

женій по экстреннему случаю, и поэтому нельзя пріѣхать самому ко мнѣ. Пріѣзжаю и застаю у него начальника штаба Буссе (вслѣдъ затѣмъ назначеннаго Амурскимъ губернаторомъ). Корсаковъ сообщаетъ мнѣ, что его командируютъ на Амуръ, и проситъ разныхъ указаній относительно предполагаемой экспедиціи. Справившись съ дѣлами и отославши всѣхъ, мы остались одни втроемъ и сѣли пить чай. Разговоръ перешелъ къ политикѣ. Тутъ замѣтилъ я, что Корсаковъ съ Буссе что-то переглядываются, что имъ очевидно хочется что-то сказать, но что ни одинъ не рѣшается высказать того первый. Наконецъ, Буссе, который былъ посмѣлѣе, сказалъ: «Ну что же. Хоть и совѣстно спрашивать о такихъ вещахъ, а нечего дѣлать. Впрочемъ, намъ нечего стыдиться учиться у Дм. Ир. — Вотъ въ чемъ дѣло: тутъ въ газетахъ все толкуютъ о какихъ-то Зундскихъ пошлинахъ, что это такое? «Очень просто, отвѣчалъ я, это пошлины съ кораблей за право прохода черезъ Зундъ.» — «А что такое Зундъ?» — Я посмотрѣлъ на него, такой вопросъ можно было бы принять за мистификацію. «Да вы шутите что-ли?» спросилъ я, «можетъ-ли быть, чтобъ вы не знали, что такое Зундъ. Да это знаетъ всякій ученикъ даже уѣзднаго училища.» — «Нѣтъ, право не знаемъ. Можетъ быть, и учили когда то, да забыли.»

И такъ два губернатора не знали, что такое Зундъ. Не болѣе показалъ знанія въ географіи и Муравьевъ и съ нимъ весь иркутскій отдѣлъ географическаго общества. Когда сказано было въ газетахъ, что взятые въ Охотскомъ морѣ въ плѣнъ англичанами русскіе были отправлены на островъ Ванкуверъ, то посылали нарочно въ Баргузинъ къ М. К. Кюхельбекеру и просили его пріѣхать

въ Иркутскъ для поясненія генералъ-губернатору, что это за такой островъ Ванкуверъ и гдѣ онъ находится.

VI.

Между тѣмъ, послѣдовало возвращеніе намъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право возвратиться въ Россію. Извѣстіе о томъ было получено въ Читѣ поздно уже вечеромъ, часу въ десятомъ. Несмотря на то, губернскій почтмейстеръ, губернаторъ и атаманъ тотчасъ же прибѣжали ко мнѣ съ поздравленіемъ, и по мѣрѣ того, какъ распространилось извѣстіе, являлись и другіе до самой поздней ночи. На другой день рано поутру стояла у дома моего огромная уже толпа крестьянъ, казаковъ и бурятъ, ожидая, пока въ домѣ встанутъ, чтобы принести и имъ поздравленіе мнѣ; и въ это утро перебывалъ у меня весь городъ, всѣ служащіе и купечество, мужчины и дамы, и особенно усердными заявителями своей радости являлись именно тѣ, которые перестали было посѣщать меня послѣ моего разрыва съ Муравьевымъ. Въ полдень соборный протоіерей со всѣмъ городскимъ духовенствомъ явился безъ зова отслужить у меня молебенъ.

Въ 1857 году пріѣхалъ въ Читу бывшій мой подкомандный офицеръ, теперь генералъ-адъютантъ, графъ Путятинъ, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Китай. Онъ привезъ мнѣ предложеніе вступить опять на службу, представляя въ перспективѣ всевозможныя выгоды снова. Я отвѣчалъ ему, что я личныхъ побужденій никакихъ не имѣю; да если бы и имѣлъ, то ничто уже не можетъ льстить мнѣ, никакіе чины и награды, когда они, мои бывшіе подчиненные, которые и сами себя ни-

когда не равняли со мною, теперь полные генералы, адмиралы, графы, посланники и пр.- то можетъ-ли ужъ прельстить меня какой-нибудь штабъ-офицерскій чинъ, хотя бы и правда была то, что я не замедлю получить его, какъ онъ мнѣ въ томъ ручался. Къ тому же, теперь я дѣйствую независимо, а вступивъ на службу, обязанъ буду быть исполнителемъ чужихъ воззрѣній и приду въ столкновеніе по какому нибудь административному вопросу. Наконецъ, такъ какъ я до сихъ поръ былъ лишенъ права голоса, то и не имѣлъ еще возможности заявить о тѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, которыя добыты мною изъ опыта и изученія послѣ 14-го декабря. Слѣдовательно, и правительству, и народу неизвѣстны еще идеи мои и правила. Только тогда, когда я буду имѣть возможность заявить ихъ гласно и словомъ и дѣломъ, вступленіе въ службу будетъ для меня возможно потому, что, зная уже, что отъ меня можно требовать и ожидать, признаютъ за мною, приглашая меня, право и поступать соотвѣтственно моимъ убѣжденіямъ... Что же касается до благонамѣренности правительства, въ которомъ онъ, Путятинъ, представляетъ мнѣ будто бы ручательство, что нѣтъ основанія предвидѣть тѣ столкновенія, о которыхъ я говорилъ, то отъ слова до дѣла, отъ намѣреній до фактическихъ доказательствъ очень далеко; и думаю, что собственный примѣръ Путятина доказываетъ это какъ нельзя лучше; что для меня, кажется, напр. невозможнымъ, чтобы онъ не видѣлъ всѣхъ безпорядковъ и всего зла, которое творится въ Восточной Сибири и на Амурѣ. При этомъ стало быть одно изъ двухъ: или онъ умолчалъ о томъ предъ правительствомъ и тѣмъ доказалъ, что даже самое высокое положеніе налагаетъ у насъ узду на откровенность и обличеніе зла; или

онъ говорилъ, но это не произвело никакого дѣйствія. Правда, я знаю, что многіе, сказавъ разъ, думаютъ, что очистили совѣсть и пріобрѣли уже затѣмъ право умыть руки; но что и онъ знаетъ, что я и прежде былъ не таковъ, а теперь и тѣмъ болѣе, и что коль скоро открываю гдѣ зло, то вступаю съ нимъ въ борьбу безъ устали, не давая покоя ни себѣ, ни другимъ, такъ какъ же тутъ избѣжать столкновенія, и пр. и пр. Путятинъ долженъ былъ согласиться съ моими доводами, хотя и сказалъ мнѣ, что отказъ примутъ за оскорбленіе или за сохраненіе все еще вражды и при случаѣ припомнятъ мнѣ это, что и оправдалось на дѣлѣ.

Здѣсь я долженъ обратиться къ поясненію своихъ личныхъ обстоятельствъ. Если уже слѣдовало мнѣ добровольно возвратиться въ Россію, то, конечно, надо было сдѣлать это немедленно по полученіи извѣщенія о возвращеніи намъ правъ. Этого не только требовала моя личная выгода, но и открывшіяся тогда благопріятныя обстоятельства для общественной дѣятельности въ Россіи. Въ Читѣ собственно меня ничто не удерживало, кромѣ добровольно принятой обязанности относительно завѣщаннаго мнѣ покойною женою семейства ея. Конечно, я и не думалъ его оставлять; но именно только въ то время и была еще возможность перевезти его въ Россію, если бы я имѣлъ на то средства. Это было необходимо по всѣмъ соображеніямъ. Въ Читѣ жизнь становилась съ каждымъ годомъ все труднѣе и дороже, а хозяйство, бывшее до тѣхъ поръ главнымъ источникомъ моего дохода, все невыгоднѣе. Къ тому же, только въ это время я могъ выгоднѣе отдать домъ свой въ наемъ или и совсѣмъ продать его. Только такъ какъ, разумѣется, я не могъ получить всѣхъ денегъ вдругъ, то мнѣ

и необходимо было имѣть небольшое содѣйствіе отъ родныхъ, чтобы быть въ состояніи переѣхать не одному только (на что я всегда имѣлъ средства), но перевезти и живущее при мнѣ семейство въ Россію. Поэтому я и написалъ сестрѣ, увѣдомлявшей меня, что она и всѣ родные съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія моего въ Россію, чтобы она прислала мнѣ на дорогу шестьсотъ или семьсотъ рублей и приготовила бы для житья хоть двѣ или три комнаты въ нашемъ домѣ въ деревнѣ. Надо замѣтить, что эти шесть или семь сотъ рублей составляли почти ту же сумму, которую я и безъ того имѣлъ право требовать по завѣщанію мачихи, если принять въ разсчетъ то, что слѣдовало мнѣ получить въ 1857 г. и что было недоплачено за два предшествовавшіе года. И, такъ какъ сестра постоянно въ теченіе 30 лѣтъ только объ одномъ и писала, что живетъ преимущественно для братьевъ и что о перемѣнѣ завѣщанія мачихи (по наущенію ея родныхъ) только потому и жалѣетъ, что не можетъ сдѣлать для меня всего, что бы желала, то я и не могъ себѣ представить, чтобъ было какое затрудненіе въ исполненіи моего требованія, тѣмъ болѣе, что, живя въ Читѣ, я ничего себѣ не требовалъ и, кромѣ нѣкоторыхъ вещей (большею частію даже бездѣлицъ), ничего и не получалъ. Каково же было мое изумленіе, когда сестра написала мнѣ, что ни выслать такой суммы денегъ, ни приготовить комнатъ въ домѣ, по ветхости его, не можетъ. Послѣднее тѣмъ болѣе было для меня удивительно, что домъ сравнительно былъ еще новый и очень прочный, и что сама сестра только что выѣхала изъ него, проживя въ немъ полтора года. Относительно же невозможности выслать требуемую мною сумму, дѣло показалось тѣмъ страннѣе, что

я не могъ понять, зачѣмъ же тогда сестра поѣхала опять жить въ Москву, тогда какъ все требовало личнаго присутствія ея въ деревнѣ для приведенія въ порядокъ прекраснаго имѣнія, разстроеннаго управляющими именно только вслѣдствіе долгаго отсутствія владѣльцевъ. Одна экономія отъ личнаго управленія по ненадобности въ такомъ случаѣ платить жалованье управляющему и отъ сокращенія расходовъ въ сравненіи съ жизнью въ Москвѣ, гдѣ одна квартира требовала большаго расхода, составила бы въ одинъ годъ вдвое болѣе того, что мнѣ нужно было для возвращенія въ Россію и перевезенія туда жившаго при мнѣ семейства.

Тутъ только въ первый разъ пришлось мнѣ подумать: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не справедливы-ли давно доходившіе до меня темные слухи (отчасти черезъ брата Ипполита), но которые я принималъ за сплетни, что мачиха и сестра болѣе заботятся о какихъ-то своихъ воспитанницахъ, да о приживалкахъ, нежели о братьяхъ, и что сестра находится подъ вліяніемъ дурныхъ людей, высасывающихъ изъ нея все, что они могутъ, пользуясь ея слабоуміемъ отъ какого-то рода помѣшательства, въ которомъ она находилась. Впрочемъ, даже и до всего этого мнѣ не было бы никакого дѣла, если бы сестра не составила себѣ даже репутаціи изъ того, что будто бы и живетъ только единственно для братьевъ. Я ни отъ кого никогда ничего не требовалъ кромѣ правды. Сестра доказывала мнѣ впослѣдствіи, что она имѣла право ничего не дѣлать для насъ, такъ какъ мачиха предоставила ей по смерть ея полное распоряженіе завѣщаннымъ ей имѣніемъ; но изъ самаго завѣщанія мачихи, изъ положительнаго огражденія нашихъ правъ отъ произвола родственниковъ, изъ назначенія капитала дѣтямъ старшаго

брата очевидно было, что ей и въ голову не приходило, чтобы сестра, увѣрявшая всегда и ее, что живетъ только для насъ, почла себя вправѣ не дѣлать для насъ и того, къ чему мачиха обязывала завѣщаніемъ своихъ родныхъ. Ясно, что мачиха считала всякую оговорку насчетъ обязанности сестры обидною для нея. Если же предположить, что мачиха, всегда обижавшаяся тѣмъ, если кто изъ постороннихъ называлъ ее этимъ именемъ, и всегда выдававшая себя за истинную мать намъ, и въ самомъ дѣлѣ не заботилась объ обезпеченіи насъ, то обязанность сестры была-бы — вовремя предупредить меня о томъ, а не держать меня въ постоянномъ обманѣ насчетъ моего обезпеченія, и тогда бы я могъ, не разсчитывая уже ни на что, принять заблаговременно свои мѣры, ни въ какомъ случаѣ не допуская оставлять будущность свою и своего семейства на произволъ прихоти сестры. Между тѣмъ, всѣ эти обстоятельства поставили меня въ невозможность воспользоваться содѣйствіемъ и товарищей, когда встревоженные тѣмъ, что я не возвращаюсь, они чрезъ Ив. Ив. Пущина требовали, чтобы я написалъ, сколько мнѣ нужно, для возвращенія въ Россію. Но дѣло въ томъ, что если бы мои родные были въ дѣйствительной невозможности оказать мнѣ содѣйствіе, тогда я, конечно, могъ бы по совѣсти принять содѣйствіе отъ товарищей, имѣя на то полное право, такъ какъ и самъ несравненно больше дѣлалъ для нихъ. Но теперь, стараясь всегда показывать примѣръ, я не могъ принять предлагаемаго содѣйствія потому, что не могъ объяснить дѣйствительной надобности въ немъ, не изобличивъ всей несправедливости моихъ родныхъ. Такимъ образомъ я поневолѣ долженъ былъ остаться въ Читѣ, а коль скоро не выѣхалъ въ удобное время, то разстройство

дѣлъ въ Читѣ дѣлало съ каждымъ годомъ труднѣе собрать средства на выѣздъ, не покидая семейства; когда же наконецъ все болѣе и болѣе гибельныя для края и государства дѣйствія Муравьева заставили меня гласно выступить противъ него, тогда уже нравственная обязанность требовала, чтобы я оставался въ Читѣ, такъ какъ я хотѣлъ не только обличить и исправить зло, но и представить ободряющій примѣръ, показать, какъ должна дѣйствовать истинная гласность и совершить нравственный подвигъ, выступивъ противъ противниковъ лицомъ къ лицу на мѣстѣ ихъ дѣйствія и находясь даже въ ихъ власти.

Съ каждымъ днемъ становилось для меня очевиднѣе, что система, принятая Корсаковымъ относительно меня, основывалась именно на той надеждѣ, что вслѣдствіе его ухаживанья и личнаго угожденія мнѣ, они добьются наконецъ того, что я буду снисходительнѣе смотрѣть на ихъ противозаконныя дѣла. Но я не замедлилъ показать имъ, до какой степени они ошибались, потому что чѣмъ сильнѣе выказывались ихъ угодливость лично мнѣ, тѣмъ строже и безпощаднѣе преслѣдовалъ я всякое зло, и еще болѣе, чѣмъ при Запольскомъ, явился въ глазахъ народа надежнымъ его защитникомъ. Не только ужъ въ Забайкальской области, но и съ Амура и изъ другихъ мѣстъ Восточной Сибири стекались ко мнѣ и жалобы и нужныя свѣдѣнія. Напрасны были всѣ мѣры и всѣ угрозы; люди находили средства сообщать мнѣ все, что нужно. Наконецъ, самъ Корсаковъ почувствовалъ, что всякая борьба со мною на этой почвѣ безуспѣшна, и всякое стараніе остановить меня личными мнѣ угожденіями будетъ напрасно, потому что лучше, нежели кто нибудь, онъ зналъ, до какой степени личныя отно-

шенія мало имѣютъ вліянія на образъ моихъ дѣйствій. Онъ видѣлъ, что, несмотря на все вѣроломство и подлость Муравьева относительно меня, я не смѣшивалъ дѣла съ его личностью и продолжалъ, какъ и прежде, оказывать полное содѣйствіе дѣлу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Муравьевъ усвоивалъ себѣ мои труды и извлекалъ себѣ выгоду.

Въ такихъ отношеніяхъ прошелъ весь 1857 г., какъ наконецъ два обстоятельства вынудили меня выступить открыто противъ зла, увеличивающагося все болѣе и болѣе, и попытаться остановить его помимо мѣстныхъ правителей и даже вопреки имъ, коль скоро опытъ вполнѣ доказалъ уже, что нечего надѣяться образумить ихъ. Я тѣмъ болѣе имѣлъ на это права, что и въ этомъ случаѣ не отступилъ отъ обычнаго своего правила обращаться сначала непосредственно къ самимъ творцамъ зла, чтобы вразумить и остановить ихъ, и только тогда дѣйствовать противъ нихъ самихъ, когда увижу, что они дѣйствуютъ вполнѣ сознательно, а не по неразумію или непониманію дѣла. Въ настоящемъ же случаѣ необходимость обличенія была тѣмъ настоятельнѣе, что зло, казавшееся мѣстнымъ и извиняемое, если не оправдываемое, случайными обстоятельствами, грозило сдѣлаться общимъ правиломъ и узакониться. До сихъ поръ можно было думать, что само правительство находится въ сомнѣніи насчетъ характера дѣйствій въ Восточной Сибири (что, казалось, подтверждала присылка Путятина), а публика вовсе не знаетъ ихъ и потому на неправильности смотритъ, какъ на результатъ не то что умышленнаго дѣйствія, а исключительныхъ обстоятельствъ; но теперь выказалось, что Муравьевъ и его сообщники задумали обмануть самымъ дерзкимъ образомъ не только правительство, но и всю Рос-

сію, и то, въ чемъ сами до сихъ поръ извинялись, какъ въ ошибкѣ и случайности, возвели въ положительную систему, на которую имѣютъ будто бы полное право. Поэтому, съ одной стороны стали печатать самую возмутительную ложь насчетъ положенія вещей на Амурѣ и вообще во всей Восточной Сибири, а съ другой всякое насиліе, всѣ реквизиціи, наряды и пр. выдавать за обязательную службу. Правда, когда я въ первый разъ указалъ Корсакову и Буссе на нелѣпость того, что начали печатать объ Амурѣ, то они старались отдѣлаться шуткою («Прихвастнули немножко», отвѣчали они мнѣ), или отрекались отъ всякой солидарности съ авторами вздорныхъ извѣстій; но скоро оффиціальность внушеній, по которымъ писались подобныя статьи, стала для меня несомнѣнна; а съ другой стороны, когда я разъ сказалъ Корсакову объ одномъ изъ тѣхъ дѣйствій, которыя онъ и самъ прежде признавалъ за неправильныя и всегда, бывало, обязывался исправлять, то онъ вдругъ отвѣчалъ мнѣ: «Что-жъ, Дм. Ир., вѣдь это служба.» — «А, вотъ вы какъ начали теперь говорить,» сказалъ я ему, «ну, такъ дѣлайте же какъ хотите, но и я буду уже дѣлать то, что обязанъ.» — Я честно предупредилъ ихъ, что такъ дѣла не могутъ идти, и что изъ обмана и насилія, кромѣ гибели для самаго Амурскаго дѣла и для края и вреда для государства, ничего не можетъ выдти. Но ясно было, что эти люди, если до сихъ поръ и лицемѣрили и удерживались еще отчасти, то это только отъ страха, пока они не считали своего положенія вполнѣ упроченнымъ, но что, если удастся имъ пріобрѣсти довѣріе, обманувъ правительство и публику, то они сбросятъ и маску, и узду. Кромѣ того, Муравьеву мало было извлекать себѣ выгоду отъ правительства, об-

манывая его; тщеславіе его искало еще и популярности, и онъ задумывалъ, нельзя ли пробраться хоть незаконнымъ путемъ даже и въ исторію. Вотъ для этого-то удобнѣе всего, казалось ему, могли служить печатаемыя партизанами его статьи, въ которыхъ восхвалялись мнимые его подвиги и заслуги предъ Россіей; случай же окончательно надуть правительство и окончательно утвердиться въ довѣріи представилъ такъ называемый Айгунскій трактатъ. Только одного онъ не могъ предвидѣть, что именно то самое время, когда онъ достигнетъ апогея и могущества и довѣрія, когда, повидимому, никакая оппозиція и никакое обличеніе немыслимы, я и выберу, чтобъ не просто только уменьшить значеніе всего, но прямо провозгласить всѣ его подвиги вымысломъ, мыльными пузырями, а всѣ заслуги — положительнымъ вредомъ дѣлу, краю и государству.

Ознакомившись съ моимъ характеромъ, Муравьевъ очень хорошо зналъ, что мои отношенія къ людямъ основывались всегда на внутреннихъ свойствахъ своихъ, и что никакое внѣшнее положеніе человѣка не защититъ его отъ моего презрѣнія, если его дѣла того заслуживаютъ. Онъ зналъ также, что я не только не побоюсь выступить противъ какой-то бы то ни было силы, будь это человѣкъ во власти или возмутившаяся масса, но что чѣмъ больше противная сила, тѣмъ рѣшительнѣе я выступаю противъ нея. Онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ не разъ, припоминая и свидѣтельство моихъ товарищей и разсказъ Ѳеопемпта Лутковскаго объ укрощеніи бунта фрегатской команды въ Австраліи и о борьбѣ съ министромъ и всей адмиралтействъ-коллегіей, и наконецъ слышанное имъ самимъ въ Охотскѣ преданіе, какъ я спасъ капи-

тана корабля изъ подъ ножей возмутившейся команды. Зная это все, онъ зналъ, конечно, что если найдется человѣкъ, который не побоится выступить противъ него, то это буду я, вслѣдствіе чего и старался въ 1855 году удалить меня изъ Читы, но онъ все думалъ, что я могу дѣйствовать только обычными по ихъ понятіями путями — словесною критикою (кричать, какъ это называется), тайными доносами, частными письмами, которыя можно перехватывать. Ему и въ голову не приходило, чтобъ мнѣ возможно было выступить въ печати, и чтобы я рѣшился на это при моемъ политическомъ положеніи, при враждебномъ настроеніи противъ меня правительства. При этомъ дѣйствительно нужно было, чтобы случилось какъ-бы два чуда — возвращеніе мнѣ права голоса съ возвращеніемъ правъ потомственнаго дворянства и допущеніе нѣкоторой гласности въ первую эпоху послѣ Крымской кампаніи.

Поэтому ничто не можетъ сравниться съ дѣйствіемъ моей первой статьи, появившейся въ Морскомъ Сборникѣ. Все въ ней поражало своей необычайностью: полное разрушеніе обаянія насчетъ Амура, образецъ истинной гласности, такъ какъ каждое лицо и каждая вещь назывались своимъ именемъ, появленіе статьи въ такомъ серьезномъ журналѣ, личная подпись, нахожденіе на мѣстѣ дѣйствія и во власти обличаемыхъ лицъ. Оттого и впечатлѣніе было потрясающее. Одни сравнивали ее съ громомъ при безоблачномъ небѣ, другіе со словами на пирѣ Валтасара. Весь Петербургъ и самый дворъ взволновались. „*Votre frère Dmitry a acquis l'estime et la sympathie générale*“ писала воспитательница дѣтей Государя, Анна Федоровна Тютчева къ сестрѣ моей. «Если Дм. Ир. самолю-

бивъ,» говорилъ ей же лично кн. Вас. Анд. Долгоруковъ, «то самое пылкое самолюбіе можетъ удовлетвориться: никому не удавалось надѣлать такого шума и произвести такое впечатлѣніе.»

Дѣло было такъ: въ исходѣ Іюня 1858 г. Перовскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшій Муравьева на Амуръ, возвращался изъ Айгуна назадъ, между тѣмъ, какъ Муравьевъ отправился далѣе. Надо сказать, что Муравьевъ не хотѣлъ понять, что ту же систему, какую онъ принялъ относительно правительства, приписывая все себѣ и выдумывая необычайные подвиги, его подчиненные, подражая его примѣру, примутъ непремѣнно и относительно его самого. Такимъ образомъ, Перовскій разсказалъ мнѣ всѣ подробности объ Айгунской продѣлкѣ, обличавшія всю пустоту суетливой дѣятельности Муравьева*) и, разумѣется, выставляя только себя въ болѣе выгодномъ видѣ, а такъ какъ бывшій при нихъ переводчикъ сообщилъ еще новыя и большія подробности объ этомъ же дѣлѣ, то для меня весь ходъ дѣла и сдѣлался вполнѣ извѣстнымъ. Для меня ясно стало, что переговоры ведены были неудачно, и только благодаря тому обстоятельству, что переводчикъ чрезъ одного монгола изъ свиты китайскаго уполномоченнаго узналъ, что уполномоченный получилъ извѣстіе о появленіи англо-французскаго флота въ заливѣ Печели, онъ, переводчикъ, и рѣшился воспользоваться для возобновленія пере-

*) Этотъ Перовскій былъ настолько недобросовѣстенъ, что отрекся впослѣдствіи отъ своихъ словъ, какъ напечаталъ Карповъ въ своей статьѣ противъ меня: но на бѣду Перовскаго онъ забылъ, что были свидѣтели его разсказа мнѣ, которые подтвердили все сказанное мною, и Карповъ вынужденъ былъ передо мною извиниться.

говоровъ съ большею настойчивостью, пользуясь страхомъ, который навело вышеупомянутое извѣстіе на уполномоченнаго, опасавшагося навлечь теперь войну и съ Сѣвера съ Россіею; не менѣе ясно было и то, что такъ называемый Айгунскій трактатъ былъ не что иное, какъ соглашеніе о демаркаціонной линіи, какое бываетъ обыкновенно для пріостановленія или предупрежденія военныхъ дѣйствій, что ясно уже было и изъ того, что нигдѣ даже слово «граница» не было упомянуто, что китайскіе подданные на лѣвомъ берегу оставались въ подданствѣ Китая и что обозначеніе линіи простиралось только до рѣки Уссури. Договоръ этотъ, какъ извѣстно, не только не былъ ратификованъ китайскимъ правительствомъ, но даже заключившій его уполномоченный былъ приговоренъ къ смертной казни. Поэтому, безъ взятія Пекина англичанами и французами въ 1860 году договоръ этотъ не имѣлъ бы никакихъ послѣдствій. Но Муравьевъ вовсе и не заботился о дѣйствительныхъ послѣдствіяхъ. Ему только нужно было во что бы то ни стало предупредить хоть нѣсколькими днями Путятина, заключавшаго настоящій (Тянь-Дзинскій) трактатъ и увѣрить, что именно сдѣлкѣ въ Айгунѣ обязана Россія пріобрѣтеніемъ Амура, и успѣть получить за это награду. Онъ зналъ, что, пока доберутся до правды, дѣло будетъ сдѣлано и личная цѣль его будетъ достигнута. Но и я тоже, зная, какъ дѣла дѣлаются въ Петербургѣ, не сомнѣвался, что это будетъ такъ, и что тогда Муравьевъ, усилясь еще больше во власти и довѣріи, прибѣгнетъ непремѣнно еще къ большимъ насиліямъ и обманамъ, чтобы прикрывать неминуемые гибельные результаты прежнихъ насилій и обмановъ и неизбѣжную неудачу отъ дурнаго веденія дѣла. Поэтому необходимо было дѣй-

ствовать безотлагательно, да, притомъ, для того, чтобы и нравственное впечатлѣніе было сильнѣе, необходимо было выступить рѣшительно противъ силы во время самаго большаго ея могущества и блеска.

Но какъ же сдѣлать это? Ближе всего было бы послать статью въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ печатались лживыя статьи Романова; но тутъ мало было надежды на успѣхъ. Самолюбіе журнала не допустило бы напечатать опроверженіе на то, что въ немъ же печаталось; и тѣмъ болѣе, что попытка остановить Каткова не печатать вздоръ не привела ни къ чему. Я писалъ къ нему, что для того, чтобы понять нелѣпость статей Романова, не нужно ни быть на мѣстѣ, ни дожидаться чьего либо опроверженія, а достаточно здраваго смысла, чтобъ оцѣнить и физическую и нравственную невозможность небылицъ, въ которыхъ онъ увѣряетъ въ своихъ статьяхъ; но, несмотря на то, Катковъ продолжалъ печатать и слѣдующія статьи Романова.

Далѣе: предположивъ даже, что посланная мною статья и была бы принята въ какомъ нибудь другомъ частномъ журналѣ, всетаки могли встрѣтиться такіе неблагопріятные случаи: или цензура могла исказить статью, или если-бы и пропустила ее, то это могло быть приписано или недосмотру цензора, или вліянію общаго тогда направленія, и статья могла быть замѣшана въ огромномъ числѣ появившихся въ то время псевдообличительныхъ статей, тогда какъ я самъ именно и ратовалъ противъ мнимой гласности такого рода статей, съ одной стороны прикрывающихся разными анонимами, а съ другой нападавшихъ на «лежачихъ» или на такую мелочь, на которыхъ и рука не должна бы подниматься. Мнѣ необходимо было,

напротивъ, для полнаго впечатлѣнія, чтобы цензоры, просматривавшіе мою статью, пропустили ее по убѣжденію въ справедливости сказаннаго и въ же время сами представили полное ручательство, что сдѣлали это не по легкомыслію или увлеченію, въ чемъ упрекали обыкновенно слишкомъ либеральничавшихъ издателей и цензоровъ. Вотъ почему я и рѣшился отправить статью въ «Морской Сборникъ», такъ какъ для помѣщенія ея въ немъ необходимо было, чтобы она прошла черезъ ученый комитетъ, гдѣ я надѣялся найти болѣе безпристрастія, но который, состоя изъ людей, преданныхъ государству и солидно-ученыхъ, въ то же время и для правительства и для публики представлялъ необходимыя гарантіи основательности своего обсужденія. Вмѣстѣ со статьею я отправилъ и дополненія, заключавшія всѣ необходимыя для редакціи доказательства справедливости всѣхъ моихъ указаній.

Сначала въ Петербургѣ обрадовались всѣ, потому что шарлатанство и хвастовство Муравьева надоѣло всѣмъ; но я не замедлилъ доказать всѣми послѣдующими моими статьями, какъ далекъ я былъ отъ всякой личности; и что въ лицѣ Муравьева я преслѣдовалъ общее зло, а вовсе не отдѣльное какое лицо, чрезъ которое это зло проявляется. «Если бы дѣло шло только собственно о Муравьевѣ,» писалъ я министрамъ, «то онъ въ глазахъ моихъ оказался такимъ нравственнымъ ничтожествомъ, что я для борьбы собственно съ нимъ не сдѣлалъ бы движенія и мизинцемъ. Нѣтъ, цѣль моя, которую я всегда открыто и опредѣленно высказывалъ, это борьба противъ того всеобщаго зла, которое творитъ Муравьевыхъ, дѣлаетъ возможными ихъ дѣла и губитъ Россію. Если же я средствомъ рас-

крытія этого зла взялъ дѣла Восточной Сибири, то это только потому, что здѣсь всѣ виды общаго зла сосредоточились какъ-бы въ фокусѣ и являются въ болѣе грубомъ и чрезъ то въ болѣе осязательномъ, такъ сказать, видѣ; что поэтому-то я и не разсматриваю дѣлъ Муравьева отдѣльно, а въ общей связи ихъ со всѣмъ, что дѣлается и повсюду, вслѣдствіе чего и признаю все высшее управленіе вполнѣ солидарнымъ съ дѣйствіями Муравьева.»

Когда увидѣли такимъ образомъ, что борьба у меня идетъ на общей государственной, а не на мѣстной какой почвѣ, что я преслѣдую не частное, личное и мѣстное зло, а общее, когда я выяснилъ тѣ начала, по которымъ всегда дѣйствовалъ, и что борьба противъ Муравьева была только однимъ изъ приложеній общихъ началъ, то съ одной стороны Сибирскій комитетъ началъ задерживать всѣ мои статьи, что и повлекло мою переписку съ нимъ, съ главнымъ управленіемъ цензуры и съ разными министрами; а съ другой стороны к. Василій Андреевичъ Долгоруковъ написалъ сестрѣ и просилъ ее посовѣтывать мнѣ умѣрить запальчивость моего нападенія. Люди, смѣявшіеся надъ пустотой и безплодностью обличительной гласности въ томъ видѣ, въ какомъ она являлась вслѣдствіе ошибочнаго направленія литературы, увидѣли, что значитъ настоящая гласность. Всѣ почувствовали себя задѣтыми, почему и начали принимать всѣ мѣры, чтобы уменьшить впечатлѣніе, произведенное моими статьями и воспрепятствовать дальнѣйшему появленію ихъ въ печати.

Пытались было заподозрить искренность моихъ дѣйствій и выставить ихъ, какъ слѣдствіе прежней вражды относительно правительства и революціоннаго образа мыслей. На это я отвѣчалъ ми-

нистрамъ, что революціонеры теперь не мы, а тѣ люди, которые, будучи поставлены блюстителями законности, сами подрываютъ всѣ ея основанія, и что въ томъ и состоитъ ненормальность положенія, что я, человѣкъ опальный, вышедшій изъ рядовъ революціонеровъ и противниковъ правительства, сталъ въ убѣжденіи народа такимъ же представителемъ законности и нравственнаго принципа власти, какимъ былъ въ то же время и законной свободы, а люди, считающіеся и обязанные быть представителями законной власти, являются въ глазахъ народа представителями противозаконнаго насилія и анархіи. Что же касается до упрековъ, что я, сохраняя будто бы вражду къ правительству, не хочу признавать блестящихъ реформъ настоящаго царствованія, то я отвѣчалъ, что для меня не существуетъ иллюзіи бумажныхъ реформъ; что если нѣтъ искренности, свидѣтельствуемой единственно отвѣтственностію всякаго лица за нарушеніе закона, тамъ всѣ реформы безплодны, и что я пережилъ уже эпоху еще важнѣйшихъ для своего времени реформъ, которыя именно по отсутствію отвѣтственности не помѣшали однако же придти къ безсмысленному, мрачному, тупому и дикому деспотизму Аракчеева.

Но высказываясь съ полною, неслыханною до тѣхъ поръ откровенностью и твердостью предъ правительствомъ,*) я доказывалъ полное свое безпристрастіе, возставая однако въ то же время противъ правителей анархистовъ и противъ ошибокъ и неискренности и журналистовъ, противъ Герцена, какъ

---

*) «Сознаемся, что не имѣемъ вашего гражданскаго мужества» и прочее. Письмо адмирала и сенатора Матюшкина, предсѣдателя ученаго комитета.

и противъ Каткова, противъ соціалистовъ и противъ холоповъ-революціонеровъ, противъ лже-либераловъ поляковъ, и противъ лже-патріотовъ русскихъ, противъ лже-ученыхъ суевѣровъ и противъ религіозныхъ ханжей невѣрующихъ. Я считалъ себя обязаннымъ преслѣдовать зло во всей его общности, а не въ отдѣльномъ какомъ видѣ, и потому скоро всѣ партіи увидѣли, что ни одной изъ нихъ не удастся залучить меня и сдѣлать орудіемъ противъ другой.

Я отказался посылать статьи для напечатанія за границу. Я сказалъ Герцену, что слово можетъ дѣйствительно быть сильнымъ и великимъ дѣломъ, но только тогда, когда человѣкъ подвергается за него отвѣтственности; а Каткову, который упрекалъ Герцена за то, что онъ говоритъ подъ защитою иностранной власти, написалъ, что не больше достоинства и въ его нападкахъ на Герцена, которыя онъ позволяетъ себѣ подъ защитою русскаго полицейскаго. Я писалъ разнымъ журналистамъ, что, упрекая цензуру, они сами дѣйствуютъ неискренно и относительно авторовъ, не печатая дѣльнаго, и относительно фактовъ, печатая вещи, противныя здравому смыслу. Я обличилъ дѣйствія лже-демократа Бакунина, показавъ, какъ лже-либералы сходятся съ деспотами, и прервалъ всѣ сношенія съ нимъ; и писалъ соціалисту Петрашевскому, что, вступая въ борьбу со зломъ, надо самому быть непричастнымъ ему; что только тогда можетъ существовать нравственная сила, несокрушимая въ борьбѣ при всей несоразмѣрности внѣшнихъ силъ, какъ и подтвердилось это на моемъ собственномъ примѣрѣ, вырвавшимъ у одного изъ сановниковъ восклицаніе: «Его законность тошнѣе намъ всякой незаконности.»

Дѣйствительно, очень рады были бы мои противники, если бы имѣли возможность прикрыть покровомъ законнаго обвиненія и осужденія ихъ ненависть и мщеніе. Но я не подавалъ имъ ни малѣйшаго повода къ тому. Какія клеветы они ни разсѣивали, они сами доказывали, что сами не вѣрили имъ, потому что, имѣя въ рукахъ своихъ и судъ и судей, не отважились приступить никогда къ законному преслѣдованію меня въ чемъ бы то ни было, и потому имъ не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ средствамъ завѣдомо всѣмъ и сознательно для нихъ самихъ противозаконнымъ. Конечно, они оказались вполнѣ способными на это и не отступили и предъ самыми гнусными.

Между тѣмъ всѣ самые значительные журналы въ Россіи наполнились выписками изъ моихъ статей и заговорили о нихъ; и если таково было впечатлѣніе въ Петербургѣ и въ Россіи, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе мои статьи должны были произвести въ Сибири, на самомъ театрѣ описываемыхъ дѣйствій; въ Сибири, гдѣ никогда еще не раздавалось свободное слово, гдѣ привыкли дѣйствовать тайными доносами и глухою только оппозиціей, гдѣ начальники привыкли сажать въ острогъ безъ суда всякаго осмѣливающагося сказать даже робкое слово, — всякое неугодное имъ лицо.

Надо сказать, что Морской Сборникъ или вовсе до тѣхъ поръ не выписывался въ Сибири, или выписывался только случайно кѣмъ нибудь. Такъ во всемъ Иркутскѣ онъ нашелся только въ одной частной библіотекѣ и читальнѣ. За то эта читальня цѣлую недѣлю была буквально осаждена толпою. Распорядились такъ, что одинъ кто-нибудь долженъ былъ читать мою статью вслухъ, а другіе слушали, и когда чтеніе было окончено, то просили слышав-

шихъ очистить читальню, чтобъ дать мѣсто другимъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней съ ранняго утра до поздняго вечера. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ полетѣли выписки Морского Сборника. Выписана была не одна сотня, такъ что возбужденъ былъ даже вопросъ о причинѣ такого огромнаго внезапнаго требованія.

Въ Читѣ явились ко мнѣ съ поздравленіемъ не только частныя, но и служащія лица, и даже изъ самыхъ крупныхъ; одни, дѣйствительно неодобрявшія незаконныя мѣры Муравьева и неохотно ихъ исполнявшія, другія, потому что прикидывались либералами. Вслѣдъ затѣмъ началъ я получать и изъ сибирскихъ городовъ и съ Амура и изъ Россіи письменные адресы, восхвалявшіе мое «великое слово, мое геройство» и пр. и пр.

Но для меня важнѣе всего было то слѣдствіе моихъ статей, что всѣ незаконныя мѣры какъ рукой сняло за Байкаломъ. Народъ вздохнулъ свободно. Корсаковъ пытался было опровергнуть мои показанія брошюрою восхвалителя *ex officio* Амурскихъ дѣлъ, Романова, и представилъ ее даже, какъ говорили, Государю, но своей попыткой вызвалъ только усмѣшку. Дѣлать было нечего. Возвратясь въ Читу, онъ тоже оффиціально сталъ толковать о законности и увѣрять, что незаконныя дѣйствія истекали будто бы отъ излишняго усердія низшихъ начальниковъ, выслуживавшихся увѣреніями, что такая-то и такая-то мѣра не будетъ отяготительна для народа. Брошюра же Романова была для нихъ еще тѣмъ невыгодна, что давала мнѣ поводъ, опровергая ее, войти въ новыя поясненія и представлять новые факты.

Между тѣмъ, когда появились самыя рѣзкія мои статьи въ 1859 году, Муравьевъ былъ въ Япо-

ніи, гдѣ безуспѣшно производилъ пустыя демонстраціи, которыми хотѣлъ напугать японцевъ, какъ и китайцевъ, но относительно японцевъ онѣ совершенно не удались. По мѣрѣ того, какъ появились мои статьи въ печати, онѣ немедленно посылались къ Муравьеву въ Японію съ экстренными курьерами. Муравьевъ былъ озадаченъ и растерялся до того, что боялись, чтобы онъ не покусился на свою жизнь. Онъ воображалъ, что воротится съ Амура тріумфаторомъ, что вездѣ будутъ встрѣчать его овація, торжественные обѣды и пр. Онъ приготовилъ уже рѣчь, которую скажетъ въ Москвѣ купечеству о пользѣ Амура и пр. Теперь увидѣлъ онъ, что воротится въ Россію, какъ осужденный, поставленный въ необходимость оправдываться и передъ правительствомъ и передъ публикою, какъ обличенный шарлатанъ. Особенно раздражало его, что всѣ подвиги его представлены мыльнымы пузырями, а Амуръ, великій, будто бы, подарокъ, который, онъ увѣрялъ, что сдѣлалъ Россіи, выставленъ какъ «злокачественная язва.»

«Очень понятно,» говорилъ мнѣ поэтому наперсникъ его Карповъ, «что Николай Николаевичъ такъ возненавидѣлъ васъ. Онъ выше всѣхъ наградъ ставилъ славу, популярность, а вы ихъ то и убили наповалъ и навсегда.»

Я нисколько не сомнѣвался въ томъ, почему и написалъ въ Сибирскій комитетъ, что если Муравьевъ и войдетъ въ исторію, то отнюдь уже не съ тѣми знаками отличія, съ какими онъ красуется въ адресъ-календарѣ, а съ тѣми клеймами, которыя я наложилъ на него; что меня можно погубить, но опровергнуть ни въ одномъ словѣ нельзя, и что нѣтъ власти на землѣ, которая могла бы отнять у меня право нравственнаго суда надъ Муравьевымъ.

При возвращеніи въ 1859 году Амурскимъ путемъ изъ Японіи, Муравьеву пришлось испытать самому всю лживость его хвастовства объ удобствѣ сообщеній по Амуру и устройствѣ края. Онъ засѣлъ въ Благовѣщенскѣ, безъ всякой возможности выѣхать оттуда до установленія зимняго пути, и находилъ утѣшеніе только въ сообществѣ повивальной бабки, причемъ ему пришлось также испытать всю перемѣну, какую мои статьи произвели въ отношеніи къ нему подчиненныхъ. Губернаторъ Буссе въ угоду ему захотѣлъ по причинѣ глубокаго снѣга проложить дорогу отъ его квартиры къ квартирѣ повивальной бабки. Буссе показалось, что проще всего это сдѣлать, заставя вмѣсто разчистки приказать протоптать дорогу солдатамъ, почему и велѣлъ нарядить 60 человѣкъ артиллеристовъ. Но начальникъ артиллеріи объявилъ, что онъ солдатъ не дастъ, если ему не будетъ дано письменное предписаніе съ объясненіемъ, на какую именно работу требуются солдаты и что даже и въ случаѣ письменнаго предписанія онъ можетъ дать людей только на такую работу, которая допускается законами и за указанную плату. Нечего было дѣлать. Разумѣется, Буссе не отважился дать письменнаго предписанія, а тѣмъ болѣе объяснить, на что именно требовались солдаты. Муравьеву пришлось проглотить пилюлю и искать болѣе угодливости въ командирѣ линейнаго батальона.

Видя, какъ все перемѣнилось, Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу «тише воды, ниже травы», какъ говорится. Для возвращенія себѣ популярности онъ поѣхалъ съ визитомъ не только къ чиновникамъ, но и къ второстепеннымъ купцамъ, которыхъ привыкъ обзывать мошенниками, а чтобы поскорѣе прибыть въ Петербургъ для поправленія

своихъ дѣлъ, рѣшился даже было ѣхать кругомъ Байкала.

Между тѣмъ продолжавшееся печатаніе моихъ статей возбуждало невыразимую ярость моихъ противниковъ. Они попробовали было бороться со мною на литературномъ полѣ, но въ ту же минуту были сбиты съ поля, и я заставилъ ихъ напечатать опроверженіе собственныхъ словъ и выразить уваженіе ко мнѣ. И вотъ они не задумались прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ, чтобы выжить меня изъ Читы, или заставить замолчать, или лишить меня средства печатать мои статьи, и для этого одновременно и дѣйствовали: Муравьевъ въ Петербургѣ, Корсаковъ въ Иркутскѣ.

Муравьевъ плакалъ предъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и, воспользовавшись нѣкоторыми выраженіями, которыя удалось ему вызвать у Государя, когда тотъ не зналъ еще дѣлъ, и у Кон. Ник., когда тотъ былъ еще очень молодъ, старался доказать имъ солидарность ихъ съ его дѣйствіями, объясняя незаконность своихъ дѣйствій недостаткомъ будто бы средствъ и даннымъ ему полномочіемъ. На основаніи такой солидарности онъ выпросилъ у Государя безусловное запрещеніе на мои статьи; и редакціи журналовъ и газетъ, которыя всѣ добивались сами моихъ статей, увѣдомили меня, что достаточно моей подписи, чтобы получить отказъ отъ цензуры, а анонимныхъ статей печатать я не хотѣлъ. Съ другой стороны Корсаковъ въ Иркутскѣ самовольно отнялъ газету «Амуръ» у основателей ея за отказъ ихъ напечатать ложь объ Амурѣ и клеветы на меня, и сдѣлалъ эту газету своимъ органомъ именно для этихъ цѣлей, навязавъ на два года всѣмъ чиновникамъ и даже частнымъ лицамъ по именному списку, что не

предохранило однако газету отъ уничтоженія. Но и этого имъ было мало. Они вздумали было посягнуть прямо на мою свободу въ надеждѣ, что найдутъ неосторожныхъ исполнителей, на которыхъ потомъ можно будетъ все свалить, что будто бы все произошло по недоразумѣнію, а между тѣмъ «дѣло будетъ сдѣлано». Поэтому Корсаковъ прислалъ со своимъ адъютантомъ словесное приказаніе временному губернатору арестовать меня за то, что я возмущаю будто бы идущихъ на Амуръ вольныхъ переселенцевъ и отговариваю ихъ идти туда. Губернаторъ попробовалъ было передать также словесное приказаніе полицмейстеру, но тотъ потребовалъ письменнаго; а губернаторъ въ свою очередь потребовалъ такого же отъ Корсакова, который, разумѣется, дать его не осмѣлился.

Нелѣпость подобнаго обвиненія выказала всю глупость моихъ противниковъ, не съумѣвшихъ придумать ничего умнѣе или, по крайней мѣрѣ, замысловатѣе, а потому это покушеніе, не отважившееся на исполненіе, подало только поводъ приложить къ покусившимся на мою свободу поговорку: «блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ.» — Однако, хотя затѣя ихъ и кончилась только стыдомъ для нихъ, но я не намѣренъ былъ оставить покушеніе ихъ безнаказаннымъ. Несмотря на то, что все дѣлалось въ величайшей тайнѣ, одинъ преданный мнѣ человѣкъ сообщилъ мнѣ о всей продѣлкѣ однажды очень рано утромъ. Я въ ту же минуту отправился къ губернатору. Мнѣ говорятъ, что онъ спитъ еще, и никто не смѣетъ его будить. Тогда я пошелъ самъ въ спальню и разбудилъ его. Онъ страшно перепугался и, вскочивъ на постели, смотрѣлъ на меня съ совершенно растеряннымъ видомъ: «Правда-ли,» спросилъ я его, «что Корса-

ковъ осмѣлился приказать арестовать меня и посадить въ острогъ? и кто тотъ мерзавецъ, кто осмѣлился выдумать такую нелѣпость и игралъ при этомъ роль подлаго наушника или тайнаго доносчика? Прошу отвѣчать мнѣ такъ, чтобъ вамъ не пришлось послѣ отпираться отъ своихъ словъ, потому-что я сообщу вашъ отвѣтъ немедленно въ Петербургъ.»

Губернаторъ старался оправдаться, что онъ нисколько не виноватъ во всей этой исторіи.

«Что, конечно, не я дѣлалъ доносъ, въ этомъ вы можете убѣдиться,» говорилъ онъ мнѣ; «если не вѣрите моему характеру, то по самому моему положенію. Если бы я могъ вѣрить подобному обвиненію, то моя обязанность была бы не доносить, а самому принять мѣры. Что же касается до приказанія Мих. Сем. то оно было условное. Оно относилось къ случаю, если вы будете дѣлать то, въ чемъ, сказали вамъ, васъ обвиняютъ.»

«Вы сами себѣ противорѣчите,» отвѣчалъ я, «вы сами сказали, что въ подобномъ случаѣ вы сами обязаны были бы принять мѣры, слѣдовательно приказаніе Корсакова тутъ лишнее. А что касается до предупрежденій, то онъ не имѣлъ никакого права напоминать мнѣ, чего я не долженъ дѣлать. Иначе и я буду имѣть точно такое же право приходить къ нему постоянно и напоминать ему, что если онъ будетъ мошенничать, то подвергнется тому-то и тому-то. Я принадлежу къ тому же высшему сословію въ государствѣ, что и онъ, знаю законъ не хуже его, и никто не имѣетъ права напоминать мнѣ его.»

Я немедленно описалъ все дѣло Долгорукову и показалъ ему всю нелѣпость обвиненія. Переселенцы назывались вольные, слѣдовательно водер-

выхъ сношенія съ ними не могли быть недозволенными, да и не было нужды ходить къ нимъ тайкомъ. Обнищавши дорогою, они цѣлую зиму кормились нашимъ подаяніемъ и ежедневно наполняли мою кухню; вовторыхъ, если они дѣйствительно вольные, то вольному человѣку всякій можетъ давать совѣтъ по своему разумѣнію, и хотя я надѣлѣ не отговаривалъ ихъ идти на Амуръ, но признаю за собою право это дѣлать, если переселенцы добровольные. — Долгоруковъ сдѣлалъ запросъ Корсакову и прислалъ мнѣ письменный отвѣтъ его, въ которомъ онъ, какъ школьникъ, отъ всего отрекся.

Тѣмъ это дѣло и кончилось, но не кончились попытки заставить умолкнуть мое слово другимъ образомъ. Разъ, когда я ходилъ по своему двору, вдругъ просвистала вплоть возлѣ меня пуля и смертельно ранила холмогорскую телку, которую я въ эту минуту остановился посмотрѣть. Хотѣли было пояснить это тѣмъ, что будто бы какой-то неосторожный охотникъ стрѣлялъ подъ горой утокъ. Но во первыхъ, утокъ пулею не стрѣляютъ, а во вторыхъ, стрѣляя даже дробью въ болото, никакъ не могутъ мѣтить въ гору... Мнѣ называли послѣ того негодяя, который это сдѣлалъ, но такъ какъ нельзя было того доказать судомъ, то я и не упоминаю его имени.

Вслѣдъ затѣмъ подожгли мой домъ. Умыселъ былъ соображенъ адски. Въ то время горѣли лѣса, и воздухъ былъ наполненъ гарью, почему и разсчитывали, что запахъ дыма не обратитъ особеннаго вниманія, пока огонь сильно не разгорится; а чтобы его не вдругъ замѣтили, то подожгли съ такой стороны, чтобы съ улицы не было видно, отодравъ, притомъ, снизу обшивку дома и под-

ложивъ огонь подъ обшивку. Къ счастію, обоняніе у меня такъ же свѣжо и тонко, какъ и другія чувства. Поэтому я сейчасъ различилъ свѣжій дымъ отъ запаха гари; и какъ ни старались мои домашніе увѣрить меня въ противномъ, опасаясь выхода моего изъ дома ночью, я сейчасъ же пошелъ съ осмотромъ и, не найдя ничего снаружи и на дворѣ, отправился на чердакъ, гдѣ увидѣлъ, что вся стѣна подъ обшивкой уже занялась, и огонь отражался на внутренней сторонѣ крыши. Я затушилъ пожаръ, не требуя полиціи, собственными средствами, безъ всякой тревоги и суеты, и тѣмъ разстроилъ разсчетъ тѣхъ, которые надѣялись не только на уничтоженіе дома, но и на грабежъ вещей въ суетѣ при пожарѣ.

VII.

Между тѣмъ, переписка моя съ высшими правительственными мѣстами, министрами и другими значительными лицами, произвела таки, наконецъ, свое дѣйствіе. Не только было снято запрещеніе съ моихъ статей, но еще само военное министерство чрезъ посредство своего оффиціальнаго органа, Военнаго Сборника, обратилось ко мнѣ съ просьбою познакомить меня съ моимъ трудомъ о казачествѣ, такъ какъ говорили, что мнѣ одному удалось разъяснить наконецъ этотъ запутанный вопросъ. Въ то же время на мѣсто Корсакова, котораго Муравьевъ выпросилъ себѣ въ помощники, назначенъ былъ за Байкалъ новый губернаторъ, Жуковскій. Онъ старался сблизиться со мною, но я отклонилъ домашнее знакомство съ нимъ, зная фальшивое его положеніе и безсиліе поправить зло.

Къ тому же, я имѣлъ право предполагать, что самое стараніе о сближеніи имѣло источникомъ только желаніе обезоружить мою критику. Поэтому посредникамъ, которыхъ онъ присылалъ ко мнѣ, я объявилъ наотрѣзъ, что въ личное знакомство вступать не намѣренъ, но что по своимъ правиламъ буду содѣйствовать всему доброму и указывать на все, что можно будетъ сдѣлать полезнаго для края, но въ то же время не намѣренъ однако же щадить нисколько ни одного изъ проявленій зла, изъ какого-бы источника оно ни исходило.

Впрочемъ, доказывая Жуковскому не одними словами, но и самымъ дѣломъ готовность свою содѣйствовать всему полезному и совѣтами и дѣйствіемъ, я указалъ ему на необходимость 1) проложенія дороги между верховьями рѣкъ Чикоя и Ингоды для облегченія крестьянамъ Чикойской волости сообщенія съ областнымъ городомъ, какъ по частнымъ дѣламъ ихъ, такъ и для провоза хлѣба и другихъ произведеній, чѣмъ избавилъ ихъ отъ лишняго объѣзда въ 600 верстъ; 2) учрежденія сельско-хозяйственной и промышленной выставки въ Читѣ; 3) открытія для образца воскресной школы въ Читѣ.

Жуковскій съ жаромъ принялся за все это; самъ проѣхалъ по направленію прокладываемой дороги, сдѣлалъ представленіе министру о выставкѣ и обратился ко мнѣ съ письменною просьбою оказать ей содѣйствіе и открылъ воскресную школу при стрѣлковой ротѣ въ Читѣ; но скоро обнаружилъ свою неискренность во всемъ этомъ тѣмъ, что не удержался при такихъ дѣйствіяхъ, которыя дѣйствительно были нужны и полезны, а пустился въ разныя затѣи съ тѣми же видами тщеславія, какъ и другія, что, разумѣется, не могло при-

вести ни къ чему, кромѣ отягощенія народа. Такъ вздумалось ему похвастать, что онъ разомъ двинулъ народное образованіе и поэтому приказалъ завести училища въ такихъ деревенькахъ, гдѣ было всего четыре — пять дворовъ. Онъ прислалъ мнѣ пышный отчетъ объ успѣхахъ своей дѣятельности въ этомъ отношеніи; но когда я потребовалъ отъ него списокъ учителей, то оказалось, что большая часть была изъ переведенныхъ изъ Россіи штрафныхъ солдатъ, которые, не говоря уже о томъ, что отягощали ничтожныя деревеньки тягостію своего содержанія и жалованья, но еще только пьянствовали, вымогая у родителей вино угрозами наказывать дѣтей и развращали своихъ учениковъ.

Другія затѣи Жуковскаго были нисколько не дѣльнѣе. Такъ задумалъ онъ построить лѣтній госпиталь, на который нарядомъ нарубили казаки по его указанію лѣсъ въ такой трущобѣ, что вывести его не было никакой возможности, и вся работа пропала даромъ и пр.

Въ это время вздумали приготовленіе къ амурскимъ сплавамъ производить ссыльными каторжными и поселенцами, отправляемыми на Амуръ. Зимою эти люди еще работали, но такъ какъ они были на волѣ (по новой системѣ Муравьева*), то къ веснѣ «отваливали» иногда поголовно (однажды бѣжало разомъ 400 человѣкъ), и, гнѣздясь около города въ землянкахъ, а отчасти скрываясь и въ самомъ городѣ, держали городъ и окрестности въ постоянной тревогѣ воровствомъ и грабежами.

---

*) Изъ подражанія тому, что сдѣлано было въ Севастополѣ во время осады. Вообще эти господа были большіе мастера на подражаніе тому, что было неприложимымъ ни въ какомъ подражаніи. Такъ хотѣли завести за Байкаломъ «черноморскихъ пластуновъ» и пр.

Не лучше вели себя и штрафные солдаты, зачисленные въ казаки. Когда ихъ стали наряжать для содержанія караула, то они ходили на воровство заодно съ арестантами, при которыхъ находились на часахъ.

Я забылъ, кажется, сказать, что когда Корсаковъ еще былъ губернаторомъ въ Читѣ, то онъ обращался ко мнѣ съ просьбою присутствовать въ комитетѣ для разсмотрѣнія предложенія американца Коллинса о проложеніи желѣзной дороги отъ Читы къ Байкалу, къ устью рѣки Селенги, гдѣ Коллинсъ обѣщалъ выстроить «Новый Аспинвалъ.»*) Это тотъ самый Коллинсъ, который сдѣлался извѣстнымъ неудавшимся предпріятіемъ проведенія телеграфа изъ Сибири въ Америку. Его проектъ желѣзной дороги въ техническомъ и коммерческомъ отношеніи былъ чистая нелѣпость, а въ политическомъ скрывалъ заднія мысли. Я все это немедленно обнаружилъ и заставилъ передѣлать проектъ, предвидя, впрочемъ, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ; но Корсаковъ былъ такъ наивенъ, что спрашивалъ Коллинса, что «вѣроятно, онъ покроетъ желѣзомъ крышу трехъэтажнаго дома, который тотъ обѣщалъ достроить въ Читѣ». Несмотря однако же на всю нелѣпость проекта и на все невѣжество Коллинса относительно плаванія по Амуру, въ это время очень льстили иностранцамъ и всячески старались завлекать ихъ на Амуръ, особенно для торговли въ Николаевскъ, гдѣ и обѣщали имъ всевозможныя выгоды. Но, мало по малу, обычныя замашки Муравьевской администраціи взяли свое и дошли до того, что даже и

*) Такъ называется городъ, построенный американцами въ починномъ пунктѣ Панамской желѣзной дороги.

иностранцы, не находя нигдѣ и ни у кого управы, обратились съ жалобою ко мнѣ; Людорфъ (представитель германскихъ негоціанптовъ) представилъ мнѣ меморію о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя они терпятъ, а Чезъ, американскій вице-консулъ и агентъ богатѣйшаго бостонскаго дома Бордманъ и Ко., самъ пріѣхалъ въ Читу для объясненія мнѣ дѣла разбитія его корабля съ грузомъ на полмилліона долларовъ, вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій мѣстной администраціи. Какъ меморію Людорфа, такъ и записку о дѣлѣ Чеза я послалъ въ Петербургъ, что и привело къ объясненію съ Козакевичемъ при проѣздѣ его чрезъ Читу въ Петербургъ и обратно.

Пріѣхавъ въ Читу поздно вечеромъ, Козакевичъ остановился не у меня, какъ бывало прежде, но у губернатора, однако прибѣжалъ ко мнѣ немедленно. Было уже очень поздно, и у насъ все уже было заперто. Слышатъ, что кто-то стучитъ въ калитку. Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и что то писалъ. Козакевичъ влетѣлъ и, остановясь на порогѣ, растопырилъ руки и сказалъ: «Ну отдѣлали же вы насъ. Да за что же задѣли тутъ и свое собственное дѣтище — Амуръ? Вѣдь всѣ мы были только исполнителями вашей собственной мысли.»

«Я отдѣлалъ не Амуръ,» отвѣчалъ я, «а васъ, плохихъ нянекъ, которыя изувѣчили у меня Амуръ.»

Тутъ Козакевичъ сталъ мнѣ доказывать, что и иностранцы (которыхъ они сами же завлекали) все мошенники, и что я будто бы сдѣлалъ управленіе невозможнымъ, такъ какъ теперь никому будто и слова нельзя сказать, потому что всякій грозитъ или написать мнѣ или отправиться въ Читу лично съ жалобою ко мнѣ. Наконецъ, измѣряя по ихъ понятіямъ все личными отношеніями, Козакевичъ

выразилъ удивленіе, какъ я могъ посылать въ печать статьи и даже противъ него, своего пріятеля. Я отвѣчалъ ему, что относительно жалобъ ко мнѣ я очень радъ, что существуетъ для нихъ, губернаторовъ, по крайней мѣрѣ такая нравственная узда; а что касается до пріятельскихъ моихъ отношеній къ нему, Козакевичу, то «по крайней мѣрѣ не будутъ,» сказалъ я смѣясь, «приписывать хоть въ этомъ случаѣ мое преслѣдованіе его злоупотребленій непріятнымъ личнымъ отношеніямъ,» какъ хотѣлъ было въ томъ увѣрить Муравьевъ въ отношеніи къ нему.

Вскорѣ послѣ этого Корсаковъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-губернатора и уѣхалъ въ Петербургъ; Жуковскій отправился на мѣсто его въ Иркутскъ, а въ Читу присланъ былъ губернаторомъ начальникъ штаба, Кукель. Этотъ полякъ былъ однимъ изъ самыхъ зловредныхъ орудій Муравьева. Онъ началъ карьеру, будучи посланъ въ мое распоряженіе по устройству Читы, причемъ обнаружилъ вполнѣ свое невѣжество; потомъ запуталъ казачьи постройки, но, льстя Муравьеву, подслуживаясь его прихотямъ и женясь на дочери одного изъ любимцевъ его, онъ укрѣпился въ его милости и былъ назначенъ сначала начальникомъ казачьяго отдѣленія, а потомъ и начальникомъ штаба. Явясь въ Читу, онъ, какъ орудіе и фаворитъ Муравьева, очутился, разумѣется, въ очень неловкомъ положеніи при видѣ того всеобщаго уваженія, которое окружало меня. Подъ вліяніемъ этого, а равно и того либерализма, который вѣялъ тогда въ Россіи, онъ вздумалъ разыгрывать роль раскающагося и старался сблизиться со мною, сознаваясь, что будто бы и самъ наконецъ убѣдился въ ошибочности той системы

Муравьева, которой и самъ до тѣхъ поръ былъ орудіемъ. Онъ сталъ бѣгать ко мнѣ, тогда какъ я къ нему не хотѣлъ ходить, но самъ своими разсказами только доказалъ, что зло такъ уже укоренилось, что переросло ихъ собственныя силы, и что когда онъ сталъ говорить своимъ подчиненнымъ въ новомъ смыслѣ о томъ, какъ надобно поступать, то они уже чуть не въ глаза смѣялись ему, приписывая его наставленія зависти, не желающей, чтобы и они выслужились тою же системой, что и онъ. Желая однако доказать мнѣ свое усердіе въ новомъ направленіи, онъ упросилъ меня принять на себя административное устройство города, такъ какъ единогласно былъ выбранъ обывателями въ комитетъ, составленный для этой цѣли.

Между тѣмъ зло продолжало приносить свои плоды; и однажды, во время объѣзда Кукеля, случилось одно важное событіе, которое, не возбудя благодарности у тѣхъ, кого я спасъ, вызвало отчасти порицаніе моему великодушію либераловъ-революціонеровъ *quand même;* я говорю о предупрежденіи мною бунта казаковъ за Байкаломъ.

Система произвола, принимаемая главнымъ начальникомъ, имѣетъ всегда тѣ гибельныя слѣдствія, что допускаетъ второстепенныхъ и низшихъ начальниковъ прикрывать ею свои личные виды. Поэтому и казачьи начальники не удовольствовались даже тѣмъ, что требовали напр. для чистки ружей въ батальонную квартиру изъ-за 250 верстъ людей въ рабочее время; или наряжали малолѣтнихъ для свертыванія патроновъ и пр., отъ чего всего, разумѣется, надо было откупаться; они дошли наконецъ до того, что потребовали высылки взрослыхъ дѣвицъ въ батальонную швальню, якобы для

работъ по обмундированію казаковъ. На этотъ разъ терпѣніе казаковъ лопнуло, глаза засверкали у самыхъ спокойныхъ, у такихъ, которые съ самымъ неистощимымъ терпѣніемъ удовлетворяли всѣмъ привязчивымъ незаконнымъ требованіямъ начальства, сохраняя, повидимому, невозмутимое спокойствіе или равнодушіе, подъ покровомъ котораго безумные начальники и не подозрѣвали таившагося огня, соображая, что если они переносили уже все, что на нихъ противозаконно налагали до сихъ поръ, то снесутъ еще и большее, — однако вышло иначе: вышло нѣчто такое, чего они не умѣли или не хотѣли предвидѣть. Ко мнѣ явилась депутація стариковъ, самыхъ извѣстныхъ по благоразумію и осторожности, и, высказавъ все, что они вытерпѣли, и что дошло наконецъ дѣло до ихъ дочерей и ихъ чести, прямо объявили: «Ну, теперь, Ваше Высокородіе, батюшка Дм. Ир., не держи насъ больше: пора пришла и за топоры взяться. Больше нечего уже дѣлать. А ты будь покоенъ: тебя и твоихъ мы сбережемъ.»

Чтобъ объяснить это обращеніе ихъ ко мнѣ, надо сказать, что я никогда не подливалъ масла въ огонь, какъ говорится, а вступаясь за народъ, въ тоже время всегда совѣтывалъ ему противодѣйствовать налагаемымъ на людей незаконнымъ тягостямъ усиленіемъ и улучшеніемъ ихъ дѣятельности, воздержностью, трудолюбіемъ, устраненіемъ пьянства, праздности и пр. Я отвѣчалъ старикамъ-казакамъ, что они никогда не получатъ моего согласія и одобренія ни на какое насиліе; что они могутъ не отпускать дочерей, потому что силой никто не осмѣлится покуситься на такое незаконное дѣло, и что я даю имъ слово, что приказъ будетъ отмѣненъ, но чтобъ и они ничего не смѣли

предпринимать, и дали бы въ свою очередь мнѣ въ томъ слово.

Я бросился къ мѣстнымъ начальникамъ и прямо уже, не думая о пріисканіи болѣе мягкихъ выраженій, сказалъ имъ: «Да что вы съ ума что-ли сошли, что позволяете батальоннымъ командирамъ дѣлать такія вещи? Если вы сейчасъ-же не распорядитесь объ отмѣнѣ этихъ требованій, то я прямо напишу на имя Государя, до чего у васъ дѣло дошло.» — Разумѣется, пошли недобросовѣстныя оправданія, что они и сами о томъ не знали, а вслѣдъ затѣмъ пришли объясненія отъ батальонныхъ командировъ и еще нелѣпѣе, что будто бы это было для пользы самихъ казаковъ, чтобъ доставить-де заработки женщинамъ, которыхъ упрекали въ праздности и т. п. Вотъ по этому-то поводу и нашлись люди, особенно изъ поляковъ (которые, сказать къ слову, сами же, однако, участвовали во всѣхъ злоупотребленіяхъ начальниковъ, какъ упомянуто было выше), которые упрекали меня, зачѣмъ я остановилъ казаковъ, а не превратилъ возстанія ихъ въ революцію(!), какъ будто бы изъ подобной рѣзни могло выдти что-нибудь политическое, что-нибудь, кромѣ общей гибели для всѣхъ.

Въ началѣ 1863 г. Кукель былъ внезапно смѣненъ и отозванъ изъ Читы по подозрѣнію, что находится въ отношеніяхъ съ Бакунинымъ, бѣжавшимъ за-границу. Этотъ Бакунинъ, лже-либералъ и лже-демократъ, говорившій мнѣ, что хотя и нельзя отрицать злоупотребленій и насилій Муравьева относительно народа, но что Муравьеву можно все простить за то, что онъ «революціонеръ», — этотъ Бакунинъ былъ пріятель Муравьева и Корсакова, и печаталъ въ защиту Муравьева статьи въ «Коло-

колѣ». Они отпустили его на Амуръ, прельстившись его обѣщаніями восхвалять ихъ дѣйствія и противодѣйствовать моимъ статьямъ. Въ Николаевскѣ приняли его, какъ пріятеля генералъ-губернатора, чѣмъ онъ и воспользовался такъ, что ему даже дали заимообразно нѣкоторую сумму изъ казенныхъ денегъ и вывезли на казенномъ кораблѣ изъ Николаевска; а тамъ онъ поѣхалъ въ гости на одинъ иностранный корабль и отправился на немъ въ Англію.

Между тѣмъ статьи мои, разоблачивъ истину насчетъ дѣйствій въ Восточной Сибири, и разрушивъ обаяніе ореола, которымъ послѣднія до сихъ поръ были окружены, поставили и само правительство въ затруднительное положеніе. Оно не имѣло никакой уже возможности отрицать ни справедливость обнаруженнаго мною, ни установляемую мною полную солидарность его съ дѣйствіями Муравьева и его клевретовъ, если теперь, когда оно уже не можетъ отговариваться незнаніемъ, оно не приметъ никакихъ мѣръ. Ему оставалось или искренне признать правду и стараться исправить зло единственными средствами, которыми возможно это сдѣлать, или подвергнуть меня суду, какъ я и самъ того требовалъ, если имѣло какую нибудь еще возможность оспаривать справедливость обнаруженнаго мною и показывать видъ, что можетъ не знать того, или не вѣрить тому. Сначала, казалось, оно и выбрало первый путь. Прежде всего, разумѣется, надлежало смѣнить Корсакова, который, какъ креатура Муравьева и солидарный съ нимъ во всемъ злѣ, имѣлъ теперь и самъ необходимость прикрывать все. Стали искать новаго генералъ-губернатора, но кому ни предлагали, всѣ отказывались, зная теперь настоящее положеніе края

и требуя поэтому, для огражденія себя, предварительной сенаторской ревизіи. Въ то же время для удовлетворенія ропота публики отправили на ревизію по военной части на Амуръ генералъ-адъютанта Лутковскаго, а военное министерство сообщало мнѣ, что бывшему оберъ-квартирмейстеру въ Восточной Сибири, полковнику Будогоскому, предписано составить записку о всей неурядицѣ на Амурѣ, а отъ Корсакова потребованы объясненія, причемъ военное министерство удостовѣряетъ меня, что какой бы ни былъ результатъ всего этого, мой трудъ не пропадетъ безслѣдно, а принесетъ несомнѣнную пользу, не говоря уже о томъ, что все написанное мною составитъ важный историческій матеріалъ.

VIII.

Между тѣмъ Сибирскій комитетъ, дѣлая запросы Корсакову, поступилъ, конечно, совершенно неправильно. Я писалъ для публики, а правительство наравнѣ съ публикою, которую я одну ставилъ окончательнымъ судьею въ дѣлѣ, могло, конечно, извлекать и себѣ наставленія изъ моихъ указаній; но, не печатая моихъ статей, задерживая ихъ у себя, не возвращая ни мнѣ, ни въ редакціи, которыя ихъ представляли, оно, конечно, не имѣло никакого права употреблять ихъ въ дѣло и показывать кому нибудь прежде оглашенія статей въ печати, знакомя съ ними кого-нибудь прежде публики, а тѣмъ болѣе вовсе скрывая отъ нея, тогда какъ для-нея то собственно статьи и назначались. Но коль скоро оно избрало подобный путь, то справедливость требовала, чтобы по крайней мѣрѣ мнѣ сообщили отвѣты Корсакова, чтобы я въ свою оче-

редь могъ доказать всю неудовлетворительность и недобросовѣстность ихъ, имѣя въ рукахъ всѣ документы для обличенія дерзости отрицаній его. Но вмѣсто того была назначена коммиссія изъ высшихъ сановниковъ и довѣренныхъ лицъ. Конечно, и при этомъ нельзя было еще знать, чѣмъ бы кончилось дѣло (Корсаковъ такъ былъ уже увѣренъ въ своей смѣнѣ, что приказалъ продавать въ Иркутскѣ свои вещи), если бы не произошло польское возстаніе. Тутъ сказали, что уже не до Восточной Сибири теперь, пусть ѣдетъ старый генералъ-губернаторъ. А такъ какъ при этомъ покровители Корсакова представили, что послѣ того, что произошло, Корсакову нельзя будетъ ѣхать, если я останусь тамъ, потому что если и до этого онъ потерялъ уже значеніе, то что будетъ теперь, когда онъ былъ уже въ родѣ подсудимаго, — то и предписано было Высочайшимъ повелѣніемъ выѣхать мнѣ въ Россію, въ Казань, такъ какъ пребываніе мое въ Восточной Сибири оказывается вреднымъ, парализируя всѣ дѣйствія даже высшаго начальства, какъ оно приноситъ о томъ жалобу. Замѣчательно, что Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи меня въ Россію было дано 5-го февраля, а еще наканунѣ, 4-го февраля, военное министерство оффиціальнымъ письмомъ ко мнѣ признавало несомнѣнность моихъ заслугъ. Впрочемъ, правительство и само очевидно сознавало всю несправедливость своего рѣшенія и старалось смягчить его нѣкоторыми распоряженіями. Не говоря уже о томъ, что на вопросъ Императрицы Государь объявилъ, что противъ меня ничего нѣтъ, дозволено мнѣ было выбрать самому время моего отправленія, предоставить дорогу въ мое распоряженіе, купить мнѣ на казенный счетъ удобный экипажъ, и мѣстомъ пре-

бываніе назначена Казань, по тому соображенію, что у меня тамъ родные и имѣніе. Вслѣдъ затѣмъ предписано было остановить даже мой отъѣздъ до устройства моихъ дѣлъ (ниже будетъ показано, что сдѣлалъ Корсаковъ, чтобъ не привести въ исполненіе этого повелѣнія), а наконецъ, вслѣдствіе протеста моего министру юстиціи и Совѣту министровъ, вмѣсто Казани разрѣшено жить въ Москвѣ, несмотря на то, что нашему разряду не дозволено жить въ столицахъ.

Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи меня было получено въ Иркутскѣ въ исходѣ февраля; но его всячески таили, такъ что я только въ исходѣ апрѣля, да и то секретно, отъ князя Дадешкаліана, узналъ о всей интригѣ. Эта скрытность имѣла прямою цѣлью не дать мнѣ возможности списаться съ Петербургомъ. Однако, лишь только я узналъ обо всемъ, хотя и частнымъ образомъ, какъ въ тотъ же день написалъ министру юстиціи, что неужели только для того мнѣ и возвратили права высшаго сословія въ государствѣ, чтобъ сейчасъ же ихъ нарушить, какъ бы для того, чтобы показать, чего могутъ ожидать низшія сословія, и это въ то время, какъ хвалятся реформами, имѣющими цѣлью лучшее утвержденіе справедливости? Совѣту же министровъ я показалъ всю постыдность признанія, что я, частный человѣкъ, безъ власти, безъ богатства, безъ связей, могъ парализировать значеніе и дѣйствія генералъ-губернатора, да еще притомъ гдѣ же? Въ Сибири, — гдѣ ихъ власть не можетъ парализировать и весь самъ Совѣтъ министровъ. А что если, какъ это очевидно, я могу парализировать только однимъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ, то одно уже это и рѣшаетъ вопросъ, на чьей сторонѣ справедливость.

При этомъ надобно сказать, что вся эта недостойная интрига произвела въ Восточной Сибири вовсе не то впечатлѣніе, какого ожидали Муравьевъ, Корсаковъ и *tutti quanti*. Она не только возбудила общее негодованіе, но устыдила даже и тѣхъ, кто былъ до того времени ихъ орудіями; такъ что многіе изъ считавшихся самыми преданными ихъ слугами, испугались того, чтобы и ихъ не сочли соучастниками въ этомъ, и стали являться ко мнѣ съ оправданіями и осужденіями подобнаго покушенія противъ меня.

Что же до меня касается, то только относительно оставляемаго мною семейства я дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для обезпеченія его, во всемъ же остальномъ не измѣнилъ ни въ чемъ своего образа дѣйствій. Я посылалъ по прежнему такія же, какъ и прежде, статьи свои въ печать, обличая продолжающіеся безпорядки, страшную смертность солдатъ, работавшихъ на сплавѣ; и видя всю безалаберность распоряженій, напередъ предсказалъ неминуемую гибель каравана въ тотъ годъ, что и оправдалось на дѣлѣ, такъ какъ весь казенный сплавъ съ милліоннымъ грузомъ потонулъ на Амурѣ, тогда какъ бывшія съ нимъ вмѣстѣ купеческія баржи не потерпѣли никакого поврежденія.

Между тѣмъ домашній мой докторъ сильно встревожился предстоявшимъ мнѣ путешествіемъ. Надо сказать, что отъ быстраго перехода отъ комнатной казематской жизни къ дѣятельности на открытомъ воздухѣ въ суровомъ климатѣ, къ полевымъ работамъ, постройкѣ новаго дома и пр. при необходимости пока жить въ старомъ холодномъ домѣ, я получилъ головной ревматизмъ, которымъ я сначала пренебрегалъ, но который со временемъ до того усилился, что заставилъ меня страшно стра-

дать, особенно во время сырости. По этому поводу дѣлаемы были консультаціи и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, но всѣ предписывали поѣздку въ Ниццу или Палермо, т. е. такія средства, которыя были мнѣ недоступны. Мой докторъ опасался дороги даже по лѣтней, а особенно по осенней сырости. Составлена была консультація и представлена въ Иркутскъ, но этимъ только протянулось дѣло до августа, тогда какъ мнѣ самому не было уже разсчета оставаться въ нерѣшительномъ положеніи, и если нельзя было остаться совсѣмъ, то уже лучше было скорѣе явиться въ Москву, чтобы тамъ съ большимъ успѣхомъ продолжать свою общественную дѣятельность.

Нечего и говорить, какъ глубоко огорчено было семейство покойной жены моей, лишаясь того спокойствія, которымъ оно пользовалось двадцать четыре года, живя при мнѣ вполнѣ всѣмъ обезпеченное и вполнѣ отъ всего огражденное при моемъ личномъ присутствіи. Впрочемъ, я сдѣлалъ все, что возможно не только для матеріальнаго ихъ обезпеченія, но и для огражденія ихъ отъ непріятностей и несвойственныхъ имъ хлопотъ; я условился съ мѣстнымъ начальствомъ, чтобы въ моемъ домѣ въ распоряженіи остающагося въ немъ семейства жилъ бы всегда на моемъ полномъ содержаніи казачій офицеръ или старшій урядникъ, какъ для безопасности семейства, такъ и для исполненія его порученій.

Въ полночь 14-го августа, въ сопровожденіи казачьяго офицера, я выѣхалъ изъ Читы, и тутъ еще разъ представился случай, засвидѣтельствовавшій глубокую преданность мнѣ народа. Передъ этимъ былъ страшный разливъ рѣкъ и наводненіе; ямщикъ въ ночной темнотѣ сбился съ дороги и за-

ѣхалъ въ протокѣ вмѣсто брода въ такое мѣсто, гдѣ повозка попала въ яму, изъ которой лошади никакъ не были въ силахъ ее вытащить. Поэтому приказано было ему выпречь одну лошадь и ѣхать въ ближайшія деревни и станицы; лишь только оповѣстилъ онъ тамъ о случившемся, какъ отовсюду наѣхали крестьяне и казаки, а вслѣдъ за ними и буряты со своего стойбища съ лошадьми, повозками, веревками и вагами и вынесли, можно сказать на плечахъ мою повозку изъ воды, будучи до нельзя обрадованы нежданному случаю еще разъ проститься со мною и поблагодарить за все, что я сдѣлалъ для нихъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ были даже и женщины съ дѣтьми.

Въ г. Верхнеудинскѣ я остановился на три дня, чтобы дождаться своего товарища Горбачевскаго, который долженъ былъ выѣхать ко мнѣ изъ Петровскаго завода. По всегдашнему своему обычаю, я и тутъ прежде всего осмотрѣлъ мужскія и женскія училища, причемъ смотритель уѣзднаго училища представилъ мнѣ доказательства нелѣпыхъ распоряженій Корсакова, повредившихъ развитію училища. Имѣя и отъ губернскаго почтмейстера и отъ исправника открытыя предписанія, а болѣе всего при общемъ усердіи народа, я благополучно доѣхалъ до Байкала, и хотя вѣтеръ и волненіе на морѣ были очень сильны, благополучно переѣхалъ черезъ море на пароходѣ.

Въ Иркутскѣ получена была между тѣмъ бумага объ оставленіи меня въ Читѣ до приведенія въ устройство моихъ дѣлъ. Зналъ-ли Корсаковъ напередъ, что къ тому идетъ дѣло, или просто, по предчувствію, но только, отъѣзжая за Байкалъ, онъ далъ предписаніе не отправлять къ нему дѣлъ по случаю краткой его отлучки. Въ дѣйствительности

же, какъ извѣстно было, всѣ бумаги посылались къ нему, а предписаніе дано было для того, чтобы имѣть отговороку, что бумага была получена только тогда, когда я уже уѣхалъ; поэтому же Корсаковъ и оставался на томъ берегу Байкала, пока я не выѣду изъ Иркутска, опасаясь, что я вздумаю воротиться изъ Иркутска въ Читу, если онъ, пріѣхавши въ Иркутскъ, вынужденъ будетъ объявить мнѣ содержаніе бумаги. Въ Иркутскѣ посѣтилъ я женскій институтъ, и это посѣщеніе сопровождалось забавнымъ обстоятельствомъ. Говорю исправляющему должность губернатора Шелехову, что я хочу осмотрѣть институтъ, и чтобы онъ, какъ главный членъ совѣта, отдалъ соотвѣтственное приказаніе.

«Помилуйте, я и самъ тамъ ничего не значу. Это *status in stato*. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость — вѣдайтесь сами съ начальницею, какъ знаете.»

Нечего дѣлать, поѣхалъ къ начальницѣ; та перепугалась и сказалась больною. Я требую ея помощницу.

«Ахъ, зачѣмъ вы не пожаловали третьяго дня: это былъ пріемный день.»

«Отъ того, что третьяго дня меня не было въ Иркутскѣ.»

«Ну такъ пожалуйте завтра.»

«Завтра меня не будетъ въ Иркутскѣ.»

Между тѣмъ разговаривая такъ съ нею, я продолжаю подниматься на лѣстницу, несмотря на все желаніе классной дамы остановиться для разговора. Такимъ образомъ вошелъ я въ залу, а между тѣмъ вѣсть о моемъ прибытіи разнеслась по институту, и бѣгомъ прибѣжали не только мои прежнія ученицы (одна изъ нихъ была первая по институту), но

и всѣ институтки и успѣли разсказать мнѣ про свое житье-бытье и про всѣ безпорядки къ великому отчаянію классной дамы. «Ну вотъ теперь онъ распишетъ насъ,» говорили начальствующіе, долго охая послѣ моего отбытія и все поглядывая въ газеты, какъ сообщили мнѣ потомъ въ письмѣ изъ Иркутска.

Въ Красноярскѣ я остановился въ домѣ губернскаго почтмейстера, который убѣдительно просилъ меня о томъ, писалъ еще въ Читу и сдѣлалъ распоряженіе на послѣдней станціи, чтобъ не только везли меня прямо къ нему, но чтобъ дали знать съ почтою изъ ближайшей почтовой конторы о моемъ прибытіи, а со станціи послали бы впередъ загонщика верхомъ. Этотъ почтмейстеръ въ началѣ своей карьеры былъ въ Читѣ, гдѣ и попалъ было въ дурное общество. Я извлекъ его изъ него, усовѣстилъ, заставилъ заниматься и поддержалъ, и онъ вышелъ скоро на видъ, какъ дѣльный чиновникъ и честный человѣкъ. Хотя я пріѣхалъ поздно вечеромъ, но ужъ въ домѣ ожидали меня многіе, а у воротъ большая толпа. Коль скоро же разнеслась вѣсть о моемъ прибытіи, то стали являться одни за другими и чиновники и купечество, и по дѣламъ и потому, что въ Красноярскѣ было много служившихъ прежде въ Читѣ. На другой день явились ко мнѣ съ визитомъ предсѣдатель суда, прокуроръ, полицмейстеръ, жандармскій штабъ-офицеръ, инспекторъ врачебной управы и пр. Я сдѣлалъ визитъ губернатору и архіерею, но не засталъ перваго дома, а второго въ городѣ; но губернаторъ тотчасъ отплатилъ визитъ, а я между тѣмъ, сопровождаемый цѣлою толпою (въ нѣсколькихъ экипажахъ) людей, желавшихъ показать и объяснить мнѣ все въ подробности, осмотрѣлъ военныя

казармы, острогъ, домъ сумасшедшихъ,*) домъ, назначенный подъ гимназію, стоившій полмилліона и пожертвованный золотопромышленникомъ; соборъ, стоившій милліонъ, обрушившійся недостроеннымъ и снова отстроенный на другой милліонъ; дѣтскій пріютъ (другія учебныя заведенія были пусты по случаю вакаціи), клубъ, общественный садъ, больницы и пр.

Въ г. Маріинскѣ почтмейстеромъ былъ тоже человѣкъ, служившій въ Читѣ и мною облагодѣтельствованный, у котораго, притомъ, теща моя крестила перваго ребенка. Онъ всячески упросилъ меня хоть сутки погостить у него.

Въ Томскѣ меня ожидали губернаторъ и начальникъ учебной части Западной Сибири. Губернаторъ А. Д. Озерскій, проѣзжая за Байкаломъ, останавливался у меня и потому усердно просилъ, чтобы и я въ свою очередь остановился у него; но такъ какъ выѣздъ мой изъ Читы замедлился, то губернаторъ, собираясь и самъ въ Россію и отправивъ напередъ жену, сдалъ свою квартиру, а самъ помѣстился у Асташева, почему я и не хотѣлъ остановиться у него, а нанялъ хорошую квартиру на три дня, которые долженъ былъ провести въ Томскѣ, чтобы присутствовать при открытіи Томской женской гимназіи, какъ желалъ того Поповъ, начальникъ учебной части, нашъ казанскій. Поповъ принялъ меня въ полномъ мундирѣ и просилъ сказать одобрительную рѣчь, почему я и сказалъ кое-что о пользѣ изученія иностран-

---

*) Здѣсь одинъ сумашедшій жаловался мнѣ, что не вѣрятъ, что онъ Богъ-Отецъ, отъ того только, что сомнѣваются, какъ это онъ могъ сотворить міръ. «А мнѣ это плевое дѣло», — сказалъ онъ, «вотъ что», причемъ плюнулъ въ сторону.

ныхъ языковъ независимо отъ практической цѣли. Кромѣ того, я осмотрѣлъ въ Томскѣ одинъ частный женскій пансіонъ и, по просьбѣ начальницы, проэкзаменовалъ ея учениць.

Въ г. Омскѣ вышла забавная сцена съ генералъ-губернаторомъ Дюгамелемъ (пріятелемъ брата Ипполита). Такъ какъ я не ѣхалъ ночью и останавливался по городамъ, то почта, разумѣется, должна была обгонять меня. Поэтому я и распорядился, чтобы домашніе мои писали мнѣ каждую почту, расписавъ имъ, отъ какого числа, куда и на чье имя адресовать. И такъ какъ въ Омскѣ не было у меня близкихъ знакомыхъ, то назначилъ, чтобы адресовать на имя Дюгамеля для передачи при проѣздѣ.

Привыкши въ Сибири къ раболѣпству всѣхъ окружающихъ генералъ-губернаторовъ, Дюгамель очень переконфузился моимъ обращеніемъ съ нимъ и совершенно растерялся, когда я, войдя къ нему запросто, какъ къ бывшему, хотя и не коротко, знакомому нѣкогда, спросилъ о письмѣ. Онъ началъ объясняться, что онъ хорошенько не понялъ, почему письмо адресовано было на его имя, и потому отдалъ его одному совѣтнику. Я отвѣчалъ ему, что это очень просто, что у меня другихъ знакомыхъ, кромѣ его, нѣтъ въ Омскѣ, и что я разсчиталъ, что всякій другой можетъ не знать о моемъ проѣздѣ черезъ Омскъ, а что онъ будетъ знать во всякомъ случаѣ, и поэтому письмо доставлено мнѣ будетъ вѣрнѣе. Затѣмъ онъ немного оправился и сталъ мнѣ говорить о братѣ; и, по пословицѣ: «на ворѣ и шапка горитъ,» старался предупредить меня насчетъ дорогъ, чтобы ослабить напередъ впечатлѣніе, какое можетъ произвести на меня дурное ихъ состояніе, и объяснить это дурною погодою.

Въ Омскѣ я осмотрѣлъ кадетскій корпусъ, гдѣ мой бывшій ученикъ былъ также первымъ, и отправилъ телеграмму къ сестрѣ въ Москву, извѣщая ее о моемъ прибытіи, назначивъ въ то же время, чтобы отвѣтъ мнѣ былъ адресованъ въ г. Ишимъ. Въ Омскѣ же явился ко мнѣ сынъ адмирала Станюковича, посланный курьеромъ изъ Николаевска на Амурѣ. Не заставъ меня въ Читѣ, онъ нагналъ меня въ Омскѣ и передалъ поклоны отъ Козакевича и другихъ и разныя свѣдѣнія, которыя долженъ былъ мнѣ сообщить.

Въ г. Тюкалинскѣ случилось забавное происшествіе, которое показало всю ненормальность положенія дѣлъ въ Россіи. Я имѣлъ открытое предписаніе отъ почтъ-инспектора, и потому мнѣ задержки нигдѣ не смѣли дѣлать. Кромѣ того, и Тобольскій губернаторъ старался всячески угодить мнѣ; поэтому мое слово вездѣ имѣло большое значеніе; но не то было съ другими, даже самыми значительными людьми, если не было сдѣлано отъ начальства предварительнаго распоряженія о проѣздѣ ихъ; въ такомъ случаѣ и курьерская дорожная не помогала. Вотъ что произошло въ Тюкалинскѣ: я остановился въ почтовой конторѣ, такъ какъ не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ короткой остановки для обѣда. Пока урядникъ, бывшій со мною, хлопоталъ о закупкѣ провизіи, вижу, что у дома недалеко отъ почты стоятъ большія повозки.

«Кто это?» спросилъ я у письмоводителя.

«Да право не знаю,» отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно. «Китайскій посланникъ, говорятъ, да что-то сумлительно, не давали знать ничего напередъ. Одначе-жъ и то сказать, подорожная на 12 курьерскихъ, такую даромъ не даютъ.»

«Да что-жъ онъ здѣсь дѣлаетъ? Боленъ, что-

ли? Вѣдь въ вашемъ городѣ осматривать, кажется, нечего?»

«Какое боленъ,» сказалъ онъ съ усмѣшкою, «лошадей просто нѣтъ.»

«Какъ нѣтъ? даже и посланнику? Пожалуй эдакъ и меня заставите дожидаться?»

«Сохрани Богъ, В. Выс., для васъ мы и своихъ найдемъ; а тутъ что станешь дѣлать: курьерская пара у насъ одна, и ту не трогаютъ на случай фельдъ-егеря. Разумѣется, даемъ изъ почтовыхъ. А теперь видите, какая дорога. Иной разъ изъ-подъ почты на другой день пріѣдетъ, да и всего-то и почтовыхъ три пары. Ну если экстренно нужно, даютъ отъ земства.»

«Такъ отчего же посланнику до сихъ поръ не дали?»

«А вотъ, изволите видѣть,» сказалъ онъ съ усмѣшкою: «засѣдатель у насъ въ куражѣ, — какой чортъ, говоритъ, китайскій посланникъ изъ Петербурга. Вѣрно самозванецъ какой. Пусть сидитъ въ Тюкалѣ, пока справлюсь.»

«Да что вы съ ума что-ли сошли,» сказалъ я, «неужели и вы сомнѣваетесь?»

Онъ посмотрѣлъ на меня нерѣшительно.

«Дайте подорожную его,» сказалъ я. Смотрю: подорожная нашему новоназначенному посланнику въ Китаѣ, Влангали. «Ба, ба, вотъ встрѣча,» подумалъ я, «да это сынъ бывшаго моего учителя эллинскаго языка.» — Иду съ нимъ знакомиться. Объяснились и очень были рады знакомству другъ съ другомъ.

«Да что же вы тутъ сидите?» спросилъ я.

«Да просто не только лошадей не даютъ, да и не могу дозваться никого; два раза посылалъ за засѣдателемъ — нейдетъ.»

«Вотъ видите-ли,» сказалъ я ему смѣясь, «вы ѣдете изъ такой страны и въ такую,*) которыя обѣ обыкновенно считаютъ образцами безпорядка и безтолковщины, а, конечно, согласитесь, что ни въ одной вы не встрѣчали и не встрѣтите ничего подобнаго съ тѣмъ, что съ вами здѣсь дѣлаютъ. А чтобы еще болѣе доказать вамъ, какъ все у насъ вверхъ дномъ идетъ, вотъ я, человѣкъ опальный, достану вамъ лошадей, которыхъ не могли доставить вамъ ни званіе посланника, ни грозная подорожная.»

Я призвалъ письмоводителя почтовой конторы и сказалъ ему, чтобъ онъ самъ отправился къ засѣдателю и передалъ бы ему, что если сію же минуту не явится онъ самъ къ посланнику и не приведетъ лошадей, то онъ останется на своемъ мѣстѣ ровно столько лишь времени, сколько только нужно моему письму дойти до Тобольска; а въ удостовѣреніе его въ какихъ отношеніяхъ я нахожусь съ губернаторомъ, то вотъ письмо губернатора ко мнѣ. Письмоводитель отправился, и менѣе чѣмъ чрезъ двадцать минутъ явился засѣдатель съ мокрыми волосами, какъ вѣрный признакъ того, что онъ вылилъ себѣ на голову не одно ведро воды, чтобъ отрезвиться; онъ сталъ увѣрять, что будто бы лошадей отъ того не было, что крестьяне мошенники, и что онъ самъ ѣздилъ по деревнямъ сгонять лошадей. Вслѣдъ за засѣдателемъ явились, разумѣется, и лошади.

Мы сговорились было съ Озерскимъ ѣхать вмѣстѣ, но какъ онъ не хотѣлъ заѣзжать въ Омскъ, потому что не былъ въ ладахъ съ Дюгамелемъ, то

---

*) Предъ назначеніемъ посланникомъ въ Китай, Влангали былъ въ Турціи генеральнымъ консуломъ въ Сербіи.

и пришлось намъ съѣхаться за Тюкалинскомъ. На дорогѣ встрѣтила меня жена Красноярскаго губернатора и насказала ужасы про дорогу. Пріѣзжаю на станцію Орлову и вижу, что въ книгѣ для жалобъ она записала карандашемъ, что ей не дали не только лошадей, но и пера, чтобы записать жалобу. Здѣсь съѣхались мы съ Озерскимъ. Дорога дѣйствительно оказалась такова, что подъ мой легкій тарантасъ вмѣсто трехъ запрягли 10 лошадей, а подъ карету Озерскаго 17, хотя еще все съ нея сгрузили на нѣсколько подводъ. Сверхъ того, мы взяли нѣсколько провожатыхъ верхомъ. Вся ѣзда состояла изъ перескакиванья изъ одной ямы въ другую, изъ которой каждый разъ приходилось вынимать экипажъ. Такимъ образомъ, въ цѣлыя сутки мы могли проѣхать только 8 верстъ. Разсмотрѣвъ все обстоятельно, я убѣдился, что такое дурное состояніе дороги происходило не отъ однихъ только дождей, а что тутъ была общая стачка крестьянъ, и земскаго и почтоваго начальства, чтобы брать съ проѣзжихъ какую угодно цѣну за вольныхъ лошадей, и тогда возили объѣздомъ, не заѣзжая на станціи, на которыхъ на улицахъ не было возможности сдѣлать и шагу, такъ какъ и лошади и повозка тонули въ грязи. Поэтому я немедленно изъ перваго же города написалъ къ почтъ-инспектору и губернатору, и они немедленно же выслали своихъ чиновниковъ, и дѣло было тотчасъ же исправлено, какъ увѣрялъ меня потомъ губернаторъ при личномъ свиданіи со мною въ Москвѣ.

Въ Ишимѣ получилъ я телеграмму о разрѣшеніи ѣхать прямо въ Москву. Здѣсь пришлось повѣрить и телеграфные порядки. Прихожу на телеграфную станцію и спрашиваю у дежурнаго телеграмму на мое имя.

«Никакой нѣтъ,» отвѣчаетъ онъ.

«Быть не можетъ.»

«Извольте, вотъ книга.»

Смотрю въ книгѣ, гдѣ записываютъ получаемыя телеграммы, дѣйствительно нѣтъ. Выхожу въ недоумѣніи, какъ слышу, что сторожъ говоритъ дежурному: «Посмотрите-ка въ ящикѣ, тамъ, кажись, есть какіе-то пакеты. Третьяго дня дежурный былъ въ хмѣлю и, кажись, ихъ не записалъ.»

Выдвигаютъ ящикъ, — тамъ между другими пакетами оказывается телеграмма на мое имя.

Въ Ялуторовскѣ, гдѣ долго жили многіе изъ моихъ товарищей, сбѣжались всѣ, до кого только дошла вѣсть о моемъ прибытіи, чтобы познакомиться со мною. Несмотря на убѣдительныя просьбы обывателей, я не могъ остановиться хоть на сутки, какъ они ни просили, и только осмотрѣлъ школу, основанную моими товарищами. Я спѣшилъ, чтобы застать въ Перми отправленіе послѣднихъ пароходовъ по Камѣ до Казани.

Въ Тюмени былъ городничимъ одинъ штабъ-офицеръ, служившій въ Читѣ. Тутъ же ожидалъ меня и братъ Ипполитъ. Къ сожалѣнію, свиданіе не обошлось безъ непріятнаго открытія и впечатлѣнія. Городничій, убѣдивъ меня отобѣдать у него, счелъ приличнымъ пригласить и Ипполита, который при этомъ не замедлилъ обнаружить ту слабость, о которой хотя и доходили уже слухи до меня, но я полагалъ ихъ увеличенными, а тутъ пришлось убѣдиться на дѣлѣ.

Въ Екатеринбургѣ я получилъ извѣстіе, что врядъ ли застану уже и послѣдній пароходъ; почему и рѣшился остановиться въ городѣ, который я не успѣлъ осмотрѣть хорошенько въ первый мой проѣздъ по Сибири изъ Америки и, разумѣется, не

могъ осматривать во второй проѣздъ, когда везли насъ въ Сибирь.

Между тѣмъ въ Перми ждали меня съ большимъ нетерпѣніемъ, и губернаторъ, на сколько его просьбы имѣли вліяніе, всячески старался продлить долѣе плаваніе пароходовъ, чтобы доставить мнѣ возможность удобнѣе проѣхать до Казани. Надо сказать, что въ Перми жила въ это время сестра моей мачихи, Татьяна Львовна, вдова генерала Моллеръ; жила же она тутъ въ гостяхъ у дочери своей, бывшей замужемъ за исправлявшимъ должность Пермскаго губернатора. Было дано знать вездѣ и на почтѣ и въ полиціи о моемъ пріѣздѣ, съ приказаніемъ просить меня, не останавливаясь, проѣхать прямо въ домъ губернатора. Но вышло такъ, что сестра не предувѣдомила меня о томъ въ телеграммѣ, а я со своей стороны предпочелъ ѣхать отъ Екатеринбурга по вольной почтѣ, и такъ какъ не думалъ останавливаться въ Перми, кромѣ какъ на ночлегъ, то, пріѣхавъ на станцію вольной почты поздно вечеромъ, и не счелъ нужнымъ давать куда нибудь знать о своемъ проѣздѣ и рано поутру выѣхалъ по вольной же почтѣ въ Казань, узнавъ, что послѣдній пароходъ ушелъ уже изъ Перми наканунѣ.

Въ Казани меня ожидали пресмѣшныя и престранныя приключенія, все вслѣдствіе необычайности моего положенія и противорѣчія нравственныхъ ко мнѣ отношеній не только публики, но и начальства съ его оффиціальными отношеніями. Старый губернаторъ уже уѣхалъ, новый не пріѣзжалъ еще; отъ вице-губернатора ни въ чемъ не могъ добиться толку. Онъ все мнѣ твердилъ, что въ Казани мнѣ почему то остаться нельзя, а выдать подорожной въ Москву не можетъ. «Да куда

же мнѣ, наконецъ, можно обратиться?» сказалъ я, потерявъ терпѣніе; «если нѣтъ у васъ губернатора здѣсь, то кто же можетъ рѣшить дѣло?» — «Попробуйте обратиться къ генералу Тимашеву, онъ хоть здѣсь и по спеціальному дѣлу, но на правахъ генералъ-губернатора.» — Отправляюсь къ Тимашеву, жившему на императорской квартирѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ и говорю ему полусерьезно, полушутя, смѣясь, что вотъ-де такъ и такъ я сосланъ де изъ Читы въ Казань, а меня здѣсь не принимаютъ и въ Москву не пускаютъ. Надо прибавить къ этому, что я былъ въ костюмѣ, который мы всѣ привыкли носить въ Сибири, нѣчто въ родѣ казачьяго сюртука или казакина. Тимашевъ, озадаченный всѣмъ этимъ, отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы помѣшанному человѣку: «Помилуйте, М. Г., что вы это говорите? Можно изъ Казани въ Читу сослать, а не наоборотъ.» „*Mon général,*“ сказалъ я, „*je ne suis pas pourtant un fantôme, mais, comme vous voyez, un homme de chair et d'os et ma seule présence ici vous prouve que tout est encore possible chez nous en Russie.*“ Тимашевъ еще болѣе смутился. «Да позвольте же наконецъ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?» Я назвалъ себя. Тогда онъ развелъ руками и сказалъ: «Ну батюшка, задали же вы намъ работу, 3-му отдѣленію.» — Я отвѣчалъ ему, смѣясь, что я въ томъ не виноватъ, что я вовсе не просилъ ихъ, чтобы они такъ обо мнѣ заботились. Тимашевъ сознался, впрочемъ, что ему совершенно неизвѣстны распоряженія относительно меня и просилъ побывать часа два спустя, пока онъ соберетъ справки. Оказалось, что я дѣйствительно былъ сначала назначенъ въ Казань, но что послѣ была бумага отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы по прибытіи мо-

емъ въ Казань предложить мнѣ на выборъ для жительства одинъ изъ внутреннихъ городовъ имперіи. Я сказалъ Тимашеву, что мнѣ нечего дѣлать выбора, потому что я получилъ уже телеграмму, разрѣшающую мнѣ пребываніе въ Москвѣ. Опять понадобилась справка о телеграммѣ и пришлось ждать до завтра.

Прихожу на другой день; предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи мнѣ ѣхать въ Москву не нашлось. Я показываю полученную мною телеграмму. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что они не могутъ положиться на частный документъ. «Ну, въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «дѣло очень просто: или я, или вы пошлемъ телеграмму къ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ ожиданіи отвѣта я подожду въ Казани.» — «На это я никакъ не могу согласиться.» — «Это почему?» — «Потому что пребываніе ваше въ Казани опасно.» — «Позвольте спросить, въ какомъ отношеніи?» — «Здѣсь была студенческая исторія, и не велѣно никого присылать сюда на жительство.» — «Такъ какъ вы сами разбираете студенческую исторію, то очень хорошо знаете, что она не имѣетъ ничего общаго со мною.» — «Это такъ, но кромѣ того есть еще важныя причины.» — «Да, какія же, смѣю спросить?» — «Помилуйте,весь городъ волнуется, такое впечатлѣніе произвелъ вашъ пріѣздъ. Куда ни пріѣдешь, въ частный-ли домъ, въ клубъ-ли, только и рѣчи, что про васъ.» — «Вольно же дѣлать такія распоряженія,» сказалъ я, смѣясь, «которыя производятъ такое впечатлѣніе.» — «Ну, какой же городъ вы выбрали?» — «Никакого; или ѣду въ Москву или остаюсь въ Казани, потому что только въ этихъ двухъ городахъ есть для меня основанія, чтобы проживать въ нихъ.» — «Ни то, ни другое невозмож-

но. Выберите, пожалуйста, другой городъ. Вѣдь я это говорю для вашей же пользы; а не то министръ внутреннихъ дѣлъ запрячетъ васъ въ Архангельскъ.» — «Я не знаю, что можетъ у васъ дѣлать министръ внутреннихъ дѣлъ, и можетъ-ли онъ поступать вопреки Высочайшему повелѣнію, гдѣ именно сказано, чтобы назначить одинъ изъ внутреннихъ городовъ; да кромѣ того послѣдующимъ повелѣніемъ мнѣ разрѣшено уже ѣхать въ Москву. Телеграмма, полученная мною, не можетъ быть ошибочна. Поэтому я прямо объявляю, что до разрѣшенія недоумѣнія о ней никуда изъ Казани добровольно не выѣду, кромѣ какъ въ Москву, а въ случаѣ насилія буду протестовать.» Затѣмъ я раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ въ этотъ же день пріѣхалъ новый губернаторъ Нарышкинъ (племянникъ моего товарища), а Тимашевъ выѣхалъ въ Пермь. Прихожу къ Нарышкину, онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Александръ Егоровичъ передалъ мнѣ, что вы очень несговорчивы, что онъ желалъ все сдѣлать къ лучшему для васъ, потому что дѣйствительно желаетъ вамъ добра, да вы ни на что не соглашаетесь.» — Въ отвѣтъ на это я въ свою очередь спросилъ его, не скрывая своего неудовольствія: «А развѣ вамъ кто-нибудь говорилъ, что я добиваюсь добраго мнѣнія о себѣ и расположенія Ал. Ег.? Мнѣ кажется, что дѣло, о которомъ шла рѣчь, не должно зависѣть отъ того, какого мнѣнія онъ обо мнѣ, и какъ расположенъ онъ къ кому, и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ?» — «Нѣтъ право, будемъ говорить по дружески,» сказалъ онъ мнѣ съ заискивающимъ видомъ: «мнѣ больно будетъ, если выйдетъ какое нибудь недоразумѣніе между мною и другомъ моего дяди. Сообразимъ

вмѣстѣ, какъ бы лучше устроить дѣло. Нельзя ли вамъ выбрать, напримѣръ, какой нибудь другой городъ по направленію къ Москвѣ, а оттуда вы спишетесь съ министромъ.» — «Вотъ это дѣло,» сказалъ я, «я выбираю послѣдній городокъ по желѣзной дорогѣ къ Москвѣ.» — «Да и въ Московскую губернію нельзя.» — «Ну такъ въ Калугу, я по крайней мѣрѣ проѣду чрезъ Москву.» — «И туда нельзя.» — «Это отчего? Тамъ вѣдь мои товарищи, кн. Оболенскій, Батеньковъ, Свистуновъ.» — «Могу васъ увѣрить, что Свистунова уже тамъ нѣтъ.» — Это онъ сказалъ такимъ тономъ, какъ будто бы Свистунову нельзя было остаться тамъ по политическимъ причинамъ, тогда какъ Свистуновъ выѣхалъ оттуда, какъ я узналъ послѣ, единственно потому, что вышелъ въ отставку. Не зная, впрочемъ, что дѣлать въ это время и какія были относительно всѣхъ насъ правительственныя распоряженія, но соображая, что все уже возможно было въ это время, такъ какъ началась реакція, и видя примѣръ произвола на себѣ, я не счелъ приличнымъ вдаваться ни въ споры, ни въ поясненія съ Нарышкинымъ, а прервалъ всякіе переговоры и объявилъ ему начисто, что я не ѣду, а пусть они дѣлаютъ, что хотятъ. Я прожилъ цѣлую недѣлю въ Казани, посѣщая не только родныхъ и знакомыхъ, которыхъ у меня въ Казани множество, но и общественныя собранія, возбуждая вездѣ своимъ появленіемъ живѣйшее вниманіе и непритворную радость, выражая своимъ открытымъ дѣйствіемъ живое олицетвореніе протеста противъ произвола, потому что, несмотря на все, что ни говорили Тимашевъ и Нарышкинъ, никто изъ нихъ не смѣлъ меня тревожить, что и производило особенное впечатлѣніе въ томъ какъ бы осадномъ положеніи, въ ка-

комъ находилась Казань по случаю дѣйствій слѣдственной коммиссіи. Между тѣмъ телеграфъ дѣйствовалъ, и такъ какъ Государь находился въ то время въ Крыму, то телеграмма, отправленная къ министру внутреннихъ дѣлъ, пошла въ Крымъ, оттуда обратно въ Петербургъ и снова изъ Петербурга въ Казань. Наконецъ, однажды вечеромъ, когда я собрался было ѣхать къ брату покойной мачихи, Павлу Львовичу Толстому, и садился уже въ экипажъ, я получилъ записку отъ полицмейстера, который просилъ меня пожаловать къ нему. Я догадался, что дѣло шло о полученіи мнѣ разрѣшенія ѣхать въ Москву, и поэтому прямо отправился къ полицмейстеру. Вхожу и вижу, что стоятъ два жандарма, одинъ унтеръ-офицеръ, а другой рядовой. «Я получилъ,» говоритъ мнѣ полицмейстеръ, «приказаніе немедленно отправить васъ въ Петербургъ съ двумя жандармами, которымъ ужъ и сдалъ васъ; вотъ частный приставъ, онъ проводитъ васъ.» — «Очень сожалѣю,» отвѣчалъ я, полусмѣясь, «что не могу выполнить ни одного изъ вашихъ милыхъ распоряженій.» — «М. Г.,» возразилъ онъ, «я исполняю только свою обязанность.» — «М. Г.,» отвѣчалъ я, «первая обязанность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы хорошенько знать, въ чемъ заключается его обязанность. Во-первыхъ, мнѣ нѣтъ никакой надобности въ вашемъ частномъ приставѣ.» — «Онъ поможетъ вамъ уложиться.» — «У меня уложатъ все мои люди.» — «Можетъ быть, нужно что нибудь уладить съ хозяевами квартиры?» — «Никакихъ затрудненій тутъ быть не можетъ и улаживать нечего, потому что я стою въ домѣ своего родственника. Во-вторыхъ, немедленно выѣзжать я не намѣренъ, потому что дорога предоставлена въ мое распоряженіе, а я по но-

чамъ не ѣзжу. Въ третьихъ, позвольте-ка мнѣ посмотрѣть бумагу; полно, въ Петербургъ-ли велѣно меня отправить?» — Полицмейстеръ схватился за бумагу и, взглянувъ на нее, сказалъ: «Ахъ, извините: въ Москву.» — «Ну вотъ, видите-ли, *cela change la thèse*. Я и въ Петербургъ бы ѣхать не прочь, но въ Москву ѣду по своему желанію. Теперь вижу изъ этого, что намъ съ вами не столковаться, и что мы только будемъ тратить время попустому. Такъ какъ вы сказали, что ужъ сдали меня жандармскому начальству, то не угодно-ли будетъ отправиться со мною къ жандармскому начальнику. — Кто у васъ здѣсь главный начальникъ?» спросилъ я, обращаясь къ жандармамъ. — «Полковникъ Ларіоновъ,» отвѣчали они. «Проводите меня къ нему,» сказалъ я, и пошелъ, не обращая вниманія на полицмейстера, который страшно переконфузился и, совершенно растерянный, послѣдовалъ за мною, бормоча какія-то извиненія. Ларіоновъ, прочитавши бумагу и выслушавши мое объясненіе, сказалъ полицмейстеру: «Какъ вамъ не стыдно. Вы кажется и читать-то не умѣете. Гдѣ вы нашли, что немедленно отправить? Развѣ вы не видите изъ бумаги, что Д. И. не арестантъ какой, и что жандармы назначаются единственно для сопровожденія и охраненія его,*) по его же собственной просьбѣ; вамъ же предписано только объ отправленіи его донести немедленно, а вовсе никто и не думалъ давать вамъ право отправлять его немедленно.» — Такимъ образомъ полицмейстеръ отправился со стыдомъ во-свояси, а я, какъ и намѣревался, по-

*) Это была уловка на основаніи того, что когда насъ спрашивали, что намъ нужно для возвращенія въ Россію, то многіе, въ томъ числѣ и я, требовали казака, какъ для безопасности, такъ и потому, что нельзя было найти прислуги.

ѣхалъ къ Толстому на вечеръ, а на другой день послѣ завтрака выѣхалъ сухимъ путемъ въ Нижній Новгородъ, такъ какъ и изъ Казани уже пароходы прекратили свое плаваніе, пока я дожидался въ Казани рѣшенія.

Между тѣмъ подорожная была написана чрезвычайно замысловато. Ясно было, что всѣ хитрили, но хитрили однако самымъ забавнымъ и неловкимъ образомъ. Такъ напр. въ подорожной было сказано, что она дана такимъ-то унтеръ-офицеру и рядовому жандармамъ «для сопровожденія и охраненія извѣстнаго лица.» — И вотъ мои жандармы, у которыхъ, какъ и у многихъ людей, инстинктивная сметка, какимъ образомъ изо всего можно извлечь себѣ выгоду, составляетъ какъ бы шестое чувство организма, сейчасъ сообразили, какую пользу могутъ они извлечь для удобства дороги изъ этой неопредѣленности. Съ первой же станціи я былъ уже «его превосходительство», далѣе «его сіятельство», а наконецъ «его свѣтлость»; съ такими титулами, хоть и безъименному лицу, мнѣ подавали и счеты въ трактирахъ.*) — Ниже увидимъ, къ какимъ забавнымъ мистификаціямъ подавало поводъ мое «инкогнито». Жандармы были отъ меня въ восхищеніи и были неистощимы въ разсказахъ о моей добротѣ и щедрости. Я сажалъ ихъ съ собой за одинъ столъ, и они цѣнили не только то, что кормовыя деньги сохранялись у нихъ, но и мою привѣтливость. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о сужденіяхъ жандармовъ и объ ихъ отношеніяхъ вообще къ препровождаемымъ. «Вѣдь вотъ, Ваше Сіятельство (они и сами меня всегда такъ называли),»

*) Напр. «Его Свѣтлости Н. Н.»; нѣкоторые изъ этихъ счетовъ долго у меня хранились и были показаны многимъ.

говорили они мнѣ, «мы съ товарищемъ все благодаримъ Бога, что хоть васъ послалъ Онъ намъ горемычнымъ. Вѣдь намъ, казанскимъ жандармамъ, ничего не достается отъ провоза секретныхъ, а вотъ московскіе, да пермскіе, тѣ богатѣютъ; отъ того, что такой порядокъ: отъ Москвы везутъ одни прямо до Перми, а въ Перми смѣняются и пермскіе везутъ до Тобольска.»

У поляковъ прислуживали не только рядовые жандармы, но даже и офицеры. Разъ на станціи вижу офицера, который подаетъ умываться препровождаемому поляку. «Что это,» сказалъ я, смѣясь, «въ прислугу что-ли поступили?» — Но онъ отвѣчалъ мнѣ очень наивно: «Еще бы не послужить. Что намъ казна даетъ? А вотъ ихъ милостъ пожаловали теплый тулупчикъ, да деньгами ужъ рублей 20 передавали.»

Теперь разскажу о нѣкоторыхъ наиболѣе забавныхъ мистификаціяхъ. Я обыкновенно выѣзжалъ въ 6 часовъ утра; а на ночлегъ останавливался около 10 часовъ вечера. Пріѣзжаю на одну станцію, гдѣ я расположился ночевать, и вижу — весь дворъ уставленъ повозками. Провозили разомъ много поляковъ и при нихъ столько же жандармовъ при двухъ офицерахъ. Вхожу въ переднюю комнату, меня встрѣчаетъ какой-то человѣкъ въ дубленомъ полушубкѣ и говоритъ: «Не угодно-ли ѣхать дальше: здѣсь станція занята.» — Я, не отвѣчая ему, иду въ комнату налѣво. «Позвольте, сюда нельзя,» сказалъ онъ, «здѣсь политическіе преступники.» — Я вхожу въ комнату направо, онъ за мною и говоритъ: «А здѣсь нельзя отъ того, что я уже занялъ эту комнату.» — Вижу — комната большая, и на одномъ диванѣ лежитъ подушка и шинель, другой диванъ порожній. Я, не отвѣчая

ни слова и не глядя на говорившаго, говорю своимъ жандармамъ: «Вносите сюда мои вещи и прикажите, чтобы къ 6 часамъ утра лошади были готовы.» — Услышавъ это, полушубокъ схватилъ подушку и шинель, юркнулъ въ дверь, ведущую въ сѣни, и спрашиваетъ моихъ жандармовъ: «Кто это?» — Они отвѣчаютъ ему, что генералъ и князь, должно быть очень важная особа, но фамилію даже имъ запрещено спрашивать. Чрезъ нѣсколько минутъ полушубокъ является въ полной офицерской формѣ и рапортуетъ о благополучномъ слѣдованіи партіи.

Въ Нижнемъ Новгородѣ я остановился на сутки единственно для того, чтобы предпуредить телеграммою сестру и повидаться съ моимъ товарищемъ Анненковымъ. Впрочемъ, я успѣлъ всетаки осмотрѣть и тутъ одинъ частный женскій пансіонъ.

IX.

17-го октября въѣхалъ я въ Москву послѣ 37 лѣтняго отсутствія. Это было очень рано утромъ. Сестра выѣхала мнѣ навстрѣчу. Едва я успѣлъ съ нею поздороваться, какъ она торопливо толкнула меня въ объятія какой-то другой особы, которой присутствія я даже сначала и не замѣтилъ. Я подумалъ было, что это вѣрно одна изъ нашихъ племянницъ, но оказалось, что это была ея воспитанница, дѣвушка 18 лѣтъ, которую она взяла встрѣчать меня, отказавъ въ томъ и кузинамъ нашимъ и племянницамъ, несмотря на убѣдительныя ихъ просьбы, и даже не сказала имъ о днѣ моего пріѣзда, чтобы онѣ не могли выѣхать сами по себѣ ко мнѣ навстрѣчу. Не имѣвши никакихъ положи-

тельныхъ свѣдѣній ни о чемъ происходившемъ во время моего отсутствія, я не могъ понять ничего изъ того, что вокругъ меня происходило; и только послѣ отъ своей кузины узналъ, что сестра боялась, чтобы онѣ меня не предупредили насчетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ отсутствіе этихъ лицъ произвело на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Пріѣздъ мой въ Москву тоже не обошелся безъ мистификаціи. Я полагалъ, что мнѣ вовсе не было надобности ѣздить къ какимъ нибудь начальствамъ, а что достаточно отвести бумаги въ канцелярію генералъ-губернатора. Поэтому я отправился въ той же каретѣ, которая привезла меня съ желѣзной дороги, и велѣлъ одному жандарму сѣсть на козлы, а другому стать на запятки. Кучеръ не разслышалъ приказанія и привезъ прямо къ подъѣзду самого ген.-губ., откуда я уже, замѣтивъ его ошибку, велѣлъ поворотить въ канцелярію. Этотъ странный поѣздъ кареты съ жандармами обращалъ общее вниманіе. Всѣ останавливались на улицахъ, и такъ какъ польское дѣло было въ полномъ разгарѣ, и такъ называемый *Rząd Narodowy* не былъ еще захваченъ, то и разнесся по городу слухъ, что, наконецъ, его поймали, и многіе мнѣ же лично разсказывали потомъ, что видѣли сами, какъ везли его въ каретѣ съ двумя жандармами.

На другой день сестра отслужила семь молебновъ и представила мнѣ длинный списокъ лицъ, у которыхъ будто бы слѣдовало побывать. Я очень сократилъ его и тѣмъ болѣе, что надобно было сдѣлать нѣсколько визитовъ и по отношенію къ общественной дѣятельности, такъ какъ все, что относилось исключительно къ родству и прежнему зна-

комству, очень мало занимало меня. По образу того, что я въ одни только сутки видѣлъ и слышалъ у сестры въ домѣ, ясно было, что я не буду въ состояніи сочувствовать ничему уже въ этомъ кругу. Конечно, свѣтская учтивость и семейныя отношенія дѣлали необходимыми нѣкоторые визиты, и вотъ я поѣхалъ къ сестрѣ покойной мачихи, Екат. Льв. Тютчевой, у которой воспитывалась и сестра моя. Тамъ, разумѣется, надо было зайти и къ Сушковымъ, съ которыми Е. Л. жила вмѣстѣ. Сушковъ женатъ былъ на ея дочери, Дарьѣ Ивановнѣ, и у нихъ жила ихъ племянница, Екатерина Θед. Тютчева, дочь извѣстнаго поэта. Сушковъ отнесся ко мнѣ очень льстиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ разыгрывать роль какого-то руководителя, почему мнѣ и пришлось осадить его при первомъ же свиданіи. «Вотъ я познакомлю васъ съ Павловымъ; вы можете заработать у него не одну тысячу, а онъ очень будетъ радъ такому сотруднику.» — «Съ какимъ это Павловымъ,» спросилъ я, «не съ тѣмъ-ли, что держитъ любовницу при живой женѣ, которую оскробляетъ? Не надо мнѣ его тысячей, я и знакомиться съ нимъ не хочу.» — «Ну, вотъ вы какъ тамъ привыкли строго смотрѣть на все въ Сибири. Да кто-же есть здѣсь «порядочный» человѣкъ, который не имѣлъ бы своего маленькаго домика, чтобы держать любимицу?» — И это говорилъ другъ Филарета, ревнитель православія (какъ отвлеченнаго ученія, разумѣется, и политическаго орудія). Ну, подумалъ я, тутъ уже мнѣ дѣлать нечего: если порядочные люди у васъ таковы, то каковы же должны быть «не порядочные?» — «Ну такъ я познакомлю васъ съ Катковымъ.» — «Покорно васъ благодарю. Я привыкъ вступать въ сношенія съ людьми прямо, если

нужно, а не чрезъ посредство другихъ.» — Тоже самое пришлось мнѣ отвѣчать и кн. Лизаветѣ Петровнѣ Долгоруковой. Она настойчиво желала познакомиться со мною. Я не могъ отказать ей въ посѣщеніи, такъ какъ она была родная племянница товарища моего по дѣлу, Василья Львовича Давыдова, умершаго въ Сибири, въ Красноярскѣ. Она тоже навязывалась познакомить меня съ Катковымъ, бывшимъ тогда въ славѣ; но я ей далъ такой же отвѣтъ, какъ и Сушкову. Я отыскалъ сына моего товарища Трубецкаго, сдѣлалъ визитъ сенатору Ребиндеру, женатому на его дочери, посѣтилъ сестеръ Бестужева, дочь Анненкова, Теплову, и вдовъ нашихъ товарищей, Нарышкину и Пущину, но не хотѣлъ и видѣть Свистунова, который такъ недостойно велъ себя въ казематѣ, а потомъ вздумалъ разыгрывать роль либерала на чужой счетъ. Онъ горько жаловался, что я не хочу быть съ нимъ «даже и знакомымъ».

Между тѣмъ рѣзкое различіе моего наружнаго вида съ тѣмъ, въ какомъ привыкли видѣть моихъ товарищей, возвратившихся изъ Сибири, подавало поводъ къ забавнымъ *qui-pro-quo*. Мнѣ вообще давали, кто 37, кто даже 35 лѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не болѣе 40. У Аксакова на вечерѣ вызвали разъ, шутя, всѣхъ 40 лѣтнихъ, и всѣ на видъ оказались старше меня. У сестры моей былъ и годовой докторъ и консультантъ. И вотъ этотъ консультантъ, извѣстный Пфель, пріѣзжаетъ знакомиться со мною. Я ходилъ по залѣ; онъ раскланялся со мною и прошелъ въ гостиную; я пошелъ вслѣдъ за нимъ. Зашелъ разговоръ о скверной тогда погодѣ. Наконецъ вижу, что онъ что-то все поглядываетъ на запертую дверь кабинета (ему человѣкъ, не зная, что я вышелъ въ залу, сказалъ,

что я въ кабинетѣ), то на часы, и затѣмъ спрашиваетъ меня: «А что позвольте спросить, скоро Д. И. выйдетъ?» — Я отвѣчалъ ему, что я самъ и есть Д. И. Онъ вскочилъ: «Да что же это, батюшка, вы 14 декабря развѣ новорожденнымъ были? Развѣ ползали только? Или на васъ парикъ и вставные зубы у васъ?» — Я позволилъ ему освидѣтельствовать, что и волоса и зубы у меня не заимствованные. «Ну въ жизнь свою ничего подобнаго не видалъ. Ни одного сѣдого волоса, всѣ зубы цѣлы. И это послѣ всѣхъ приключеній по крѣпостямъ, казематамъ, въ Сибири, — ну право бы не повѣрилъ, если бы кто разсказывалъ, а не самъ лично убѣдился.»

Само собою разумѣется, что, прибывъ въ Москву, хоть и на невольное жительство, я вовсе не думалъ отрекаться отъ общественной дѣятельности, на которую посвятилъ всю свою жизнь, и не думалъ жить праздно или только для личныхъ цѣлей; но прежде всего необходимо было выяснить свое положеніе и осмотрѣться, чтобы знать, что я могу дѣлать соотвѣтственно тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ буду находиться съ правительствомъ, и что долженъ буду дѣлать сообразно съ тѣмъ положеніемъ и тѣмъ настроеніемъ, въ какихъ найду общество. Нечего и говорить, что ни въ основныхъ началахъ, ни въ нравственныхъ цѣляхъ мнѣ нечего было ни измѣнять той общей программы, которую легко прослѣдить чрезъ всю мою жизнь, какъ путеводную нить, ни составлять новой, а что дѣло шло только о практическихъ приложеніяхъ и объ умѣстности тѣхъ или другихъ видовъ дѣйствія. Образованіе, какъ источникъ разумныхъ учрежденій и залогъ прочности ихъ, и благотворительность не только какъ христіански-нравственная обязанность,

но и какъ общественная справедливость, изглаживающая недостатки человѣческихъ учрежденій и тѣ вредныя послѣдствія ихъ, которыя причиняютъ незаслуженную гибель и страданія, — должны были, какъ и всегда, быть главными моими стремленіями и цѣлями.

Я началъ съ того, что для выясненія своего положенія относительно правительства, я немедленно по прибытіи въ Москву написалъ, по отношенію къ прошедшему, что я требую быть представленнымъ предъ судъ, хотя бы снова предъ Верховный уголовный, потому что не только не признаю себя виновнымъ, но имѣю всѣ средства доказать несомнѣнность моихъ заслугъ и намѣренъ потребовать предъ тотъ судъ всѣхъ тѣхъ, которые клеветою и ложными извѣтами побудили правительство къ нарушенію справедливости относительно меня, а что касается до будущаго, то напередъ объявляю,*) что только одна физическая невозможность можетъ воспрепятствовать мнѣ продолжать и словомъ и дѣломъ мою общественную дѣятельность, потому что я считаю ее не только неотъемлемымъ своимъ правомъ, но и священною своею обязанностію.

На это отвѣчали мнѣ, что судить меня не за что, что противъ меня нѣтъ никакого обвиненія, но что Государю угодно, чтобы я жилъ въ Москвѣ,**) а на Высочайшую волю нѣтъ апелляціи;

*) Qu'ils se tiennent pour avertis d'avance qu'a moins que je ne suis enfermé quelque part, etc. Письмо къ кн. В. А. Долгорукову.

**) Нѣкоторые изъ государственныхъ лицъ, съ которыми я видѣлся потомъ въ Москвѣ, на упрекъ мой объ оказанной мнѣ несправедливости, отвѣчали почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что неужели я ихъ принимаю за такихъ дураковъ, чтобы они не понимали, что я былъ вполнѣ справедливъ, и что вѣдь надобно было бы перевернуть вверхъ дномъ всю государственную систему, чтобы смѣнить генералъ-губернатора предъ частнымъ лицомъ, да еще и «декабристомъ».

что же касается до моей общественной дѣятельности, то, такъ какъ мнѣ возвращены права высшаго сословія въ государствѣ, то никакая дѣятельность не заграждена для меня въ законномъ кругу. Относительно же положенія общества, личныя наблюденія не открыли мнѣ ничего, что не было бы давно уже для меня ясно и въ Читѣ изъ чтенія, размышленія и наблюденія надъ лицами, пріѣзжавшими изъ Россіи. Я нашелъ, что если въ умственной сферѣ спеціальности подвинулись, зато общія идеи помутились, характеры измельчали, и оказывалось гораздо менѣе искренности, потому что никогда прежде не было такого разлада, такого противорѣчія между словомъ и дѣломъ.

Чтобы судить о состояніи общества, нельзя дѣлать заключеній по однимъ только мнѣніямъ и дѣйствіямъ дурныхъ людей. Гораздо вѣрнѣе раскрывается это состояніе, если знаешь идеалы общества, если судишь по тѣмъ мнѣніямъ, которыя открыто выражаютъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя позволяютъ себѣ тѣ люди, которыхъ считаютъ хорошими въ общемъ мнѣніи, а, пожалуй, даже и лучшими. Поэтому-то путаница понятій нигдѣ такъ не поражаетъ, какъ у подобныхъ людей, и нигдѣ нельзя лучше наблюдать ее. Я выше сказалъ, что я въ первыя-же сутки моего пребыванія въ Москвѣ въ домѣ сестры моей и увидѣлъ и услышалъ многое, что показало мнѣ образецъ того, какъ далеко, до крайней противоположности, разошлись наши идеи и чувства.

Приведу здѣсь одинъ только примѣръ: разсказывая мнѣ о разныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ нашемъ родствѣ, и говоря объ одномъ господинѣ, женившемся на нашей кузинѣ, сестра, превознося его до-нельзя, въ доказательство, какой

онъ славный человѣкъ и какъ любитъ свою жену, привела слѣдующее: «Если ему напримѣръ случается впадать въ тѣ небольшія слабости *(commettre un de ces petits pechés)*, которыя такъ свойственны даже и женатымъ людямъ, то онъ со слезами на глазахъ на колѣняхъ проситъ у ней прощенія.» — «Такъ вотъ какъ у насъ,» сказалъ я. «А у тѣхъ несчастныхъ, кого онъ погубилъ для удовлетворенія своихъ «небольшихъ слабостей», онъ не проситъ на колѣняхъ прощенія, не плачетъ о ихъ гибели? Вотъ это вамъ такъ нипочемъ. А вы еще упрекаете Петербургъ въ нечестіи да въ невѣріи. Человѣкъ погубилъ несчастную, да и думаетъ: съ ней поквитаюсь деньгами, а съ Богомъ — молебномъ, либо неугасаемою лампадкою. Но въ томъ-то и дѣло, что Петербургъ не вѣритъ — худо дѣлаетъ; а Москва дѣлаетъ еще хуже: она вѣритъ, да хочетъ и самого Бога или обмануть или подкупить.» *)

И такъ, имѣя противъ себя враждебное предубѣжденіе правительства, находясь въ радикальномъ несогласіи съ привычками, мнѣніями, чувствами, образомъ дѣйствій господствующей сферы въ обществѣ, — вотъ въ какомъ положеніи и въ какихъ условіяхъ я долженъ былъ приступить къ общественной дѣятельности въ Москвѣ. Оставалось только изслѣдовать предварительно тѣ круги, которые, изъявляя притязаніе на преобразованіе общества, выдѣлялись тѣмъ самымъ изъ него, какъ бы признавали неудовлетворительность его состоянія и стремились быть его руководителями къ лучшему. Съ этого я началъ.

*) Въ этомъ кругу въ обычаѣ всѣ вины въ упадкѣ нравственности сваливать на Петербургъ.

СПИСОКЪ

статей Д. И. ЗАВАЛИШИНА, которыя могутъ служить дополненіемъ къ „Запискамъ Декабриста“:

1. Воспоминанія о Калифорніи, Русскій Вѣстникъ 1856 г., кн. 11.
2. По поводу статей объ Амурѣ, Морской Сборникъ 1858 г., кн. 11; 1859 г., кн. 5, 6, 7.
3. Новѣйшія извѣстія о торговлѣ на Амурѣ и замѣчанія о дѣйствіяхъ Амурской компаніи, Вѣстникъ Промышленности 1859 г., кн. 12.
4. Дѣло о колоніи Россъ, Русскій Вѣстникъ 1866 г., кн. 3.
5. Воспоминанія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ 1816—1822 г., Русскій Вѣстникъ 1873 г., кн. 6.
6. Походъ гардемариновъ въ Швецію и Данію, Русскій Вѣстникъ 1874 г., кн. 7.
7. Кругосвѣтное плаваніе фрегата «Крейсеръ» въ 1822—1825 гг., Древняя и Новая Россія 1877 г., кн. 5—7, 10—11.
8. Адмиралъ С. П. Хрущовъ, В. К. Кюхельбекеръ и С. П. Шиповъ, Древняя и Новая Россія 1878 г., кн. 1 и 2.

9. Сухоруковъ и Корниловичъ, Древняя и Новая Россія 1878 г., кн. 6.
10. Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, Древняя и Новая Россія 1879 г., кн. 4.
11. Петербургскія легенды и событія 1825 г., Древняя и Новая Россія 1879 г., кн. 11.
12. Замѣчанія о рукописной литературѣ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, Историческій Вѣстникъ 1880 г., кн. 1.
13. Декабристъ М. Лунинъ, Истор. Вѣстникъ 1880 г., кн. 1.
14. Воспоминанія о графѣ А. И. Остерманѣ-Толстомъ, Истор. Вѣстникъ 1880 г., кн. 5.
15. Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, Русск. Старина 1881 г., кн. 10.
16. Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь, Русская Старина 1881 г., кн. 7 и9.
17. Вселенскій орденъ Возстановленія и отношенія мои къ Сѣверному тайному обществу, Русская Старина 1882 г., кн. 1.
18. Декабристы, Русскій Вѣстникъ 1884 г., кн. 2.

VERLAG SLAVISCHER und NORDISCHER LITERATUR
Dr. J. MARCHLEWSKI & Co.,
MÜNCHEN, FRANZ JOSEF-STRASSE 36.

ИЗДАНІЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

М. Горькій, На днѣ жизни. . . . . М. 1.50
(Распродано.)

Кромѣ того, фирмой предпринята подъ общимъ заглавіемъ

„НОВОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУЫ“

серія, въ которой издаются послѣднія произведенія новѣйшихъ русскихъ писателей, между прочимъ: Л. Андреева, В. Вересаева, М. Горькаго, С. Юшкевича, Е. Чирикова и др. Всѣ эти изданія печатаются фирмою съ манускриптовъ, присылаемыхъ непосредственно названными авторами и выходятъ въ свѣтъ заграницей до появленія ихъ въ Россіи.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

Л. Андреевъ, Жизнь Василія Ѳивейскаго М. 1.—
В. Вересаевъ, Честнымъ путемъ . . . . „ 1.—
М. Горькій, Человѣкъ . . . . . „ —.60
Е. Чириковъ, На порукахъ . . . . . „ 1.—
„ Евреи, драма въ 4 дѣйств. . „ 1.50
С. Юшкевичъ, Чужая . . . . . „ 1.—
„ Прологъ . . . . . „ 2.—
„ Евреи . . . . . „ 2.—
Н. Гаринъ, Корейскія сказки . . . . . „ 2.—

Наши изданія можно получить чрезъ посредство всѣхъ книжныхъ магазиновъ заграницей или непосредственно отъ издательства.